

1095
Я666

АКАДЕМИЯ ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.А.ЯНЧУК

**МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОД
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ И ПЕРСОНОЛОГИИ:
ИНТЕГРАТИВНО-ЭКЛЕКТИЧЕСКИЙ
ПОДХОД**

Монография

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР
БЕЛОРУССКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

160 04.87

Фундаментальная библиотека

БГУ

00144326

МИНСК
БЕСТПРИНТ
2000

УДК 316.6
ББК 88.5
Я66

Рецензенты: доктор психологических наук В.И. Секун
доктор психологических наук И.А. Фурманов

Янчук В.А.

Я66 Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход: Монография. — Мн.: Бестпринт, 2000. — 416 с.

ISBN 985-6227-90-9.

Монография, в рамках которой представлен сопоставительный анализ оснований различных парадигм, психологических традиций, сложившихся в современной социальной психологии и персонологии. Анализируется проблема методологических оснований существующего многообразия психологического знания, определяются его парадигмальные координаты. Рассматриваются концептуально-критериальные основания научности психологической теории. Дается обзор используемых в психологическом исследовании количественных и качественных методов, сопровождаемый предложением перспективных решений. Обсуждается проблема метода. Дискутируется проблема роли личности в психологическом исследовании и интерпретации его результатов.

Предназначена для исследователей, занимающихся проблематикой методологии, теории и метода в социальных науках, профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов, заинтересованных в получении современных психологических представлений.

Монография издана при финансовой поддержке Белорусского Республиканского Фонда фундаментальных исследований.

ISBN 985-6227-90-9

УДК 316.6
ББК 88.5

© Янчук В.А. 2000
© Бестпринт, 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. АКТУАЛЬНОЕ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОГО АСПЕКТА ПЕРСОНОЛОГИИ	14
2 1.1. Проблема соотношения психологического научного факта и феноменальности реального социального бытия личности и ее окружения	14
7 1.2. Онтолого-эпистемологические основания психологического многообразия	24
✓ 1.3. Проблема метатеоретических метафор и перспектив развития психологического знания	38
Выводы по главе 1	51
ГЛАВА 2. ИНТЕГРАТИВНО-ЭКЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ВОЗМОЖНОСТИ	52
2.1. Интегративно-эклектический подход – понятие, рамки, возможности	52
2.2. Философско-методологические основания интегративной эклектики	62
2.3. Психологические основания интегративной эклектики	77
Выводы по главе 2	92
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ НАУЧНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И СПОСОБОВ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ	94
63 3.1. Оценочно-критериальное поле научности психологической теории	94
3.2. Соотношение эксплицитно и имплицитно- структурированного теоретизирования в психологическом знании	105
3.2.1. Проверка научности в эксплицитно и имплицитно структурированном теоретизировании	117
3.3. Оценочные критерии соотнесения психологических теорий в условиях диатропичности парадигмальных координат	123
Выводы по главе 3	138
ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМА ПАРАДИГМАЛЬНЫХ КООРДИНАТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	139

4.1. Концептуально-критериальное поле парадигмальных координат психологического знания: особенности, типы тенденции развития	139
4.2. Своеобразие психологических парадигм	149
Когнитивная парадигма	149
Социально-когнитивно-наученческая парадигма	159
Психодинамическая парадигма	167
Экзистенциально-феноменологическая парадигма	179
Конструктивистская парадигма	191
4.3. Сравнительный анализ парадигмального многообразия в современной социальной психологии и персонологии	202
4.4. Интегративно-эклектические ориентиры полилинейного парадигмального поля психологического знания и межпарадигмального диалога	212
Выводы по главе 4	222
ГЛАВА 5. ПРОБЛЕМА МЕТОДА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ	
5.1. Метод психологического исследования: переоценка ценностей	224
5.2. Своеобразие методов социально-психологических исследований	233
5.2.1. Эксперимент	236
5.2.2. Наблюдение	252
5.2.3. Контент-анализ	257
5.2.4. Метод опроса	259
5.2.5. Тестирование	265
5.2.6. Проективные методы	267
5.2.7. Методы шкалирования	270
5.2.8. Социометрический метод	274
5.2.9. Репертуарные решетки	277
5.2.10. Сравнительные исследования	279
5.2.11. Метод в кросс-культурных исследованиях	282
5.2.12. Дискурсный анализ	286
5.2.13. Феноменологическое интервью	293
5.3. Соотношение количественных и качественных методов в психологическом исследовании	296
5.4. Решения проблемы оптимального сочетания возможностей количественных и качественных методов	307

5.4.1. Многочертные-многометодные матрицы	308
5.4.2. Sensemaking	311
24 5.4.3. Подход с позиций обоснованной теории	316
5.5. Методологический подход интегративной эклетики путем триангуляции	321
Выводы по главе 5	332
ГЛАВА 6. ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ	334
6.1. Детерминанты авторской тенденциозности в исследовании и интерпретации его результатов	334
6.2. Интерпретационный фрейм повестки дня	343
69 6.3. Критическое рефлексивное позиционирование как способ снижения авторской тенденциозности	352
Выводы по главе 6	362
ЭПИЛОГ	363
Литература	365
Именной указатель	402

14 - 0.22. 14.01.2000
14 - 0.22. 14.01.2000

Время разбрасывать камни.
Время собирать камни.

Экклезиаст

Моему близким посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом вниманию заинтересованного читателя монографическом исследовании представлена авторская попытка анализа чрезвычайно сложной и, вместе с тем, актуальной проблемной области методологических оснований и парадигмальных координат современного психологического знания. Наряду с ними обсуждаются вопросы концептуально-критериальных оснований психологической теории и способов теоретизирования, методов исследования, а также роли личности в исследовании и интерпретации его результатов. Обозначенные вопросы рассматриваются в контексте представлений, сложившихся в современной мировой социальной психологии и персонологии на рубеже третьего тысячелетия.

Обращение к столь сложной и многоаспектной теме обусловлено стремлением автора провести своеобразную инвентаризацию огромного теоретического и эмпирического материала, накопленного за годы развития психологического знания, разобраться в сути дебатов, постоянно разворачивающихся как на страницах печатных изданий, так и в дискуссиях, имеющих место на различного рода и уровня международных конгрессах, конференциях и симпозиумах, участником которых мне довелось быть.

В широчайшем спектре обсуждаемых сегодня проблем присутствует целый ряд вопросов, без нахождения ответов на которые становится затруднительным дальнейшее развитие психологической науки и практики. Это и обсуждение места социальной психологии и персонологии в системе научного знания вообще — относятся ли они к естественным или социальным наукам. Это и попытки самоопределения по отношению к полю реальной жизненной феноменологии с ее неизбежной чувственной субъективностью. Это и обсуждение перспективности той или иной метасистемы парадигмальных координат. Это и дискуссии относительно преимуществ той или иной конкретной психологической парадигмы над другими, того или иного концептуально-критериального основания научности психологической теории и способа теоретизирования. Это и продолжающиеся дебаты по проблеме метода психологического исследования, воплощающиеся в обсуждение соотношения количественных (ориентированных на номотетику) и качественных (ориентированных на идиографию) методов.

Наконец, дебаты по вопросу роли личности самого исследователя в психологическом исследовании и интерпретации его результатов.

Стремление представить по возможности максимально широкую палитру современных воззрений на сформировавшееся проблемное поле и дискуссионных вопросов обусловило необходимость построения соответствующего методологического фундамента, т.к. именно в онтолого-эпистемологических основаниях в конечном итоге и коренится существующее многообразие парадигмальных и метатеоретических координат.

Изложение материала подчинено авторской логике, предполагающей необходимость первоначальной ориентировки в актуальном проблемном поле современной социальной психологии и персонологии в контексте обсуждения наиболее дискуссионных вопросов, вокруг которых уже не одно десятилетие продолжают неистощаемые дебаты. Рассмотрение этого проблемного поля сопровождается обсуждением вопросов соотношения психологического научного факта и феноменальности реального социального бытия личности и ее окружения. Определение в существующем психологическом многообразии предполагает тщательный анализ онтолого-эпистемологических оснований, наконец, метатеоретических метафор, выступающих в качестве оснований для исследовательских аналогий. Обсуждению этих вопросов и посвящена первая глава.

Во второй главе представлен разрабатываемый мною на протяжении ряда лет интегративно-эклети́ческий подход к анализу психологической феноменологии. Определяются рамки и возможности подхода, рассматриваются его философско-методологические и психологические основания.

В третьей главе обсуждается проблематика критериев научности психологической теории и способов теоретизирования. Особое внимание уделяется рассмотрению проблемы теории и теоретизирования как такового. Предлагаются оценочные критерии соотнесения психологических теорий в условиях диатропичности парадигмальных координат.

В четвертой главе рассматривается проблема парадигмальных координат психологического знания. Представлено подробное описание концептуально-критериального поля парадигмальных координат психологического знания. Дается характеристика основных психологических метапарадигм, парадигм и традиций, некоторые из которых весьма скупо отражены в русскоязычной психологической литературе. Сравнительный анализ парадигмального поля проводится на основе предложенных интегративно-эклети́ческих ориентиров, позволяющих производить детальный сопоставительный анализ различных парадигм, традиций, направлений, школ и подходов.

В пятой главе предлагается рассмотрение проблемы метода в психологическом исследовании. Этот анализ сопровождается характеристикой наиболее распространенных методов психологического исследования, сопровождаемый описанием их ограничений и возможностей. Многие из методов не известны отечественному читателю. Обсуждается проблема соотношения количественных и качественных методов в психологическом исследовании, возможные пути их комбинирования. Представляется методологический подход интегративной эклектики путем триангуляции, разработанный автором.

Шестая глава посвящена анализу проблемы роли личности в психологическом исследовании. На большом фактическом материале демонстрируется искажающее влияние личностного фактора, предлагаются пути и средства снижения его влияния.

В книге представлено много информации, впервые публикуемой на русском языке. вводятся новые понятия, описываются современные подходы и решения, анализируются перспективы развития психологического знания. Основной целью работы является оказание помощи в формировании современной психологической ментальности, ориентировании читателя в современном проблемном поле зарубежной психологии, предлагаемых путях их решения. Автор выражает надежду в том, что книга внесет свою лепту в формирование психологической культуры отечественных психологов и будет признателен за пожелания и предложения по совершенствованию содержания книги в будущих изданиях, возникшие при рассмотрении вопросов, интересующих исследователей и не получивших своего достаточного освещения в данном издании.

ВВЕДЕНИЕ

Определяя ситуацию, сложившуюся в социальных науках в целом и в психологии в частности, можно охарактеризовать ее как время, во-первых, интегрирования накопленных фрагментов знания о социальной феноменологии, и, во-вторых, поиска методологических, парадигмальных оснований, позволяющих найти хотя бы временные точки сопряжения для существующего многообразия подходов, традиций и школ, придерживающихся во многих случаях диаметрально противоположных позиций. Наличие этих противоположностей коренится в отсутствии однозначных ответов на многие онтолого-эпистемологические вопросы (А.Г. Аллахвердян с соавт., В.С. Библер, Е.Л. Доценко, Г.А. Ковалев, Г.Ю. Мошкова, В.С. Степин, П. Фейерабенд, А.В. Юревич, В.А. Янчук, М.Г. Ярошевский, R.F. Baumeister, C.S. Carver, S. Epstein, M. Freeman, K.J. Gergen, M. M. Gergen, R. Harre, S. Kvale, L. Langenhove, S.W. Littlejohn, D.C. McClelland, M. Michael, L. Pervin, G.R. Pierce, J. Potter, D. Robinson, R. Sapsford, B.R. Sarason, I.G. Sarason, H. Siegel, H.G. Stam, R. Stevens, D.M. Tice, M. Wetherell, M. Weinstein и др.).

Отсутствие однозначных ответов о соотношении физического и психического, о том, что есть реальность и сколько их существует (монизм, дуализм, плюрализм), о критериях истинности знания, самого общепризнанного определения психики, наконец. Появление многочисленных критических суждений о необходимости пересмотра самого предмета психологии, преодоление ориентации на изучение абстрактного "психического вообще" (Е.Л. Доценко, Е.А. Климов, Г.Ю. Мошкова, А.В. Юревич, R.F. Baumeister, K.J. , R. Harre, L. Langenhove, M. Michael, L. Pervin, D.M. Tice), предопределяет наличие различных, зачастую несовпадающих научных мировоззрений, сходных лишь в одном – в стремлении доказать собственную исключительность и право на монополию истины.

Традиционный антагонизм экстраспективного и интроспективного подхода, даже будучи дополненным компромиссом подхода критического (Э.Г. Боринг, J. Bell, S.D. Brookfield, T.D. Cook, K. Gleeson, J.D. Greenwood, B. Krahe, J.L. Kincheloe, S. Kvale, D. Magnusson, J. McClure, P.L. McLaren, I. Parker, R.S. Rogers, W.S. Rogers, H. Siegel, P. Stenner, R. Sutton), не может быть преодолен в рамках монологического подхода без обращения к подходу диалогическому (В.С. Библер), перехода от логики одномерности к логике многомерности (T.D. Cook, I.E. Jr. Hyman, D. Premack, A.J. Premack, D. Sperber, T.A. Van Dijk).

Парадокс этого антагонизма заключается в том, что стремясь к научной объективности, т.е. к экстраспекции психология вынуждена во имя признания статуса научности омертвлять человеческую плоть,

с души, отрываясь от переживаний реального поточного бытия. Становясь на позиции интроспекции, т.е. стремясь к постижению живой человеческой плоти, души, мира живых человеческих переживаний, она вынуждена выдерживать обвинения в субъективности и ненаучности, герменевтичности. Пытаясь критические переосмыслить или интегрировать интроспективную и экстраспективную психологию в психологию критическую, она сталкивается с проблемой нахождения и описания языка взаимодействия материального и идеального, физического и психического, наконец, создания универсальных инструментов одинаково эффективных как по отношению к материальному, так и по отношению к идеальному. Очевидно, что и критический подход страдает той же болезнью, что и им же критикуемые подходы — одномерностью. Представленные противоречия предопределили психологическое многообразие или диатропику, пытающуюся описать и объяснить феномен человека с позиций разных парадигмальных координат. Как отмечает L. Pervin, "многообразие теорий и подходов к исследованию позволяет схватить тонкости тотальности личности" [465, с. 310].

Тенденции к интеграции психологического знания, начиная с 1980-х годов, становятся очевидными (Е.А. Климов, В.А. Янчук, M. Augustinos, R.F. Baumeister, C.S. Carver, P. Clarkson, M. De Mey, L.M. Grencavage, S. Kvale, A.A. Lazarus, S.A. Mischel, I.I. Mitroff, J.S. Norcross, L.A. Pervin, L. Smircich, I. Walker, V.A. Yanchuk). Точно также как очевидной становится и проблема методологических оснований такого рода интеграции систем координат — систем по своей сути принципиально несовместимых. Ситуативно-успешные пулы, создаваемые представителями разных традиций, приводят к новым инсайтам, но, одновременно, и ставят вопросы о доказательности выявленных тенденций и закономерностей средствами, противоречащими друг другу по исходным методологическим основаниям. Например, вписывание в рациональную когнитивную логику иррациональной психодинамической логики в случае проективных тестов. Сегодня этот острый вопрос о правомерности и обоснованности такого рода сопряжения стыдливо замалчивается, но само это замалчивание не может не вызвать его обострения в самой ближайшей временной перспективе.

Внешне не отрицаемая необходимость интегрирования психологического знания, накопленного в разных психологических традициях, часто остается декларативной, не сопровождаясь обсуждением ее теоретических и методологических оснований. Без обсуждения критериев научности теории, ограничений и возможностей различных способов теоретизирования, механизмов сопряжения рационально и эмпирически выводимого становится невозможным нахождение каких-либо приемлемых и обоснованных компромиссов.

Современные тенденции развития психологии и, особенно, социальной психологии, все больше подтверждают необходимость отхода от старых, основанных на позитивизме, трактовок научного знания и познания (А.Г. Аллахвердян с соавт., А.В. Брушлинский, М. Вартофский, Е.Л. Доценко, Е.А. Климов, А.В. Кудряшов, Л. Лаудан, А.С. Майданов, М.К. Мамардашвили, Р. Нисбетт, Х. Патнем, Л. Росс, В.С. Степин, R.F. Baumeister, C.S. Carver, R. Cialdini, K.J. Gergen, R. Harre, D. Kenrick, L. Langenhove, J. McClure, M. Michael, S. Neuberg, W.F. Overton, D.M. Tice). Естественнаучный способ мышления, определившийся в течение многих десятилетий постулатами и ценностями традиционного идеала научного знания, ориентирующегося на физику как образцовую науку, начал сталкиваться всё с большими и большими сложностями при попытках "оживления", социально-психологических феноменов. Осознание ограниченности этого способа происходит и у самих представителей естествознания, представители которого понимают, что сформировавшаяся в рамках естествознания система доказательства научности знания отнюдь не неуязвима, что рано или поздно придется обсуждать проблему роли исследователя в получении результатов исследования и т.п.

Упор на доминирование экспериментальной традиции в социально-психологических исследованиях начал формировать широкую оппозицию, упрекающую последнюю в искусственности, отрыве от реальной жизни с ее богатством и многообразием фактов. В частности, именно последнее послужило одним из оснований кризиса в когнитивной традиции 1980-х годов, традиции, вызывавшей и у многих вызывающей и поныне большие надежды на безусловное лидерство в развитии психологического знания. Дальнейшее упорствование в постулировании приверженности фактам и только им; объективной детерминированности этих фактов; абсолютности и одномерности истины и т.п. начинает восприниматься как архаизм, сдерживающий дальнейшее развитие социальной психологии, да и психологии в целом. В.С. Степин отмечает в этой связи: "Ответы природы на наши вопросы определяются не только устройством самой природы, но и способом нашей постановки вопросов, который зависит от исторического развития средств и методов познавательной деятельности. На этой основе выросло новое понимание категории истины, объективности, факта, теории, объяснения и т.п." [1989, с. 14].

Нежелание смиряться с присутствием иных альтернативных психологических парадигм преодолевается самим фактом их конституированности в психологическом знании, наконец, культуре. С ними можно считаться или не считаться, принимать во внимание или не принимать, подвергать обструкции или делать вид, что они не достойны "высшего" внимания, но игнорировать (как этого очень хотелось

бы многим представителям ортодоксальной психологической науки) не удастся. Во-первых, в силу их конституированности в общественном сознании. Во-вторых, по причине наличия неоспоримых достижений и продуктивных идей. В-третьих, постановки актуальных вопросов и вариантов их продуктивных решений. Официальное игнорирование альтернативных решений, сопровождаемое плохо скрываемым заимствованием идей, решений, инструментария и исследовательских метафор, полностью противоречащих традиционным позитивистским постулатам науки (например, широкое распространение проективных методов исследования), становится по крайней мере не этичным и требующим реприватизации, промедление с которым чревато негативными последствиями.

Не обсуждаемая диффузия концептуального аппарата, исследовательского инструментария, методов интерпретации эмпирических данных сопровождается смыслово-содержательной путаницей, приводящей к тому, что либо различные по своей природе феномены обозначаются одними понятиями, либо одни и те же явления обозначаются различными понятиями. И в первом и во втором случаях стихийно формируются искаженные интерпретации, выстраиваются неадекватные теоретические объяснительные модели, приводящие на втором шаге к еще большему отрыву от реальности социального бытия личности и ее окружения.

Отмечаемое с начала 1970-х годов смещение акцентов с номотетического на идиографическое, самым острым образом ставит проблему нахождения оптимального соотношения количественных (номотетических) и качественных (идиографических) методов исследования (А.Г. Аллахвердян с соавт., Е.Л. Доценко, Д. Зиглер, Г. Линдсей, А.А. Митькин, К.С. Холл, К.Л. Хьелл, А.В. Юревич, В.А. Яничук, Н. Coolican, K.J. Gergen, M.M. Gergen, R. Harre, N. Hayes, S. Kvale, J.T. Lamiell, W. Mischel, L.P. Mos, L. Pervin, R. Sapsford, R. Stevens, A. Still, M. Wetherell и др.).

При внешней логичности и приемлемости предлагаемого многими авторами компромисса в лице методологической триангуляции, объединяющей продуктивный потенциал обоих исследовательских подходов (J.B. Bavelas, J. Bradley, J. Corner, B. Dervin, M.E. Duffy, I. Jones, D. Mady, J. Morse, D.S. Nau, S.P. Sells, T.E. Smith, T. Tripp-Reimer и др.), остается открытым вопрос об их совместимости в контексте представляемых типов реальности (физической – символической – рефлексивной). При внешней простоте нахождения решения, в его основе лежит более фундаментальный вопрос – насколько данный метод способен фиксировать изучаемый аспект реальности в принципе и насколько эта реальность соотносится с реальностью социального бытия личности и ее окружения.

Наконец, в рамках развернувшихся в 1980-90-е годы теоретических дискуссий, все чаще начинает обсуждаться проблема влияния личности самого исследователя на исследование и интерпретацию его результатов (А.Г. Аллахвердян с соавт., М. Вартофский, Х.-Г. Гадамер, Е.Л. Доценко, В.П. Зинченко, В. Куайн, Т. Кун, М.К. Мамардашвили, В.Л. Меркулов, А.А. Митькин, Р. Нисбетт, В.Н. Порус, В.А. Рабинович, П. Рикёр, Л. Росс, П. Фейерабенд, М.Г. Ярошевский, J. Bell, A. Branigga, M.E. Doherty, E.G. Freedman, B. Gholson, G.N. Gilbert, M.E. Gorman, R.A. Griggs, A. Houts, D. Levy, M.J. Mahoney, E.L. McDonagh, M. Mulkay, C.R. Mynatt, R.A. Neimeyer, R. Randsell, W.R. Shadish, K. Stanovich, R.D. Tweney, V.A. Yanchuk). Данная проблема становится особенно актуальной при отсутствии необходимых концептуально-критериальных оснований однозначного утверждения истинности предлагаемого знания, исчерпываемости избранного способа теоретизирования, наконец, наличия возможности избрания различных парадигмальных координат множественности интерпретаций. К тому же, особое значение приобретает само научное сообщество, в котором оперирует исследователь, формируя его "оппонентный круг", задающий характер и своеобразие совершаемого им выбора.

Обозначенный круг проблем, стоящих перед психологическим сообществом, определяющих перспективы развития психологического знания, составляет предмет теоретического исследования предлагаемого заинтересованным читателям.

ГЛАВА 1. АКТУАЛЬНОЕ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОГО АСПЕКТА ПЕРСОНОЛОГИИ

В первой главе предлагается анализ современного состояния психологического знания в контексте определения перспективных моментов исследований. В качестве исходной точки избирается проблема соотношения психологического научного факта и феноменальности социального бытия личности и ее окружения, на примере которой показываются наиболее дискуссионные вопросы и предлагаемые пути их решения, отраженные в психологической литературе. Феноменальное поле социальной психологии и персонологии конкретизируется конкретным концептуально-понятийным аппаратом, анализ которого отражает сложившуюся ситуацию в психологической литературе и ставит ряд проблемных вопросов по ее упорядочиванию. Обсуждение концептуально-понятийного поля сопровождается анализом перспектив развития психологической науки, отраженных в современной психологической литературе.

1.1. Проблема соотношения психологического научного факта и феноменальности реального социального бытия личности и ее окружения

Одной из центральных проблем современной психологической науки в целом и социальной психологии и персонологии в частности является проблема соотношения психологического научного факта и феноменальности реального социального бытия личности и ее окружения. Значимость определенности в этом соотношении обусловлена, прежде всего, тем, что в зависимости от избранной позиции определяется как общая концептуальная схема психологического исследования, так и его прикладные аспекты, связанные с избранием способа теоретизирования, метода исследования, наконец, интерпретации полученного результата.

На протяжении десятилетий интенсивно-экстенсивного развития психологической науки в доминирующих традициях, основывающихся на позитивистской методологии, исходно постулировалась принципиальная возможность доступа к объективной реальности, пусть и опосредованная некоторыми элементами субъективности, обусловленной спецификой сенсорной организации перцептивной системы человека (Г.Ю. Айзенк [1993]; А.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов [1989]; М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович [1993]; Ю.Н. Карандашев [1997]; П. Клайн [1994]; А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский [1996]; В.Н. Секун [1996]; P.A. Andersen [1986]; J. Arlow [1985]; I. Berkowitz, E. Donnerstein [1982]; J.F. Brennan [1994]; D.T.

Campbell, D.W. Fiske [1959]; M. De Mey [1992]; C.W. Franklin [1982]; H. Freedman, M. Schustack [1999]; R. Harre [1981; 1984; 1998]; A. Kaplan [1998]; L.H. Kern, H.L. Mirels, V.G. Hinshaw [1983]; T.H. Leahey [1994]; M. Maruyama [1997]; J. McClure [1991]; G.B. Rossman [1994]; J.B. Watson [1913]). Незыблемость этого базового постулата создавала основания для обоснования адекватности естественнонаучной исследовательской методологии к изучению психической активности. Отсюда доминирование экспериментальной психологии с ее ориентацией на открытие объективных универсальных законов поведения.

На первых порах эта универсальность носила более глобальный характер, распространяясь на весь высокоорганизованный биологический мир. Следствием чего стала ориентация на подтверждение закономерностей поведения в экспериментах на животных (крысы, собаки, обезьяны и т.п.). Первоначально оптимистические надежды (J.B. Watson [1913]) сменились периодом разочарования. Возможные пути выхода из кризиса искались опять-таки в рамках позитивистской исследовательской схемы. J. McClure пишет в этой связи: "Позитивисты пытаются достичь детерминистского описания, прибегая к аргументации о том, что сознание эпифеноменально, является просто отражением существующей реальности. Проблемность данной позиции заключается в том, что она недобивается успеха в отношении широкого ряда отношений между сознанием и поведением" [1991, с. 10]. В детерминистской, причинно-следственной схеме изучения поведения "фактически люди не обладают выбором" (там же, стр. 11).

Естественнонаучный способ мышления, определявшийся в течение многих десятилетий постулатами и ценностями традиционного идеала научного знания, ориентирующегося на физику как образцовую науку, начал сталкиваться все с большими и большими сложностями при попытках "оживления" социально-психологических феноменов. Упор на доминирование экспериментальной традиции в социально-психологических исследованиях начал формировать широкую оппозицию, упрекающую последнюю в искусственности, отрыве от реальной жизни с ее богатством и многообразием фактов. Как отмечает Е.О. Смирнова "приходится констатировать, что живая реальность человеческих отношений либо недоступна научно-психологическому анализу вообще, либо требует другой методологии" [1994, с. 8]. Дальнейшее упорствование в постулировании приверженности фактам и только им; объективной детерминированности этих фактов; абсолютности и одномерности истины и т.п. начинает восприниматься как архаизм, сдерживающий дальнейшее развитие социальной психологии, да и психологии в целом.

"Игнорирование вклада некоторых существенных объемлющих систем в то, что мы хотим назвать психикой, — вот, что, на наш взгляд,

характеризует профессиональный менталитет адептов естественнонаучных подходов в изучении психики и с чем нельзя, безусловно, примириться. Если соответствующее видение мира распространяется за пределы собственно природной реальности и переносится на реальность социальную ...» пишет Е.А. Климов [1999, с. 11].

Е.И. Доценко подчеркивает в этой связи, что «психолог соприкасается с несколькими классами феноменов, которые упрямо отказываются подчиняться естественнонаучной логике: факты возникают в результате желания их иметь; почти каждое утверждение оказывается относительным и допускает множественность толкований; как факты, так и суждения видоизменяются при смене контекста; взаимосвязанность всего со всем столь велика, «что установить наличие зависимости» можно между всем, чем угодно ...» [1997, с. 16].

Воплощение традиционных научных норм, предписывающих подробный анализ, приводит к препарированию и умерщвлению живой ткани жизни. Доминирование Аристотелевской описательной парадигмы, ориентированной на детальное описание, классификацию и систематизацию приводит к потере целостности понимания (Х.-Г. Гадамер [1988; 1991]; С. Криппнер, де Р. Карвало [1993]; К. Левин [1936; 1955; 1992]; Ю.М. Фёдоров [1995]; Й. Хейзинга [1992]; В.А. Янчук [1994]; А.Р. Bochner [1985]; Р. Clarkson [1996]; D. Guerriere [1980]; К. Lewin [1936, 1955]). Все углубляющееся дробление предмета исследования, возрастающая специализация порождают тенденцию его превращения в исследование ради самого исследования. Причем, формируется порочная бесконечность, порождающая «открытия», все далее отходящие от контекста реальности, в конечном итоге приводящая к ускальзыванию самого психического.

Е.А. Климов акцентирует внимание на то, что «Наука о человеке ... должна не только «разламывать» свою «игрушку», бесконечно детализировать свои представления о ее «механизмах», но и соотносить ее с объемлющими системами, и прежде всего социальными, являющимися, в частности, предметом социальной психологии. Нам представляется, что это положение должно быть принято нормой для любой отрасли научной психологии с ее необычайно сложным в каждом случае предметом рассмотрения» [1999, с. 10].

А. Bochner подвергает сомнению следующие исходные допущения позитивистки ориентированной социальной психологии:

«Цель науки — представление реальности.

Наука устанавливает общие законы, которые «вскрывают» или «объясняют» связи между наблюдаемыми явлениями.

Наука сосредоточивается на стабильных и надежных связях между наблюдаемыми явлениями.

Научный прогресс линейен и кумулятивен" [А. Bochner, 1985, с. 38].

Проводя аргументированный критический анализ этих основополагающих постулатов классической психологической науки, он констатирует: "ни одно из этих притязаний не удовлетворено и в результате приходится признать, что:

а) внеисторические законы социального взаимодействия все еще не открыты;

б) с помощью теоретических понятий не удастся недвусмысленно ухватить суть наблюдаемых явлений;

в) не обнаружено ни одного метода, который бы смог разрешить теоретические баталии" (там же).

В контексте соотношения экстраспекции и интроспекции в научном психологическом исследовании была убедительно показана субъективность самих фактов, лежащих в основании теоретических построений. Фундаментальные работы в области философии науки (А.Г. Аллахвердян с соавт. [1998]; М. Вартофский [1988]; Х.-Г. Гадамер [1988]; Э. Гус-серль [1992; 1993; 1997]; С. Киркегор [1997]; Т. Кун [1977; 1996]; В. Куайн [1996]; Л. Лаудан [1996]; В.А. Лефевр [1990]; М.К. Мамардашвили [1989; 1991]; В.Л. Меркулов [1971]; В. Ньютон-Смит [1996]; А.Н. Портнов [1994]; В.Н. Порус [1990]; П. Рикёр [1995]; П. Фейерабенд [1986]; В. Франкл [1990]; М. Polanyi [1972]; Р.К. Feysabend [1988] и др.) убедительно показывают, что "позитивизм практически проиграл сражение за доказательство объективности экстраспективного наблюдения" и для психологии было бы неуместно, как отмечает J. McClure, "сохранять верность псевдообъективизму, настаивая на экстраспективности метода. Становится также очевидным, что имеющее место упорство основывается скорее на метафизических предпочтениях, нежели на каких-либо бесспорных основаниях истинности" [1991, с. 12].

Также становится очевидной сомнительность причинно-следственного детерминизма в психологическом знании. По существу, причинно-следственный детерминизм воткан в философию Бэкона и Ньютоновскую физику, избирать которые в качестве идеала научного познания после открытия принципа относительности Гейзенберга вряд ли продуктивно и перспективно.

Современные тенденции развития психологии и, особенно, социальной, все больше подтверждают необходимость отхода от старых, основанных на позитивизме, трактовок научного знания и познания (П.Н. Шихирев [1999]; K.J. Gergen [1992]; D. Kenrick, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; W.F. Overton [1991]; J. Potter [1996]; C.S. Purkhard [1994]; R.S. Rogers с соавт. [1995]; R. Sapsford с соавт. [1998]; W. Schultz, S. Oskamp [1997]; J.A. Simpson, D.T. Kenrick [1997]; A. Still [1998]; A. Tesser [1995] и др.).

100 94157

и др.) Естественнаучный способ мышления, определившийся в течение многих десятилетий постулатами и ценностями традиционного идеала научного знания, ориентирующегося на физику как образцовую науку, начал сталкиваться все с большими и большими сложностями при попытках "оживления" социально-психологических феноменов. Осознание ограниченности этого способа происходит и у самих представителей естествознания, которые понимают, что сформировавшаяся в рамках естествознания система доказательства научности знания отнюдь не неуязвима, что рано или поздно придется обсуждать проблему роли исследователя в получении результатов исследования и т.п.

Характеризуя отличительные особенности развития психологической науки эпохи модернизма, К.Л. Gergen выделяет четыре пересекающиеся предпосылки, лежащие в основании позитивистски ориентированной психологии:

"вера в познаваемость мира ..., требующая от каждой дисциплины определения границ поиска, области миропознания составляющей предмет исследования";

"представление об универсальных свойствах мира ... предполагающее наличие принципов, возможно законов, которые могут быть открыты в предмете исследования";

"вера в возможность постижения истины посредством метода", выражающаяся в "убеждении о том, что используя эмпирические методы и особенно контролируемый эксперимент, можно выявить строгое истинное знание о природе предмета исследования и причинных сетях, в которые он включен". И далее, что "результаты использования такой методологии внеличностны";

вера в "прогрессивную природу исследования" предполагающая, что "в результате использования эмпирических методов к предмету психологического исследования, мы все больше приближаемся к фундаментальности. Неверные представления устраняются и мы продвигаемся к установлению надежной, ценностно-нейтральной истины о различных сегментах объективного мира" [1997, с. 19–20].

Безусловно, характерное для традиционной академической психологии оперирование абстрактным психическим, обладающим характеристиками универсальности в существенной степени облегчает решение исследуемых задач, придавая им свойство некоторой стабильности и принципиальной временной постигаемости за счет придания статичности и дискретности изучаемым единицам, правда при смутном осознании того, что статичными, стабильными и дискретными они могут быть лишь в абстракции.

В данном случае становится возможным формирование иллюзии последовательного продвижения в познании. Правда возникает вопрос — в

постижении чего? Собственной универсальной версии реальности или самой реальности? Увы, для традиционной классической академической психологии характерно именно первое – оно легче достижимо. Сложнее обстоит дело с постижением реальности реальной, субъективно переживаемой самим человеком, погруженным в нее. Его нельзя, даже в абстракции, расчленить на относительно устойчивые и статичные части, создающие базу для однозначного и точного прогноза. Более того, к нему нельзя подходить с набором инструментов, характерных для традиционного естествознания, т.к. сами изучаемые единицы, во-первых, образуют гештальт, любое изменение одного элемента которого неизбежно приводит к изменению всего гештальта, во-вторых, гештальта динамического, любой срез которого всегда относится к прошлому и не соответствует настоящему, неведомому в абсолютно исчерпанном виде и самому изучаемому человеку, а тем более социальной общности, членом которой он является.

Углубление в социально-психологическую феноменологию с неизбежностью приводит к отказу от стереотипизированной стилистики мышления в рамках дихотомии – верно – неверно. Ей на смену приходит суждение “все верно и все неверно одновременно”, предполагающее проведение тщательной рефлексии оснований вынесения оценочных суждений [Доценко, 1997, с. 17]. Однако это смелое утверждение автора неизбежно вызывает конфликт с читателем, ориентированным на одномерность истины. Увы, категория одномерности к социально-психологической феноменологии не применима.

По оценкам ряда авторов, наличие этих противоположностей коренится в отсутствии однозначных ответов, прежде всего на фундаментальные онтолого-эпистемологические вопросы (К.А. Абульханова-Славская [1991]; А.Г. Аллахвердян с соавт. [1998]; А.А. Митькин [1998]; В.С. Библер [1991]; Е.Л. Доценко [1997]; В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев [1995; 1998]; А.В. Юревич [1999]; К.С. Холл, Г. Линдсей [1997]; К.Л. Хьелл, Д. Зиглер [1997]; В.А. Янчук [1998; 1999; 2000]; В. Dervin [1992; 1996]; A. Bandura [1965; 1986]; Н. Coolican [1998]; К.Л. Gergen [1992]; К.Л. Gergen, М.М. Gergen [1984; 1986]; S. Kvale [1997]; S.W. Littlejohn [1994]; R. Harre [1984; 1986; 1994]; N. Hayes [1993; 1998]; W. Mischel [1988]; N. Pidgeon, K. Mischel [1998]; R. Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell, R. Stevens [1998]; T.A. Van Dijk [1997] и др.).

Практически с момента своего конституирования как науки психология в течение многих лет пыталась (в рамках ортодоксального бихевиоризма) и продолжает пытаться в рамках некоторых современных исследовательских традиций (в частности, самой мощной сегодня – когнитивной) сохранять “научность” посредством внедрения точных измерений, разъяснения причинно-следственных связей, обычно средствами эксперимента.

Этот подход может быть обозначен как номотетический в силу его ориентированности на установление фундаментальных причинно-следственных законов, которые, как это предполагается, лежат в основе человеческого социального поведения.

Погоня за универсальностью привела к парадоксальной ситуации — нахождению все новых и новых, подтвержденных экспериментально и статистически закономерностей, относительно абстрактного универсального человека вообще (номотетики) при одновременном все возрастающем отрыве от конкретного человека, живущего в непосредственном социальном мире и часто не желающего вписываться в эту номотетику, проявляя свою уникальность (идиографию) (А.Г. Аллахвердян с соавт. [1998]; Е.Л. Доценко [1997]; L. Pervin [1989; 1990; 1996; 1998]; R. Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell, R. Stevens [1998]; N. Pidgeon, K. Mischel [1998]).

Естественно, что объективно существует потребность в построении шкал сравнения, позволяющих соотносить людей друг с другом в рамках некоторой общей системы координат по тем или иным характеристикам и она будет существовать вечно. Другое дело, что универсальность этих шкал весьма относительна, что особенно четко показано в рамках кросс-культурных исследований, наглядно продемонстрировавших огромные сложности (а иногда и бесперспективность) культурной адаптации того или иного инструмента (Н. Triandis [1994]; P.D. Smith, M.H. Bond [1998]). Даже в случае принципиальной соизмеримости избранных систем координат все равно они не решают проблему идиографии. Более того, ставят вопрос о необходимости адаптации сравнительных шкал не только к разным культурам, но и к субкультурам в рамках одной однородной культуры. Изложенное свидетельствует не только о необходимости изучения идиографии на уровне отдельной личности, но и идиографии субкультур.

Вторым, не менее существенным аспектом данной проблемы является обсуждение самой возможности, механизмов и средств сопряжения культурно адаптированных инструментов друг относительно друга, примером чего является индекс аккультурации [1994, с. 63–65]. Но исследование идиографии невозможно без погружения в мир субъективности человека и его непосредственного социального окружения, т.е. субкультуры, обращения к их переживаниям по поводу происходящего в реальных обстоятельствах жизни. А это требует использования качественных методов с их высоким субъективизмом и идиографичностью, которые противоречат постулатам научности (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев [1995; 1998]; А.В. Юревич [1999]; W. Doïs, G. Mugny, J.A. Perez [1998]; S. Duck [1994]; U. Flick [1997]; R. Harre [1984; 1991; 1993; 1998]; S. Kvale [1997]; J. Lamiell [1998]; J.G. Morawski [2000]; L. Pervin [1990; 1996]; R. Sapsford с соавт.

[1998]; Т.А. Van Dijk [1997]). I. Pervin подчеркивает: "наши исследования должны быть и иллюстрационными и номотетическими, включая изучение больших групп людей по небольшому числу переменных, а также немногих людей с точки зрения организации переменных в личности" [1996, с. 310].

Соотношение иллюстрации и номотетики в психологическом исследовании самым непосредственным образом соседствует с проблемой соотношения объективного и субъективного, выражающегося в нахождении адекватного сочетания психологического научного факта и феноменальности реального социального бытия личности и ее окружения (Е.Л. Доценко [1997]; Й. Хейзинга [1992]; А.В. Юревич [1999]; В.А. Янчук [1998; 1999]; J. McClure [1991]; S. Duck [1994]; R.E. Nisbett, L. Ross [1980]; L. Pervin [1989; 1990; 1996; 1998]). Сегодня начинается следующий спиральный виток дискуссий по поводу экстраспекции и интроспекции. Чем более экстраспективное ("объективное") становится психологическая наука, тем более искусственным, препарированным становится описание реальной феноменологии социального бытия, чем ближе она становится к этому бытию, тем более становится интроспективной ("субъективной").

Парадокс заключается в том, что психология как наука, исходно конституированная и ориентированная на изучение поведения человека в условиях его непосредственной социальной жизнедеятельности, все более отрывается от этого поведения, оперируя лишь его экспериментальными, а сегодня и компьютерно-стимулируемыми виртуальными моделями, для которых реальное поведение не интересно, да и, строго говоря, непосильно в силу комплексности и множественности детерминирующих факторов, обуславливающих невозможность жесткого контроля. Следствием чего является то, что психология становится не в состоянии помочь клиенту разрешить его проблемы, взамен предлагая лишь абстрактные теоретические конструкции, отдавая ему на откуп их воплощение на практике. Отсюда и возникновение практической психологии, пытающейся вернуться к реальной проблемной жизни человека, оказывая ему действенную помощь за счет эклектизации прикладного опыта, накопленного в клинической, психотерапевтической, психоаналитической и т.д. практиках (Е.Л. Доценко [1997]; А.Л. Реан, Я.Л. Коломинский [1999]; А.В. Юревич [1999]; D.E. Polkinghorne [1997]). D.E. Polkinghorne пишет: "Сегодня, существует две науки психологии: модернистская психология, представляемая академическими исследователями, и практическая, представленная в первую очередь практикующими психологами" [1997, с. 154–155].

Осознание и признание культурно-исторической детерминированности психики (Л.С. Выготский) сопровождается стремлением к нахождению объективистских инструментов ее исследования, часто калькируемых

и естествознания, при понимании несоизмеримости биологической (естественнонаучной), символической и рефлексивной природ, отличающих человека от других представителей животного мира [1982, с. 80–83].

Никантность ситуации заключается еще и в том, что в психологической науке нет и самого общепризнанного определения психики. Отсутствие определенности в базовой категории, на которой строится фундамент психологического знания во многих традициях (в том числе и в отечественной), при четкой ориентации на позитивистские основания исследования, приводит к тому, что фактически исследуется некая абстракция, не имеющая под собой каких-либо строгих научных (в смысле естествознания) оснований и самое главное – непосредственного доступа к ней. В данной ситуации остается одно – исследовать открытое поведение, поддающееся измерению. Но бесперспективность этой линии доказана историей бихевиористского направления.

Исходно поведение анализируется в его взаимосвязи с сознанием, но сознание в рамках позитивистской парадигмы рассматривается как эпифеноменальное. “Проблема этой позиции заключается в том, что в ее рамках не удается объяснить широкий ряд взаимоотношений между сознанием и поведением, что признается когнитивными психологами” [McClure, 1991, с. 10]. Другая сложность связана с “парадоксом позитивистского подхода, заключающимся в признании неспособности теории придерживаться своих же требований в отношении человеческого субъекта” (там же, стр. 11). На практике оказываются невыполнимыми два основных условия научности исследования – приоритетность экстраспекции над интроспекцией и выстраивания объяснений в понятиях эффективных (механических) причин. Фактически оба этих условия носят арбитражный характер или имеют нестрогую основу.

Арбитражность позитивистских постулатов, показанная в работах видных философов науки (Т. Kuhn, М. Polanyi, Р. Feyerabend и др.), вновь стимулировала обсуждение проблемы субъективности как в отношении эмпирических фактов, так и в их интерпретации исследователем. Была обоснована и субъективность самого процесса теоретизирования, проявляющаяся в необходимости следования концептуально-критериальным постулатам, объективность которых также вызывает сомнения. Более того, тем же Т. Куном достаточно убедительно продемонстрирована роль научных сообществ в их формировании (Т. Кун [1977; 1996]; Т. Kuhn [1974]).

Попытка субъективизации психологического знания была предпринята в рамках феноменологического подхода, сместившего акценты с экстраспекции на интроспекцию, правда, с учетом возможностей снижения субъективности в интерпретации средствами герменевтики. В работах С. Киркстори была обоснована активная сущность человека, выражающаяся

в обладании им свободы выбора как экзистенции. Хайдеггер – центральная фигура феноменологического подхода – подчеркивал, что “бытие в мире человека” (Dasein) влечет за собой неизбежность альтернатив и выборов. В свою очередь Э. Гуссерль заменил экстраспективный метод и аналитическую интроспекцию В. Вундта феноменологическим методом, представляющим особый тип саморефлексии, свободной от каких-либо объяснительных или философских предположений.

В. Дильтей утверждал, что понимание человеческих действий требует полностью отличных форм объяснения от тех, которые используются в естествознании. По его мнению, науки о человеке должны использовать не экстраспективные методы и детерминистские объяснения (Erklären), а понимание действий в понятиях тех значений, которыми оперирует действующий (Verstehen). Это понимание может быть достигнуто через эмпатическое установление или сопереживание жизненных переживаний изучаемой личности или группы. Наконец, в рамках герменевтики проблема постижения субъективности жизненных переживаний получила свое инструментальное сопровождение. Один из ведущих представителей герменевтического направления Гадамер предложил в качестве средства интерсубъективного понимания человеческих действий и значений – язык.

Экзистенциально-феноменологическая линия в социальной психологии и персонологии получила освещение и поддержку в работах большого количества выдающихся психологов (Э. Гуссерль [1992; 1993]; С. Киркегор [1997]; Ж.П. Сартр [1990]; К. Rogers [1951; 1959; 1961]; P.A. Heelan [1972]; J.J. Kockelmans [1987]; C. Moustakas [1994]; D.A. Rahilly [1993] и др.). К. Rogers утверждал: “Человек по существу живет в своем собственном и субъективном мире и даже его наиболее объективное функционирование в науке, математике и т.п. является результатом субъективных целей и субъективного выбора” [1959, с. 191]. Вслед за R. Harre и P. Secord, К. Rogers приходит к выводу о том, что “наилучшей исходной точкой для понимания поведения является внутренняя точка зрения самого индивида” [1951, с. 494]. В целом, феноменологическая линия в психологии утверждает, что человеческие действия, включая язык, происходят по причине и в связи с интенциями или интенциональными значениями действующего. Для того чтобы понять язык и поведение человека “необходимо и достаточно понять интенциональные значения языка и получить причинные обоснования действующего” [McClure, 1991, с. 17].

Экзистенциально-феноменологически ориентированные психологи внесли большой вклад в разработку нового подхода к проблеме соотношения научного факта и феноменальности реального бытия личности и ее окружения, сместив акценты на приоритетность интроспекции, снабженной соответствующими средствами снижения субъективности. Но и экзистен-

познавательно-феноменологический подход не свободен от ограничений: во-первых, и сами обоснования действующего могут быть неадекватными по причине того, что ему далеко не всегда известны истинные причины происходящего; во-вторых, герменевтические и феноменологические методы обладают собственными пределами как в теории, так и в объяснении.

Представленные альтернативные подходы к проблеме соотношения научного факта и феноменальности реального социального бытия личности отнюдь не исчерпывают всего многообразия решений. Свои аргументы выдвигаются представителями гендерного, дискурсного, синергетического и т.п. подходов. Очевидным является лишь то, что в пользу той или иной позиции по данной проблеме приводятся достаточно убедительные, но не исчерпывающие позиции. Точно также, как очевидна продуктивность подобного многообразия взглядов и интерпретаций для углубления в сущность исследуемой феноменологии. Проблема же сводится к налаживанию продуктивного диалога между этими альтернативными подходами и разработки соответствующих механизмов сопряжения полученных данных и их теоретических интерпретаций, а также разграничения сфер приложения при необходимости.

1.2. Онтолого-эпистемологические основания психологического многообразия

Приведенный анализ современного состояния психологического знания показал, что наличное многообразие психологических подходов и школ, базирующихся на разных метатеоретических основаниях, напрямую связано с онтолого-эпистемологическим многообразием. Как показывают результаты многих исследований, именно акцентирование внимания на определенных решениях существующего поля онтолого-эпистемологических дихотомий создает возможности как для выстраивания альтернативных теоретических интерпретаций, так и избрания соответствующих методов исследования (P. Achinstein [1971; 1983]; S. Blackburn [1996]; R. Boyd, A. Brannigan [1981]; J.F. Brennan; P. Casper, J.D. Trout [1991]; [1994]; J.P. Chaplin, T.S. Krawiec [1979]; J.E. Ford [1990]; C.W. Franklin [1982]; K.J. Gergen [1992]; N. Heather [1976]; J.S. House [1977]; J.H. Korn [1997]; S.L. Littlejohn [1994]; W.F. Overton [1991]; I. Parker, J. Shotter [1990]; R. Sapsford, R. Dallos [1998]; M. Wertheimer [1972; 1978]).

Вопрос онтолого-эпистемологических координат становится актуальным при обсуждении метатеоретических оснований. Глобальное рассмотрение фундаментальных вопросов познания и реальности обсуждается в рамках философского анализа. Несмотря на всю сложность и многоаспектность философского анализа применительно к нашему контексту его

можно свести к трем основным аспектам: эпистемологическому (рассматривающему познание), онтологическому (рассматривающему существование) и аксиологическому (рассматривающему ценности). Содержательные характеристики каждого из выделенных аспектов, предложенные S.W. Littlejohn, представлены на рис. 1.1. [1994, с. 31].

Основные области философского анализа теории подразделяются на три общих уровня – метатеоретический, гипотетический и описательный. *Метатеоретический уровень* является наиболее общим и представляет основополагающие выводы исследователя. *Гипотетический уровень* теории представляет картину представлений исследователя о реальности и установленные рамки знания. *Описательный уровень* включает утверждения и операции, непосредственно совершаемые исследователем о наблюдаемых вещах” [там же, с. 30]. Эти уровни не могут быть представлены как обособленные друг от друга. Опирируя одним уровнем, исследователь все время соотносит его с двумя другими. Они усиливают друг друга по отношению к любому типу знания.

	Эпистемологический	Онтологический	Перспективный	Аксиологический
Метатеоретический	Методологические вопросы	Метафизические вопросы	Вопросы дефиниций	Вопросы этики и ценностей
Гипотетический	Методы и процедуры	Теории, понятия, гипотезы, законы и схемы интерпретации	Определения и метафоры	Этические и моральные послышки и ценности
Описательный	Инструменты и техники	Утверждения о наблюдаемом	Фокусы внимания	Решения
Вещей самих по себе	Поток событий			

Рис. 1.1. Области философского анализа социальной феноменологии.

Так как социально-психологическая и персоналистская теория связаны с феноменами социальной жизни, то одним из центральных вопросов по отношению к ним, в частности, и к социальным наукам, в целом, является вопрос – могут ли феномены социальной жизни быть объяснены таким же образом как явления неживой природы? Как отмечает S.J. Littlejohn: “Ответ на этот вопрос включает три аспекта. Первым является аспект *методологический*. Приглашающий к дискуссии о научном методе и его универсальности по отношению к естественным и социальным наукам. Вторым аспектом является *эпистемологический*, представляющий проблему знания вообще и проблему мышления других в частности. Третьим аспектом является *онтологический*, предполагающий выяснение того, с чем мы

имеем дело или что есть бытие?" [там же, с. 30]. Не менее значимыми являются и ответы на вопросы о типах феноменов, проявляющихся в социальном мире, какие методы исследований адекватны, наконец, что является гарантом истинности знаний, полученных о них.

Поставленные вопросы предполагают выяснение того, "как продуктивнее исследовать социальный мир — посредством изучения активности людей (индивидуализм) или структур (холизм) или в их единстве? Как лучше проводить анализ — сверху вниз или снизу вверх? "Анализ сверху вниз приводит к объяснению, а анализ снизу вверх — к пониманию" [Hollis, 1996, с. 359]. Мы будем исходить из посылки о необходимости использования обоих типов анализа. Как индивидуалистическая, так и холистская модели имеют своих сторонников и противников, понимание и оценка оснований аргументации которых, связаны с выяснением, прежде всего, эпистемологических, онтологических и аксиологических аспектов. Теперь остановимся на более подробном анализе каждого из них.

В рамках эпистемологического анализа осуществляется поиск ответов на вопросы о том, как люди приходят к выводу о том, что они знают. Рассмотрение путей понимания природы познания и процессов, посредством которых оно осуществляется, является существенным для любой теории. В последние годы интерес к проблеме эпистемологических оснований психологического знания особенно возрос (С. Antaki [185]; B. Barnes [192]; K.J. Gergen [283]; P. Clarkson [1996]; R. Harre [1986; 1998]; S. Littlejohn [1994]; D.E. Polkinghorne [1997]; H. Siegel [1989]; W. Viney [1994]; M. Weinstein [1993; 1994] и др.).

Эпистемологический аспект, акцентирующий внимание на процессе познания, предполагает нахождение ответов на ряд фундаментальных вопросов: Является ли знание априорным или оно апостериорно? Каковы критерии наших утверждений в том, что мы обладаем истинным знанием? Что есть истина? В какой степени знание может предшествовать жизненной практике? В какой степени знания могут быть познаны? Посредством каких процессов обретается знание? Как лучше познается знание — целостно или по частям? В какой степени знание эксплицитно? По каждому из представленных вопросов существует широчайший спектр альтернативных ответов, акцентирующихся на разных элементах онтолого-эпистемологических дихотомий, в пользу каждого из которых приводятся одинаково убедительные аргументы и эмпирические факты (А.Г. Алахвердянс соавт. [1998]; В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили [1977]; П.В. Копнин [1974]; А.Ф. Кудряшов [1993]; А.С. Майидапов [77]; М.К. Мамардашвили [1989; 1991]; В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев [1995]; Х. Г. Гадамер [1988; 1991]; М. Вартофский [1988]; M. Augustinos, I. Walker [1996]; S. Duck [1994]; J.D. Greenwood [1989]; M. Luntley [1999]; S.W. Littlejohn [1994]; J. McClure [1991]).

Термин *эпистемология* происходит от греческого *episteme*, обозначающего понимание или знание. В философии под ним понимается область знания, занимающаяся изучением познания. Эпистемологи пытаются найти ответы на вопрос, как люди приходят к выводу, что они знают. Рассмотрение вопросов о путях понимания природы познания и процессов, посредством которых оно осуществляется, является существенным для любой теории. Психологи всегда проявляли особый интерес к эпистемологическим проблемам, а в последние годы этот интерес особенно возрос. Применительно к социальной психологии, как и ко многим другим социальным наукам, наиболее существенным является нахождение определенных ответов по ряду приводимых ниже вопросов.

Является ли знание априорным или оно апостериорно? Во многих психологических теориях контекстуально присутствует априорность познания. Понятие априорности означает предшествующее, а апостериори — постшествующее. В современном значении, со времен Канта, апостериорность определяется как, основывающееся на эмпирическом опыте, а априорность — к очевидной истинности. Примером априорного знания является утверждение типа — мы не можем существовать и не существовать одновременно. Философы и психологи немало дебатировали об априорности познания. Например, во многих теоретических построениях провозглашается априорность понимания добра и зла. Другую крайность представляют утверждения о полной зависимости познания от эмпирического опыта. Несмотря на укоренившуюся в психологии тенденцию признания приоритетности эмпирического опыта как основы познания, в этом вопросе имеется и ряд расхождений.

Одной из плоскостей дискуссий является природное — эмпирическое в восприятии. Сторонники первого подхода, или нативисты, утверждают наличие специфических природных структур и функциональных свойств нервной системы, наследуемых человеком при рождении и определяющих специфику восприятия. Эмпирики же провозглашают полную его научаемость и зависимость от опыта. При кажущейся правоте последних, подтвержденной многочисленными экспериментальными данными, ответ на этот вопрос становится не простым в свете контраргументов нативистов. Например, в классических исследованиях показано, что новорожденный уже обладает перцептивными способностями определения удаленности предметов и пространственной локализованности звуков [Wertheimer, 1961].

Другую сопряженную проблемную область представляет инстинктивное — научаемое. В истории психологии и социальной психологии, в частности, имеется немало примеров противоположных утверждений. Например, для МакДауголла была вполне очевидной инстинктивность человеческого поведения. Такой же позиции придерживался и З. Фрейд. С

укреплением бихевиоризма получила распространение точка зрения о полной научаемости поведения. Так, В. Куо в своей работе "Психология без вражды" [1924] убедительно показывает наученность враждебных отношений между мышами и кошками. В то же время в связи с работами этолога Конрада Лоренца и социобиолога Эдварда Уилсона, а также последними наработками представителей биологического и экологического подходов в психологии однозначность отрицания роли инстинктов в поведении стала не столь очевидной.

Каковы критерии наших утверждений о том, что мы обладаем истинным знанием? Ответ на этот вопрос также не прост. На каком основании мы приходим к убежденности в обладании истиной? На основании авторитетности источника? Обоснованности? Данности свыше? Дискуссии по этому вопросу происходят у эпистемологов с представителями естественных наук, религиозными адептами и т.п. Одним из основных методов утверждения истинности является ссылка на авторитеты, в лице которых могут выступать как конкретные люди, так и книги, институты, родители и т.п. Однако в истории немало примеров неблагоприятной роли авторитетов в торможении развития знания, например, в случае Джордано Бруно. В своей ранней книге "Человек для самого себя" [1947] Е. Fromm предупреждал об опасности слепого следования авторитетам, которые в случае авторитаризма порождают потребность в постоянном направлении с их стороны. В истории психологии мы сталкиваемся с проблемой авторитетов снова и снова. В качестве авторитетов могут выступать теоретические построения, традиции, инструменты, схемы обоснования и т.п. Они обладают как положительными сторонами, например, создавая систему ориентиров и эталонов, так и отрицательными – сдерживая развитие нового, не вписывающегося в рамки ставшего традиционным. Не авторитеты сами по себе создают проблемы, а способ, которым мы используем авторитеты для достижения своих целей.

Другим критериальным основанием истинности является эмпирическая достоверность. Эмпиризм доминировал в естествознании на протяжении многих десятилетий, провозглашая единственным основанием знания факты, основанные на наблюдении и представляющие объективную реальность. Представляя своеобразную альтернативу авторитетному утверждению истинности, эмпиризм сталкивается и с рядом проблем. Одна из проблем – соотношение априорности и априорности знания, обсуждавшаяся ранее. Очевидно наличие определенных форм знания, не представленных в наших сенсорных органах. Мы также знаем, что наши органы чувств, в силу ограниченности их возможностей, не дают адекватного представления о внешней реальности. Более того, деятельность органов чувств в существенной степени ограничена эмоциями, социальным контекстом, научением, мотивацией и т.д.

Третье критериальное основание представляет рационализм, провозглашающий априорность обоснований или внутренние присущие идей. Рационалисты утверждают, что мышление обладает своими внутренними организующими принципами, фильтрующими и перестраивающими информацию, поступающую от органов чувств. Они провозглашают активность мышления, его способность формировать понятия не представленные в чувственном опыте. Дискуссии о привате эмпирического или рационального не стихают в психологии и сегодня. Еще одно основание истинности предлагает эстетизм, утверждающий принцип красоты, как пригодный для всех областей мышления. В числе сторонников эстетизма можно назвать психологов J.B. Watson [1913] и E. Crick, физика P. Dirac, утверждавшего, что теоретик должен предпочитать эстетичные построения и эмпирию, как более заслуживающие доверия.

Прагматизм в философии выдвигает в качестве критерия истинности утилитарность знания. Если теоретическое построение работает и приносит гарантированные результаты, то можно смело говорить о его истинности. Однако и сам W. James - один из основателей прагматизма признавал верность этого тезиса лишь в отношении относительной истины, т.к. то, что является верным сегодня может оказаться ложным завтра. В истории философии и психологии имеются примеры и отрицания самой возможности объективного знания, представляемые скептицизмом. Одним из выдающихся скептиков был Рене Декарт, утверждавший, что есть только одна истина, в которой не следует сомневаться - необходимость сомневаться во всем. Не следует представлять скептиков как негативистов, скорее эта позиция ориентирована на отрицание статичности и монополистичности истины, а также выселение способности человека отличать знание от мнения о нем.

Что есть истина? Одним из самых значимых эпистемологических вопросов является вопрос о критериях истинности знания. В зависимости от избранного критерия истинности определяется и логика доказательства истинности анализируемого факта.

В какой степени знание может предшествовать жизненной практике? Многие исследователи считают, что знание порождается жизненной практикой. Мы наблюдаем окружающий нас мир и на этой основе приходим к знаниям о нем. Есть ли что-либо в нашей человеческой природе, что дает нам знания о мире до момента столкновения с ним? Многие философы отвечают на этот вопрос положительно. Такого рода "знание" должно предполагать наличие механизмов мышления и восприятия. Например, достаточно очевидно, что дети обучаются языку не только через речь и слушание. Существует много подтверждений того, что они могут обретать язык, используя внутренне присущие модели проверки того, что они слышат. (Мы еще вернемся к обсуждению этого в последующих главах).

В какой степени знания могут быть познаны? Или являются ли наши знания относительными и изменяющимися? Дискуссия об этом уже продолжается сотни лет. Исследователи, придерживающиеся позиции о познаваемости объективных знаний, признают существующие ошибки, но объясняют их тем, что пока не достигли полной истины. Релятивисты считают, что объективное знание не достижимо в принципе, т.к. не существует универсальной реальности, которая может быть понята.

Посредством каких процессов обретается знание? Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложен в силу его многоаспектности. Дискуссии по нему лежат в центре эпистемологии. Можно выделить, по крайней мере, четыре позиции по сути данного вопроса. Ментализм или *рационализм* придерживается позиции, что знание возникает в восприятии. Мы переживаем мир и в буквальном смысле "видим" то, что происходит. Конструктивизм устанавливает то, что люди формируют знания для прагматического функционирования в жизни. Люди проецируют себя в то, что они испытывают. *Конструктивисты* считают, что феномены окружающего мира могут быть продуктивно концептуализированы многими способами. Знание представляет то, что человек делает в мире. Наконец, еще более решительный шаг предпринимают *социальные конструктивисты*, утверждающие, что знание является результатом символической интеракции в социальных группах. Другими словами. Реальность социально конструируется как продукт групповой и культурной жизни.

Как лучше познается знание – целостно или по частям? Представители гештальт традиции считают, что истинное знание существует только в целостном виде, утверждая тезис о несводимости целого к составляющим его частям. Они придерживаются позиции о том, что феномены в высокой степени взаимосвязаны и оперируют как целостные системы. Аналитики, с другой стороны, придерживаются взгляда о том, что знание предполагает понимание обособленного функционирования частей.

В какой степени знание эксплицитно? Многие философы и психологи считают невозможным познание того, что не является осознанно установленным, т. е. не представлено в опыте. Другие считают, что большая часть знаний является скрытой, что они оперируют на основе чувствительности к тому, что не осознается и не может быть выражено. Такое знание определяется как тацитное (*tacit*) или безмолвное.

В истории философии и психологии имеются примеры и отрицания самой возможности объективного знания, представляемое скептицизмом. В последние годы скептицизм находит свое выражение в рамках критической традиции в психологии и социологии, способствующей формированию критического мышления (J. Bell [1999]; R. Bhaskar [1989]; S.D. Brookfield [1991]; T.D. Cook [1985]; J.L. Kincheloe, P.L. McLaren [1994]; D. Levy [1997];

I. Parker [1992]; R.S. Rogers с соавт. [1995]; H. Siegel [1989]; R. Sutton [1992]; S. Toulmin [1982]; M. Weinstein [1993]).

Всякая оценка знания, в том числе и истинностная, нуждается в определенных нормах, с помощью которых выясняется пригодность знания для деятельности человека в мире, с одной стороны, и для решения внутренних проблем познавательного процесса, обоснования и развития знания – с другой. Истина обладает множественными показателями, такими, как доказуемость, фальсифицируемость (т.е. установление ложности положения, альтернативного истинному), когерентность (согласованность высказываний системы или систем знания, включая отношение истинной теории к исследуемой), проективность (как способность истинного знания к прогрессивному сдвигу проблем, расширению базисной теории), конструктивность (как показатель существования и способ утверждения идеальных объектов), инвариантность (как независимость от конкретной системы преобразований и т.п.).

Истину в разных концепциях можно рассматривать как определяемую непосредственно – интуитивно (знание-знакомство у В. Рассел), путем сопоставления предложений языка-объекта и метаязыка (А. Тарский), теории и фактов (верификационизм, фальсификационизм, знания и реальности с помощью практики при всех различиях в истолковании самой практики). Всякий раз имеется в виду соответствие знания реальности, но само соответствие каждый раз устанавливается по-разному, что и придает специфический смысл понятию истины. В качестве критерия истины всегда выступает некоторая норма, с помощью которой и определяется истинность знания.

Сотни лет ведутся дискуссии по вопросу о познаваемости знаний. Исследователи, придерживающиеся позиции о познаваемости объективных знаний, признают существующие ошибки, но объясняют их тем, что пока не достигли полной истины. Релятивисты считают, что объективное знание не достижимо в принципе, т.к. не существует универсальной реальности, которая может быть понята. Нет единства и в вопросе посредством каких процессов обретается знание? Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложен в силу его многоаспектности. Дискуссии по нему лежат в центре эпистемологии. Можно выделить, по крайней мере, четыре позиции по сути данного вопроса. Ментализм или рационализм придерживается позиции, что знание возникает в восприятии. Мы переживаем мир и в буквальном смысле "видим" то, что происходит. Конструктивизм устанавливает то, что люди формируют знания для прагматического функционирования в жизни. Люди проецируют себя в то, что они испытывают. Конструктивисты считают, что феномены окружающего мира могут быть продуктивно концептуализированы многими способами. Знание представляет то, что чело-

век делает в мире. Наконец, еще более решительный шаг предпринимают социальные конструктивисты, утверждающие, что знание является результатом символической интеракции в социальных группах. Другими словами, реальность социально конструируется как продукт групповой и культурной жизни.

Дискуссионным остается и вопрос эксплицитности-имплицитности знания. Многие философы и психологи считают невозможным познание того, что не является осознанно установленным, т.е. не представлено в опыте. Другие считают, что большая часть знаний является скрытой, что они оперируют на основе чувствительности к тому, что не осознается и не может быть выражено [Polanyi, 1972].

Эпистемологические выводы, которых придерживаются исследователи, лежат в основе как способа проведения исследований, так и особенностей конструирования теорий. Большая часть подходов, определяющих своеобразие позиции, занимаемой исследователями, представлена выше. Эти позиции, определяемые своеобразием эпистемологического основания, получили название *мировоззрения*. В различных исследовательских традициях представлено множество тонких отличий в своеобразии этих позиций [Littlejohn, с. 32].

В то время как в рамках эпистемологии осуществляется изучение специфики человеческого знания и познания, другой, не менее важный, аспект представляет онтология. В рамках онтологического аспекта исследуется проблема природы бытия или, более узко, природы феноменов, которые мы стремимся познать [Gergen, Gergen, 1984]. Фактически онтология и эпистемология неотделимы друг от друга, т.к. наше понимание знания и познания отчасти зависит от наших же представлений о природе познаваемого. В психологии, и, особенно, в социальной, онтологический аспект в значительной степени связан с природой социального существования человека. Все социально-психологические подходы или парадигмы в явном или неявном виде базируются на своих основоположениях о природе социального бытия (K.J. Gergen [1997]; R. Harre [1986; 1993; 1998]; R. Harre, L. Langenhove [1999]; S. Chaiklin [1997]; S. Kvale [1997]; P. Lather [1997]; L. Lovlie [1997]; M. Michael [1997]; P. Richer [1997] и др.).

В рамках онтологического подхода предпринимаются попытки нахождения ответов, по крайней мере, на следующие фундаментальные вопросы. Что есть реальность? Представлена ли реальность в сознании? Является ли человеческое сознание независимым от деятельности мозга? Существует одна реальность (монизм), или две (дуализм), или существует много реальностей (плюрализм)? Если существует две и более реальности, то как они сосуществуют друг с другом, и влияют ли они друг на друга? Является ли активность сознания объектом исследований психолога или

им является социальное поведение, а может быть социальное взаимодействие и т.п.? В какой степени человек обладает реальным выбором в жизни? Как лучше понимать человека — с позиций анализа его состояний или черт? Какие факторы являются доминирующими в человеческом существовании — индивидуальные или социальные? В какой степени контекстуализировано человеческое поведение? Ответы на эти и другие вопросы составляют научное мировоззрение, которое определяет позицию исследователя, принадлежность к той или иной социально-психологической традиции, парадигме. В зависимости от него формируется решение по поводу самых существенных вопросов, логики и технологии научного исследования.

Что есть реальность и сколько их существует? В логике монизма реальность во всей совокупности составляющих ее частей представляет собой единство. Все принадлежит всему остальному — представляет универсум. По замечанию М. Wertheimer [1972], монизм “приходит в двух основных и глубоко противостоящих формах. Подлинная реальность понимается либо как физическая (взгляд, определяемый как материализм), либо как мысленная (взгляд, определяемый как идеализм)” [там же, с. 91]. Две эти формы имеют радикально отличное значение в научной психологии. Для материалистов “мышление” сводится к активности мозга. Идеалисты считают, что умственное являет собой фундамент всех наук. Переживания, сознание, осведомленность априорны по отношению к мозгу. Единственным доступным миром является мир переживаний. Материалистический подход к психологическим феноменам сегодня обладает большим влиянием, тем не менее, применительно к таким категориям, как “опыт”, “осведомленность”, или “сознание” продуктивным является использование идеалистических взглядов.

В логике дуализма утверждается существование двух фундаментальных порядков, универсальных реальностей — физической и психической. Каждая из этих реальностей обладает своим статусом — наряду с переживанием психической реальности, человек испытывает и влияние физической реальности. В то же время признание сосуществования двух реальностей порождает и ряд вопросов: как они существуют по отдельности? В состоянии ли они влиять друг на друга? Если они влияют друг на друга, то каким образом? По отношению к ответам на эти вопросы существует ряд позиций. В соответствии с интеракционистским подходом психическое влияет на физическое и наоборот. При кажущейся приемлемости такого решения в нем возникает ряд трудно разрешимых проблем — как нематериальная психическая система может выступать в роли причиннообуславливающей в отношении физической системы и наоборот? Вторым фундаментальным вопросом является вопрос нахождения локуса (местоположения) этого взаимодействия. В психофизиологическом параллелизме утверждает-

ся тезис о независимом, параллельном сосуществовании двух реальностей. Центральной проблемой для него выступает контекстуальное присутствие некоего предустановленного координирующего и синхронизирующего механизма, регулирующего взаимоотношения этих двух реальностей. В эмерджентизме устанавливается независимое сосуществование психического и физического при признании того, что первое является продуктом второго, но продуктом, приобретающим иное качество. Особой разновидностью эмерджентизма выступает эпифеноменализм, рассматривающий психическое как бипродукт активности мозга, но продукт обладающий причинной действенностью. Психическое рассматривается как эпифеномен, обладающий независимым статусом. В отличие от эмерджентизма, претендующего на выход за рамки материализма, эпифеноменализм является лишь разновидностью последнего.

Особую логику представляет *плюрализм*, утверждающий, что мы живем в многомерности, включающей существование многих обособленных порядков вещей или реальностей. Плюрализм принимает существование физического и психического, но утверждает, что они не исчерпывают всех возможностей. Обсуждая проблему онтологического плюрализма E.R. McCormac [1990] утверждает, что понятия являются порождением "физических процессов мозга", но они не всегда являются порождением только мозговой активности" [там же, с. 417]. Понятие может порождаться большим количеством источников культуры, но так как оно в своем выражении зависит от физической системы, его причинные источники могут быть весьма разнообразны. Онтологический плюралист считает, что могут существовать многие обособленные реальные вещи, включая фундаментально отличные типы осознания действительности и другие порядки реальности, не подчиняющиеся известным нам правилам [Viney, 1994, с. 31]. Плюралистический подход в последние годы завоевывает все большую популярность, но в связи с его своеобразием и порождает много проблем, главной из которых является проблема сосуществования этих реальностей друг с другом. Например, классический дуалист пытается установить как взаимовлияют дух и тело, классический теист обязан сражаться за проблему теодосии (отношения бога к миру) и т.п. в связи со сказанным проблема плюрализма продолжает находиться в центре дискуссий философов и психологов [Ford, 1990; Reck, 1990].

Основной вариацией онтологического плюрализма является *атрибутивный плюрализм*. Эта позиция сосредотачивается на анализе взаимоотношений между объектом и словом, используемым для описания объекта. Согласно подходу люди, как пользователи слов, имеют возможность атрибутирования объекту ряда качеств. Например, ответ на вопрос о том, что представляет собой закат? может быть получен с множества позиций.

Физик ответит по-своему, физиолог и психолог — по-своему, поэт может привнести свои нюансы и т.п. На вопрос, чем же реально является закат можно пригласить мониста и плюралиста, которые опять-таки выскажут различные суждения.

В какой степени человек обладает реальным выбором? Несмотря на то, что практически все исследователи согласны с тем, что человек обладает выбором, в течение многих лет не утихают философские дебаты о том возможен ли реальный выбор. По одну сторону находятся детерминисты, утверждающие, что человеческое поведение детерминировано множественными предшествующими условиями и люди в своем поведении пассивны и реактивны. По другую сторону находятся прагматисты, провозглашающие целенаправленный, планируемый характер человеческого поведения. Они рассматривают людей как принимающих решения, обладающих активным бытием и влияющих на собственную судьбу. Имеется и объединительный подход, утверждающий, что люди обладают выбором в ограниченном числе ситуаций или что некоторые типы поведения являются детерминированными, в то время как другие являются объектом свободной воли.

Как лучше понимать человека — с позиций анализа его состояний или черт? Широкий спектр подходов к данному вопросу предложен Р.А. Andersen [1986] и L.A. Pervin [1990]. Сторонники подхода первичности состояний утверждают, что люди изменяются и проходят через множество состояний на протяжении дня, года, всей жизни, акцентируя внимание на динамическом характере человека. Сторонники подхода с позиции доминирования черт, придерживаются позиции предсказуемости людей в силу того, что они проявляют более или менее константные характеристики. Люди могут изменяться потому, что меняются их черты, но черты не изменяются быстро и легко. В большей же своей части люди являются статичными. Многие психологи придерживаются синтетического подхода, предполагающего значимость как состояний, так и черт по отношению к человеческому поведению.

Какие факторы являются доминирующими в человеческом существовании — индивидуальные или социальные? Многие психологи придерживаются персонцентрического или индивидного подхода к человеку. Признавая тот факт, что люди не могут быть изолированы друг от друга и что категория взаимодействия является важной для понимания специфики человеческого поведения, они интерпретируют его как определяемое в первую очередь личностными детерминантами. В качестве единицы анализа поведения для этих исследователей выступает индивидуальная человеческая жизнь. Многие другие исследователи придерживаются позиции о приоритете социальной жизни как единицы анализа. Они считают, что

человек не может быть понят вне его взаимоотношений с другими людьми, группами и культурами. Этот подход особенно характерен для интеракционистского направления в социальной психологии [L.A. Pervin, 1990].

В какой степени контекстуализировано человеческое поведение?

Этот вопрос связан с выяснением того, является ли поведение регулируемым некими универсальными принципами или оно определяется ситуационными факторами. Некоторые философы считают, что человеческую жизнь и деятельность лучше рассматривать как определяемую универсальными факторами; другие философы считают, что поведение в высокой степени контекстуализировано и не может быть каких-либо обобщений вне конкретной непосредственной ситуации. Представители синтетического подхода придерживаются точки зрения о значимости как общих, так и ситуативных факторов. Применительно к социальной психологии водораздел по данному вопросу проходит между ортодоксальными бихевиористами и когнитивистами, персонологами бихевиористского и когнитивистского толка и интеракционистами и т.д. Также присутствует и объединительная традиция, подчеркивающая значимость как ситуативных, так и личностных детерминант взаимодействия.

В рамках онтологического аспекта существует целый ряд других вопросов, требующих специального рассмотрения, но уже в адресованном ему издании. Выделенные же вопросы, на мой взгляд, наиболее полно иллюстрируют диатропичность рассмотрения природы человеческого бытия. Представленная многоаспектность человеческого поведения через призму эпистемологического и онтологического аспектов наглядно демонстрирует возможные различные последствия реализации того или иного построения в рамках конкретного психологического вмешательства, а следовательно, напрямую связано с аксиологическим или этическим аспектом.

Столь же дискуссионным остается вопрос – в какой степени человек обладает реальным выбором? Несмотря на то, “что практически все исследователи согласны с тем, что человек обладает выбором, в течение многих лет не утихают философские дебаты о том возможен ли реальный выбор” [Littlejohn, 1994, с. 32]. По одну сторону находятся детерминисты, утверждающие, что человеческое поведение детерминировано множественными предшествующими условиями и люди в своем поведении пассивны и реактивны. По другую сторону находятся прагматисты, провозглашающие целенаправленный, планируемый характер человеческого поведения. Они рассматривают людей как принимающих решения, обладающих активным бытием и влияющих на собственную судьбу. Имеется и объединительный подход, утверждающий, что люди обладают выбором в ограниченном числе ситуаций или что некоторые типы поведения являются детерминированными, в то время как другие являются объектом свободной воли.

Остро дискутируется вопрос о степени контекстуализированности человеческого поведения. Этот вопрос связан с выяснением того, является ли поведение регулируемым некими универсальными принципами или оно определяется ситуационными факторами. Некоторые философы считают, что человеческую жизнь и деятельность лучше рассматривать как определяемую универсальными факторами; другие философы считают, что поведение в высокой степени контекстуализировано и не может быть каких-либо обобщений вне конкретной непосредственной ситуации. Представители синтетического подхода придерживаются точки зрения о значимости как общих, так и ситуативных факторов. Применительно к социальной психологии водораздел по данному вопросу проходит между ортодоксальными бихевиористами и когнитивистами, персонологами бихевиористского и когнитивистского толка и интеракционистами и т.д. Также присутствует объединительная традиция, подчеркивающая значимость как ситуативных, так и личностных детерминант взаимодействия [Росс, Нисбетт, 1999].

В представленном анализе философских оснований социально-психологической теории приведено описание различных точек зрения, подходов, позиций, вызывающих особый интерес у психологов. Конечно же, они не охватывают весь спектр возможных вопросов. Ведь правомерно обсуждать и такие вопросы, как обладает ли человеческое бытие имплицитной моральностью (являемся ли мы при рождении хорошими или плохими, а может быть нейтральными?). Что составляет адекватное объяснение? Какие единицы анализа являются наиболее пригодными по отношению к социально-психологическим феноменам? Эти и другие вопросы можно обсуждать и обсуждать, учитывая, что по каждому из вопросов также присутствует широчайший спектр альтернативных ответов, обосновываемых одинаково убедительными аргументами и эмпирическими фактами [Аллахвердян с соавт., 1998].

Вышеизложенное дает основания для констатации главного – самой возможности сосуществования разных позиций, подходов, традиций. Более того, это диатропическое многообразие предоставляет возможность схватывания все новых и новых оттенков социальной реальности, как частности, социально-психологических феноменов. Это схватывание различных уникальных особенностей феномена с различных позиций, традиций и т.п. при отсутствии претензий на построение новой, наиболее “правильной” позиции или традиции, произвольно затормаживающей развитие других, и составляет философские основания интегративной эклектики.

Очевидна невозможность избрания какой-либо единой логики без ущерба для продуктивности процесса познания изучаемой феноменологии. Невозможность как интегрирования, так и эклектизации накопленного многообразия современного психологического знания, возможность ис-

пользования мировоззрения и инструментария несовместимых, антагонистических традиций как условия инсайтирования, углубленного постижения сути феномена создают основания для разработки нового подхода, основанного на идеях многомерности, онтологического плюрализма, диалогичности и диатропичности.

1.3. Проблема метатеоретических метафор и перспектив развития психологического знания

Культурно-исторический контекст развития психологических представлений, находящий свое выражение в их трансформации, смене инсайтов и приоритетов, создает основания для констатации зависимости представлений и представителей научного сообщества от сформировавшихся в общественном самосознании культурных аналогий или метафор. По мнению целого ряда авторов культурно детерминированные метафоры выступают в качестве оснований, аналогий для построения соответствующих психологических теоретических моделей (J.R. Averill [1992]; R. Boyd [1979]; R. Boyd, Brunner J., C.F. Feldman. [1992]; J.D. Casper [1991]; K. Danziger [1992]; D. Gentner [1983]; K.J. Gergen [1992]; R.R. Hoffman, E.L. Cochran, D.E. Leary [1992]; P. McReynolds [1992]; J.M. Nead [1992]; D. Leary [1990]; E.R. McCormac [1990]; A.G. Miller [1989]; A. Ortony [1979]; W.F. Overton [1991]; K.H. Pribram [1992]; P. Ricouer [1977]; T.R. Sarbin [1992]; L.D. Smith [1992]).

Само понятие “метафора”, происходящее от греческого слова *metaphora* – перенос, определяется как “оборот речи, заключающий скрытое уподобление, образное сближение слов на базе их переносного значения” [Словарь иностранных слов, 1983, с. 307], часто ассоциируется с аналогией, иносказанием. В психологическом контексте оно определяется как “выведение, расширение, перенос одной реальности дискурса или содержания на другое, более яркое, вспоминающееся” [Reber, 1995, с. 19]. Это нечто большее, чем яркий и полезный образ, приводящий к новому пониманию или видению. Метафора требует способности отражения вопроса и принятия выгодной позиции за его рамками, для образования возможной связи с другими вопросами. В метафоре осуществляется попытка нахождения простого способа понимания чего-либо сложного более отчетливо и быстро посредством сравнения с чем-либо хорошо известным и понятным нам. Как отмечают R.R. Hoffman, E.L. Cochran и J.M. Nead, “понятие метафоры может быть определено различным образом: как “произнесение одного, подразумевая другое”, как “отклонение от семантических правил” и как “совершение имплицитных сравнений, отличающихся от наблюдаемых у объектов” [1992, с. 176]. Этими же авторами отмечается

широкий спектр теорий метафор (M. Black [1962]; R.R. Hoffman, E.R. McCormac, J.M. Lawler, J.M. Carroll [1989]; R.R. Hoffman [1984]; R.R. Hoffmann, S. Kemper [1987]; S.R. Levin [1977]; A. Ortony [1979, 1980]; P. Ricoeur [1978]), каждая из которых обладает определенным потенциалом продуктивности по отношению к психологическому исследованию.

В методологическом аспекте понятие метафоры было использовано Р. Рикюэром в его противостоянии позитивизму посредством разработки теории метафорической истины [1977]. По мнению Р. Рикюэра, метафорический дискурс обладает творческим и изобретательным характером и эта творческая активность и является открытием. Исследуя измерения человеческой активности, он разработал метод герменевтической рефлексии. "Рефлексивная философия относит к числу наиболее радикальных проблем те из них, которые связаны с самопониманием как субъекта познания, воли, оценки и т.п." [там же, с. 188].

Метафоры играют особую роль в процессе создания нового видения проблемы. Они сцеплены со временем и культурой. По мнению S. Duck, им принадлежит "решающая роль в творческом расширении мышления, значений и понимания, зависящих от контекста, в котором это расширение имеет место" [Duck, 1994, с. 21–22]. Относительно роли метафор в научном мышлении автор подчеркивает: "Мы все используем язык для проведения исследований и этот язык структурирует исследование, расширяя и ограничивая процесс размышлений об исследовании ... структуры мышления исследователя пронизаны метафорами, которые они выбирают для описания феномена" (там же, стр. 32). "Восприятие исследователя структурировано метафорами, используемыми для описания феномена и параллелизм между исследовательской активностью и его человеческим бытием не может быть минимизирован. ... Эти структуры как информируют, так и ограничивают процесс рассмотрения феномена. Это как в физике: наблюдение не может быть нейтральным. Каждый видит феномен в соответствии с исходной точкой зрения и относительность различных точек зрения может помочь нам увидеть что-то фундаментально важное" (там же, стр. 33).

Проблема метафоризированности научного сознания становится достаточно очевидной при проведении исторического сопоставительного анализа соответствующих теоретических моделей общекультурными метафорами или моделями, ставшими приоритетными в общественном сознании в определенные временные промежутки. Как показывает анализ работ в области истории психологии, каждое великое открытие в области естествознания или культурно-историческое явление, неизбежно становятся своеобразными метафорическими аналогиями для построения соответствующих теоретических моделей в психологии (J.F. Brennan [1994]; M. Black [1979]; R. Boyd [1979]; J. Brunner, C.F. Feldman [1992]; E.J. Coats

[1998]; K. Danziger [1992]; D. Hothersall [1995]; H.H. Kendler [1987]; J.H. Korn [1997]; T.H. Leahey [1994]; D.E. Leary, A. Ortony [1979]; L.A. Peplau, T.R. Sarbin [1992]; S.E. Taylor [1997]; K. Tracy [1998]; W. Viney [1994] и др.).

В.С. Степин отмечает: “В процессе становления и развития картины мира наука активно использует образы, аналогии, ассоциации, уходящие корнями в практическую деятельность человека (образы корпускулы, волны, сплошной среды, образы соотношения части и целого как наглядных представлений и системной организации объектов и т.д.)” [Степин, 1989, с. 10]. По мнению S. Ozick [1986] метафора трансформирует “незнакомое в знакомое” (приводится по Leary [1992, с. 7]).

Метафоризация научного познания особенно характерна для социальных наук. Как показывает D.E. Leary, роль таких метафор, как “механическая, органическая, лингвистическая, шутовская, драматургическая и т.п. – очевидна” [1992, с. 13]. Не менее значима и роль метафор и в психологическом познании.

В истории научного познания реально просматривается ряд таких общекультурных метафор: синкретическая – многобожество, схоластическая – священное писание, механическая – часы, статистическая – бухгалтерский отчет, энергетическая – закон сохранения энергии, системная – баланс, кибернетическая или компьютерная, гендерная, синергетическая и др., более частные, каждая из которых обуславливала соответствующие ассоциативные теоретические модели (например, энергетическая модель личности З. Фрейда, компьютерные модели в когнитивной традиции и т.п.) (Ю.В. Чайковский [1990]; R. Boyd [1979]; J. Clement [1981]; K. Danziger E.G. [1992]; Freedman [1996]; D. Gentner [1983]; G.N. Gilbert, R.R. Hoffman, E.L. Cochran, J.M. Nead [1992]; M. Mulkay [1984]; C.F. Graumann [1996]; M.B. Hesse [1966]; E.R. McCormac [1990]; A.I. Miller [1989]; A. Ortony [1979]; K.H. Pribram [1992]; R. Sapsford с соавт. [1998]; T.R. Sarbin [1992]). Именно общекультурные метафоры выступают, в силу отсутствия прямого доступа к объективной реальности, в качестве аналогий для интерпретации психологической феноменологии, определяя соответствующее ассоциативное поле исследователя. Наличие широкого поля метафор опять-таки создает основания для теоретического многообразия.

Блестящий анализ роли метафор в истории исследований в области нейropsychологии дает К.Н. Прибрам [1992]. Он убедительно показывает, что роль метафор заключается в организации, структурировании и понимании данных. “Понимание приходит в результате смешения трех типов рационализации, направляющих поиск и предоставляющих некоторое понимание полученных результатов: индукции принципов из данных; дедуцирования логических отношений между принципами; и рассуждений по аналогии, представляющих попытку помещения выявленных отношений в более широ-

кий контекст" [там же, с. 80]. Среди наиболее продуктивных для современной нейропсихологии метафор им отмечаются телекоммуникационная, кибернетическая, компьютерная, голографическая и голономическая. В частности, голономическая метафора привела некоторых физиков к выводу о внутреннеобусловленной переплетенности восприятия и сознания с одной стороны и макрофизической и микрофизической реальности с другой. Д. Вoht в своей фундаментальной книге "Специальная теория относительности" [1965] приходит к заключению, что современная физика имеет дело с "взаимоотношениями между наблюдениями", а не с "наблюдаемым". Это же обстоятельство побудило многих философов и физиков к панпсихизму, рассматривающему сознание не как свойство мозга, а как универсальное качество. К.Н. Pribram акцентирует внимание на следующем интересном обстоятельстве, заключающемся в сближении понятия "сознание" с постулатами Восточного мистицизма и религиозными воззрениями Запада.

Он находит полезным введение различия между метафорами, аналогиями и моделями, показывая на примере развития исследований в области нейропсихологии "(1) как группа исследователей начинает с общей метафоры – широкого и неопределенного ощущения сходства между двумя объектами, (2) как они упорядочивают эту метафору первоначально посредством рассуждений по аналогии между сравниваемыми объектами, и (3) как они, посчитав проделанную работу достаточной, трансформируют исходную метафору в строгую научную модель, теоретическую конструкцию, предлагаемую широкому научному сообществу для проверки" [1992, с. 97 – 98].

J.R. Averill показывает роль исследовательских метафор в изучении эмоций на примере феноменологической, психофизиологической, этологической, психодинамической традиций и теории драйвов [1992, с. 112 – 123]. Р. McReynolds приводит аналогичный анализ метафор применительно к исследованиям области мотивации. Он выдвигает пять основных метафор:

1. Контролирующая власть: личность как пешка.
2. Личностный контроль: личность как активный деятель.
3. Прирожденные тенденции: личность как природное качество.
4. Телесные процессы: личность как организм.
5. Внутренние силы: личность как машина [1992, с. 139].

R.R. Hoffman, E.L. Cochran и J.M. Nead предлагают анализ познавательных метафор, используемых в экспериментальной психологии [1992]. Авторы упоминают метафоры, применявшиеся к изучению памяти: таблетки памяти, словарь, мускулы, коммутатор, компьютер, голограмма, когнитивная карта, сети, узлы, проводящие пути и т.п. H.R. Pollio [1990] приводит описание метафор, использовавшихся по отношению к сознанию, представленных на рис 1.2.

Метафоры	Теоретики
1. Поток, птичий полет.	James
2. Последовательность, цепь.	Freud, ранние философы ассоцианисты.
3. Симфония, fuga, музыкальная композиция.	Joyce, Proust, Bergson
4. Монолог, разговор с самим собой, рассказ.	Faulkner, Proust
5. Состояние, способ.	Академические тексты по психологии и психиатрии
6. Уровень, глубина.	Joyce, Freud, Jung
7. Область, паттерн.	Kohler, Merleau-Ponty
8. Горизонт, перспектива.	Husserl, Kohler, Heidegger

Рис. 1.2. Основные метафоры, используемые в современных исследованиях сознания (приводятся по: H.R. Pollio, T.B. Henley, C.J. Thompson [1997, с. 26]).

L.D. Smith оценивая роль метафор в научном познании относительно бихевиористской традиции в психологии, характеризующейся внешним игнорированием любого упоминания о роли внутренней активности, приходит к следующему весьма любопытному заключению: "Первое, исследователи, враждебно относящиеся к метафорам, характеризуются со сложностями, обусловленными не развитостью речи, приводящей к стремлению дискредитации метафор. Второе, бихевиоризм, обычно ассоциируемый с антиметафорической позитивистской традицией, часто использовал метафорические формулировки как на этапе своего становления, так и на этапе развития. Каждый из ведущих необихевиористов интенсивно использовал метафоры. Четвертое, Каждый из этих мыслителей использовал метафоры не только как обороты речи, а как способы выведения паттернов глубоко укоренившихся обязательств в отношении мировоззренческих формулировок. И, пятое, каждый из этих серьезных необихевиористов начинал свою карьеру с серьезного интереса к эпистемологии и разрабатывал систему метафор в отношении человеческой эпистемологии, а также познавательной активности животных" [1992, с. 258].

В конечном счете L.D. Smith приходит к ряду основополагающих утверждений в отношении роли метафор в научном психологическом познании: "(1) Несмотря на кажущуюся неочевидность основополагающего влияния метафор / метафизики в научном мышлении они всегда имплицитно присутствуют. (2) Претензии на не использование метафор / метафизики являются ни чем иным как обманчивой видимостью. (3) Антиметафо-

рическая / антиметафизическая позиция не может быть сформулирована без использования метафорического / метафизического дискурса. (4) Ученый может критиковать системы метафор / метафизики только с позиции собственной системы метафор / метафизики. (5) Устранение одной системы метафор / метафизики приводит к замене ее на другую (6) Не смотря на то, что метафоры / метафизика не имеют прямого отношения к науке оценка их научной продуктивности не может быть произведена быстрым и простым образом; их продуктивность может быть измерена только в долгосрочной перспективе, через экстенсивные усилия по определению их применимости" [1992, с. 260 – 261].

Давая обобщающую оценку роли метафор в научном познании, К. J. Gergen отмечает, что "метафоры выступают в качестве существенного средства генерирования и трансформации теоретических форм понимания в науке и в более широком плане в культуре в целом [1992, с. 272]. Основной функцией метафоризации научного познания является генерация нового знания. К. Danziger отмечает в этой связи, что "основополагающая система метафор обладает генеративными свойствами, способствующими установлению новых характеристик посредством поверхностного дискурсного ядра. Разделяемые основополагающие метафорические образы предоставляют людям возможность обмена информацией о том, что они испытывают в отношении одних и тех же объектов. И на протяжении всего периода открытости этих образов у людей разделяющих их остается возможность утверждать различные способы их применения, каждый из которых может рассматриваться как оригинальная метафорическая схема. Таким образом идентификация этих схем является важной в контексте понимания когнитивных факторов, предоставляющих некоторые условия как связанности, так и новизны в историческом развитии психологического дискурса" [1992, с. 333].

Обещекультурная метафоризация психологического знания, отсутствие прямого доступа к исследуемой реальности, возможность множественной интерпретации изучаемого феномена сопряжены с обсуждением проблемы влияния личности исследователя на выбор методологии и метода, процесс исследования и интерпретацию его результатов.

Проблема перспектив развития современной социальной психологии и персонологии в последние годы обсуждается в контексте перехода из эпохи модернизма, ассоциируемого с европейским рационализмом, к постмодернизму. Перечень основных претензий, выдвигаемых исследователями к позитивизму, господствующему в эпоху модернизма, был представлен в предыдущих разделах диссертации, здесь же уместен анализ возможных перспективных линий развития психологического знания в эпоху постмодернизма.

Критика фундаментализма в науке была представлена в работах ряда философов, занимавшихся проблематикой развития научного познания (Т. Адорно, Т. Кун, К. Поппер, В.С. Степин, П. Фейерабенд, Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер и др.). Красной нитью всех этих исследований является констатация уязвимых мест позитивистского подхода к процессу познания в контексте получения средств доступа к объективной действительности. Уязвимость этого подхода определяется, прежде всего, опосредованностью такого доступа, во-первых, инструментальными возможностями, а, во-вторых, личностью самого исследователя, являющегося социальным существом, вовлеченным в контекст культуры и своего социального окружения.

Доминирование же в психологическом исследовании позитивистских оснований опять-таки во многом обусловлено человеческим или психологическим фактором. Как убедительно показано в ряде работ, анализирующих исторический аспект становления и развития психологического знания, позитивистская ориентация исходно была предопределена стремлением психологии к конституированию как научной области естествознания (Г.М. Андреева [1994; 1997]; J.F. Brennan [1994]; C. Franklin [1982]; C.F. Graumann [1996]; D. Hothersall [1995]; H.H. Kendler [1987]; T.H. Leahey [1994]; W. Viney [1994]). При общем понимании существенных отличий человеческой природы от объектов физической природы в силу обладания символическим и рефлексивным ее аспектами, тем не менее, понадобилось несколько десятилетий для того, чтобы этот вопрос хотя бы начал обсуждаться. Окончательное же развенчивание позитивизма как единственной научной методологии происходит лишь со сменой, с наступлением эпохи постмодернизма в культуре.

Этот переход и определяет перспективы современного психологического знания. Анализируя состояние психологической науки в эпоху постмодернизма К.Ж. Герген выделяет четыре ее фундаментальные особенности:

“Исчезновение предмета исследования”. С его точки зрения наиболее фундаментальный вопрос, поставленный постмодернистами, сводится к утверждению о том, что “наш язык о мире оперирует как зеркало этого мира. В большей степени рассуждения о мире оперируют на основе социальных процессов, которые в свою очередь кристаллизуются в понятиях различных теоретических правил и предметов выбора”. Следовательно, предмет исследования размывается и становится множественным.

Переход “от универсальных свойств к контекстуальному отражению”. Вместо поиска универсальных свойств и качеств “постмодернистское мышление приглашает исследователя к принятию во внимание исторических обстоятельств вопроса. Каковы корни предпочитаемых рассуждений, каковы ограничения, что не устраивает? Для представителей постмодернизма наиболее существенной становится критическая саморефлексия”.

“Маргинализация метода”. При модернизме исследовательская методология переживает виртуальный апофеоз. Экспериментальная методология ставит человека “в позицию механического автомата, поведение которого является продуктом внешнего ввода, таким образом, отрицая его активность и личную ответственность. Более того, такая методология порождает искусственное обособление между исследователем и субъектом, утверждая первичность знания, достигаемого через отношения отчуждения”.

“Большая повесть о прогрессе”. В рамках модернистского подхода прогресс научного познания рассматривается как процесс поступательного преодоления трудностей на пути достижения истинного знания. В постмодернизме “ставится под сомнение как само понятие истины, так и исследования как средства ее достижения” [1997, с. 23–25].

В психологии эпохи постмодернизма избирается курс на обеспечение тесной связи психологической науки с повседневной прозаикой жизни человека в условиях экзистенциально-феноменального бытия в условиях непосредственного социального окружения. Но в качестве ведущей цели определяется не предоставление единственно верных истин, а предложение альтернативных позиций, отражающих многообразие трактовок и возможных решений, объяснений того или иного явления. Вместо занятия нейтральной позиции психолог приглашается к идентификации с позицией личности, профессионала и политика. Активность, деконструкция, диатропика, полилинейность берутся на вооружение представителями гендерной, дискурсной, критической, экзистенциально-феноменологической традиций (K.J. Gergen [1992]; M.M. Gergen [1988]; W. Hollway [1989]; I. Parker, J. Shotter [1990] и др.). В рамках такого подхода людям предлагаются возможности выбора, альтернативы, применимые к пониманию повседневной жизни (C. Antaki [1988]; G.R. Semin, K.J. Gergen [1990]; J. Potter, M. Wetherell [1987]; S. Moscovici [1984; 1998]).

Постмодернизм призывает ученых присоединиться к сумятице культурной жизни – стать активным участником конструирования культуры. “Вместо того, чтобы говорить “это по причине этого” психолог постмодерна “говорит о том, каким это может стать”. Надо обрести смелость преодолеть барьеры здравого смысла, вводя новые формы теории, интерпретации, интеллектуальности” [K.J. Gergen, 1997, с. 27]. В этой связи K.J. Gergen предлагает понятие “генеративной теории”, призванной преодолеть конвенциональное мышление и таким образом открыть новое альтернативное мышление и действия. По его мнению, посредством такого теоретизирования ученые могут внести свой вклад в формы культуры понимания, объединения символических ресурсов, доступных людям в их непосредственной жизни. Постмодернистская психология пытается соединить психологов и общество.

J. Shotter, анализируя перспективы развития психологии, акцентирует внимание на необходимости изменения позиции и характера психологического исследования. С его точки зрения, необходим переход с позиции отстраненного, "обособленного проверяющего теорию созерцателя, к позиции заинтересованного, интерпретирующего, проверяющего процедуру, включенного наблюдателя"; с "одностороннего стиля исследования к двусторонней интерактивной модели" [1997, с. 58]. И далее, он конкретизирует эту мысль следующим образом: "вместо образа (а) "мышления как (пассивного) зеркала природы". (b) "знания как точной репрезентации" и "исследователя как внешнего наблюдателя" предлагается ряд других образов: "образ (а) ученого "как одного из членов сообщества "действующих вслепую" людей, исследующих собственное окружение, используя стек или другие подобного рода инструменты"; (b) для которых "знание значимо как средство обращения с ним, "знания происходящего вокруг", путях коммуницирования между ними"; и (с) "мышления как активно "создающего смыслы" относительно инвариантных свойств, открываемых при помощи инструментально обеспеченных исследований собственного окружения" — изменения с познания посредством "наблюдения за", на познание посредством нахождения "в контакте или соприкосновении с" изучаемым феноменом (там же).

Таким образом, психологическая наука должна изменить свою исходную позицию, пересмотрев как исследовательскую процедуру, обязанную включать в плоскость рассмотрения поточность и континуальность феноменологии, так и способы легитимизации обретенного знания, предполагающие изменение отношения к экзистенциальным переживаниям. В более детализированном виде это изменение, по мнению J. Shotter, должно предполагать следующее:

- 1) "от ориентированности на теорию к практике, от теоретизирования к практическому обеспечению, инструктивному описанию;
- 2) от заинтересованности в обстоятельствах к заинтересованности в активности и использовании "мыслительных средств" или "психологических инструментов" собственного изобретения;
- 3) изменения от того, что происходит в головах индивидов к интересам (в большей части социальным) к природе окружения и к тому, к чему это может приводить, что позволяет или чему способствует";
- 4) переход от процедур, используемых кем-либо к согласованию, диалогу друг с другом;
- 5) и исходной позиции отражения (когда поток взаимодействий приостанавливается), локальным исходным точкам, вплетенным в исторический поток социальной активности в повседневной жизни;
- 6) от языка репрезентации реальности к его роли как координатора многообразия социальных действий, с его репрезентативной функ-

ции, реализующейся в ряде лингвистически конституированных социальных отношений;

- 7) от доверия нашему жизненному опыту как основе понимания мира, к рассмотрению социальных процессов его конструирования; и наиболее важно,
- 8) от исследования, основанного на фундаменте, исходно принимаемом как авторитетный – провозглашающий приемлемость результатов вне времени, – к образцам исследования, предполагающим возможность корректирования ошибок, находимых в локальных ситуациях и обстоятельствах” (там же, с. 59).

J. Shotter подчеркивает: “Таким образом мы уходим от индивидуалистской, третьесторонней, внешней позиции созерцающего наблюдателя, исследователя, коллекционирующего фрагментированные данные с социально “сторонней” позиции наблюдения за реализующейся активностью, соединяющего пробелы между фрагментами при помощи изобретательного воображения теоретических категорий, к более интерпретативному подходу; уходим от использования вывода – утверждения (конечно, на некотором основании), что по существу ненаблюдаемые, субъективные сущности, предположительно внутриличностные, все же существуют, к моделям герменевтического изучения; от теоретических к более практическим интересам, связанным с вспомогательными средствами и способами, неизбежно применяемыми нами при проведении исследований” (там же, с. 60).

В контексте изложенного все больше исследователей начинает осознавать ограниченность индуктивного подхода, реализующегося в эмпирических исследованиях, и выдвигают в качестве более продуктивной альтернативы герменевтический подход (Х.-Г. Гадамер [25], Е.Л. Доценко [1997], С. Крипнер и Р. де Карвало [1993], П. Рикёр [1995], А.Н. Славская [1994], А.Р. Bochner [1985], J. Shotter [1997], и др.).

С. Крипнер и Р. де Карвало отмечают, что психологическое исследование может включать в себя “феноменологическое исследование, герменевтическое истолкование значений, изучение жизненного пути и отдельных исторических случаев, а также многие другие исследования с использованием качественных данных и (или) реконцептуализированных квази-экспериментальных процедур” [1993, с. 124]. J. Shotter показывает, что в отличие от описательно-фиксирующего характера традиционного эмпирического подхода, подход герменевтический предполагает процессуальный подход к феномену “включающие созидание, конструирование его сущности. Более того, видение объекта вовлекает активные психологические процессы конструирования, включающего социально порождаемое знание” [1997, с. 61]. Основной задачей исследования становится освобождение от какого-либо предустановленного миропорядка: “1 – вместо

наскоро сделанного мысленного нахождения такого порядка. мы обязаны рассматривать активность, которая начинается с неопределенной и полностью не детализированной "тенденции", которая становится открытой для последующей детализации; а также 2 – вместо размышлений о возможности делания "открытий" специально подготовленными людьми, владеющими особыми методами, ... мы должны рассуждать в понятиях как "нахождения", так и "делания" (там же, стр. 61–62).

Целью научного психологического познания является не только описание, что тоже является существенным, но и рассмотрение той роли, которую играет знание в повседневной жизни, как оно передается в обществе, как это общество сохраняет память о прошлом и предъявляет себя в настоящем. Формулируя задачи "нарративной психологии", J.-F. Lyotard выделяет три типа исследовательской компетентности – "знать как", "знать как излагать", и "знать как слушать" [1984, с. 21].

Вышесказанное, предполагает пересмотр практически всех вопросов, изучаемых в психологии в новом свете, предполагающем выяснение именно процессуальной природы человеческой активности, обусловленной контекстами реального бытия в условиях непосредственного социального окружения и их экзистенциально-феноменального переживания, формирующего участия языка. "Наука обязана обладать ресурсами для иронизирования в отношении собственных провозглашений", – подчеркивает J. Shotter [1997, с. 67–68].

В первую очередь необходимо переосмысление соотношения таких базовых для социальной психологии и персонологии категорий как "личность", "ситуация" и "активность", используемых для описания изучаемого феноменального поля социального бытия личности и ее окружения. Во многих работах показано, что они должны рассматриваться в континуальной экзистенциально-феноменальной диалектической взаимозависимости. Любое акцентирование на одном из компонентов данной базовой триады неизбежно приводит к ограниченному пониманию сути описываемой феноменологии и гипертрофированию одних ее аспектов в ущерб другим (A. Bandura [1965; 1986]; K. Gergen [1992]; W. Mishel [1993]; R. Sapsford с соавт. [1998]; V.A. Yanchuk [1999] и др.).

Анализ перспектив развития социальной психологии и персонологии показывает их зависимость от нахождения оптимальных решений относительно ориентиров в теоретическом многообразии, обусловленном различием онтолого-эпистемологических оснований существующих подходов, определенностью в концептуально-понятийном аппарате, нахождением продуктивного компромисса в методе исследования и действенных средств преодоления авторской предубежденности, обусловленной приверженностью к определенным парадигмальным координатам (V. Caracelli, J. Greene

[223]; K. Gergen [1992]; B. Latour [384]; J.H. Korn [1997]; D. Miell, R. Dallos [1996]; J. Morse [1991]; N. Pidgeon, K. Mischel [1998]; C. Robson [1998]; R.S. Rogers с соавт. [1995]; R. Sapsford с соавт. [1998]; L. Westbrook [1994]; B.M. Wildemuth [1993] и др.).

S. Kvale, описывая возможный сценарий будущего развития психологического знания, отмечает ее движение "от археологии психики к культурному ландшафту представления мира" [1997, с. 53]. Это должно предполагать "поворот лицом к укорененности человеческого существования в специфических исторических и культурных ситуациях, открытость инсайтам, поставляемым искусством и человечеством. Основные исследовательские вопросы должны включать лингвистическое и социальное конструирование реальности, взаимозависимость локального контекста и само-сти в сети взаимоотношений. И это должно требовать принятия открытой, ориентированной на перспективу и неопределенную природу знания и проверки его в практике. Это должно предполагать многометодный подход к исследованию, включая качественное описание многообразия отношений человека с миром и деконструкции текстов, пытающихся описать эти отношения. Остается открытым вопрос насколько радикально и быстро эти изменения займут свое место в психологической науке, имеющей прочные индивидуалистические и рациональные корни" (там же).

Рисуя контуры будущего персонологии, L.A. Pervin обозначает "многообразие, плюрализм и расширение горизонтов" как определяющие перспективу ее развития [1990, с. 725]. Комплексность личности обуславливает комплексность ее рассмотрения с позиций разных подходов и перспектив. Время гегемонии каких-либо методов закончилось. Формируется "готовность к установлению связей с различными теоретическими перспективами, а также дисциплинами и поддисциплинами" (там же). Решающим фактором здорового развития персонологии является формирование готовности "серьезно относиться к вкладу альтернативных подходов", "исследованию феноменов максимально возможным числом разнообразных способов", "возвращения к старым проблемам посредством их изучения как старыми, так и новыми методами" (там же). Современная персонология "фокусируется на личности как системе, включая взаимодействие между постоянством и многообразием, стабильностью и изменчивостью, интеграцией и конфликтами, также как и изучением людей в различных контекстах и на протяжении достаточно длительного времени существования паттернов, в мире их внутренних мыслей и чувств, а также публичного поведения" [там же, с. 726].

Представленный анализ рассуждений ведущих представителей психологической науки о перспективах ее развития создает основания для определения основных задач нашего исследования, направленного на

нахождение соответствующих решений по определенным аспектам наиболее актуальных проблемных вопросов. К числу таковых относятся:

Определение в исходных онтолого-эпистемологических основаниях, предполагающее нахождение продуктивного, возможно компромиссного, решения (К.А. Абульханова-Славская; А.Г. Аллахвердян с соавт.; В.С. Библер; Е.Л. Доценко; А.А. Митькин; В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев; А.В. Юревич; В.А. Янчук; К. Л. Хьелл, Д. Зиглер; К.С. Холл, Г. Линдсей; А. Bandura; Н. Coolican; К.Г. Gergen; М.М. Gergen; S. Kvale; S.W. Littlejohn; R. Harre; N. Hayes; W. Mischel; L. Pervin; N. Pidgeon, K. Henwood; R. Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell, R. Stevens; T.A. Van Dijk и др.).

Определение в способах теоретизирования и оценочно-критериальных основаниях доказательства научности результата психологического исследования (А.Г. Аллахвердян с соавт.; К. Халл, Г. Линдсей; К.Г. Gergen; К.Г. Gergen, М. М. Gergen; C. Franklin; R. Harre; J.L. Kincheloe, P.L. McLaren; L. Laudan; S.W. Littlejohn; B. Markowsky; I.I. Mitroff, R.H. Kilmann; N.R. Pandit; L.A. Pervin; R. Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell, R. Stevens; R. Stevens и др.).

Согласование концептуально-понятийного аппарата, различных традиций и подходов, предполагающее проведение работы по его инвентаризации, согласованию, приведению к единому знаменателю, по крайней мере, для предотвращения дискуссий, возникающих ввиду такого рода несогласованности (А.Г. Аллахвердян с соавт.; Е.Л. Доценко; Е.А. Климов; В.А. Янчук; К.Л. Хьелл, Д. Зиглер; К.С. Холл, Г. Линдсей; M. Augustinos, I. Walker; S. Duck; J.D. Greenwood; S. Littlejohn; J. McClure; D. McAdams; W. Mischel; L. Pervin; A. Tesser и др.).

Определение отношения к существующему многообразию парадигмальных координат, конституированных в психологическом знании, с точки зрения возможного нахождения потенциала кооперации усилий и возможностей в деле углубления психологического понимания исследуемой феноменологии (Г.А. Ковалев; К. Л. Хьелл, Д. Зиглер; К.С. Холл, Г. Линдсей; А.В. Юревич; В.А. Янчук; T.D. Cook; R. Harre; I.E.Jr. Hyman; J. McClure; L. Pervin; M. Maruyama; N. Pidgeon, K. Henwood; R. Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell, R. Stevens; D. Sperber, D. Premack, A.J. Premack; T.A. Van Dijk; V.A. Yanchuk и др.).

Определение в проблеме метода исследования, выражающееся в дебатах о соотношении количественных и качественных методов (объективистских — интерпретационных) (V. Caracelli, J. Greene; B.P. Allen; B. Latour; Н. Coolican; T.D. Cook; D. Miell; J. Morse; N. Pidgeon, K. Henwood; C. Robson; L. Westbrook; B.M. Wildemuth и др.).

Решение проблемы личностного фактора в исследовании и интерпретации его результатов, без обсуждения которой становится невозможным обсуждение

путей повышения адекватности психологического исследования (Вартофский; Х.-Г. Гадамер; М.Л. Мамарлашвили; А.В.Юревич; В.А. Янчук; М.А. Braniggan; G.N. Gilbert, M. Mulkay; M.E. Gorman; R.A. Griggs, R. Randsell; M.J. Mahoney; E.L. McDonagh; C.R. Mynatt, M.E. Doherty, R. D. Tweney; R. A. Neimeyer, W. R. Shadish, E.G. Freedman, A. Houts, B. Gholson и др.).

Выводы по главе I

Существующее в современной социальной психологии и персонологии многообразие теоретических традиций и подходов, в том числе и альтернативных, обусловлено отсутствием убедительных обоснований и доказательств безусловности приоритета того или иного элемента онтолого-эпистемологических дихотомий в отношении человека, как существа, обладающего наряду с первой (биологической), второй (символической) и третьей (рефлексивной) природой, не описываемыми традиционными объективистскими методами естествознания. Это является также следствием отсутствия общепризнанных концепций истины, способа, метода исследования, каждый из которых обладает как преимуществами, так и серьезными ограничениями.

Констатируемая в современной социальной психологии и персонологии множественность метапарадигмальных и парадигмальных координат предполагает разработку концептуально-критериальных оснований их соотношения, в качестве которых могут выступать онтолого-эпистемологические приоритеты.

Анализ современной ситуации в социальной психологии и персонологии позволяет выделить в качестве центральных вопросов для перспективного их развития:

- Самоопределение в системе онтолого-эпистемологических, теоретических и парадигмальных координат, категориального поля, отражающих последующую логику интерпретации психологической феноменологии через призму проблематики, стоящей перед исследованием, исследователем и используемыми им методологией и методами.
- Выбор теоретической концепции форм и оснований человеческих действий, позволяющей охватить, во-первых, весь спектр подходов в совокупности их достоинств и ограничений, во-вторых, возможные перспективные пути развития и углубления психологических знаний.
- Обсуждение проблемы субъективности в контексте нахождения компромисса в проблеме методологии и метода исследования, позволяющего расширить и углубить представления о сути и специфике феномена социального бытия.
- Рассмотрение роли личности исследователя в исследовании как носителя и актуализатора соответствующей теоретической традиции.

ГЛАВА 2. ИНТЕГРАТИВНО-ЭКЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ВОЗМОЖНОСТИ

2.1. Интегративно-эклектический подход – понятие, рамки, возможности

Представленный в первой главе анализ связанного с исследованием социальной феноменологии актуального проблемного поля современной психологической науки показал наличие широкого многообразия альтернативных подходов, основанных на разных онтолого-эпистемологических основаниях. Этот же анализ показал невозможность построения какой-либо новой, исчерпывающей метатеории с позиции единых универсальных оснований. Невозможность создания такого рода метатеории обосновывается отсутствием единых онтолого-эпистемо-логических оснований, а также каких-либо перспектив по поводу их появления в обозримом будущем (B.C. Библер [1991]; R.F. Baumeister, D.M. Tice [1996]; K.J. Gergen [1992]; C.F. Graumann, K.J. Gergen [1996]; R. Harre [328]; R. Harre, L. Langenhove [1999]; M. Luntley [1999]; M. Michael [1997]; D.E. Polkinghorne [1997]; R. Sapsford с соавт. [1998]; H. Siegel [1989]; H.J. Stam, T.B. Rogers, K.J. Gergen [1987]; M. Weinstein [1994]; и др.).

Единственное универсальное основание, объединяющее все психологические традиции и подходы, представляет сам человек и его социальное окружение, выступающие в качестве объекта изучения всех традиций. Различные же аспекты его активности и поведения выступают в качестве общего предмета исследования. Так как каждая традиция привносит свое видение в постижение сущности социального бытия личности, часто отличающееся от видения других традиций, поставляя инсайты, решения и вопросы, впоследствии принимаемые или обсуждаемые в рамках других альтернативных традиций, можно вести речь о существовании межпарадигмального диалога. Этот диалог альтернативных подходов и школ незримо присутствует и в процессе формирования психологической ментальности самих исследователей при их знакомстве с разработками представителей альтернативных подходов в курсах истории психологии и критики (Г.М. Андреева [1997]; К. Холл, Г. Линдсей [1997]; Л. Хьелл, Д. Зиглер [1997]; М.Г. Ярошевский [1985]; J.F. Brennan [1994]; C.F. Graumann, K.J. Gergen [1996]; D. Hothersall [1995]; H.H. Kendler [1987]; J.H. Korn [1997]; T.H. Leahey [1994]; J. Shotter [1997]; R. Stevens [1996; 1998]; W. Viney [1994] и др.).

Следует отметить, что, как правило, этот диалог не имеет равноправных оснований, т.к. чаще всего осуществляется в одностороннем порядке, сопровождаясь критикой с предпочитаемой парадигмальной позиции, при не предоставлении возможности ответа на критику противной стороне. Подобная ситуация приводит к тенденциозной подаче соответствующего содержа-

ния и его искажению. Искаженное представление в последующем начинает транслироваться в психологическом сообществе, провоцируя неприятие и антагонизм по отношению к альтернативному теоретическому подходу или инструментальному решению соответствующей проблемной задачи.

В особенности это было присуще отечественной психологии периода застоя, характеризовавшейся воинственной критикой зарубежной психологии, при предоставлении права знакомства с критикуемым весьма ограниченному кругу "идеологически проверенных" и "надежных" авторов (См., например, Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская [1978]; П.Н. Шихирев [1985]; Г.М. Ярошевский [1985] и др.). Подобная огульная критика привела к формированию нескольких поколений психологов, искаженно представляющих как зарубежную психологию в целом, так и, особенно, разработки представителей "идеологически чуждых" альтернативных традиций и школ (психоанализ, экзистенциальная феноменология, социальный конструктивизм и т.д.).

Своеобразие ситуации в отечественной психологической традиции заключается еще и в том, что практически все ее классики (М.Я. Басов, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.) формировались как профессионалы в условиях информационной открытости, имея доступ практически ко всем психологическим традициям того времени. Вследствие этого их психологическая ментальность не отличалась от ментальности мировой психологической традиции. После же установления "железного занавеса" все последующие поколения были вынуждены пользоваться либо пересказами, либо цензурированными "идеологически безопасными" версиями и работами. Такая закрытость начала проявляться в хорошо известном "тепличном эффекте", проявляющемся в формировании чувства самодостаточности, а также иллюзии единственно верных решений. Не отрицая позитивных достижений отечественных психологов и их единичных мировых признаний (В.М. Бехтерев, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия), следует отметить, что такая закрытость привела, во-первых, к полной парадигмальной дезориентации, во-вторых, к потере возможности мониторинга современных приоритетов психологических исследований; и как следствие, в-третьих, к существенному отставанию во многих магистральных областях психологической науки.

Такая же ситуация имела место и в зарубежном психологическом сообществе в отношении отечественной психологической традиции, но обусловлена она была, ограниченностью доступа к наработкам отечественных авторов, связанную с отсутствием переводов и все тем же "железным занавесом", ограничивавшим возможности продуктивной научной коммуникации. Разница заключается в том, что в зарубежном психологическом сообществе, всегда был открыт доступ к публикациям представителей

альтернативных подходов, другое дело, что этот доступ либо предоставлялся на откуп самостоятельному поиску, либо соответствующим образом комментировался трансляторами со стороны ведущей подготовку своих последователей традиции.

Начиная с восьмидесятых годов, потребность в диалоге начинает интенсивно возрастать, что сопровождается проведением различного рода дискуссий по совместно разрабатываемой проблематике. Особенность такого диалога обусловлена характерным для демократического сообщества плюрализмом, выражающимся в принятии альтернативных идей к сведению, переосмыслению собственных позиций, но при уважительном отношении к инакомыслию оппонентов. Таким образом, можно говорить о наличии общего стремления к интегрированию, но интегрированию особого рода – сопровождаемому уважительным отношением к суверенности представителей альтернативных подходов (В.А. Янчук [1999; 2000]; M. Augustinos, I. Walker [1996]; J.S. Greene, V.J. Caracelli [1997]; C.S. Carver [1996]; P. Clarkson [1996]; M. De Mey [1992]; A.A. Lazarus [1995]; S.A. Mischel [1988]; J.C. Norcross, L.M. Grencavage [1990]; V.A. Yanchuk [1996]).

Второй особенностью диалога альтернативных традиций является эклектика позитивных достижений. При всем критическом отношении к идеям эклектики и эклектизации, можно говорить и о том, что вне зависимости от этого отношения, практически в любом подходе, любой традиции они присутствуют. Примером является персонология Г. Мюр-рея, эклектизировавшего в целях углубления представлений о природе человека все многообразие методов, накопленных в рамках различных традиций (К. Холл, Г. Линдсей [1997]). Другим примером являются попытки использования исследовательских методов психоанализа в когнитивной традиции, глубинного интервью – в клинической, дискурсного анализа – в психоанализе и т.п. Единственным условием эклектизации была и во многом остается продуктивность тех или иных идей и методов для углубления представлений об изучаемом психологическом феномене или интерпретации соответствующего эмпирического факта.

Наиболее парадоксальная ситуация с эклектизацией, опять-таки, сложилась в отечественной психологии, стихийно аккумулировавшей исследовательские инструменты и технологии из всех известных традиций, без какого-либо обсуждения вопроса о правомерности или приемлемости их использования в деятельности традиции, де-юре стоящей на диалектико-материалистическом методологическом фундаменте и на историко-материалистическом – идеологическом. Подобная эклектизация инструментов без их должной критической оценки представлена в практически любом издании, посвященном методам психологического исследования (А.А. Бодалев, В.В. Столин [1987]; Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова [1994]; Л.Ф.

Бурлачук, С.М. Морозов [1989]; Я. Лаак [1996]; Е.Т. Соколова [1980]; В.В. Столин, А.Г. Шмелев [1984]; А.П. Сухов, А.А. Деркач [1998]; Ф. Франселла, Д. Баннистер [1987]; Н.И. Шевандрин [1995]; В.А. Янчук [1994; 1997; 1998]; С. Antaki [1988]; Н. Coolican [1998]; D. Dooley [1995]; С. Moustakas [1994]; М. Patton [1990]; С. Robson [1998]; L. Westbrook [1994]; и др.)). Интересным является и тот факт, что в основном методы, заимствованные из зарубежной психологии, не проходили кросс-культурной адаптации и валидизации. Особенностью данной эклектизации является и то, что применение методов, не сопровождалось хотя бы обсуждением специфики парадигмальных координат, в которых они разрабатывались и нашли максимальное применение.

В этом контексте особенно настораживает современная ситуация в русскоязычной психологии, характеризующаяся безудержной эклектикой несовместимых теоретических моделей, описаний, инструментов и т.п., приводящей к невообразимой мешанине подходов, взглядов и интерпретаций, при придании этому видимости приличия, посредством туманного отнесения к соответствующим методологическим основаниям (правда без упоминания каким именно и пригодны ли они в принципе для исповедуемого подхода). Как правило, все это сопровождалось перечислением своеобразного джентльменского набора общих принципов (детерминизма, системности, развития и т.п.), без обсуждения того, соотносится ли изучаемое и его методолого-технологическое сопровождение с ними в принципе (А.Г. Аллахвердян с соавт. [1998]; Е.А. Климов [1999]; В.А. Янчук [1994; 1995; 1996; 1997; 1998; 1999; 2000]).

Изложенное послужило исходным основанием для разработки интегративно-эклектического подхода, создающего предпосылки для, во-первых, актуализации интегративных тенденций в психологическом знании; во-вторых, обоснованной эклектизации опыта наиболее продуктивных теоретических и инструментальных решений в отношении конкретного феноменального поля; в-третьих, создания необходимой базы для межапарадигмального диалога, направленного на углубление постижения сути социального бытия личности и ее окружения в их экзистенциально-феноменальной и пространственно-временной континуальности.

Определение содержательных рамок интегративной эклектики предполагает фиксацию предлагаемой категории и ее специфики применительно к эклектизму и интеграции в познании. Под эклектикой понимается “соединение разнородных взглядов, идей, принципов или теорий” [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 789]. Термин “эклектика” ввел Потамон из Александрии, назвавший свою школу эклектической. В марксистско-ленинской философской традиции, под влиянием критических высказываний В.И. Ленина, обвинявшего ее в “подмене оснований, на-

рушении принципов целостности, объективности, конкретности в рассмотрении предметов и явлений". (там же) сложилось негативное отношение к эклектике. Эклектика, в данной версии, "коренится в подмене одних логических оснований другими, в метафизической абсолютизации изменчивости и относительности человеческого познания" (там же). Правда столь отрицательное отношение В.И. Ленина эклектика заслужила из-за подделки "... эклектицизма под диалектику", что "легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития" (там же).

Идеологическая направленность подобного рода критики вполне очевидна, особенно, в контексте происшедших в нашем обществе перемен. В представленном контексте понятно стремление дискредитировать возможного конкурента на монополию в постижении истины. Точно также как несомненен и возможный позитивный потенциал эклектики, в противном случае ей не было бы уделено столько критических стрел. Неоспоримым фактом является присутствие эклектики на определенных этапах развития любой новой (и не только) психологической традиции. Зарубежные философы относятся к эклектике значительно более спокойно, определяя ее как "позицию в философии или религии, направленную на нахождение путей комбинирования лучших элементов других подходов, воззрений" [Blackborn, 1996, с. 114]. Эклектизм характерен и для самого человека в его стремлении аккумулировать и актуализировать продуктивный опыт других людей, не обсуждая пригодности этого опыта и диалектического, последовательного его вписывания в собственную практику.

Под эклектиком в философии понимается тот, "кто не создает собственной философской системы, основывающейся на едином принципе, и не присоединяется к взглядам какого-либо одного философа, а берет из различных систем то, что находит правильным, и все это связывает в одно более или менее законченное целое" [Философский энциклопедический словарь, 1997, с. 534]. Дидро в "Энциклопедии, или толковом словаре наук, искусств и ремесел" утверждал, что эклектик – это тот философ, который осмеливается ... принимать все, руководствуясь лишь собственным опытом и собственным разумом", и намерение которого "быть не учителем рода человеческого, а его учеником, преобразовывать не других, а себя, не поучать истине, а познавать ее" [Clarkson, 1996, с. 261]. Эклектика – это, прежде всего, выбор лучшего из различных систем, попытка постижения феномена с позиций различных теоретических подходов. Такое позитивное отношение к эклектизму в психологическом знании поддерживается многими авторами (А.А. La-zarus [1995]; J.C. Norcross, L.M. Grencavage [1990]; G.B. Rossman, B.L. Wilson [1994] и др.)

Под интеграцией понимается "процесс, или действие, имеющий своим результатом, целостность; объединение, соединение, восстановление единства" [Философский энциклопедический словарь, 1997, с. 181]; "сторона процесса развития, связанная с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов. Процессы интеграции могут иметь место как в рамках уже сложившейся системы – в этом случае они ведут к повышению уровня ее целостности и организованности, так и при возникновении новой системы из ранее не связанных элементов" [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 210]. В философии Спенсера интеграция и дезинтеграция представляют необходимое условие развития, причем, интеграция означает превращение распыленного, незаметного состояния в концентрированное, видимое, связанное с замедлением внутреннего движения. В то время как дезинтеграция – превращение концентрированного в состояние распыленности, связанное с ускорением движения.

Norcross и Grencavage [1990] выделяют следующие согласованные различия между эклектикой и интеграцией как теоретическими подходами, представленные на рис. 2.1.

А.А. Lazarus [1995], анализируя возможные опасности использования различных типов эклектики и интеграции, подчеркивает принципиальную невозможность как эклектики, так и интеграции несовместимых друг с другом теоретических подходов. Эта невозможность связана, прежде всего, с тем, что часто различные подходы строятся на диаметрально противоположных методологических основаниях, несовместимых позициях по отношению к ответам на основополагающие онтологические и эпистемологические, да и аксиологические вопросы.

Эклектика	Интеграция
Технический	Теоретический
Дивергентный (различия)	Конвергентный (общность)
Выбор из многих	Комбинирование многих
Применение того, что есть	Создание чего-либо нового
Собирание	Смешение
Отбор	Синтез
Применение частей	Объединение частей
Эмпирицизм	Более теоретический,
Суммирование частей	нежели эмпирический
Реализм	Больше чем сумма частей
	Идеализм

Рис. 2.1 Основные отличия эклектического и интегративного теоретических подходов. [Clarkson, 1996, с. 261].

Проблема состоит в том, что невозможность, как интеграции, так и эклектизации различных подходов детерминирована укоренившейся тенденцией к одномерному рассмотрению истины, к созданию единственно верного подхода как к пониманию, так и к разрешению конкретной проблемной области. Сегодня же становится достаточно очевидным переход от монологики, пусть и диалектической, к плюралистической логике, представляемой диатропикой или диалогикой, подробный анализ которых будет представлен при рассмотрении философских оснований интегративной эклектики.

Я исхожу из посылки о принципиальной необходимости многомерного подхода к анализу психологической феноменологии, позволяющего использовать мировоззрение и инструментарий несовместимых, антагонистических традиций, как условия инсайтирования, углубленного постижения сути феномена. Психологические основания подобного рода развития опять-таки будут предложены в третьем разделе данной главы. “Интегративная эклектика” это, прежде всего, многомерность рассмотрения феномена, при не посягательстве на суверенность теоретической традиции или направления. Последнее является наиболее существенным для нас по ряду причин:

Отсутствия онтолого-эпистемологических оснований единообразия.

Необходимости конкуренции традиций и идей как условия прогрессивного развития знания.

Необходимости создания предпосылок для предотвращения монополизации очередной единственно верной метатеоретической конструкцией со всеми ее возможными негативными последствиями.

В качестве необходимых онтолого-эпистемологических оснований интегративной эклектики выступают понятия поливариантности истины, онтологического плюрализма, диалогии и диатропики. Эти понятия, как и лежащие в их основании идеи, теоретические построения, полагают в качестве основных путей и средств углубленного постижения природы феномена интегрирование, эклектику различных традиций, подходов, логик и инструментов, при сохранении их автономии в последующем развитии, свободном от необходимости создания еще одной “абсолютно истинной”, монопольной традиции.

Общая характеристика проблемы философско-методологических и психологических оснований интегративной эклектики была представлена мною в ряде акцентированных публикаций (В.А. Янчук [1998; 1999; 2000]; V. Yanchuk [1996; 1998; 1999]), в которых обосновывается принципиальная необходимость многомерного подхода к анализу психологической феноменологии, позволяющего использовать мировоззрение и инструментарий альтернативных, антагонистических традиций как условия инсайти-

рования, углубленного постижения сути изучаемого явления. Продуктивность такого подхода подтверждается рядом исследователей (А.Г. Аллахвердян с соавт. [1998]; В.С. Библиер [1991]; Е.Л. Дошенко [1997]; А.А. Митькин [1998]; А.В. Юревич [1999]; К. Л. Хьюэлл, Д. Зиглер [1997]; К.С. Холл, Г. Линдсей [1997]; V.J. Caracelli, J.C. Greene [1993]; C.S. Carver [1996]; K.J. Gergen [1992]; K.J. Gergen, Gergen, M.M. [1982]; S. Kvale [1997]; A.A. Lazarus [1995]; S.W. Littlejohn [1994]; D. Magnusson [1990]; F.S. Mayer, K. Sutton [1996]; J.L. Mitroff, R. Kilmann [1977]; H.A. Nickles [1989]; J.C. Norcross, L.R. Grencavage [1990]; Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell, R. Stevens [1998]; S.P. Seils, F.E. Smith, D.H. Sprenkle [1995] и др.).

Интегративная эклектика определяется мною как постижение природы феномена через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, эклектику различных традиций, подходов, логик и инструментов, при сохранении их автономии в последующем развитии [Янчук, 1998, с. 35]. Суть ее заключается в многоплоскостном, поливариантном, разноректорном анализе, создающем возможность качественно иного инсайтирования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, диатропичности феномена. Становление в позицию оппонента, включение в конкуренцию идей, критическая рефлексия, критическое позиционирование предоставляет возможность острого анализа, превращающегося в еще один "вечный движитель" прогресса знания. Речь идет не об интеграции как неизбежно порождающей тенденцию к монополии истины со всеми вытекающими последствиями, а об именно свободном оперировании разноректорным, разноректорным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием.

Методологический фундамент интегративной эклектики составляют понятия поливариантности истины, онтологического плюрализма, диалогичности и диатропичности. Интегративная эклектика предполагает привлечение к анализу находок и достижений тех традиций, тех подходов, которые наиболее продуктивно работают в конкретной феноменальной области с последующей возможностью диффузии инсайтов и идей, их критической рефлексии через альтернативное позиционирование, способствующее преодолению парадигмальной и авторской предубежденности и на этой основе продвижения к более глубокому постижению исследуемого феномена, переходу на более высокий уровень обобщения за счет рассмотрения теоретических построений разных порядков сложности.

В дескриптивной концепции истины процесс установления истинности рассматривается как особый тип философской рефлексии результатов сравнения разных видов знания и практики, традиций и типов рационально-

сти, разных мнений и проблем в том “свободном пространстве” поиска интегрального гносеологического процесса, когда плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием их ограниченности и условий дополняемости. В этой интерпретации истины представлен тезис гносеологического плюрализма. Применительно к развитию психологического знания подобная рефлексия, осуществляемая через равноправный диалог альтернативных традиций, свободных от предубеждений друг относительно друга, приводит; во-первых, к преодолению доминанты абсолютной истины собственных предпочтений; рефлексивной идентификации с правомерностью рассуждений партнера; наконец, в-третьих, к нахождению точек соприкосновения и пересечения подходов и позиций, создающих возможность совместной проработки идей и решений на более продуктивном диалогическом основании. Продуктивность данного подхода к рассмотрению истины показана в ряде исследований (И.Т. Касавин [1990]; В.С. Степин [1989; 1991]; B.D. Ellis [1990]; M. Luntley [1999]; H. Putnam [1981]; D.P. Spence [1982] и др.).

Онтологический плюрализм предполагает возможность существования разных типов реальности, что уже само по себе освобождает воображение исследователя от сковывающих рамок одномерности. Признание наличия разных реальностей (биологической, символической и рефлексивной как базовых), отличающихся качественно и требующих разных исследовательских методологий, создает основания для, во-первых, обсуждения вопросов их соотнесения и сопряжения друг с другом; во-вторых, разграничения круга и компетенции исследуемых аспектов, при обсуждении их соотношения с целым – социальным бытием личности и ее окружения; в-третьих, рассмотрения вопросов концептуально-критериальных оснований научности и их возможных вариаций применительно к исследуемым типам реальности в связи с их спецификой. Продуктивность подхода с позиций онтологического плюрализма к анализу психологической феноменологии показана в ряде работ (J.E. Ford [1990]; E.R. McCormac [1990]; A.J. Reck [1990]; B.M. Wildemuth [1993] и др.).

Диалогика обосновывает необходимость привлечения разных логик к процессу глубинного постижения социальной феноменологии. Диалог разных традиций, разных взглядов и подходов, их инструментальных ресурсов способствует расширению горизонтов видения и изучения проблемных областей, преодолению парадигмальной и личностной предубежденности, нахождению новых решений и перспектив развития. Перспективность диалогического подхода к анализу психологической феноменологии обоснована в ряде исследований (В.С. Библер [1991]; Г.М. Кучинский [1983; 1988]; E. Guba [1990]; T. Maranhoe [1991]; I. Par-ker, J. Shotter [1990]; J. Shotter [1997] и др.).

Наконец, диатропика предоставляет фундамент многообразия форм существования и проявления жизни. Диатропика парадигмальных координат, культурных и субкультурных миров, наконец, индивидуальных миров личности и ее окружения позволяет создать необходимые основания для определения оптимального соотношения идиографии и номотетики в психологическом исследовании, признания уникальности индивидуальности столь же значимой, как и человеческой природы вообще. Эвристический потенциал диатропического подхода показан в работах Ю. В. Чайковского [1989; 1986; 1990; 1993].

Интегративная эклектика предлагает механизмы развития психологического знания, в качестве которых выдвигаются: парадигмальное позиционирование, интегративно-эклектический диалог альтернативных традиций и критическое рефлексивное позиционирование (альтернативный круг).

Парадигмальное позиционирование предполагает четкое определение исходных позиций, которых придерживается исследователь, включающее определение в онтолого-эпистемологических основаниях, способе теоретизирования и методе исследования с фиксацией их возможностей, ограничений и сферы экстраполяции результатов. Парадигмальное позиционирование позволяет налаживать продуктивный межапарадигмальный диалог, освобождая оппонентов от необходимости доказательства единственной верности и универсальности предлагаемого подхода. Позиционируя подход, констатируя его потенциал и ограничения, исследователь получает возможность свободного соотнесения собственной позиции с позицией оппонента, при принятии правомерности наличия таковой, как обусловленной исходно выбранной системой исследовательских координат.

Интегративно-эклектический диалог альтернативных традиций предполагает максимальное использование возможностей диалога с представителями альтернативных традиций, позволяющего расширить представления о подходах и исследовательских методологиях, применяемых к изучению избранного проблемного поля. Этот диалог предполагает включение механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии, как условий понимания оппонента и налаживания продуктивного взаимодействия с ним, подчиненное общей цели – углублению представлений о сути изучаемого и обсуждаемого феномена, нахождения путей и способов сотрудничества.

Л. Лаудан предлагает “философскую точку зрения на разрешение разногласий: разногласия о фактическом следует разрешать на методологическом уровне; методологические расхождения следует улаживать на аксиологическом уровне” [1996, с. 313]. Л. Pervin, один из ведущих персонологов современности, подчеркивает: “Вместо того, чтобы рассматривать клинический, корреляционный и экспериментальный подходы как конкурирующие, мы можем рассматривать их как взаимодополняющие

пути получения новых инсайтов о поведении человека, каждый из которых потенциально информативен для другого" [1996, с. 310].

Критическое рефлексивное позиционирование, реализующееся через рефлексивную идентификацию с альтернативными позициями, создает основание для расширения горизонтов видения проблемной области, снижения парадигмальной и личностной предубежденности, фиксацию исходных парадигмальных координат и связанных с ними ограничений. Рефлексивное позиционирование создает предпосылки для острого взгляда на выстроенную объяснительную версию, преодоления эмоциональных блокировок, связанных с влиянием собственных исследовательских приоритетов, наконец, эмоций и чувств в отношении окружающих людей как носителей соответствующего знания и занимающих определенную исследовательскую позицию.

Эти механизмы актуализируются в ряде необходимых условий, обеспечивающих повышение потенциала продуктивности научного исследования:

- Четкое определение парадигмальных координат, в рамках которых проводится исследование и связанных с ними возможностей и ограничений в экстраполяции результатов.
- Создание максимальной информационной базы теоретической и эмпирической проработанности проблемной области в разных системах парадигмальных координат при наличии таких возможностей и претензий на высокий уровень обобщений.
- Прохождение критического рефлексивного круга альтернативного позиционирования как условия раздвижения парадигмальных рамок и освобождения от предубежденности и перехода на метатеоретический уровень более высокого порядка.

Продуктивность критического позиционирования в аспекте преодоления авторской тенденциозности или оппонентного круга отмечается рядом исследователей (А.В. Юревич [1992]; М.Г. Ярошевский [1985]; R. Harre, L. Langenhove [1999]; J. Potter, M. Wetherell [1987] и др.).

Перечисленные содержательные и рамочные характеристики интегративно-эклектического подхода, по нашему мнению, позволяют получить дополнительные импульсы для развития психологического знания. Одновременно, они требуют более фундаментального философского и психологического обоснования, которое предлагается в последующих разделах диссертационного исследования.

2.2. Философско-методологические основания интегративной эклектики

Анализ онтолого-эпистемологических оснований проблемного поля современной психологии, представленный в первой главе показал мно-

гообразие подходов к основополагающим методологическим вопросам, от решения которых в решающей степени зависит определение перспективных путей развития. Недооценка значимости философско-методологической проработки оснований психологического знания во многом определяет те тупиковые ситуации, в которые психологическая наука попадала неоднократно на протяжении своей не столь уж и длительной истории. Именно в онтолого-эпистемологических основаниях коренятся не только проблемы, но и возможные пути последующего развития психологической науки.

Продуктивность рассмотрения причинных оснований существующего многообразия в психологическом знании возрастает при обращении к онтолого-эпистемолого-аксиологическим вопросам, выбор ответа на которые в большинстве случаев и определяет специфику последующего подхода к анализируемой психологической феноменологии. Без какой-либо определенности в определении позиции по поводу познаваемости мира, истинности знания и т.п. последующее доказательство верности предлагаемых решений теряет смысл, либо начинает обладать чисто спекулятивным характером.

В рамках онтологического аспекта исследуется проблема природы бытия или более узко природы феноменов, которые мы стремимся познать [Gergen, 1985]. Фактически онтология и эпистемология неотделимы друг от друга, т.к. наше понимание знания и познания отчасти зависит от наших же представлений о природе познаваемого. В психологии и особенно в социальной онтологический аспект в большей степени связан с природой социального существования человека. Все социально-психологические подходы или парадигмы в явном или неявном виде базируются на своих основоположениях о природе человеческого социального бытия. В рамках онтологического подхода предпринимаются попытки нахождения ответов, по крайней мере, на следующие фундаментальные вопросы представляемые ниже.

Что есть реальность? Представлена ли реальность в сознании? Является ли человеческое сознание независимым от деятельности мозга? Существует ли одна реальность (монизм), или две (дуализм), или существует много реальностей (плюрализм)? Если существует две и более реальностей, то, как они сосуществуют друг с другом и влияют ли они друг на друга? Является ли объектом исследований социального психолога активность сознания, или таковым является социальное поведение, а может быть социальное взаимодействие и т.п.? В какой степени человек обладает реальным выбором? Как лучше понимать человека – с позиций анализа его состояний или черт? Какие факторы являются доминирующими в человеческом существовании – индивидуальные или социальные? В какой степени контекстуализировано человеческое поведение? Ответы на эти и другие

вопросы являются тем водоразделом, который определяет исследовательскую позицию, принадлежность к той или иной социально-психологической традиции, парадигме. И в зависимости от определения именно в этих аспектах формируется решение по поводу самых существенных вопросов, логика и технология научного исследования. Теперь попытаемся представить спектр возможных, зачастую альтернативных позиций и подходов существующих в современной социальной психологии.

Онтолого-эпистемологические выводы, которых придерживаются исследователи, лежат в основе как способа проведения исследований, так и особенностей конструирования теорий. Большая часть подходов, определяющих своеобразие позиции, занимаемой исследователями, представлена выше. Эти позиции, определяемые своеобразием эпистемологического основания, получили название *мировоззрения*. В различных исследовательских традициях представлено множество тонких отличий в своеобразии этих позиций, которые применительно к области социальной психологии могут быть сведены к двум широким типам, определяемым С.В. Littlejohn [1994, с. 32] как *Мировоззрение I* и *Мировоззрение II*.

Традиция Мировоззрения I основывается на идеях эмпиризма и рационализма. Она относится к реальности, как отличной от человеческого бытия, как к чему-то, открываемому людьми вне себя самих. Эта традиция признает существование объективной, познаваемой физической реальности доступной подготовленному исследователю.

Для данной позиции важнейшей является категория открытия. Мир рассматривается как ожидающий постижения его учеными. Мировоззрение I часто определяется как *приобретенный взгляд*. Важным аспектом является и объективность, требующая от исследователя точного определения операций, используемых для наблюдения за изучаемыми событиями. В рамках этой традиции работает физическая наука, а в психологии — бихевиористская традиция.

Традиция Мировоззрения I стремится к формулированию закономерных утверждений об исследуемых феноменах, вырабатывая обобщения, сохраняющие свою истинность во времени и в различных ситуациях. Исследователи, работающие в этой традиции, пытаются выявить то, каким представляется исследуемое явление и как оно функционирует. Для них характерен высокий уровень аналитичности, строгости в определении каждого элемента и субэлемента изучаемого объекта.

Традиция Мировоззрения II в своей основе представляет конструктивизм, относясь к миру как процессу. С этой позиции люди рассматриваются как активно участвующие в построении знаний. Мир вещей существует вне личности, но индивид обладает способностью концептуализации этих вещей многообразными и полезными способами. Таким образом, знание

возникает не как результат открытия, а в процессе взаимодействия между познающим и познаваемым. Поэтому особую значимость приобретает изучение перцептивных и интерпретативных процессов.

Традиция Мирозозрения II пытается открыть не универсальные законы, а описывать богатейший контекст, в котором оперирует индивид. Познавание является интерпретированием, активностью, в которой принимает деятельное участие каждый индивид.

В рамках аксиологического аспекта рассматривается проблематика человеческих ценностей. При внешней абстрактности и вторичности данный аспект, особенно в последние годы, начал приобретать все возрастающее значение. Не вызывает сомнения, что система ценностных ориентиров, которыми оперирует исследователь, не может не оказывать влияния и на проводимое им исследование. В силу обоснованных выше возможных различных социальных последствий применения социально-психологического знания для нее особенно актуально рассмотрение приводимых ниже вопросов.

Может ли теория обладать свободой воли? Классическая наука придерживается тезиса о свободе воли для теории и исследований; исследователи нейтральны в своих попытках получения фактов такими как они представлены в реальном мире. Если ценности исследователя начинают сказываться на результатах его работы, то имеет место несовершенная наука [Littlejohn, 1994, с. 33]. Другая позиция заключается в признании свободы исследователя от существующих ценностей, но подчиненности таким метаценностям, как достижение истины, значимость идей, объективность и ценность науки самой по себе. Здесь утверждается, что наука не обладает свободой воли, т.к. работы исследователя направляются его интересами в проведении определенного рода исследований [Habermas, 1971, с. 302].

Наконец, некоторые ученые считают, что исследование никогда не может обладать свободой воли ни в методе, ни по существу. Исследователь выбирает то, что он будет изучать, но этот его выбор уже детерминирован как личностными, так и институциональными ценностями. На выборе вольно или не вольно сказывается влияние правительства, учреждения, финансирующего исследования, политика, идеология, культура и т.п.

В какой мере практика проведения исследования оказывает воздействие на получаемые результаты? Этот вопрос, особенно часто обсуждаемый в науке в последние годы, связан с нахождением ответов в отношении влияния как личности самого исследователя, так и используемых им техники и технологии, составляющих ее своеобразную эго-протяженность, на результаты исследования. Традиционный естественнонаучный взгляд заключается в признании того, что наблюдения ученого точны

и объективны и не оказывают влияния на результаты. Критики выражают сомнения в верности подобного утверждения. С их точки зрения наблюдение по самой своей природе искажает то, что наблюдается. В одном случае это искажающее влияние велико, в другом — нет, но оно всегда присутствует.

На высоком уровне некоторые критики придерживаются точки зрения о том, что знание само по себе влияет на направление человеческой жизни [Gergen, 1985, с. 31]. Это представляет два типа потенциальных проблем. Первая, ученый под влиянием работ в области исследований, сам становится объектом изменений. Вторая, исследование человеческой жизни изменяет эту жизнь. То, что кажется верным в один период времени, может оказаться иным в другой период времени. Иллюстрацией сказанному является происшедшая ценностная переоценка у многих ученых — ядерщиков после применения атомной бомбы.

В какой мере исследователь должен добиваться социальных изменений? Должны ли исследователи оставаться объективными, или они должны прилагать сознательные усилия для достижения позитивных изменений в обществе? Многие считают, что миссия ученого заключается в продуцировании знаний: пусть техники и политики делают с ним, что хотят. Другие исследователи коренным образом не согласны с таким подходом: ответственность ученого предполагает и способствование позитивным изменениям.

Кроме названных, можно выделить еще две общие позиции по аксиологическим вопросам. Первая, волевой осознанности, признает значимость ценностей для исследований и теории и предпринимает сознательные усилия для придания этим ценностям позитивной направленности. Какой является эта направленность — должно быть предметом обсуждений. Вторая, ценностно-нейтральная, предполагает полную свободу науки от ценностей.

В представленном анализе философских оснований социально-психологического и персонологического знания приведено описание различных точек зрения, подходов, позиций, вызывающих особый интерес у психологов. Конечно же, они не охватывают всего спектра возможных вопросов. Ведь правомерно обсуждение и таких вопросов, как обладает ли человеческое бытие имплицитной моральностью (являемся ли мы при рождении хорошими или плохими, а может быть нейтральными?). Что составляет адекватное объяснение? Какие единицы анализа являются наиболее пригодными по отношению к социально-психологическим феноменам? Эти и другие вопросы можно обсуждать и обсуждать. На мой взгляд, представленное содержание дает основание для констатации главного — самой возможности сосуществования разных позиций, подходов, традиций. Более того, это диатропическое многообразие предоставляет возмож-

ность схватывания все новых и новых оттенков социальной реальности, как частности, социально-психологических феноменов. Это схватывание различных уникальных особенностей феномена с различных позиций, традиций и т.п. при отсутствии претензий на построение новой, наиболее "правильной" позиции или традиции, непроизвольно затормаживающей развитие других, и составляет философские основания интегративной эклектики.

Многоплановость и многоаспектность эпистемологических, онтологических и гносеологических вопросов, вариантов их решений, представленная выше, предполагает нахождение соответствующей психологической ментальности автора позиции. В качестве таковой предлагается интегративная эклектика, подробное описание содержания которой будет представлено в последующих разделах. Здесь же следует отметить, что необходимость интегративно-эклектической позиции определяется, прежде всего, невозможностью, как интегрирования, так и эклектизации накопленного многообразия современного психологического знания. Подобная невозможность обосновывается различием онтолого-эпистемологических оснований различных традиций и подходов, конституированных в психологии.

Изменение онтолого-эпистемологических ориентиров и приоритетов во многом связано с критикой модернистских оснований современной науки и предложением постмодернистской культурной альтернативы. По мнению D.E. Polkinghorne, реакция модернизма на неудачи принимает две формы: "с одной стороны, в радикальном отрицании самой возможности объективного знания и торжество многообразия и недолговечности; с другой стороны, критическое признание ограниченности и эксцессов модернизма, правда, при одновременном выражении готовности к продолжению поиска, не сопровождаемое утверждениями о верности модернистских основоположений" [1997, с. 147–148].

В отношении современных эпистемологических представлений, по мнению D.E. Polkinghorne, возможен ряд обобщений: "(а) не существует бесспорных эпистемологических оснований для установления истинности знаний; (б) знания содержат фрагменты понимания, а не систему логически интегрированных утверждений; (в) знания представляют собой конструкции, встроенные в когнитивные схемы и взаимодействия с окружением; (г) проверка верности знаний достигается в ее прагматической полезности в решении задач, а не производной от санкционированного ряда методологических правил" [1997, с. 147].

Многоплановость и многоаспектность онтологических, эпистемологических, и гносеологических вопросов, вариантов их решений, предполагает нахождение соответствующей психологической ментальности автора позиции. Определяя содержательные рамки интегративной эклектики,

мы опирались на понятия дескриптивности истины, онтологического плюрализма, диалогии и диатропики, расшифровка которых и представляется ниже.

Ключевой философской категорией для понимания предлагаемой логики является категория истины. Проблематизация представлений об истине в конце XX века не случайна. После многочисленных революций, эйфории нахождения “единственно верных решений” становится все более очевидным, что наши представления о ней неотделимы от иллюзий. Действительно, что понимать под реальностью, истиной, если наука квалифицирует ее не только через эмпирические, но и теоретические объекты? Как можно говорить об объекте и его самобытной реальности, если, как это отмечает С.Б. Крымский, “этот объект конституируется для субъекта в форме предметного человеческого освоения того “сумасшедшего танца” элементарных частиц, который представляет базисный уровень природного мира?” [1990, с. 73]. Если в традиционном эталоне естествознания, столь превозносимом в ортодоксальной экспериментальной социальной психологии, – физике возрастает число ненаблюдаемых объектов (виртуальных процессов, сингулярности, “кротовых нор” четырехмерного пространства и времени или частиц типа кварков).

На наших глазах (особенно в таких областях, как изучение суперсимметрии и построения различных моделей Вселенной), в релятивистской космологии возникает своего рода воображаемая физика, напоминающая воображаемую геометрию в истории неевклидовых идей. Эта “экспансия гипотетичности в сфере целых научных направлений происходит вследствие выхода на границу осуществимости эксперимента и сталкивается с новой онтологией, когда объектами исследования оказываются не тела и реальные поля, а некоторые созвездия возможностей” (там же).

В этих условиях познание все более приобретает характер зондажа потенциальных реальностей. В науке возникает своего рода вариантное мышление, которое оперирует с множественностью решений проблемных ситуаций, а задачу выбора “единственно истинных” решений, нахождения “абсолютных истин” заменяет “поиском комплиментарности, дополнительности, условий целостности гносеологических результатов” (там же).

Необходимость такого вариативного, диатропичного мышления становится очевидной, прежде всего, с осознанием иллюзорности утвердившейся в традиционной научной ментальности уверенности в неизбежном, нормативно запланированном успехе познания, поскольку оно “обязано” завершиться достижением объективной истины. Вполне очевидной становится аналогия с уже пережитым отечественными философами, обоснованием совпадения абсолютной и объективной истин, граничащих с чудом реализованного идеала абсолютного знания. Отрыв от реалий жизни, уход

в спекулятивные абстракции находится в полном противоречии с тем, что в действительности познание обрекает исследователя не в меньшей степени на неудачи, нежели на успехи. Эта ситуация особенно характерна для академической психологии, в которой результаты экспериментального исследования, да еще квалифицированно обработанные математически, приобретают самодовлеющее значение даже при очевидном рассогласовании с практикой реальной жизни. При этом последняя объявляется не научной, а "наивно психологической", не имеющей научной ценности. Правда, забывается тот факт, что психология исходно призвана описывать не научную абстракцию, а именно эту иронически воспринимаемую реальную жизнь реального человека, в его реальном ее переживании. Что исходные данные для последующего научного анализа опять-таки поставляются этим же "наивным" человеком, и что в своей собственной реальной жизни он полагается не на научные картины происходящего, а на свои собственные интерпретации.

Особенность современного научного познания такова, что в нем преодолевается "асимметричность противоположения единственной истины множеству заблуждений за счет допущения многоликости истинного результата, его конструирования через множество мнений возможностей, путей и средств" (там же, с. 74). Для современного познания раскрытие множества путей и средств анализа проблемных ситуаций оказывается не менее плодотворной, если не единственной альтернативой, т.к. сам факт возможности существования множества подходов к решению общей задачи раскрывает ее конструктивный потенциал и эффективность приложений, синтеза и инсайтирования. Наглядный пример продуктивности этой идеи демонстрируют современные неклассические логики, показывающие, что подобно тому, как теория познания соответствует двузначной логике Аристотеля, современной гносеологии отвечают многозначные и многомодальные логики.

М. Foucault, например, отрицает правомерность рассмотрения истины не как выяснения того, что представляют собой объекты на самом деле, как анализа "режимов истины", в которых истина выводится, а не открывается, посредством санкционированных механизмов [1973, с. 131]. Наиболее же радикальное отношение к истине можно найти у постмодерниста J.-F. Lyotard, предлагающего легитимизировать различные "дискурсы", как научные, так и моральные, для прогрессивной "эмансипации рационального субъекта" [1984, с. 23]. J.-F. Lyotard идет еще дальше определяя науку как различные "игры" с более или менее арбитражными правилами, специфичными для каждого типа знания (там же, с. 19).

Это суждение имеет под собой достаточно глубокие основания. При отсутствии в современной гносеологии критериев универсальности знания

в рамках конкретных парадигм или традиций формируются своеобразные правила игры, соблюдение которых и выступает в качестве критерия истинности знания. Хотя на самом деле речь идет не об истинности, а о соответствии установленным правилам доказательства. Но этих правил много и они могут изменяться как во времени, так и в зависимости от избранной парадигмальной системы координат, наконец, от концепции истины.

В широком спектре концепций истины (корреспондентной, когерентной, прагматической, дескриптивной), обзор которых представлен в приведенной на рис. 2.2. наиболее адекватной ситуации сегодняшнего дня, характеризующейся в превалировании многомерности и диатропичности к исследованиям, является концепция дескриптивной истины.

Название концепции	Сущность концепции	Критерий истинности
Корреспондентная	Соответствие действительности	Практика
Когерентная	Соответствие знанию, достоверность не вызывает сомнений	Логика
Прагматическая	То, что приносит результат	Эффективность
Феноменологическая	То, что имеется в наличии	Очевидность
Доксическая	Соответствие общему мнению	Правдоподобие
Дескриптивная	Совокупность вышеперечисленного	Совокупность вышеперечисленного

Рис. 2.2. Основные концепции истины и их особенности.

Вводя в схему анализа понятие совокупного познавательного процесса, обосновывающее необходимость и неизбежность отказа от простых, понятных, но неадекватных нормативно-гносеологических моделей, И.Т. Касавин считает целесообразным включение наполненности знания контекстами общества и культуры. “Тем самым, совокупный познавательный процесс включит в себя картину многообразия практик и типов познавательной деятельности, соотносенных с различными формами знания и сознания, и явится концептуальным выражением того расширения предмета теории познания, который оценивается как ее ведущая современная тенденция [1990, с. 69].

В дескриптивной концепции истины процесс установления истинности рассматривается как особый тип философской рефлексии результатов сравнения разных видов знания и практики, традиций и типов рациональности, разных мнений и проблем в том “свободном пространстве” поиска интегрального гносеологического процесса, когда плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием их ограниченности и условий дополняемости. В этой интерпретации истины представлен тезис гносеологического плюрализма. Истина в познании может выступать в разных образах: и как одна из ипостасей многоликого объекта (целостная картина которого требует дополнительных описаний), и как выбор из множества объективных возможностей, и как истина сообщения, адекватная информационным структурам бытия и т.п.

В таком образе истины воедино слиты аналитико-описательная проработка наличного знания и ценностный идеал, который не навязывает контуры грядущего, а воплощает в себе векторность, фундаментальную потребность в познании. Истина не остается однозначной во всех познавательных ситуациях, не удостоверяет абсолютность конкретного знания. Она указывает при каких условиях и в какой мере это знание способно выполнить определенную социокультурную функцию в структуре совокупного познавательного процесса.

В пользу такого подхода к определению истины выступает и L. Laudan, доказывающий, что достижение истины в ее объективистском значении не является подлинной целью науки [1996]. Н. Sankey отмечает необходимость ведения диалога в постижении относительности истины в ее приземлении к конкретным историческим обстоятельствам [1997].

Онтологический плюрализм являет собой следующее основание интегративной эклектики. Определяемый как “несопоставимые описания мира, ни одно из которых не является более фундаментальным по отношению друг к другу” [Blackburn, 1996, с. 290–291], плюрализм часто ассоциируется с поздним Wittgenstein, подчеркивавшим существование различных языковых фокусов и форм жизни, а также с литературным постструктурализмом, тяготеющим к релятивизму и скептицизму в отношении одномерности истины. Постструктуралисты отрицают саму возможность однозначной интерпретации – сопоставление различного рода интерпретаций не является основанием для определения их точности, а скорее выступает основанием для их легитимности. Концентрируясь на проблеме значений, они констатируют, что значение текста как целого представляет функцию словаря значений, составляющих его. Фактически в тексте представлена “библиотека интерпретаций” и каждый читатель может выбрать свою подборку этих интерпретаций. Следовательно, речь идет о возможности существования ряда самостоятельных интерпретаций.

В. Куайн говорит о том, что онтология дважды относительна. Во-первых, она относительна той теории, интерпретацией которой она является. Во-вторых, она относительна некоторой предпосылочной теории, в ее роли обычно выступает некоторая “домашняя” система представлений [1996].

В.С. Библер в своих философских введениях в XXI век определяет современную европейскую культуру как “многоместное множество”, как “контрапункт самостоятельных Разумов, различных ответов (различным образом) поставленный вопрос: “Что означает понимать...” – себя, других людей, вещи, мир?” [1991, с. 4]. Плюрализм мнений, плюрализм оценок свободных в своем выборе и имеющих серьезные основания для него, людей – это идеал гуманистического общества.

Плюралистическая логика, утверждает, что мы живем в многомерности, включающей существование многих обособленных порядков вещей или реальностей. Обсуждая проблему онтологического плюрализма, E.R. McCormac утверждает, что понятия являются порождением “физических процессов мозга ...”, но они не всегда являются порождением только мозговой активности” [1990, с. 417]. Понятие может порождаться большим количеством источников культуры, но так как оно в своем выражении зависит от физической системы, его причинные источники могут быть весьма разнообразны, могут существовать многие обособленные реальные вещи, включая фундаментально отличные типы осознания действительности и другие порядки реальности, не подчиняющиеся известным нам правилам [Viney, 1994, с. 31].

Хорошей иллюстрацией подобного рода эклектического плюрализма являются размышления А. Эйнштейна, писавшего, что “в глазах последовательно мыслящего философа он предстает как оппортунист, бросающийся из одной крайности в другую. Как человек, пытающийся понять мир, не зависящий от актов восприятия, он кажется реалистом. Как человек, считающий понятия и теории свободными (не выводимыми логическим путем из эмпирических данных) творениями человеческого разума, он кажется идеалистом. Как человек, считающий свои понятия и теории обоснованными лишь в той степени, в которой они позволяют логически интерпретировать соотношения между чувственными восприятиями, он является позитивистом. Он может показаться точно также и платонистом, и пифагорейцем, ибо он считает логическую простоту непреложным и эффективным средством своих исследований” [1967, с. 311].

П. Фейерабенд в своем обосновании идей анархизма в науке подчеркивает, что “идея жесткого метода или жесткой теории рациональности покоится на слишком наивном представлении о человеке и его социальном окружении. Если иметь в виду обширный исторический материал и не стремиться “очистить” его в угоду своим низшим инстинктам или в силу

стремления к интеллектуальной безопасности до степени ясности, точности, "объективности", "истинности", то выясняется, что существует лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на всех этапах человеческого развития, – допустимо все." [1986, с. 158-159]. И далее "ученый, желающий максимально увеличить эмпирическое содержание своих концепций и как можно более глубоко уяснить их, должен вводить другие концепции, т.е. применять *плюралистическую методологию*. Он должен сравнивать идеи с другими идеями, а не с "опытом" и пытаться улучшить те концепции, которые потерпели поражение в соревновании, а не отбрасывать их" (там же, с. 161). "Наука, претендующая на обладание единственно правильным методом и единственно приемлемыми результатами, по мнению Фейерабенда, представляет собой идеологию и должна быть отлучена от государства, и, в частности, от процесса обучения. Наука, лишенная своих тоталитарных претензий, уже не будет независимой и самодостаточной; ее можно изучать в многочисленных и разнообразных комбинациях" (там же, с. 465).

Методологический плюрализм защищает "исторический подход, утверждая, что наука должна рассматриваться как развивающийся процесс, имеющий место в многообразии исторических обстоятельств, скорее используя многообразие методов, нежели применяя инвариантный, универсальный метод" [Sankey, 1997, с. 3].

Н. Sankey описывает плюралистический подход средствами следующих пяти тезисов, представляющих основные темы исторического подхода:

Множественность правил: ученый применяет многообразие методологических правил в оценке теории и осуществлении рационального выбора между альтернативными теориями.

Методологическое варьирование: используемые ученым методологические правила подвергаются изменению и ревизии в процессе развития науки.

Конфликт правил: возможен конфликт различных методологических правил в применении к конкретной теории.

Отменяемость: методологические правила, применяемые скорее индивидуально, нежели совместно, отменяемы.

Не алгоритмизированная рациональность: рациональный выбор между теориями не управляется алгоритмизированной процедурой принятия решений, направленных на осуществление выбора единственной теории среди множества конкурирующих [там же].

Другим теоретическим основанием интегративной эклектики выступает диатропика – наука о разнообразии, т.е. тех общих свойствах сходства и различия, которые обнаруживаются в больших совокупностях объектов. В уже приводившейся эволюционной типологии познавательных моделей диатропическая модель рассматривалась в ее содержательном аспекте.

Категория разнообразия была объектом анализа многих исследователей, но в строго научном ее определении она вводится в конце XVII века Лейбницем, включившем ее в свою философскую систему. В отечественной традиции инициация проработки феномена разнообразия была связана с работами С.В. Мейена, предпринявшего попытку интегрировать то общее, что было найдено в конкретных разнообразиях (химических элементов, геологических толщ, биологических видов, языков и т.д.), описанных в различных областях научного знания, и что он называл рефренной структурой разнообразий [1989]. С.В. Мейен строил эволюционные геологические и биологические модели как механизмы преобразования конкретных разнообразий в историческом времени, используя весь спектр известных ему знаний, а не используя конкретные примеры для иллюстрации априорных схем.

Другим отечественным исследователем, внесшим большой вклад в разработку категории разнообразия является Ю.В. Чайковский, понимавший под разнообразием "совокупность отношений различия и сходства между элементами этого множества" [1993, с. 6]. В его версии, отношения сходства и различия определяются как диатропические. "Разнообразие имеет свои собственные законы, достаточно общие и существенные, но не формальные и строго однозначные. Разнообразие – не хаос, но и не космос ... Оно – как бы цемент, скрепляющий здание, как материальных объектов, так и представлений о них" (там же, с. 7–8). Общее, характерное для систем (изоморфизм) неизбежно сочетается с особенным, уникальным (полиморфизм), наконец, есть свойства разнообразий, не зависящие от природы элементов, образующих множества (параллелизм).

Разрабатывая идею упорядоченности наблюдаемого, Ю.В. Чайковский выделяет три ее типа – линейный, параллельный и иерархический, обосновывая тезис об их достаточности для формулировки разнообразия. Выстраивая аналогию в отношении психологии – каждая психологическая традиция обладает своими уникальными особенностями, но объект их един – человеческое поведение. И узнавание его новых граней, обусловленное иным подходом, исследованием иными средствами дает возможность углубления в понимание природы изучаемых феноменов, сохраняя свободу поиска в рамках каждой традиции и подстегивая творчество в ней конкуренцией.

П. Фейрабенд, отмечая, что "в единстве мнений нуждается лишь церковь, испуганные или корыстные жертвы некоторых (древних или современных) мифов либо слабовольные и добровольные последователи какого-либо тирана", подчеркивает, что "для объективного познания необходимо разнообразие мнений. И метод, повторяющий такое разнообразие, является единственным, совместимым с гуманистической позицией" [1986].

В психологии попытки выстраивания диатропической модели начинаются формироваться к 90-м годам нашего столетия в рамках эклектического подхода, интегративную версию которого развивает автор данной работы.

Следующим основанием интегративной эклектики является диалогика. В.С. Библер, при сопоставлении различных логик познания, доминирующих в истории науки, отмечает, что спор о том какая логика исследования лучше, на уровне исходных допущений оказывается спором о том, чье представление о мироустройстве вернее. Однако обозримая историческая ретро- и перспектива не даст оснований для скорого решения мировоззренческих проблем. Поэтому одно из возможных решений проблемы выбора “парадигмы исследования состоит в том, чтобы сознательно выводить ее из текущих мировоззренческих позиций, соглашаясь с тем, что другие ученые волены выстраивать иную исследовательскую платформу” [Доценко, 1997, с. 22–23].

Ключевая идея В.С. Библиера заключается в том, что мы живем в период смены логики, которой руководствуется человечество в своем стремлении понять мироустройство – от доминирующей сегодня рациональной логики к диалогике – диалогу разных логик – “диалогической полифонии (и взаимопереходе) многих логик, многих всеобщих форм мышления” [Библер, 1991]. Логика грядущего XXI века – диалогика – способна совместить в себе разные логики – как существовавшие в предшествующие эпохи, так и те, которые только зарождаются сегодня. В этом высказывании контекстуально присутствует поддержка диатропики, и, в частности, идеи познавательных моделей и их сосуществования, изложенной выше. “Нет необходимости доказывать, что один способ объяснения лучше, чем другой. Каждый подход имеет своих защитников, и у каждого есть свои и преимущества и слабые стороны по сравнению с другими”, – подчеркивают M.S. Poole и R.D. McPhee [Приводится по: Доценко, 1997, с. 24]. С этой же идеей солидаризируется и Е.Л. Доценко, отмечая, что “во-первых, начинать необходимо со знакомства с феноменологией, на первом шаге пытаюсь проникнуться богатством ее связей, а во-вторых, это должен быть диалог несовпадающих логик. Не борьба, не высокомерное (или тревожное) игнорирование, а всестороннее обсуждение всех проблем на разных языках” [там же, с. 24].

П. Фейерабенд пропагандирует идею зрелого, свободного гражданина, обладающего способностью сознательно избирать то занятие, которое кажется ему наиболее привлекательным, для подготовки себя к этому выбору должен “изучить главные идеологические течения как исторические феномены, и науку ... также как исторический феномен, а не как единственно возможный способ решения проблем. Изучив ее вместе с другими сказками, например мифами “примитивных” обществ, он получит

информацию, необходимую для принятия свободного решения. Существенной частью общего образования такого рода будет знакомство с наиболее выдающимися пропагандистами в самых разнообразных областях, с тем, чтобы ученик мог выработать в себе стойкость ко всем видам пропаганды, включая пропаганду, называемую "аргументацией". Лишь после такой закалки он может обратиться к решению спора рационализм – иррационализм, наука – миф, наука – религия и т.п." [1986, с. 466].

Понятия поливариантности истины, онтологического плюрализма, диалогичности и диатропичности составляют методологический фундамент интегративной эклектики. В этих понятиях, как и соответствующих им теоретических подходах и концепциях, красной нитью прослеживается основная характеристика нынешней ситуации в научном познании – отказ от одномерности. Во многом переход от одномерности к многомерности обусловлен переходом от модернизма к постмодернизму, как раз и характеризующемуся идеями множественности истин, типов реальностей, логик, наконец, диатропичностью в целом. "Постмодернистский подход к пониманию требует от нас, в первую и главную очередь, отказа от "великой повести" о теоретическом единстве знания, проявляющемся в более локальных и практических целях. Это означает отказ от глубочайших выводов (и надежд), от мышления эпохи просвещения: заключающемся в утверждении о том, что то что реально доступно восприятию и представляет собой упорядоченный и систематический мир, (потенциально) одинаковый для всех нас – таким образом, что если мы упорствуем в своих исследованиях и аргументах, тем самым мы защищаем универсальное согласие о его природе" [Shotter, 1997, с. 69]. И далее, "наша неудача в доказательстве существования универсальности является важной неудачей: мы продолжаем обращаться с тем что, по-видимому, является единством гетерогенности (означающей систему отличий), как с единством гомогенностей (означающей систему сходств)" (там же, с. 69–70).

Одновременно критика детерминизма не должна приводить к релятивизму, пропагандируемому социальным конструктивизмом, который, как отмечает R. Bhaskar: "влечет за собой признание (1) принципа эпистемической релятивности, утверждающего социальную обусловленность всех представлений, переходность всех знаний и отсутствие ценностей и истин и критериев рациональности, существующих вне рамок истории. Но он также влечет за собой отрицание (2) доктрины относительности правильно принятых (или моральных) решений, которая утверждает, что все представления равноправно точны в том смысле, что не может быть рациональных оснований для предпочтения одного другому" [1989, с. 21–22].

Как отмечает S. Toulmin, "с постмодернистской точки зрения вопрос о справедливости равнозначен на форуме научных решений вопросу об

истине" [1982, с. 94]. Более того, мы можем найти много примеров того, что в различных обстоятельствах, для различных задач, мы имеем достаточные основания для перехода от одной точки зрения к другой, принимая во внимание суждения различных сообществ. "Но ни одно из них не обладает абсолютной силой, на которой мы неосознанно требуем, т.к. не существует ни одной общепринятой системы знания, к которой можно было бы апеллировать" [Shotter, 1997, с. 71].

Эти высказывания служат хорошим основанием для заключения о необходимости диалога исследователей, представляющих разные традиции и подходы в целях углубления познания, но диалога, сопровождающегося стремлением к нахождению точек соприкосновения и пресечения позиций и полученных результатов, а не их отторжения и дискредитации.

2.3. Психологические основания интегративной эклектики

Существующая диатропика парадигмальных координат психологического знания обуславливает необходимость ее инвентаризации и осмысления в контексте определения перспектив развития. Такая инвентаризация проводилась и ранее, но, как правило, в контексте определения верных и неверных координат, а еще точнее — единственно верной традиции. Единственная возможность нетенденциозного знакомства с альтернативными психологическими традициями была представлена в зарубежных работах по истории психологии (J.F. Brennan [1994]; S.G. Brush [1974]; C.F. Graumann [1996]; D. Hothersall [1995]; H.H. Kendler [1987]; J.H. Korn [1997]; T.H. Leahey [1994]; D. Leary [1990]; W. Viney [1994]). Но исторические описания беспристрастны и каждое из них редко претендует на выработку серьезных оценочно-критериальных оснований межпарадигмального сопоставления и пытается скрыть свои симпатии к какой-либо одной.

Сложность сопоставления различных систем парадигмальных координат, традиций и школ сопряжена еще и с тем, что в предлагаемых подходах практически не выдвигается в качестве ведущего основания само социальное бытие личности и ее окружения в их социально и кросс-культурном контекстах. Историк также является человеком, не лишенным собственных предубеждений, находящимся под влиянием соответствующей парадигмальной и культурной традиции.

Прорыв в переосмыслении соотношения психологической науки и социального бытия личности и ее окружения начинается по существу лишь с переходом от модернизма к постмодернизму с его повышенным интересом к многообразию и уникальности социального бытия личности как объекта психологического анализа [Kvale, 1997].

Осознание психологами самого факта, что психологическая наука слишком далеко оторвалась от своего непосредственного объекта и пред-

мета исследования наиболее явно начинает осознаваться именно в эпоху постмодернизма. Точно также как начинает все больше осознаваться неадекватность использования к изучению живой человеческой сущности препарирующего свойства методов естествознания.

Необходимость нового мышления в осмыслении психологического знания, которое автор связывает с интегративной эклeктикой, не является новой постановкой данной проблемы. Та же история психологии являет собой хорошую иллюстрацию присутствия многообразия подходов и традиций. Отечественному читателю это многообразие в основном представлено в переведенных на русский язык работах, посвященных теориям личности (К. Холл и Г. Линдсей [1997]; Д. Хьелл и Д. Зиглер [1997]). Д. Хьелл и Д. Зиглер в своем обзоре позиций ведущих теоретиков по основным положениям, касающимся природы человека, представляют удивительное разнообразие позиций известных психологов по ряду выделенных ими онтолого-эпистемологических оценочно-сравнительных измерений [1997, с. 576]. Этот обзор демонстрирует существенные расхождения даже в рамках одной и той же традиции. Например, по измерению рациональность – иррациональность на противоположных позициях находятся Эриксон и Адлер, с одной стороны, и Фрейд – с другой. Л. Холл и Г. Линдсей предъявляют не менее пеструю панораму расхождений по предлагаемым ими в качестве критериев сравнения актуальным психологическим вопросам [1997, с. 673]. Столь же убедительные характеристики многообразия показывают и другие авторы, занимавшиеся изучением данного вопроса (C.S. Hall, G. Lindsey [1998]; B. Krahe [1992]; F.S. Mayer, K. Sutton [1996]; W. Mischel [1988]; D. McAdams [1994]; L. Pervin [1990; 1996]; R. Sapsford с соавт. [1998]; R. Stevens, M. Wetherell [1996] и др.).

Более того, конституированное многообразие не только не вносит сумятицы в научное мышление психологов, но и вызывает всяческое одобрение. Так К. Холл и П. Линдсей утверждают, что: “Давно пора освободить теоретика личности от обязанностей оправдываться за те теоретические положения, которые отличаются от нормативных или привычных взглядов на поведение” [1997, с. 679]. Авторы выражают свою убежденность в том, что “почти любая теория, если ее развивать систематически и сопровождать экстенсивными исследованиями, дает большие надежды на продвижение, чем слияние существующих теорий, некоторые из которых плохо сформулированы и ненадежно связаны с эмпирическими данными” [там же, с. 687].

“Следует признать, – отмечает R. Stevens, – наличие многочисленных перспектив, концепций, теорий и областей исследования в психологии и обращаться с ними как с независимыми областями исследований, которые оказывают мало влияния друг на друга – своего рода “мирное сосущество-

вание". Можно увидеть возможность какого-то синтеза – истинного "подхода с позиций множественных перспектив" – и использовать то, что является, с вашей точки зрения, сильными сторонами каждой для компенсации слабостей других. Можно также рассматривать эти альтернативные перспективы как соперников, стремящихся в соревновании доказать правомерность собственных объяснений поведения и жизненного опыта и отрицать саму возможность мирного сосуществования" [1998, с. 41].

R. Stevens и M. Wetherell видят в качестве единственного ответа на ситуацию многообразия "поиск отношений и взаимодополняющих оснований ... т.к. существует общее согласие в том, что человеческое поведение подвержено множественным влияниям, включая биологию, раннее развитие, когнитивные процессы, рефлексивную осведомленность и активность, а также взаимоотношения и социальные влияния" [1996, с. 364].

Как уже показывалось при анализе онтолого-эпистемологических оснований существующего психологического многообразия, оно обусловлено множественностью выбора в соответствующих дихотомиях: объективность – субъективность; детерминизм – индетерминизм; мужское – женское; интерличностное – интраличностное; прошлое – будущее; наследственность – изменчивость; гомеостаз – гетеростаз; статичность – динамичность; активность – реактивность; атомизм – холизм; познаваемость – непознаваемость; рационализм – иррационализм; символическое – рефлексивное; идиографическое – номотетическое, биологическое – символическое (рефлексивное), количественное – качественное. Ни по одной из них невозможен однозначный выбор, не вызывающий критических замечаний, психологические свидетельства чего приводят Л. Хьелл и Д. Зиглер [1997, с. 576].

Любая фундаментальная категория социальной психологии и персонологии может быть рассмотрена с позиций разных подходов и перспектив, приводя зачастую к диаметрально противоположным и, главное, научно обоснованным, результатам. Так, социальное поведение личности в социальном мире при его анализе с позиций биологической перспективы, основывающейся на физиологии и этологии, рассматривается по аналогии с поведением любого другого представителя животного мира в его естественной среде обитания. "На функциональном уровне, – отмечают R. Stevens, M. Wetherell, – применяются концепции и принципы эволюционной теории, а на причинном уровне, анализ ведется в контексте физиологических процессов, лежащих в основании поведения и жизненного опыта" [1996, с. 352].

В рамках когнитивного подхода, ориентирующегося на эксперимент и выявление номотетики, в качестве исходной базовой посылки выступает признание факта наличия объективной реальности. Как следствие, особое

внимание уделяется операционализации предмета исследования. Другой основополагающей метафорой выступает компьютер и лежащие в основе его функционирования процессы переработки информационных баз данных. Но и в рамках этого рационалистического подхода к рассмотрению социального бытия личности и ее окружения присутствуют элементы эклектики. “С одной стороны, этот подход отмечает потенциальную регулярность в путях взаимодействия людей и их интерпретации окружающего мира, являющейся результатом фиксированных характеристик перерабатывающих информацию систем, таких как категоризация. Эти не прекращающиеся процессы утверждают устойчивость и непрерывность реакций человека в отношении быстрых изменений. С другой стороны, обсуждение влияния культуры на когнитивный стиль показывает наличие огромной подвижности” [там же, с. 355–356].

В рамках экзистенциально-феноменологического подхода, служащего методологическим основанием гуманистической традиции акценты смещаются в сторону субъективных жизненных переживаний и рефлексивной осведомленности. Отсюда акцентация в исследованиях на феноменологическом анализе жизненных переживаний и концептуализацию путей переживания мира. И в этом случае имеет место эклектизация рационального анализа и призывов к схватыванию жизненных переживаний. “Субъективные переживания сами по себе обладают способностью не только репрезентировать, но и генерировать. Посредством рефлексии и мышления возможен подход к изменениям и новизне. Другое основоположение заключается в признании человеческой способности к рефлексированию собственных переживаний, которое может играть существенную роль в генерировании того, о чем мы думаем, ощущаем, делаем и становимся” [там же, с. 357]. В рамках данного подхода утверждается, что “мы обладаем способностью создавать самих себя”, одновременно отмечается присутствие “некоторых характеристик человеческого существования (например, ограниченность, способность выбора), которые являются фундаментальными и присущи всем людям (обладание правом игнорирования возможности выбора)” [там же].

Социальные конструктивисты исходят из утверждения ведущей роли языка и дискурса в конструировании человеком социального мира. “Утверждается, что язык и дискурс конструируют социальную и индивидуальную реальность” [там же, с. 358]. Как и экзистенциальные феноменологи, социальные конструктивисты подвергают сомнению полезность экспериментального нахождения абстрактных обобщений о поведении человека. Одновременно выражается сомнение в отношении идеи о самосодержательности и личностности субъективных переживаний, утверждаемых экзистенциальными феноменологами. Их скорее интересует социальная ис-

тория рассуждений об экзистенциальных потребностях, нежели рассмотрение их в качестве фундаментальных аспектов человеческой сущности. В то время как представители биологического подхода больше акцентируют внимание на универсальной природе основополагающих процессов, например, эмоциональной экпрессии, социальные конструктивисты больше интересуются тем, как осуществляется взаимодействие между социальным и биологическим.

Психологи, работающие в рамках психодинамического подхода, при всех их специфических отличиях от оригинальной версии З. Фрейда, едины в определении центрального основоположения — “структура, содержание и динамика психики не обязательно доступны сознанию” [Thomas, 1996, с. 286]. Если социальный конструктивизм приглашает к радикальному переосмыслению природы человеческих жизненных переживаний и социальной жизни, то же делают и представители психодинамического подхода. Но в отличие от утверждения первых об осознанном социальном конструировании представлений о мире, психодинамики на первый план выдвигают биологическую природу и бессознательное. В отличие от рационализма когнитивистов и, с определенными оговорками, экзистенциальных феноменологов, ими делаются акценты на иррациональность.

Представленный иллюстративный обзор рассмотрения проблемы социального поведения с позиции разных перспектив ставит вопрос определения в них и избрания стратегии взаимодействия. Одну из таких стратегий предлагают R. Stevens и M. Wetherell — “рассмотрение их как взаимодополняющих, показывающих различные грани сложного предмета исследования” [1996, с. 362]. При не избрании данной стратегии минимизируется потенциал взаимообогащения идеями и решениями.

Одной из самых сложных проблем межпарадигмального диалога является нахождение точек сопряжения несопрягаемого. R. Stevens и M. Wetherell ставят ряд вопросов, возникающих при поиске путей такого рода сопряжения: “Что должно быть сделано? Какой позиции должен придерживаться исследователь, сталкиваясь с различиями такого рода? Эти вопросы порождают вопросы о статусе знания, его истинности и природе реальности” [там же, с. 366].

Этими же авторами предлагаются и две возможные стратегии:

“Дискуссии между перспективами и существованием конкурирующих объяснений могут рассматриваться как эмпирическая проблема — означающая, что расхождения могут быть преодолены в дальнейших исследованиях проблемы установления истинности и природы реальности случая. ... В случае невозможности проведения решающего эксперимента, мы должны рассматривать данную проблему как решаемую в будущем по мере развития теории”.

Второй возможной стратегией является признание конструируемости реальности. В соответствии с данной позицией “не существует реальности, независимой от наших концепций и теорий: в этом случае, дискуссии являются серьезным вопросом – т.к. они связаны с выяснением того нахождения путей сопряжения несовместимых мировоззрений при присутствии ограниченного числа критериев для арбитраживания. Единственно, что мы можем сделать в данной ситуации убеждать друг друга при помощи аргументов и будущих исследований, проясняющих дебатлируемые вопросы. Изменения наступят со временем (не обязательно лучшие) скорее через разработку новых мировоззрений и новых парадигм научных дискуссий, нежели при помощи эмпирических решений” [там же, с. 366].

В случае избрания первой стратегии возникает проблема критериев и оценочных стратегий, которые могут быть применены к столь несовместимым подходам. В то время как биолог может апеллировать к осязаемым измерениям физиологических процессов, социальный конструктивист может делать заключения, исходя из анализа идеологии и ее влияния. В то время как представитель экспериментального направления может полагаться на результаты экспериментов, экзистенциальный феноменолог оперирует обращениями к жизненным переживаниям.

K.J. Gergen пропагандирует вторую стратегию, отрицая саму идею о том, что любое знание может репрезентировать некоторые фундаментальные основания или универсальность в отношении всего понимания реальности. По его мнению, направления в психологии должны рассматриваться “как проникновения в дискурсивную практику мира” [1980, с. 103]. Оптимальные формы дискурса нуждаются в оценке со стороны других дискурсов, таких как литература, политика, рассуждения людей с улицы. Разговоры и диалоги между ними являются необходимыми и континуальными. Автор утверждает, что, фактически, в этом контексте социальный психолог имеет этические и политические обязательства в привнесении собственного вклада в аргументацию, реализующуюся в демократическом обществе, утверждая собственную позицию.

R. Sapsford выдвигает в качестве основания психологического многообразия многообразие эпистемологическое. Он выделяет три типа эпистемологических оснований: (1) номотетическое – “заинтересованное в установлении фундаментальных причинно-следственных законов, которые, как это предполагается, лежат в основании социального поведения”; (2) интерпретационное (психодинамический и социально-конструктивистский подходы) – “концентрируются на качественных описаниях, на интерпретации”; (3) гуманистическое (экзистенциально-феноменологический и гуманистический подходы) – утверждающее, “что люди не просто продукты влияний, находящихся за пределами их контроля, а в полном смысле обладают ответственностью за осуществление собственного выбора” [1998, с. 75].

Отмечая, что "человеческое бытие является продуктом очень продолжительного периода биологической и культурной эволюции", — R. Stevens предлагает вычленение трех отличающихся способов или оснований человеческих действий — биологический (первичный), символический (вторичный) и рефлексивный (третичный). "Каждый способ вырастает из предшествующего, но при этом приобретает качественно отличную форму. Другими словами, вторичный и третичный способы или основания человеческих действий являются новыми и независимыми процессами" [1998, с. 76]. Первичными являются биологические процессы, вторичными — символические и третичными — рефлексивные.

В своих рассуждениях R. Stevens исходит из того, что центральным вопросом для любой теории является определение в области эпистемологических оснований. Именно в различных эпистемологических основаниях и коренится причина существующего многообразия подходов в современной социальной психологии и персонологии. "В социальной психологии, — отмечает он, — мы можем найти не одну, а ряд различных эпистемологий или форм понимания" [1998, с. 75].

Одно из возможных решений существующего антагонизма между объективистами и субъективистами, позитивистами и интерпретационистами, приверженцами количественных и качественных методов предлагает тримодальная теория R. Stevens [1998]. Он отмечает, что "человеческое бытие является продуктом очень длительной биологической и культурной эволюции. В результате этого эволюционного процесса сформировались три различных формы или основания человеческих действий. Каждая форма развивается на основе предшествующей, но с течением времени обретает качественно отличную форму" [там же, стр. 76]. К первичным процессам (или первосигнальным в терминологии И.П. Павлова) он относит *биологическое отражение*, основывающееся на биохимических и психофизиологических процессах, создающих фундамент поведения. Эти процессы детерминированы генетически и их изменение возможно лишь в процессе эволюции — мутациями, естественным и половым отбором. Первичные процессы определяют интеллект и темперамент.

Радикальный рост мозга у человека привел к фундаментальному изменению природы человеческой активности. Теперь она становится не только биологической, но и *символической* или второсигнальной. Ведущим источником активности становится не биологическая наследственность, а коммуникация и научение. С этого момента изменения происходят через коммуникацию и взаимодействие с окружающими людьми, что приводит к возможности значительно более быстрых изменений по сравнению с биологической эволюцией. "Способность к символическому мышлению, появившаяся в процессе биологической эволюции, единожды

возникнув, приводит к фундаментальным изменениям в путях генерации действий" [там же, стр. 77].

R. Stevens выделяет в качестве оснований символической формы общество с его ценностями, представлениями, социальной практикой и аттитюдами, внутренне присущими языку, ассимилируемыми из субкультуры в которой непосредственно живет человек, и жизненные переживания детства, формирующие ассимилируемые индивидуальные системы значений через взаимодействие с ровесниками и родителями, которые и создают наши внутренние личностные миры (сфера, например, психодинамических теорий). В субкультуре формируются коллективно разделяемые системы значений или социальные репрезентации, в непосредственном же окружении системы индивидуальных значений.

Над этой вторичной символической формой существует третичная — *рефлексивная осведомленность*. Ее возникновение связано с формированием у человека способности символизировать и концептуализировать самого себя. Мы можем обозревать и осуществлять текущий мониторинг собственных действий, рассматривать себя, также как и любых других людей, наконец, рассматривать альтернативные способы поведения. Другими словами мы обретаем способность к самоосведомленности и рефлексивному выбору. Рефлексивная осведомленность основывается не на биологическом отражении, также как и не на значениях, ассимилируемых из культуры или в годы детской социализации, а на человеческой способности отражать то, что мы делаем, созерцая и иницируя альтернативы и новые действия.

Рассуждая о процессах перехода от вторичной к третичной формам, от символических к рефлексивным процессам, R. Stevens пишет: "Современный комплексный мир вводит изобилие информации через книги, средства массовой информации и путешествия — о представлениях и способах бытия, отличных от наших собственных. Расширение альтернатив, открытых для нас может способствовать рефлексивному выбору. Возможно жизнь в этих называемых В. Luckman "множественных мирах современного человека" обуславливает нас на рефлексирование различных аспектов нашего существования и размышление о том, каким оно могло бы быть в противном случае" [там же, с. 78].

В своей дифференциации сфер приложения Stevens идет дальше, распределяя биологическую форму в качестве объекта естествознания, символическую — социальных наук или наук о личности, рефлексивную — моральным наукам, исследующим что может быть и что должно быть. В наиболее общем виде концепция R. Stevens представлена на рис. 2.3.

Форма	Первичная	Вторичная	Третичная
Основания для действий	Биологические процессы	Символические процессы	Рефлексивная осведомленность
Влияние на	Генетическая	Значения, ассимилированные от общества и в детстве	Способность к рефлексии и осведомленность о действиях и их последствиях
Основание	Детерминизм	Детерминизм	Автономия
Эпистемологический тип	Номотетический	Герменевтический	Трансформационный
Эпистемологическая цель	Объяснение (в понятиях причинно-следственных законов)	Интерпретация	Способствование возможностям
Тип психологии	Естественнонаучная	Социальные науки или науки о личности	"Моральные" науки
Примеры психологических подходов	Психофизиология	Социальный конструктивизм. Психоанализ.	Экзистенциальная психология. Некоторые направления гуманистической, феминистской и буддистской психологии

Рис. 2.3. Концептуальная схема Тримодальной теории оснований человеческих действий R. Stevens [1998, с. 81].

В предлагаемой тримодальной теории человеческих действий R. Sapsford убедительно показывает качественное отличие выделенных процессов и обосновывает необходимость качественно отличного подхода к их изучению. "В случае биологических объяснений или первичного способа анализа, действия должны связываться со специфическими биохимическими и психофизиологическими процессами. Они являются осязаемыми и, следовательно, потенциально наблюдаемыми и измеряемыми. Следовательно, по отношению к ним полностью применимы методы естествознания (т.е. номотетический подход, направленный на установление причинных законов)" [там же, с. 79].

“На вторичном или символическом уровне, тем не менее, основаниями действий не являются осязаемые биологические процессы, а значения. По самой своей природе, значения не измеряемы и не наблюдаемы. Они могут только выводиться, конструироваться и интерпретироваться. Мы можем понимать действия данного способа, атрибутируя значения (такие как интенции) действующему”. По отношению к такого рода интерпретациям наиболее продуктивен герменевтический подход, направленный на интерпретацию значений человеческих действий и увязыванию их с лежащими в основании влияниями и в конечном счете и формирующими их” [там же].

На уровне рефлексивной осведомленности, как подчеркивает R. Sapsford, “мы сталкиваемся не с актуальным, а возможным, не с тем, какими являются объекты, а с тем какими они могут быть. Как номотетический, так и герменевтический подходы основываются на детерминизме (действия на первичном уровне детерминируются первичными основаниями, наследуемые биологическими процессами, на символическом уровне – ассимилируемыми значениями). На третичном уровне рефлексивной осведомленности, тем не менее, действия не детерминированы, а творятся автономной личностью благодаря своей способности рефлексировать самое себя и события.

Психология на уровне биологических или первичных оснований может рассматриваться как естественная наука и на символическом или вторичном уровне как социальная или “персоналистская” наука. На третичном уровне она является тем, что мы называем “моральная” наука, т.к. она более заинтересована в том, как мы выбираем действия: она репрезентирует изучение не того что есть, а того, что может быть и должно быть. Эпистемология такого основания нуждается в фокусировании на возможности и будущем. Нежели настоящей актуальности по отношению к прошлому и она нуждается скорее в автономии, чем детерминизме. Я называю эпистемологию такого типа “трансформационной” [там же, с. 80].

Предложенные эпистемологические основания вполне убедительно доказывают невозможность решения проблемы многообразия путем нахождения единого универсального основания, одинаково приемлемого и для естествознания и для социальных наук, тем самым, создавая предпосылки для правомерности идей интегративной эклектики, направленной на эклектическую интеграцию психологических знаний (а также естественнонаучных и гуманитарных) в рамках единого целого – человека и его социального окружения, которые неразрывны. Более того, интегративная эклектика помогает избежать очередной крайности – автономизации перенumerенных областей друг от друга, следствием которой явится еще больший отрыв от реального социального бытия личности и ее окружения.

Констатация необходимости качественно иных подходов к изучению разных уровней, оснований или способов человеческой активности, при

одновременном сохранении продуктивного диалога между изучающими их областями науки, должна сопровождаться выдвиганием психологических оснований рассмотрения этой активности.

В качестве первого из них выступают идеи о процессуальности и пространственно-временной континуальности, исходно поставленные и реализуемые в рамках философского прагматизма и его психологического последователя — интеракционизма. Это, прежде всего, "идеи о значении объекта, развитии социальной самости как функции социального научения, мыслительной активности как процессуальной, человека как активной сущности, активной роли организма в формировании его окружения, социальных изменений через посредничество человеческих усилий и активную роль ситуации в повседневной жизни" [Franklin, 1982, с. 77].

Наибольший вклад в психологическую адаптацию этих идей внес В. Джемс в своем не теряющем ценности фундаментальном труде "Научные основы психологии" [1902]. В. Джемс подчеркивает: "Для целей психологической науки не требуется изобретать ни метафизической, изменяющейся сущности (вроде особой души), ни трансцендентального Ego, видимого как бы вне времени. Познающее мое "Ego" есть мышление, в каждый момент времени, отличающееся от того, чем было за миг перед тем, но способное признавать своим это предыдущее мгновение вместе со всем тем, что это предыдущее мышление признавало в свою очередь своим" [там же, с. 168].

Развивая идею непрерывности и поточности сознания, Джемс выделяет четыре его свойства:

"Каждое "состояние" сознания стремится быть частью личного сознания.

В каждом личном сознании, состояния постоянно меняются.

Каждое личное сознание чувствуется как непрерывное.

Оно заинтересовано в некоторых частях своего объекта, а в других нет, и все время оно или принимает или отвергает те или другие части, — одним словом, выбирает среди них" (там же, с. 114).

В названном контексте особый интерес представляют рассуждения В. Джемса о поточности, реализующиеся во введенных им категориях "потока мысли", "потока сознания", "потока субъективной жизни" (там же, с. 120), а также соотношении двух фундаментальных типов "Я" — "Я", как познаваемое, как "мое", как Ego, даваемое в опыте, или "эмпирическом" "Ego" и "Я" как познающем, или просто "я", или чистом "Ego" (там же, с. 135).

Эти фундаментальные идеи были вновь востребованы лишь в восьмидесятые годы в связи с анализом потока переживаний М. Csikszentmihalyi [1988; 1992]. Сознание рассматривается в значении "осознания некоторых специфических событий (ощущений, мыслей, интенций), которыми человек может управлять ... Таким образом, мы можем говорить о сознании как

об интенционально упорядоченной информации” [1988, с. 26]. В данном определении фиксируется не аспект репрезентации, а сознательной управляемости. Такое направление (или интенциональность) предполагает “осознанное упорядочивание информации” [там же, с. 27]. М. Csikszentmihalyi приравнивает концентрацию внимания психической “энергии”. Он рассматривает способность контролирования данных ресурсов (т.е. способность произвольной концентрации внимания, а не созерцания потока сознания), как обладающую бесценным значением для жизни, противопоставляя ее тому, что он называет “энтропией”, предполагающей разрушение упорядоченности сознания интенциональности вторжением посторонних событий и мыслей. Поток имеет место в случае, когда поступающая информация соответствует преследуемой цели, способствуя усилению потока энергии. Это состояние определяется им как “оптимальное переживание” [там же, с. 53].

Идеи процессуальности и качественного отличия социальной сущности человека наиболее продуктивно разрабатывались в исследованиях J. H. Mead [1974]. Выдвигая в качестве базовой психологической категории “самость”, он подчеркивает, что именно она “делает возможное существование человеческого общества как отличной сущности” [там же, с. 240]. Mead подчеркивает рефлексивную природу самости. “Самость как рефлексивная означает, что индивид становится объектом самого себя или собственной самости. Это совершается через адаптацию к позиции других и рассмотрению себя с их точки зрения. Совершая подобное, человек способен не только испытать действия, совершаемые по отношению к другим, но и погрузиться в эти действия” [там же].

Именно “рефлексивность представляет основное отличие человеческого — обладающего способностью к самоотчету — от инфрачеловеческого — не обладающего ею. Человек не просто реагирует на открытые действия других людей, а, прежде всего, интерпретирует их. Если моя интерпретация действий (оценка значения сигнала) синонимична значению, придаваемому им другим, начинаются согласованные действия. Потому, что я отвечаю на свои собственные сигналы с точки зрения другого человека и потому, что другой отвечает на его собственные сигналы с учетом моей точки зрения, становится возможным формирование единого значения этих сигналов. Когда люди овладевают опытом других вследствие реагирования на собственные сигналы, они тем самым включают поведение других в свое собственное и поведение становится действительно социальным” (там же). Именно в этом контексте общество представляет собой процесс символической интеракции — “процесс, в котором порождается самость, представляет собой социальный процесс, который подразумевает взаимодействие индивидов в группе, предполагающее предсуществование группы. Он также предполагает некоторую совместную деятельность, в которую включены различные члены группы” [там же, с. 164].

Идеи символической природы социальной сущности человека дополняются и развиваются положениями культурно-исторической теории развития Л.С. Выготского, предложившего различие двух планов поведения – натурального (результат биологической эволюции животного мира) и культурного (результата исторического развития общества), слитых в развитии психики. Опосредованность культурного развития орудиями, направленными “вовне”, на преобразование действительности, и знаками, направленными “вовнутрь”, сначала на преобразование других людей, а затем на управление собственным поведением.

Характеризуя роль символической природы человека в его поведении в контексте выяснения соотношения сознания и слова, Л.С. Выготский подчеркивал, что “если ощущающее и мыслящее сознание располагает разными способами отражения действительности, то они представляют собой и разные типы сознания. Но если речь идет о разных типах сознания, то вполне резонным становится вопрос о методах их исследования, путях объяснения, которые тоже должны быть разными, но, одновременно, соотносимыми и сопрягаемыми друг с другом, т.к. оба актуализируются в поведении единого объекта – человека” [1982, с. 361].

Еще одним психологическим основанием выступают идеи теории поля Курта Левина [1992; 391–392]. Характерным для рассмотрения человеческого поведения личности Левиным являлось стремление учитывать весь возможный комплекс воздействующих на него сил. Понимая всю сложность поставленной задачи, он исходил из постулата необходимости рассмотрения личности, как находящейся в пространственно временном континууме. Эта исходная посылка предполагает наличие гипотетического влияния на поведение всего и вся, определяемого им как поле. Гипотетически, на поведение человека влияет даже то, что происходило и происходит на солнце или на каком-либо другом космическом объекте и, в принципе, абсолютно точный прогноз должен учитывать и это.

К числу основных понятий теории поля относятся поле, локомоция, жизненное пространство, измерения жизненного пространства, сила, валентность, напряжение и конфликт, при помощи которых удается схватить пространственно-временную континуальность. Понятие поля, определяемое как “всеобщность сосуществующих фактов, постигаемых как взаимозависящие” [1951, с. 214] вводилось именно исходя из понимания всеобщей взаимообусловленности происходящего в мире. В соответствии с подходом теории поля “события рассматриваются как следствие многочисленных взаимодействующих факторов. Эти факторы не могут быть разбиты на части в объяснительных целях. Скорее события должны рассматриваться как результат серии взаимодействующих факторов, составляющих паттерн – более точно, гештальт” [там же, с. 215].

Понимая локализованность пространственно-временного континуума по отношению к конкретной личности и ее жизненному периоду, Левин вводит понятие “жизненного пространства”, определяемого как “всеобщность фактов или событий, детерминирующих поведение в данный момент” [там же, с.216]. Наконец, взаимозависимость фактов друг от друга анализируется им в контексте соотношения части и целого, образующего динамический гештальт – “систему, части которой динамически связаны друг с другом таким образом, что всякое изменение одной части вызывает изменение всех других частей” [там же, с.218].

Проблема соотношения части и целого в психологическом знании напрямую связана с вопросом соотношения фрагментарного и целостного знания, способности сформулировать это целое из неизбежной локальности репрезентирующей его части. Следствием этой проблемы является проблема соотношения результатов эмпирического исследования фрагмента (ограниченного реальными возможностями исследователя и используемых им инструментов) и возможности генерализации полученного фрагмента знания на единое целое изучаемого феномена в его экзистенциально-феноменальной континуальности и процессуальности. Эта проблема материализуется в дискуссиях по онтолого-эпистемологической дихотомии атомизм – холизм. Осознание неизбежности фрагментарности представляет собой ставит вопрос о принципиальной возможности ее доведения до уровня целостности посредством доконструирования, домысливания и связанной с ними субъективностью и возможностью разнотолкувания.

Как отмечает D.E. Polkinghorne, “фрагментарность и постоянная изменчивость поверхностных проявлений реальности признается постмодернизмом. Он отрицает саму возможность разработки философских средств постижения этих поверхностных проявлений. Даже если бы такие средства были возможны, постмодернизм высказывает сомнения в отношении нахождения универсальных и последовательных структур под этой неупорядоченной поверхностью. Пласт жизненных переживаний обыденного человеческого научения локализован ниже многообразия поверхности и вне конечных оснований” [Polkinghorne, 1997, с. 150].

“Вместо того, чтобы репродуцировать картину реальности такой, какой она есть на самом деле, человеческие жизненные переживания состоят из значимых интерпретаций реальности. Эти интерпретации в основном характеризуются способами, которыми объекты, составляющие реальность (физические объекты, концептуальные категории, другие люди и самость) могут способствовать достижению целей. Многообразие является результатом различных исторических, культурных, социальных и личностных окружений, в которых человек локализован. Коллекции культурных и индивидуальных паттернов не являются статичными. Если взаи-

модействия не могут быть ассимилированы настоящими паттернами, паттерны изменяются, аккомодируя в прошлом не интерпретируемые и бессмысленные взаимодействия. Изменения реализуются через работу воображения от метафорических и метонимических процессов к более общим или дифференцированным паттернам" [там же, с. 150–151]. Признание полиинтерпретируемости реальности, невозможности нахождения единых универсальных рациональных оснований, способных схватить многообразие проявлений реальной жизни становится квинтэссенцией постмодернизма. Эта диатропичность поддерживается психотерапевтической и клинической практикой, выступающими еще одним психологическим основанием интегративной эклектики.

Сегодня является общепризнанным существующий разрыв между академической психологией, ориентирующейся на модернистский рационализм, и психологией практической, представляющей собой воплощение идей постмодернизма о многообразии [Kvale, 1997]. Если раньше, а в академической традиции, исследователи чаще всего ориентировались на конкретные представления об исследуемой ими реальности, конструируя соответствующие рациональные модели, системы или теории, то в эпоху постмодернизма они все большим количеством психологов-практиков начинают рассматриваться скорее как метафоры или шаблоны возможной организации жизненных переживаний клиента.

Интересное исследование познавательной активности психологов-практиков предприняли Н. L. Dreyfus и S. E. Dreyfus, идентифицировавших пять типов когнитивных процессов, используемых ими [приводится по: Kvale, 1997, с. 155–156]. Каждый из типов соответствует пяти стадиям профессионального развития. Для первого типа характерно понимание используемых новых знаний как внешних по отношению к психологу-практику. Для него характерно воплощение правил, приобретенных в процессе обучения. Для пятого же, последнего, типа, характерно избрание в качестве базового собственного опыта со смещением акцентов на уникальность ситуации. Достижение позиции эксперта с неизбежностью приводит к осознанию зависимости знания от контекста и, как следствие, к признанию многообразия практик. Практическая психология уважительно относится "к многообразию теорий и практик в рамках существующего знания. Она не ищет глобальной метатеории, описывающей жизненные переживания вне зависимости от времени и пространства. Она строится из фрагментов понимания, выработанного в предшествующей практике. ... Знание практикующего психолога не является "истинным" в традиционном понимании этого слова, предполагающем соответствие реальности. Скорее оно представляет коллекцию отдельных исследований и микрообобщений, служащих шаблонами для понимания клиентов" [там же, с. 160]. Из этих

микрообобщений, соединенных со знаниями других и формируется подлинное понимание уникальности каждого конкретного случая, суждение о диатропичности психологического знания. "Такое понимание, — подчеркивает D.E. Polkinghorne, — не является выражением пренебрежительного скептицизма; скорее оно приводит к открытости, к существованию многообразия подходов для оказания помощи людям" [1997, с. 162].

Вполне понятно, что лозунг приоритетности уникальности каждого случая наряду с несомненным оптимизмом, навеянным предшествующим его игнорированием, имеет и свои негативные последствия. Полагаясь только на собственный опыт, психолог-практик рискует повторить практику "изобретения велосипеда" со всеми его издержками. Да и превращение его в эксперта становится возможным только через приобщение к опыту других, тем метафорам, системам, моделям, которые получили признание и отражены в теории. Главным является вывод о необходимости преодоления догматизма в применении накопленного психологического знания, осознания уникальности случая, нахождения гармонического сочетания между идиографией и номотетикой, имикой и итикой, что и предполагается интегративной эклектикой.

Таким образом, в представленном анализе психологических оснований интегративной эклектики показаны предпосылки неизбежности присутствия в психологическом исследовании многообразия теоретических подходов и эмпирических результатов, обусловленных, во-первых, сложностью объекта и предмета психологического исследования, связанной с их экзистенциально-феноменальной континуальностью и процессуальностью; во-вторых, троичной качественно отличной природой (биологическая, символическая, рефлексивная) детерминации человеческой активности, не позволяющей использовать качественно однозначные способы их описания и объяснения и инструменты изучения; в-третьих, неизбежной зависимостью теоретических обобщений от способности исследователя доставлять целостное представление о сути исследуемого феномена на основании имеющихся в его распоряжении фрагментов знания; в-четвертых, многообразием практики и ее обусловленностью от конкретного ситуативного контекста.

Выводы по главе 2

1. Сведение различных традиций к общему сопоставительному основанию становится возможным при посредстве интегративно-эклeктического подхода, опирающегося на понятия поливариантности истины, онтологического плюрализма, диалогии и диатропики. Интегративная эклектика предусматривает постижение природы социального феномена через

сопровождаемую критической рефлексией интегративную эклектизацию различных традиций, подходов, логик и исследовательских инструментов при сохранении их автономии в последующем развитии. Ее сущность заключается в многомерном, полилинейном, разновекторном анализе психологического феномена, при качественно ином уровне инсайтирования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, уникальности, диалогичности, диатропичности. Интегративная эклектика предполагает привлечение к анализу находок и достижений тех традиций, тех подходов, которые наиболее продуктивно работают в конкретной феноменальной области при их соотнесении друг с другом.

2. Интегративная эклектика предлагает механизмы развития психологического знания, в качестве которых выдвигаются: парадигмальное позиционирование; интегративно-эклектический диалог альтернативных традиций; и критический рефлексивный альтернативный круг. Эти механизмы реализуются в ряде необходимых условий, обеспечивающих повышение потенциала продуктивности научного исследования:

- Четкое определение парадигмальных координат в рамках, которых проводится исследование и связанных с ними возможностей и ограничений в экстраполяции результатов.
- Создание максимальной информационной базы теоретической и эмпирической проработанности проблемной области в разных системах парадигмальных координат при наличии таких возможностей и претензий на высокий уровень обобщений.
- Прохождение критического рефлексивного круга альтернативного позиционирования как условия раздвижения парадигмальных рамок и освобождения от предубежденности и перехода на метатеоретический уровень более высокого порядка.

3. Философско-методологические основания интегративно-эклектического подхода, представляемые дескриптивной концепцией истины, идеями онтологического плюрализма, диалогики и диатропики, позволяют создать необходимый фундамент для углубления постижения сущности психологической феноменологии посредством использования продуктивных ресурсов альтернативных психологических традиций и используемых в их рамках инструментов и технологий.

4. Используемые в качестве психологических оснований интегративной эклектики теоретические разработки о процессуальности, поточности (James, Mead, Csikszentmihalyi), пространственно-временной континуальности (Lewin), культурно-исторической детерминированности (Выготский), разнокачественности природ (Выготский, Mead, Sapsford) социального бытия личности и ее окружения создают необходимые исследовательские рамки для углубленного рассмотрения психологической феноменологии.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ НАУЧНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И СПОСОБОВ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ

3.1. Оценочно-критериальное поле научности психологической теории

Многообразие подходов к онтолого-эпистемологическим основаниям психологического знания, каждый из которых выстраивает свою метатеоретическую описательную и объяснительную модели феноменологии, основывающиеся на определенных способах теоретического доказательства, ставит вопрос о необходимости определенности в критериях научности теории и используемого ею способа теоретизирования. Данная проблемная область в последние годы вновь стала в эпицентре внимания психологов теоретиков и методологов науки (R.D. Ashmore [1990]; G. Bohme [1975]; R. Boyd [1979]; S. Chaiklin [1997]; J. Coleman [1994]; L. Darden [1986]; C.W. Franklin [1982]; E.G. Freedman, L.D. Smith [1996]; M. Freeman [2000]; R. Harre [2000]; L. Laudan [1996]; S.W. Littlejohn [1994]; B. Markowsky [1996]; N.R. Pandit [1996]; R. Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell, R. Stevens [1998]; C. Schrag [1967]; H.J. Stam, T.B. Rogers, K.J. Gergen [1987]; R. Van Hezewijk [2000] и др.).

В широком смысле термин “теория” обозначает любую концептуальную репрезентацию или объяснение феномена. В многообразии подходов к определению теории в социальной психологии очень трудно найти какую-либо всех устраивающую логику. Одно из удачных определений социально-психологической теории дает C.W. Franklin: “Теории в социальной психологии представляют совокупность связанных понятий и предположений о социальном взаимодействии между людьми, индивидуальных процессах в ситуации социального стимулирования и социальных структурах в их отношении к индивидам” [1982, с. 28]. A.S. Reber определяет теорию “как связанный ряд выражений, представляющих полную и последовательную характеристику точно определяемой области исследований с объяснением всех относящихся к ней фактов и эмпирических данных” [1995, с. 793]. В прагматическом психологическом контексте под теорией часто понимается “общий принцип или система связанных общих принципов, выдвигаемых в целях объяснения ряда известных фактов или полученных эмпирических данных” (там же).

Говоря о теориях в целом можно сделать два обобщения. Первое, все теории являются абстракциями. Любая теория является частичным объяснением; любая теория оставляет вне своих рамок определенные вопросы, фокусируясь на одних аспектах проблемной области, она опускает другие аспекты. Второе, все теории должны рассматриваться как конструкции.

Теории создаются людьми, а не предоставляются богом. “Теории представляют различные способы видения наблюдателями их окружения, но сами по себе они не являются реальностью” [Littlejohn, 1994, с. 22]. А. Kaplan пишет в этой связи “Формулирование теории не является просто раскрытием скрытых фактов: теория представляет собой способ рассмотрения фактов, организация и репрезентация их. ... Теория должна быть подобна миру Господа, но по существу она создает свой собственный мир” [1998, с. 309].

Несмотря на представленность определенных различий в вычленении структурных элементов теории, большинством авторов в качестве таковых выделяются понятия, определения или концептуализации и объяснения [Littlejohn, 1994, с. 22–24]. Значимость процесса категоризации, концептуализации и объяснения для развития психологического знания несомненна. Т. Kuhn: “Ни ученый ни простой человек не научаются видеть мир разделенный по единично; и ученый и простой мирянин классифицируют целые области друг с другом исходя из изменений жизни” [1970, с. 111].

В зависимости от избранного ведущего метода концептуализации и объяснения традиционно различаются три типа теорий. Теории, основанные на законах, предполагающие наличие причинной необходимости как воплощение духа научности. Они используют открытые законы, проясняющие универсальные причинные отношения между переменными. Теории, основанные на правилах, предполагающие наличие практической необходимости. Данного типа теории определяются, как более гуманистичные в силу того, что предоставляют людям возможность выбирать и изменять правила. Между этими двумя противоположными типами теорий часто ставят теории, основанные на системном подходе, претендующие на наличие логической связанности” [Littlejohn, 1994, с. 24]. По своей сути этот тип теорий концентрируется на выявлении логических отношений между элементами и утверждает наличие взаимосвязанности между событиями.

Несмотря на вполне обоснованную критику представленной трихотомии закон-правила-система, следует подчеркнуть полезность использования понятий закона, правил, систем как продуктивного способа классифицирования теорий. Проблема возникает лишь в том случае, когда они используются для разграничения форм объяснения.

16 Применительно к социально-психологической теории выделяется ряд специфических особенностей [Berkowitz, Donnerstein, 1982, с. 32–39]. В уже представленном выше определении социально-психологической теории подчеркивается, что она представляет собой “совокупность связанных понятий и предположений о социальном взаимодействии между людьми; индивидуальных процессах в ситуации социального стимулирования; взаимоотношения между индивидами и социальной структурой” [Franklin, 1982, с. 32]. Можно подчеркнуть, что по отношению к теории не существу-

ет ничего эксплицитно или имплицитно ограничивающего гибкость социального психолога в ее построении. Теории могут быть аксиоматическими, постулативными, повествовательными, системными и т.п. Можно выделить лишь одно необходимое требование, обуславливающее принадлежность к теории – наличие ряда необходимых элементов.

Несмотря на постоянно присутствующий в социальной психологии процесс изменения и развития представлений можно со всей уверенностью выделить следующие основные элементы теории: “(1) постулаты, (2) теоремы, (3) номинальные определения, (4) операциональные определения и (5) представления, отождествляемые некоторыми исследователями с понятиями” [Chafetz, 1978, с. 48–51]. В отношении операциональных определений делается уточнение об их большей применимости в отношении исследований, нежели конструирования теорий.

Сопоставление различных точек зрения по поводу структуры социально-психологических теорий дает основание выделить следующие ее основные элементы: основоположения, номинальные понятия, предположения, представления и операциональные определения [Franklin, 1982, с. 32].

Любая социально-психологическая теория содержит некоторый ряд обобщений, лежащих в основании объяснительной системы, определяемых как основоположения. В некоторых теориях эти основоположения выводятся эксплицитно, в других – имплицитно. Несмотря на утверждаемую в рамках традиционного подхода предпочтительность эксплицитного вывода обобщений, даже в его рамках в некоторых случаях теоретик оказывается вынужденным полагаться на имплицитное выведение.

В современной социальной психологии и персонологии, особенно западной, существует достаточно широкое разнообразие различных подходов к теоретическим основоположениям. Их можно дифференцировать на общие и частные подходы к предмету исследования. J.S. Chafetz утверждает, что “ученый может делать выводы (1) о реальности и о том, как он приходит к ее познанию; (2) наблюдении и измерении того, что исследуется; (3) упорядоченности универсума и наших способностях постигать его; и (4) связях между событиями” [1978, с. 34]. Все эти вопросы по своей природе социально-психологичны и требуют специального рассмотрения.

Другой ряд вопросов, по мнению J.S. Chafetz, связан с определением общего подхода к предметной области. Эти основоположения “требуют наличия в рамках предметной области одной или нескольких парадигм, определяющих, что должно быть изучено, какие вопросы должны быть поставлены и какие правила должны применяться для интерпретации” (там же).

Данное утверждение является особенно продуктивным в ситуации сегодняшнего дня, характеризующейся наличием целого ряда достаточно продуктивных парадигм, позволяющих, в контексте интегративно-эклек-

тического подхода, рассматривать предметную область с разных, даже диаметрально противоположных точек зрения, подходов, позиций, позволяя выявлять все новые и новые грани явлений. Тем более что становится очевидной отмеченная J. S. House мультипарадигмальность социальной психологии [1977]. Однако вне зависимости от существования в области двух или более систем основоположений и обобщений можно говорить о наличии ряда общих фундаментальных основоположений для социально-психологических теорий. Эти фундаментальные основоположения, как правило, принимаются без доказательства, не подвергаются эмпирической проверке и выполняют чрезвычайно важную функцию согласования основных положений теорий, позволяя конструировать проверяемые предположения.

Проверка гипотез является крайне медленным и кропотливым процессом, предполагающим разработку и применение очень тонких инструментов – тестов. Весь четырехзвенный процесс повторяется для формулирования новых вопросов и развития гипотез подобно строительству блочного дома. Рис. 3.1. иллюстрирует особенности гипотетико-дедуктивного метода.

В основе доминирующего в традиционных подходах гипотетико-дедуктивного метода лежит пять понятий – гипотеза, операционализация, контроль и манипуляция, открытый закон, и предсказание [Franklin, 1982].

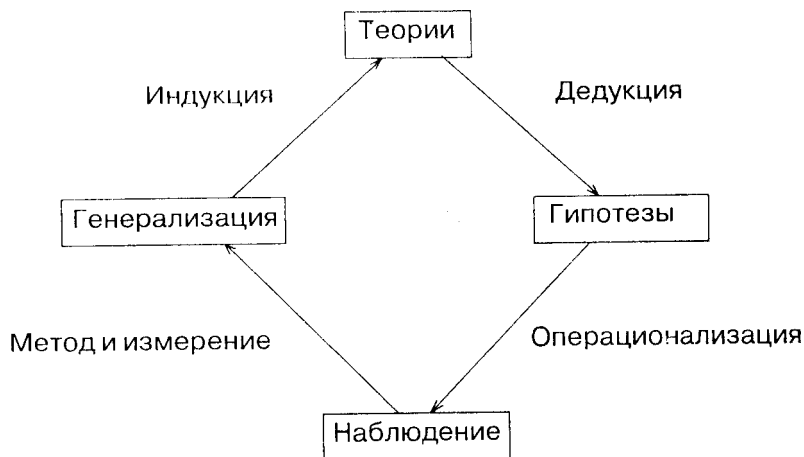

Рис. 3.1. Классический идеал науки [Littlejohn, 1994, с. 26].

Представленный классический подход к теории и исследованиям находится в традиции “познания как открытия” [Littlejohn, 1994, с. 27]. Однако эта традиция в науке не является единственной. Более того, она

подвергается обоснованной критике со стороны представителей интерпретационной и критической традиций в психологии (А.Г. Аллахвердян с соавт. [1998]; Е.Л. Доценко [1997]; Е.А. Климов [1999]; А.Н. Славская [1994]; С. Antaki [1988]; J. Arlow [1985]; A.P. Bochner [1985]; L. Darden [1986]; K.J. Gergen [1993; 1994; 1997]; R. Harre [1981; 1986; 1998]; N. Heather [1976]; Kern L.H., H.L. Mirels, V.G. Hinshaw [1983]; S. Kvale [1997]; M. Laljee [1996] и др.).

Многими авторами классическая традиция определяется как “старая парадигма” социальных наук, на смену которой приходит “новая парадигма” [там же, с. 27]. Менее претенциозным, по всей видимости, является дифференциация существующего поля теоретических подходов на “традиционную” и “альтернативную” парадигмы. Причем и в рамках традиционной парадигмы еще К. Lewin вычленял “Аристотелевскую” и “Галилеевскую” парадигмы. Называя предшествующую психологию как преднаучную, а ее подход Аристотелевским, К. Lewin подверг критическому рассмотрению характерную для него жесткую категоризацию, статистическое определение закономерности, фенотипический подход к психологии и описательную методологию. В качестве альтернативы он предложил конструктивный метод, опирающийся на следующие положения о: “(1) критериях закономерности, не зависящих от повторяемости; (2) приоритетной роли интерпретаций, основанных на взаимоотношениях событий по отношению к классификационным; (3) определении феномена, как существующего в континууме; и (4) методологии, утверждающей контролируемый эксперимент и количественные измерения” [Franklin, 1982, с. 285].

По отношению к конструктивному методу, названному Галилеевским подходом, Lewin утверждал, что доказательство закономерности зависит от “чистоты случая” и не обязательно от его частоты и повторяемости [1951, с. 393]. В отличие от Аристотелевского подхода к структуре науки, подчеркивавшего необходимость классификации событий в дискретные группы, Lewin выдвигает на первый план необходимость исследования функциональных отношений между событиями. Он считал, что наиболее важным является понимание основополагающих отношений и выявление функций, нежели структуры и содержания феномена. Феномен должен быть репрезентирован в континууме, и такая репрезентация будет более адекватно показывать сходства и различия феноменов по сравнению с дискретной категоризацией. Именно этот образ рассуждений позволил разработать систему, ставшую известной, как направление теории поля [1936; 1951].

Важно понимать, что теория представляет собой абстракцию реальности, но абстракцию, имеющую под собой некоторые основания в реальной практике. Практика оказывает влияние на теорию, также как и теория — на

практику. Непосредственная практика, как и исследования, создают основания для формулирования теории. Процесс же развития теории предполагает постоянную проверку ее верности и формулирование новых гипотез и уточнений. Для "традиционалистов" эта проверка и уточнение представляют процесс развития гипотез о "реальном мире". Для "альтернативистов" — научно организованный процесс интерпретации фактов, поступающих из окружающего мира, направленный на понимание бесконечного потока событий.

Процесс развития теории предполагает проведение исследований, включающих: специальное исследование фактов, которые воспринимаются как заслуживающие внимания; проверку предсказательных возможностей теории или интерпретационной полезности; дальнейшее развитие и артикуляцию теории [Kuhn, 1970, с. 25–27]. Можно выделить три возможных способа изменения теорий. Развитие теории через ее расширение, предполагающее накопление знаний, продвижение от одного бита информации о реальности к другому посредством добавления новых понятий к старым. Развитие через интенсификацию, представляющее процесс разработки возрастающего более точного понимания отдельных понятий и аспектов. Иллюстрацией данного способа может служить углубление представлений в конкретной проблемной области, например понимании причинности конфликта. Третьим способом изменения теории является научная революция. Понятие, введенное Т. Kuhn, который утверждает, что "нормальная наука" представляет собой процесс разработки теорий через интенсификацию и экстенсификацию с относительным согласием по поводу взглядов и подходов к рассмотрению основополагающей природы реальности. В какой-то точке развития научное объяснение, сложившееся в рамках согласованных теоретических подходов начинает сталкиваться с экстраординарными фактами, противоречащими традиционным взглядам и подходам. С этого момента, по мнению Т. Kuhn, в развитии теоретического подхода начинаются кризисные тенденции, в конечном итоге приводящие к формированию нового подхода (там же).

В научной революции понятия и операции начинают концептуализироваться радикально отличающимся образом, требуя переопределения всей области знания. Предшествующие области исследований могут прекратить свое существование, им на смену могут прийти новые, а также новые сочетания старого и нового. По меткому замечанию Kuhn, "исследователь, окунувшийся в мир науки после научной революции, совершенно по новому начинает относиться к ее предшествующему состоянию" [там же, с. 111]. В этом контексте становится понятным, почему критики традиционных научных подходов столь легко называют свой подход "новой парадигмой", в то время как консерваторы относятся к термину "парадигма"

с такой нелюбовью. Развивая на первых порах идею жесткой структурированности научной теории и необходимости четких критериев определения ее научности, в последующие годы Т. Kuhn существенно изменил свои взгляды в сторону плюрализма в научном знании [1974].

Критические отношения к существованию единственно верного научного метода людьми, добившимися существенных успехов в науке, свидетельствуют о том, что на сегодняшний день нет каких-либо общепризнанных оснований для утверждения об абсолютной точности, строгости, связности и объективности науки. Более того, как подчеркивает Brush в своей статье "Может ли быть оценена высшим баллом история науки?", наука не является "хорошей моделью для студентов", т.к. она может подорвать свой идеализируемый образ в глазах многих из нас [1974, с. 165].

Расширение и демистификация некоторых научных идей представлены в исследованиях по философии науки Р.К. Feyerabend [1988]. Он разработал так называемую анархическую теорию знания. Отрицая какой-либо анархизм в истории политических наук, Р.К. Feyerabend считает возможным использование понятия анархизма в эпистемологии и науке.

Его анализ истории развития науки находится в полном противоречии с рассуждениями К. Popper и Т. Kuhn. Р.К. Feyerabend пишет: "Идея и метод содержащие строгие, неизменные и абсолютно обязательные принципы, обуславливающие деятельность науки, встречают значительные сложности, когда сталкиваются с результатами исторических исследований — нет отдельного правила, каким бы гибким оно не было. ... продуктивный и творческий ученый отрицает правила, преобразует их, поддерживает интуитивно формируемые гипотезы, работает индуктивно и дедуктивно и работает иногда во имя единства, а иногда во имя плюрализма" [Фейерабенд, 1986, с. 153]. И далее: "Одним из замечательных достижений недавних дискуссий в области истории и философии науки является осознание того факта, что такие события и достижения, как изобретение атомизма в античности, коперниканская революция, развитие современного атомизма (кинетическая теория, теория дисперсии, стереохимия, квантовая теория, постепенное построение волновой теории света), оказались возможными лишь потому, что некоторые мыслители либо сознательно решили разорвать пути "очевидных" методологических правил, либо произвольно нарушали их" (там же).

Специфика и потенциал научной теории раскрываются в ее функциях. В существующем многообразии подходов к определению функций теории одной из самых удачных, по нашему мнению, является систематизация, предложенная S. Littlejohn:

Функция организации и обобщения знаний.

Функция фокусирования.

Функция прояснения наблюдаемого.

Функция организации наблюдения.

Функция предсказания.

Функция контроля.

Генеративная функция [1994, с. 28–29].

Процесс построения научной теории основывается на научном методе, представляющем специальный подход к приобретению и переработке информации позволяющий исследователю критически оценивать события и факты окружающей действительности и детерминировать соответствие сформировавшихся объяснительных конструкций объективной реальности. Конечно же, понятие объективная реальность в контексте данной работы определяется как версия существующей реальности, максимально освобожденная от искажающих влияний субъективности. В традиционном научном подходе именно освобождение от искажающих влияний субъективности выступает в качестве необходимого условия более глубокого понимания исследуемого объекта.

Общая схема научного метода познания и построения научной теории, предложенная S.F. Mayer и K. Sutton, представлена на рис. 3.2. [1996, с. 20].

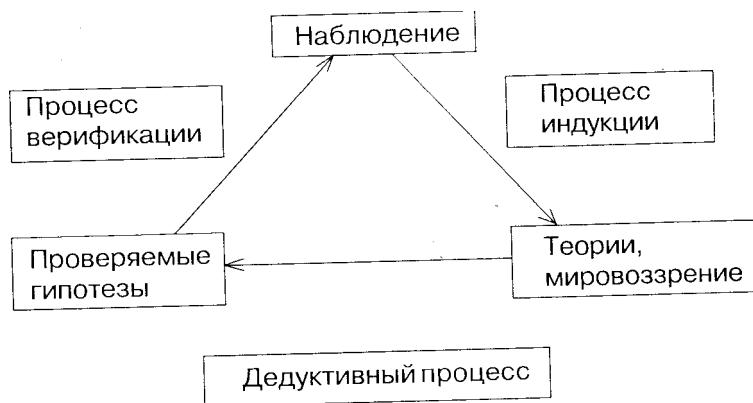

Рис. 3.2. Схема научного метода познания и построения научной теории.

Сила научного метода заключается в предоставлении средств выхода за рамки представлений и словесных аргументов. В тоже время, позволяя преодолевать искажения субъективности, традиционный научный метод познания сам имплицитно содержит ряд самоограничений применительно к анализу социально-психологической феноменологии. Во-первых, постулативно предполагается сама возможность посредством его постижения

объективной реальности. Во-вторых, отнюдь не все виды психической активности доступны измерению. В-третьих, сама процедура измерения или верифицирования также создает предпосылки для искажений. Тем не менее, так как многие аспекты человеческого поведения измеряемы — открытые для наблюдения действия, физические реакции, эмоциональные переживания — и так как постоянно разрабатываются все новые средства их оценки, то в психологии считается полезным его использование, правда, в современной транскрипции, без абсолютизации результатов.

Более фундаментальное понимание сущности теории и процесса научного исследования не возможно без анализа их общетеоретических оснований, представленных на уровне метатеории, являющейся объектом философии науки.

Понимание того, что теоретическая конструкция может строиться в разных системах координат и на разном концептуально-понятийном фундаменте становится необходимым фундаментом для развития психологического понимания исследуемой феноменологии. Смещение акцентов к одному полюсу этой системы должно сопровождаться четким определением исходных оснований и, соответственно, ограничений принимаемых теоретическими построениями или теоретиком в отношении генерализации полученных результатов. В случае альтернативных теоретических построений речь должна вестись не о доказательстве верности одной из них над другой, а о дополнительных возможностях, предоставляемых избранием данной системы координат в углублении представлений об исследуемом феномене. Наконец, взаимоотношения между альтернативными теоретическими конструкциями должны строиться в форме диалога, предполагающего как конструктивную критику исходно взятых ограничений, так и принятие актуализированных инсайтов. Но принятие инсайтов должно обязательно сопровождаться соответствующей процедурой оценки, полагающейся на выработанные ее критерии.

Анализируя различные теоретические подходы, необходимо иметь критериальную основу для их сравнения друг с другом. Следует иметь в виду, что нет совершенных теорий, каждая из них обладает как достоинствами, так и недостатками. Тем не менее, можно говорить о ряде критериев оценки с позиций идеальной теории. В числе таковых S.W. Little-john предлагает:

Оценку возможностей теории, которые определяются, прежде всего, ее современностью и содержательностью, способностью к широкой генерализации.

Оценку соответствия теории, предполагающую выяснение того, являются ли эпистемологические, онтологические и аксиологические выводы соответствующими содержанию и методам, используемым теорией.

Оценку эвристической ценности, определяющей обладает ли теория потенциалом стимулирования новых исследований и обобщений.

Проверку валидности, отражающую в широком смысле истинность теории. Конечно же, истинность не понимаемую как абсолютную и неизменную.

Оценку экономичности, часто ассоциируемой с ее логической простотой. При условии валидности двух или более теорий, лучшей называется та, которая более компактна, логически проста и определена. Примером подобного рода простоты может служить теория когнитивного диссонанса, как наиболее просто и логически обоснованно демонстрирующая идею соответствия [1994].

C.W. Franklin предлагает ряд дополнительных критериев – операционализируемость и эмпирическую адекватность [1982]. В зависимости от используемой в теоретизировании стратегии многие построения основываются на измерении. Для многих эксплицитно структурированных теорий это не является проблемой в силу связанности используемых понятий с аспектами анализируемой “реальности”. Однако тут есть и ряд проблемных вопросов, связанных с определением эпистемологических и онтологических оснований теории, многообразие которых уже было представлено выше. Эти же основания определяют объект исследования и избираемый инструментарий, а также процедурные нюансы. Правда, следует отметить, что в современной экспериментальной социальной психологии измерения являются скорее нормой, чем исключением.

K.R. Hoover обсуждает два способа обращения с переменными, создающими сложности для операционализации: подстановку и разделение. Подстановка предполагает описание другой переменной, которая изолирует ключевые аспекты понятия и рассматривает их очень похожим для многих людей способом. Разделение означает расчленение понятия на ряд его обособленных характеристик, изучение каждой характеристики по отдельности и последующее их комбинирование в единое целое в целях получения одного измерения понятия. В случае подстановки для операционализации возможно выделение характеристики, которая разделяется большинством членов той или иной социальной группы. В случае разделения исследуются отдельные характеристики представителей данной группы, а затем строится некая общая модель [1980].

Другой большой для социальной психологии проблемой является операционализация объекта, который не удастся или сложно измерить. Уже в течение более четверти века исследователи дебатировали в отношении необходимости операционализации. В качестве основных аргументов выдвигаются: “(1) специфическая природа социальных переменных; (2) сложность вычленения из социального универсума отдельных переменных; (3)

невозможность строгого, недвусмысленного схватывания сути наблюдаемых явлений с помощью теоретических понятий; (4) отсутствие общепризнанных методов разрешения теоретических противоборств” [Bochner, 1985].

Несмотря на всю сложность нахождения компромисса по обсуждаемому вопросу не вызывает сомнения лишь то, что теория должна быть исследуемой. Тем не менее, исследуемость не обязательно связана с наличием высоко развитых инструментов, техник и процедур. Часто оказывается достаточным и использование простых, но доказавших свою правомерность процедур теоретического анализа.

Эмпирически адекватная теория характеризуется тесной взаимосвязью между предположениями и наблюдаемыми явлениями. В то время как теория может являться логически и операционально адекватной, критерии эмпирической адекватности должны быть сформулированы при условии присутствия в теории осуществимой объяснительной схемы. “Многие социально-психологические теории, – как отмечает С. W. Franklin, – кажутся правдоподобными и обладающими существенными достоинствами, но не получили необходимых обоснований их теоретическим выводам” [1982, с. 6].

Безусловно, теория должна выдержать все возможные проверки на подтверждение своей адекватности [Kuhn, 1970]. Также не вызывает сомнений и необходимость тесного единства теоретических построений с их эмпирической проверкой, предполагающей интерпретацию результатов исследования. Другое дело, что проблема критериев научности именно социально-психологических фактов, как и сама проблема научности содержания социальной психологии все еще остается дискуссионной и зависимой от методологических оснований. Именно дефекты методологических оснований и создают подоплеку для артефактов эмпирических исследований.

Понимая, что исследование, кажущееся без изъянов сегодня, может оказаться, обладающим существенными изъянами завтра, L. Freese и M. Roseach утверждают, что “не проверенные, правдоподобные, альтернативные интерпретации характеризующиеся: (1) теоретическим содержанием и данными о искажающих влияниях; (2) теоретическим содержанием и данными пригодными для исследования проблемы; и (3) демонстрацией того, как могут проявляться искажающие влияния в ситуации экспериментального исследования, должны быть выдвинуты в качестве вторичной или альтернативной гипотезы” [1979, с. 199].

Безусловно, конструируемость теорий обуславливает их зависимость от концептуально-критериальных оснований, которые, в свою очередь, зависят от методологических позиций и мировоззрения как соответствующего научного сообщества, в парадигмальных координатах которого работает автор, культурно-исторических условий, наконец, индивидуальных предпочтений и особенностей.

3.2. Соотношение эксплицитно и имплицитно-структурированного теоретизирования в психологическом знании

Диатропика парадигмальных координат в современной психологии содействует с диатропикой способов теоретизирования, представляющих собой сформировавшуюся в их рамках систему критериев выведения и обоснования научности предлагаемой теоретической конструкции (C.W. Franklin [1982]; D. Gentner [291]; C. Schrag [1967]; P. Van Geert, L.P. Mos [1991]; R. Van Hezewijk [2000]).

В рамках способов теоретизирования можно вести речь о трех альтернативных способах теоретизирования – эксплицитно структурированном, имплицитно структурированном и смешанном или интегративно эклектическом.

Первая и наиболее общая дифференциация способов теоретизирования предполагает их членение на эксплицитно и имплицитно структурируемые. Под “имплицитно структурированными теориями обычно понимаются теории, характеризующиеся присутствием всех необходимых элементов теории, но слабо или полностью не детализированных или конкретизированных, а также слабо структурированных в плане детерминированности или материализации обсуждаемого феномена” [Franklin, 1982, с. 39]). В противоположность им “эксплицитно структурированные теории представляют теоретические формулировки, характеризующиеся присутствием детализации и конкретизации элементов представленной теории, а также их легкой конвенциональной эмпирической проверкой” (там же).

Смысл предложенной дифференциации способов теоретизирования связан, прежде всего, с определением исходных эмпирических оснований, достаточных для построения научной психологической теории. Если все выводимые теоретические положения должны быть построены на определенных эмпирических основаниях – речь идет об эксплицитно структурированных теориях, если это требование не обязательно и проверяться могут лишь фрагменты – об имплицитно структурированных. При внешней простоте под этим членением кроется фундаментальная психологическая проблема – обязательно ли исчерпывающее эмпирическое основание? Если да, то возможно ли оно в принципе в отношении всей психологической феноменологии? Если нет, то на каком основании?

История борьбы за конституирование статуса научности наложила свой отпечаток на развитие социально-психологической теории. Вынужденность обращения к естественнонаучной, а точнее позитивистской методологии предопределила доминирование соответствующей схемы как конституирования, так и доказательства верности или “объективности” теории. Причем, применение этой методологии теоретического доказательства к весьма отличному от естественнонаучного объекта, приводило к многочисленным натяжкам, искусственности и противоестественности в пост-

роении процедуры эмпирического подтверждения. Когда совершенно очевидный, полностью наблюдаемый факт буквально вбивался в жестко ограниченные рамки лабораторного эксперимента, направленного на доказательство “объективности” теоретического построения. Данный методологический подход оставался приоритетным в социальной психологии вплоть до середины 1950-х годов, как в бихевиористской, так и в когнитивной социально-психологических традициях. И понадобилось более четверти века для признания многими социальными психологами легитимности имплицитно структурированных теорий (C.W. Franklin [1982]; D. Gentner [1983]; R. Harre, L. Langenhove [1995; 1999]; M. Michael [1997]; C. Schrag [1967]; Van Hezewijk [2000] и др.).

При ознакомлении с имплицитно структурированной социально-психологической теорией можно ожидать встречи с рядом установленных постулатов, номинальных понятий, теорем и представлений. С другой стороны, эксплицитно структурированные теории обладают детализированной и конкретизированной формой, демонстрирующей все теоретические элементы наглядно различимые читателем. Для данного типа теорий наиболее характерной является форма дедукции, хотя могут быть представлены и индукция и ретродукция. В представляемом ниже обсуждении приводятся четыре формы эксплицитного теоретизирования: индукция, дедукция, ретродукция и абдукция.

К эксплицитно структурированным теориям относят индукцию, дедукцию и ретродукцию [Franklin, 1982], а также в качестве особой, выделяющейся разновидности – абдукцию [Есо, 1983].

Индукция представляет собой форму теоретизирования, включающую установление закономерных отношений между элементами, конструирование понятий и разработку обобщений, объясняющих эмпирическую повторяемость. Она предполагает конструирование теории через аккумуляцию и суммирование разнообразных исследований. В ее основе лежит стратегия перехода от частного к общему, при предположении, что общее объяснит частное. В процессе индукции осуществляется процесс прохождения эмпирическими данными через номинальные определения и представления к основным выводам в отношении исследуемого феномена или явления. Общая логика дедукции представлена на рис. 3.3.

Рис. 3.3. Схема индуктивного теоретизирования

Имея широкое распространение в эмпирической психологии, оперирующей большими объемами первичных данных, индукция часто выступает в качестве достаточного основания для утверждения о наличии определенной закономерности или тенденции. Самым уязвимым ее аспектом является обоснование исчерпывающих оснований для вынесения суждения о выявленном факте.

При внешней предпочтительности такого рода теоретизирования у него имеется и ряд существенных слабостей, приводящих к искажениям. К числу достоинств подобного теоретизирования можно отнести его тесную связь с реальным миром, фиксацию эмпирической повторяемости и основанность на объяснительных схемах. В то же время в них обнаруживается ярко выраженная детерминированность содержания понятий и конструируемых обобщений наблюдаемым. Другим уязвимым аспектом является оторванность от других теоретических построений и проблемных областей. Проблемными являются операционализация, а также валидность и надежность измеряемых понятий. Исследователь, ориентирующийся на использование индуктивного метода, меньше всего сомневается в нахождении теоретических понятий в реальном мире (правил соответствия между номинальными определениями и операциональными определениями), т. к. его теоретические построения основываются на наблюдаемой эмпирической повторяемости. По существу индукция представляет собой механическую операцию, контекст которой составляют многочисленные описательные факты и обобщения, комбинируемые друг с другом. Более того, т. к. основной целью индукции является предоставление общих принципов объяснения наблюдаемых явлений, весьма низкой становится появление самой возможности объяснения побочных эффектов и не предусмотренных отношений между фактами. Это и приводит к часто имеющему место частичному объяснению феномена, причем с предубежденной точки зрения.

Как отмечает С. W. Franklin, "индуктивное теоретизирование может являться источником предубеждений, порождаемых рядом источников, включая (1) недостаток знаний об исследуемом явлении у обследуемых, (2) особую ценность для них определенного подхода, (3) преувеличение информированности людей об анализируемом явлении, (4) что сформировавшееся у них отношение носит устойчивый характер" [1982, с. 40].

Другой формой эксплицитно структурированного теоретизирования широко распространенной в социальной психологии и персонологии является дедукция. Она предполагает продвижение от общего к частному. Дедуктивное в процессе конструирования теорий предполагает первоначальное формулирование абстрактных понятий и постулатов, из которых выводятся предположения более низкого порядка, которые и подвергаются проверке. Наиболее часто используемыми элементами дедуктивного яв-

ляются эксплицитно установленные понятия, постулаты, предположения и лишь иногда – операциональные определения. Другими словами, в дедуктивной теории исследователь представляет четко очерченную структуру, мало беспокоясь о вовлечении воображения читателя. В качестве примеров такого рода теорий можно привести теорию когнитивного диссонанса L. Festinger [1957], различные теории атрибуции (Heider, Kelly и т.п.), а также межличностной аттракции. Общая логика дедукции представлена на рис. 3.4.

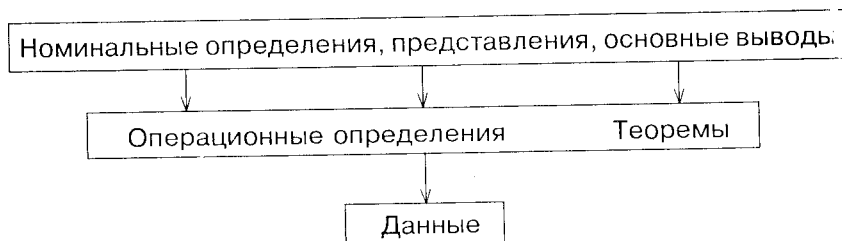

Рис. 3.4. Схема индуктивного теоретизирования

В последнее время популярность такого рода теоретизирования особенно возросла в связи с ростом критического отношения к продуктивности применения естественнонаучного подхода к анализу социальных феноменов [Freeman, 2000]. Рост популярности индуктивного теоретизирования связан, во-первых, с большей свободой в выборе исследовательской проблематики, и, во-вторых, с предоставлением возможности исследователю продуцировать (с последующим эмпирическим подтверждением) инсайты.

В то же время, предполагаемая индуктивным теоретизированием обязательная эмпирическая подтверждаемость теоретических построений вносит и определенные ограничения связанные, прежде всего с тем, что далеко не все идеи могут быть эмпирически подтверждены средствами позитивистски ориентированной методологии.

Наиболее принятым в классической психологической науке является гипотетико-дедуктивный метод, представляющий процесс формулирования гипотез или теорий посредством дедуцирования их значений и последующей проверки. В случае подтверждения теории в наблюдении последующие действия не предпринимаются, в случае же не подтверждения теория либо изменяется, либо заменяется другой [Hollis, 1996, с. 365–366]. Общая схема процесса гипотетического дедуцирования приведена на рис. 3.5.

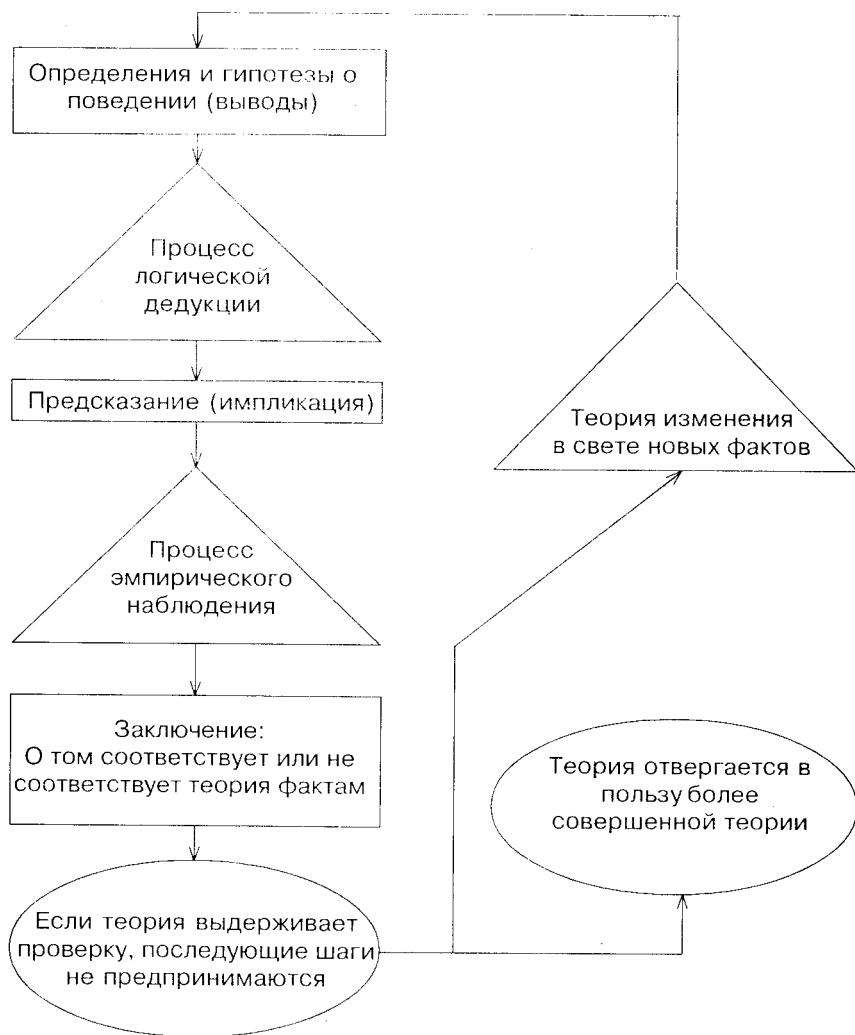

Рис. 3.5. Гипотетико-дедуктивное теоретизирование

Однако и в рамках гипотетико-дедуктивного метода остается комплекс нерешенных вопросов, связанных, прежде всего, с определением необходимых эмпирических оснований для доказательства истинности предлагаемого вывода, а также невозможностью выхода за рамки контекстуально присутствующей исходной теоретической модели. Причем модели, задающей как характер теоретизирования, так и сбора эмпирических данных.

Образуется своеобразный порочный круг, проявляющийся в том, что, во-первых, сама гипотеза сковывает исследователя и формирует его определенную несвободу, во-вторых, ограниченность возможностей эмпирического исследования накладывает свой отпечаток на формулирование гипотез, в-третьих, необходимость эмпирического подтверждения не позволяет исследователю браться за круг вопросов, связанных с изучением не операционализируемых и не верифицируемых фактов и явлений, пронизывающих социальное бытие человека. Доминирование гипотетико-дедуктивного метода привело к тому, что на сегодняшний день в психологическом знании накоплены огромные массивы эмпирически подтвержденных гипотез, мало что дающих для углубления понимания человеческой сущности.

Осознание ограниченности как индуцирования, так и дедуцирования в эксплицитном теоретизировании приводит к появлению ретродукции. Ретродукция представляет собой совершенно иной тип эксплицитно структурированных теорий. Она включает как элементы индукции, так и дедукции. С. Schrag [1967] определяет ретродукцию как “технику последовательного приближения, посредством которой теоретические понятия и выводы приводятся в более точное соответствие с реальностью, сохраняя логическую последовательность, предполагаемую дедуктивной системой” [Приводится по: Franklin, 1982, с. 42]. В случае ретродукции теоретик постоянно балансирует между теоретическими интересами и эмпирическими данными, но в отличие от индукции в ней предполагается и возможность выхода за рамки данных. Общая логика ретродукции представлена на рис. 3.6.

Рис. 3.6. Схема ретродуктивного теоретизирования

На практике ретродукция имеет место в случае, если на основе анализа эмпирических данных исследователь выводит новые предположения, в них не представленные, и проверяет их. Безусловно, ретродукция, наряду с достоинствами индукции и дедукции включает и их недостатки, проявляющиеся, опять-таки, во-первых, в невозможности объять необъятное, т.е. всю совокупность феноменологии, и, во-вторых, ограниченность рамок уже сконструированной теории. Последнее определяет общую огра-

ниченность всех представленных выше способов эксплицитно структурированного теоретизирования – привязанность к эмпирической проверке и, как следствие, несвободу в продуцировании творческих инсайтов, выходящих за рамки сконструированной теории.

Попытка преодоления этого ограничения представлена в абдукции, введенной У. Есо, в контексте особенно бурно развиваемых в последние годы направлений исследований, связанных с анализом текстов – дискурсного анализа, герменевтики и т.п. [1983]. Через все теоретические работы У. Есо проходит идея отсутствующей структуры. Отсутствующей структуры в том смысле, что сознанию вообще, а тем более сознанию интерпретирующему, т.е. имеющему дело со знаковым материалом, не дана реальность, стоящая за знаками. Более того, Есо ставит вопрос о возможности отсутствия какой-либо реальности вообще в привычном нам смысле. Он рассматривает понимание знаков как абдуктивный вывод. Трактовка знака как выводного процесса достаточно широко распространена в современной семиотике [Портнов, 1994, с. 223]. Однако у Есо присутствует ряд существенных дополнений, связанных с его методологией. Общая логика абдуктивного вывода представлена на рис. 3.7.

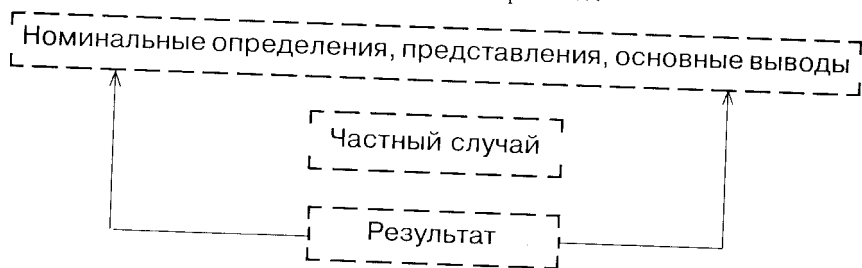

Рис. 3.7. Схема абдуктивного теоретизирования

В случае абдукции рассуждение идет от наличного результата, связанного с тем или иным знаком к постулированию правила, т.е. номинального определения, представления, основного вывода. Частные случаи либо не имеют существенного значения либо вовсе могут отсутствовать в опыте. В отличие от индукции здесь движение от знака-результата к правилу значению покоится на очень неопределенном, но эвристичном механизме вывода. Но и как в случае индукции результат недостаточен для абсолютно верного вывода. У. Есо разработал ряд вариантов абдуктивного вывода [1983, с. 66–76]. В случае “креативной абдукции” правило значение вырабатывается *ex novo*, т.е. изобретается интерпретатором. Условием креативной абдукции является владение исследователем “кодами”, с помо-

щью которых организовано знание. Если они присутствуют в сознании интерпретатора, то знание становится "открытым" (*opera aperta*) в том смысле, что появляется возможность в его принципиально бесконечном толковании. Определенное значение для результатов работы понимающего сознания имеет то, как устроены сами коды и насколько их устройство и принцип функционирования известны самому интерпретатору. В своих теоретических построениях Есо придерживается идеи имплицитности языкового и метаязыкового сознания.

Несмотря на кажущуюся явную ненаучность, в традиционном понимании этого слова, абдукции, именно ее многомерная креативность, создает хорошие предпосылки для развития как идей диатропики, так и интегративной эклектики. Уязвимость абдукции проявляется в ее привязанности к интуиции исследователя-интерпретатора, а также сложности доказательства, что выявленный код охватывает всю совокупность исследуемой феноменологии.

Осознание присущих эксплицитно структурированному теоретизированию ограничений привело к росту популярности имплицитно структурированного теоретизирования. В последние годы увеличилось количество теорий, относящихся к данному типу, т.е. характеризующихся присутствием всех необходимых элементов теории, но слабо или полностью не детализированных или конкретизированных, а также слабо структурированных в плане детерминированности или материализации обсуждаемого феномена.

Интерес к построению такого рода теорий со стороны исследователей с академической психологической подготовкой, ориентированной на естественнонаучные традиции с их лабораторным экспериментом, отработанными методами, статистическими методами анализа и т.д. должен вызывать на первый взгляд удивление. Объединяющим основанием для принятия имплицитно структурированных теорий явилось растущее понимание специфики социально-психологических феноменов и недоступность живой реальности человеческих отношений традиционной естественнонаучной методологии. В этом контексте представляется полезным анализ способов теоретизирования, не вписывающихся в эксплицитную логику.

При всем разноречии различных исследователей в типологизации имплицитно структурированных теорий, можно с достаточной определенностью выделить следующие основные способы имплицитно структурированного теоретизирования: описательно-разъяснительные теории; сензитирующие теории; и теории аналитической индукции [Franklin, 1982, с. 44–46].

1) Описательно-разъяснительный или дескриптивно-экспликативный способ теоретизирования был предложен Н. Blumer [1969]. Он представляет схему доказательства, основанную на означенных, описательных пред-

ставлениях и иллюстрациях феноменов в такой форме, чтобы у читателя имелась возможность их интерпретации в категориях собственного опыта. Это предполагает активное участие заинтересованного читателя в конструировании теории.

Возможность личного участия в конструировании теории является особенно значимой для процесса презентирования подобного рода теорий. По мере "участия" читателя в дескриптивно-экспликативной теории, как бы добавляется новое измерение, часто приводящее к несогласию, конфликтам, альтернативным объяснениям, компромиссам и т.п. Это обусловлено, прежде всего, тем, что читатель привносит и оперирует другим опытом и своим восприятием ситуации. Данная особенность определяет динамическую природу дескриптивно-экспликативных теорий. Блестящим примером такого рода подхода является книга "Мышление, самость и общество" G. Mead [1974], представляющая тончайшие аспекты символического интеракционизма через участие читателя в конструировании теории.

Вторым способом является сензитирование, названное после Н. Blumer "сензитирующими построениями или концентами", являются теориями, формируемыми при непосредственном контакте с "существующими" свойствами и качествами исследуемого феномена [1969]. В отличие от дескриптивно-экспликативного теоретизирования, сензитирование не предполагает участия читателя в конструировании теории [Franklin, 1982, с. 45]. Теория раскрывается в процессе прогрессирования читателя в концептуализации и исследовании анализируемого феномена. В этом смысле теоретизирование значительно более структурировано по сравнению с дескриптивно-экспликативным. Начиная с описания полученного опыта и наблюдений, сензитирование развивается по направлению, определяемому используемой исследовательской техникой и эмпирическими данными, полученными при ее посредстве. Такого рода теоретизирование процессуально по своей природе [Adler, Adler, 1980, с. 43]. Примерами такого рода теоретизирования являются теории, разработанные Н. Becker [1984], S. Cavan [1966], S. Wright [1986] и др. Хотя этот тип теоретизирования преимущественно ассоциируется с интеракционистским направлением в социальной психологии, в последние годы он получил распространение и в экзистенциально-феноменологической традиции [Woolfe, Dryden, 1996].

Третьим способом является аналитическая индукция, представляющая наиболее структурированной из всех представленных типов и эксплицитно и имплицитно структурированных способов теоретизирования. Аналитическая индукция предполагает построение универсальной теории, пригодной для анализа всех случаев проблемной области. Тем не менее, существенным ограничением данного способа теоретизирования является его основанность на эмпирии и подчиненность натуралистической линии

наблюдения [Franklin, 1982, с. 45]. Наиболее известным примером такого рода теоретизирования является теоретическая стратегия, разработанная Флорисом Знанецким, выделявшим следующие необходимые шаги аналитической индукции:

1. Приблизительное определение феномена.
2. Гипотетическое объяснение феномена.
3. Исследование одного из случаев, предполагаемых гипотезой для выяснения его соответствия гипотезе.
4. Переформулирование гипотезы при необходимости, либо переопределение или исключение феномена.
5. Достижение практических результатов и переформулирование гипотезы в случае получения исключений из гипотезы.
6. Продолжение переформулирования гипотезы до момента установления универсальных правил.
7. Включение в плоскость анализа случаев из других сопряженных проблемных областей [там же, с. 46].

Многие имплицитно структурированные теории, принимая форму аналитической индукции, детерминируются необходимостью прохождения через ряд последовательных шагов, в свою очередь, проверяющих заранее сформулированные гипотезы и универсальные объяснения, что находится в противоречии с достаточно утвердившимся в социально-психологической среде мнением о непригодности подобного подхода к анализу социального поведения. Наиболее отличительной чертой такого теоретизирования является возможность неоднократного переформулирования гипотез, а также продолжение последующего анализа даже по достижении видимости универсального объяснения. Обобщенный анализ возможностей и ограничений эксплицитно и имплицитно структурированных способов теоретизирования представлен на рис. 3.8.

Представленный сопоставительный анализ эксплицитных и имплицитных способов теоретизирования, по существу, отражает историю попыток научного сообщества в поиске обоснований научности выявленного нового знания для последующей фиксации и трансляции в культуре. В этой истории зафиксированы стремления человечества к нахождению новых способов выведения и конституирования научного знания точно также, как и неудовлетворенность их ограниченностью.

Присущая эксплицитно структурированному теоретизированию ориентированность на эмпирическую строгость и исчерпываемость с неизбежностью формирует ограничения для нового инсайтирования, не вписывающегося в очерченные им рамки научности, тем самым, сдерживая дальнейшее прогрессирование.

	Наименование (представитель)	Характеристика и возможности	Ограничения
К с п п п п т н ы е	Индукция Piers	Аккумуляция и обобщение результатов эмпирических исследований по принципу от частного к общему	Ограниченность широкого охвата исчерпывающей эмпирии для обобщений более глобального порядка
	Дедукция Beson	Формулирование абстрактных понятий и постулатов из которых выводятся предположения более низкого порядка подлежащие проверке по принципу от общего к частному	Ограниченность возможностей проверки на эмпирическом уровне широкого уровня обобщений
	Ретродукция Piers	Сочетание индукции и дедукции в процессе последовательного приближения к теоретическому обобщению по принципу от общего к частному и от полученного частного к новому общему	Временная и возможностная ограниченность проверки широкого уровня обобщений
	Абдукция Piers, Eco	Схватывание кода взаимосвязи эмпирических данных при невозможности их исчерпывающей проверки	Возможность «схватывания» неточного кода и сопряженная с ней необходимость постоянных уточнений
И м п л п ц п т н ы е	Дискрептивная экспликация Mead, Blumer, Denzin, Hewitt	Построение теории в форме диалога с заинтересованным квалифицированным читателем, позволяющее оперировать абстракциями очень широкого порядка	Возможность субъективности вследствие эмоционального отношения и авторитетности теоретика
	Сензитирование Blumer, Wright, Cavan, Woolfe, Dryden	Прогрессирование в концептуализации и исследовании анализируемого феномена	Возможная субъективность вследствие кажущейся логической последовательности и авторитетности теоретика
	Аналитическая индукция Флорнан Знаменский	Расширение теоретического объяснения за счет его экстраполяции на пограничный класс феноменов	Необходимость генерализации обобщений на все новую феноменологию при вероятности появления фактов, не объясняемых в принципе с позиций теории, что служит критерием ее неадекватности

Рис. 3.8. Ограничения и возможности эксплицитно и имплицитно структурированного теоретизирования.

Необходимость генерализации обобщений на все новую феноменологию при вероятности появления фактов, не объясняемых в принципе с позиций теории, что служит критерием ее неадекватности.

Найденный выход в форме имплицитно структурированного теоретизирования, освобождая исследователя от оков необходимости абсолютно полного эмпирического подтверждения, создает сложности в обосновании подлинной научной достоверности, в силу присутствия потенциального опровержения глобальности найденного объяснения каким-либо непредвиденным фактом.

Очевидно и то, что ни эксплицитное ни имплицитное структурирование теории не является единственно верным, как не вызывает сомнений и то, что любая их редукция принципиально невозможна. Следовательно, выход один – использование конструктивных возможностей обоих способов теоретизирования, предполагаемое интегративной эклектикой.

Разработка как эксплицитно, так и имплицитно структурированных теорий предполагает достаточно тщательную их проверку. На практике эта проверка, как и проверка научности теории вообще, представляет довольно сложную и скрупулезную процедуру.

Тем не менее, несмотря на серьезную проработку вопроса проверки адекватности теоретизирования в плане обеспечения его научности, многие вопросы являются неразрешенными. Первая сложность связана с тем, что выделение какого-либо феномена в качестве объекта анализа возможно лишь при условии его гипотетической взаимосвязанности со многими другими феноменами. Дополнительные осложнения возникают в связи с очевидной констатацией необходимости рассмотрения взаимодействующих в исследовании людей как открытых и динамических систем, обладающих различными и многочисленными контекстами интерпретации происходящего, обусловленными как личностными, так и ситуационными особенностями. В современных условиях в качестве возможного решения данной проблемы используются различные процедуры факторного анализа. Однако даже при наличии нереалистического оптимизма нельзя переоценивать их возможностей.

Другим сложным вопросом является определение свойств понятия или объекта, который должен исследоваться. При его определении необходимо четко фиксировать отнесенность к плоскости индивидуальной или коллективной, т.е., в терминологии R. Sapsford, “интерличностной или интраличностной” [Sapsford с соавт., 1998, с. 65]. Причем сложность этого отнесения обусловлена еще и тем, что индивидуальная сущность, являясь продуктом социального окружения, содержит в себе в снятом виде незримое присутствие этого окружения. Еще более сложные проблемы возникают при исследовании коллективных феноменов – как их оценивать? Как

пересекаются и интегрируются индивидуальные сущности участников группы друг с другом и т.п.

Еще одна сложность получения адекватности информации связана с тем, что сам опрашиваемый часто не является адекватным в вынесении ответов на поставленные вопросы в силу собственной субъективности и отсутствия каких-либо объективных оснований для самохарактеристики. Как это ни парадоксально в ответах представлена всего лишь версия возможных интерпретаций с позиции предположительной оценки самого себя. Суть проблемы заключается в том, что у отвечающего отсутствует устойчивое, всеобъемлющее представление о самом себе. Присутствует всего лишь версия самого себя, причем версия привязанная к ситуации опроса.

В проверке имплицитно структурированных теорий, таких, как сформулированные Mead, Blumer, Bandura, Harre, Л.С. Выготским и др. исторически также применялся естественнонаучный подход. Социальные психологи сосредоточенно изучали возможности проверки этих абстрактных основоположений и понятий, предположений и представлений, имеющих крайне высокий уровень генерализации. Трудность решения подобной задачи связана с выбором концептуальной модели ее решения. Если теория обладает высоким уровнем генерализованности, то следует ли подвергать эмпирической проверке все ее частные случаи или следует остановиться только на главных? Является ли достаточным естественное наблюдение? Следует ли использовать одни и те же методы и к конструированию и к проверке такого рода теорий?

Представленный сопоставительный анализ эксплицитных (индуктивное, дедуктивное, ретродуктивное и абдуктивное) и имплицитных (дескриптивно-экспликативного, синзитированного и аналитико-индуктивного) способов теоретизирования и проверки их научности или "объективности", по существу, отражает историю попыток научного сообщества в поиске обоснований научности выявленного нового знания для последующей фиксации и трансляции в культуре. В этой истории представлены стремления человечества к нахождению новых способов выведения и конституирования научного знания, точно так же, как и неудовлетворенность, их ограниченностью (J.S. Coleman [1994]; C.W. Franklin [1982]; S.L. Littlejohn [1994]; I. Lakatos [1978]; B. Markowsky [1996; 1997]; I.I. Mitroff, R.H. Kilmann [1977]).

3.2.1. Проверка научности в эксплицитно и имплицитно структурированном теоретизировании

Разработка как эксплицитно, так и имплицитно структурированных теорий предполагает достаточно тщательную их проверку. На практике эта

проверка, как и проверка научности теории вообще, представляет довольно сложную и скрупулезную процедуру. Причем, имеется весьма существенная специфика в отношении проверки как эксплицитно структурированных, так и имплицитно структурированных теорий. Отсутствие каких-либо отечественных социально-психологических аналогов рассмотрения принципов и процедуры проверки обоснованности и адекватности теоретических построений обуславливают необходимость более подробного рассмотрения данного вопроса.

Прежде чем приступить к проверке и построению эксплицитно структурированных теорий социальный психолог должен четко определить значение, придаваемое потенциальным или актуальным данным. Придавание значений данным включает дифференциацию имеющейся информации на необходимую и достаточную для решения поставленной задачи. По существу это означает, что понятие, разработанное в рамках эксплицитно структурированной теории, должно быть определенным, что, в свою очередь, предполагает обозначение и классификацию наличных единиц информации. Н. Blumer подчеркивает, что определение понятий включает "специальные и фиксированные процедуры, предназначенные для обособления стабильного и определенного эмпирического содержания и прояснения его в операциональных определениях, экспериментального конструирования понятий и их количественных индексов" [1969, с. 145]. Таким образом, без нахождения необходимых понятий и определенных единиц анализа в реальности эксплицитно структурированная теория не может быть в принципе проверена.

Процесс нахождения этих единиц анализа в зависимости от избранного методологического основания является достаточно сложным. Одной из сложнейших процедур является процедура обоснования валидности сконструированных понятий, их свойств и уровней измерений, используемых в процессе определения. Так, например, определение понятия "фрустрация" может быть произведено посредством анализа ответов опрашиваемых на специально сконструированные опросники или через манипулирование социальной ситуацией в лабораторных условиях. Возникает самый существенный вопрос — измеряется ли как в первом, так и во втором случае именно фрустрация, а не что-либо иное? Этот вопрос особенно сложен для социальной психологии потому, что фактически имеющиеся в распоряжении инструменты позволяют измерять лишь очень небольшую часть исследуемой реальности.

Выделение какого-либо феномена в качестве объекта анализа возможно лишь при условии его гипотетической взаимосвязанности со многими другими феноменами. Дополнительные осложнения возникают в связи с очевидной констатацией необходимости рассмотрения взаимодей-

ствующих в исследовании людей как открытых и динамических систем, обладающих различными и многочисленными контекстами интерпретации происходящего, обусловленными как личностными, так и ситуационными особенностями. В современных условиях в качестве возможного решения данной проблемы используются различные процедуры факторного анализа. Однако даже при наличии нереалистического оптимизма нельзя переоценивать их возможностей.

Другим сложным вопросом является определение свойств понятия или объекта, который должен исследоваться. При его определении необходимо четко фиксировать отнесенность к плоскости индивидуальной или коллективной. Т.е., в терминологии R Sapsford, "интерличностной или интраличностной" [1998, с. 65]. Причем сложность этого отнесения обусловлена еще и тем, что индивидуальная сущность, являясь продуктом социального окружения, содержит в себе в снятом виде незримое присутствие этого окружения. Еще более сложные проблемы возникают при исследовании коллективных феноменов – как их оценивать? Как пересекаются и интегрируются индивидуальные сущности участников группы друг с другом и т.п.

Заключительной плоскостью анализируемого аспекта является обсуждение уровня измерения. Эта проблемная область обычно обсуждается в контексте методов наблюдения и эксперимента, фиксируя внимания на статистических процедурах, используемых как в одном, так и в другом случаях. Обычно выделяются номинальные, порядковые, интервальные, и пропорциональные уровни.

Примером номинального уровня измерения является номинальная шкала, представляющая наиболее простую операцию в социальной психологии. Целью номинального шкалирования является категоризация или группировка элементов в соответствии с их конкретными характеристиками. Порядковые шкалы представляют упорядоченность категорий по некоторым характеристикам (например, низкий, средний, высокий и т.п.). В случае интервального уровня измерения речь идет не только о том, что данное качество выражено больше или меньше, а в большей степени отражает значимость различий между наблюдаемым. Иными словами, в случае интервального шкалирования исследователь определяет насколько большим количеством единиц обладает индивид А над индивидом В и получает возможность их сравнения друг с другом. В случае пропорциональных шкал идет речь об измерении, обладающем всеми свойствами интервального шкалирования, но дополненным нулевой точкой отсчета. Таким образом, соотносятся не количественные выражения пунктов шкалы, а показывается, что конкретная точка шкалы представляет в два или несколько раз больше характеристик, чем другая точка шкалы. Т.е. в

случае пропорциональной шкалы показывается не только то, что индивид А имеет столько-то единиц, а индивид В столько-то, а появляется возможность определения во сколько раз А имеет больше этих единиц по сравнению с В.

Проверка эксплицитно структурированных теорий предполагает конструирование предположений, которые следует проверять. Эти предположения обычно представляются в корреляционной и причинно-следственной формах. Корреляционные предположения направлены на выявления существования взаимосвязей между исследуемыми переменными. Причинно-следственные предположения включают вычленения именно значимых причин исследуемого феномена. Разработка переменных является значительно более сложным делом, нежели простое увязывание переменных друг с другом. В подавляющем большинстве случаев объяснение какого-либо феномена включает нечто большее, чем определение независимой переменной. Обычно оно включает целый ряд переменных, которые могут быть "объяснительными", "интерпретационными", "обусловленными" и т.п.

Проверка эксплицитно структурированных теорий в социальной психологии может осуществляться самыми разнообразными путями в зависимости от основополагающей методологии. В традиционной социальной психологии выделяются в качестве метаметодов эксперимент и наблюдение. Экспериментирование используется социальными психологами вследствие осознания крайней сложности установления причинности. В этом контексте экспериментальный анализ часто рассматривается как наиболее продуктивная процедура контроля посторонних влияний, посредством манипулирования независимой переменной и определения влияния обособленной независимой переменной на зависимую переменную. Удивительно, что многочисленные разновидности экспериментальных и квази-экспериментальных исследований в существенной части основываются на методах, разработанных еще J.S. Mill, а именно – согласованности, отличия, сопутствующих вариаций и остатков.

Метод согласованности предполагает, что если феномены отличаются по всем основаниям кроме одного, то точка согласия может быть достигнута в том, что именно данное основание и является причиной. В соответствии с методом отличия, если условия происхождения и не происхождения феномена одинаковы во всех отношениях кроме одного, то последнее и может считаться причиной. Наиболее известной иллюстрацией обоих методов являются принципы согласованности и отличия из ковариационной модели атрибуции Н. Kelley [1956]. В случае, сопутствующих вариаций утверждается, что если одному феномену всегда сопутствует другой, то один из них является причиной или оба они связаны с фактом причинности.

Это означает, что либо они представляют собой одно и то же, либо вместе связаны с фактором, обуславливающим их проявление. В случае метода остатков речь идет о часто используемом в социально-психологическом экспериментировании сравнении контрольной и экспериментальной групп. Если контрольная группа отличается от экспериментальной в последствии эксперимента, в силу того, что последняя получает воздействие, а первая нет, значит есть основания считать, что причиной отличий является именно данное воздействие. После сравнения особенностей контрольной и экспериментальной групп наряду с общим остается нечто особенное. Это особенное или остаток фиксируются как причина.

Как отмечает С. Franklin, все эти методы являются имплицитными для классического экспериментирования, которое предполагает: "(1) наличие экспериментальной и контрольной групп, которые (2) тестируются по определенным факторам, подлежащим последующей проверке (зависимым переменным); (3) предъявление экспериментальной группе тестового стимула (независимой переменной), не предъявляемого контрольной группе; и (4) послетестового измерения наблюдаемого фактора (зависимой переменной) в экспериментальной и контрольной группах в целях определения влияющей независимой переменной" [1982, с. 55].

Уже упоминавшиеся выше причины доминирования экспериментального метода в социальной психологии, обусловленного, по моему мнению, своеобразным комплексом "ненаучности", к 1970-м годам начали вызывать все возрастающую критику. Несмотря на значительные усилия, прилагавшиеся к обеспечению внешней и внутренней валидности экспериментирования, проблема является не решаемой в силу уже упоминавшихся методологических оснований. В частности, S. Stryker, отвечая на замечание К. J. Gergen о недетерминистической и неповторяемой природе человеческого поведения, подчеркивал, что "социально-психологический эксперимент подрубает корни личности, лишая ее значимого социального контекста" [1977, с. 155].

Другим методом, получившим широкое распространение в проверке эксплицитно структурированных теорий, является метод опроса. Наиболее часто применяющейся разновидностью опроса является кросс-секционный. Обладая рядом достоинств, в том числе и относительной кратковременностью процедуры, он уступает в контексте выявления причинности распределенному или панельному и лонгитудному опросам. Проверка предположений посредством кросс-секционного опроса предполагает ряд пошаговых процедур сравнений и обработки данных. Наиболее существенным моментом процедуры является определение исследовательской выборки и репрезентативности. Другим существенным нюансом использования опросов является нахождение оптимального сочетания возможностей

интервью и опросников. Не обсуждая преимуществ и недостатков того и другого, следует отметить часто опускаемую из контекста тонкость — выявление адекватности получаемой информации.

Одна из сложностей получения адекватности информации связана, прежде всего, с тем, что сам опрашиваемый часто не является адекватным в вынесении ответов на поставленные вопросы в силу собственной субъективности и отсутствия каких-либо объективных оснований для самохарактеристики. Как это ни парадоксально в ответах представлена всего лишь версия возможных интерпретаций с позиции предположительной оценки самого себя. Суть проблемы заключается в том, что у отвечающего отсутствует устойчивое, всеобъемлющее представление о самом себе. Присутствует всего лишь версия самого себя, причем версия привязанная к ситуации опроса. И в данных опроса представлена лишь версия с позиции некоего родственника, имеющая некоторое приближение к реальности.

В проверке имплицитно структурированных теорий, таких, как сформулированные J.H. Mead, H. Blumer, A. Bandura, R. Harre, Л.С. Выготским и др. исторически применялся естественнонаучный подход. Социальные психологи сосредоточенно изучали возможности проверки этих абстрактных основоположений и понятий, предположений и представлений, имеющих крайне высокий уровень генерализации. Трудность решения подобной задачи связана с выбором концептуальной модели ее решения. Если теория обладает высоким уровнем генерализованности, то следует ли подвергать эмпирической проверке все ее частные случаи или следует остановиться только на главных? Является ли достаточным естественное наблюдение? Следует ли использовать одни и те же методы и к конструированию и к проверке такого рода теорий?

Для нахождения ответов на эти и другие вопросы полезно проанализировать методы, использовавшиеся самими теоретиками, в частности, H. Blumer, E. Goffman и другими. К числу таких методов обычно относят изыскания, инспекцию и генерализацию.

Изыскание представляет описательную фазу конструирования имплицитно структурированных теорий. Она характеризуется разработкой основных понятий — “понятий, которые предоставляют пользователю общее представление о ссылках и руководство в приводимых эмпирических примерах” [Blumer, 1969, с. 148]. На этой фазе психолог определяется в том, что является важным, относящимся к проблемной области. Основной задачей является формирование общей картины, позволяющей “схватить характеризваемое в понятиях собственного опыта” (там же, с. 148-150). Как значение, так и смысл понятий постигаются скорее через эмпирическую проверку, нежели гарантированное принятие. Изыскания предоставляют общее руководство к обсуждению областей исследовательских интересов.

Такие руководства образуются в процессе изысканий, осуществляемых в непосредственном наблюдении, неформализованных интервью, обмене письмами, участия в дискуссиях. На этой фазе происходит формулирование общих идей, ориентиров, вариантов решений и т.д. на ней же осуществляется подготовка к переходу ко второй фазе - инспекции.

На фазе инспекции конструирования имплицитно структурированной теории, имеет место по определению Н. Blumer, "тщательное рассмотрение". Оно представляет фазу анализа, на которой открытие новых данных позволяет определить методы, необходимые для завершения построения теории. Для нее характерно использование включенного наблюдения и формального интервью, направленных на уточнение существующих качеств, определений ситуации, разделяемых значений и других аспектов символической интеракции. Здесь же возможно использование полевых исследований, включая глубинные пробы, исследовательские отчеты и т.п., основной чертой этой фазы является определение методов, которые будут использоваться для завершения конструирования теории. На этой же фазе осуществляется подготовка к переходу к фазе генерализации.

Проводя инспекцию, исследователь обычно переходит к генерализациям или обобщениям. Важным для этой фазы является предъявление заключений из анализируемых множественных реальностей. Это, в свою очередь, способствует более четкому определению ситуации, имевшему место на фазе инспекции. Генерализации не должны рассматриваться как абсолютные и объективные, а в той степени, в которой они представляют эти множественные реальности. Встает вопрос о том, каким образом возможно овеществление или материализация самих этих реальностей. Овеществление в том смысле, что должны быть представлены генерализации обо всех элементах существующей теории, включая саму структуру этих множественных реальностей – существование которых, как замечает С. Franklin, само по себе представляет путь установления особого типа "окончательной валидности" [Franklin, 1982, с. 60].

3.3. Оценочные критерии соотноснения психологических теорий в условиях диатропичности парадигмальных координат

Представленная в предыдущих разделах ретроспектива проблемы критериев научности теории и способов теоретизирования показывает многообразие подходов и определенную динамику изменения концептуально-критериальных оснований оценки научности теории, их зависимости от той или иной мировоззренческой традиции и исследовательской позиции (А.Г. Аллахвердян с соавт. [1998]; В. Куайн [1996]; Т. Кун [1977; 1996]; В.С. Стенни [1989; 1991]; Л. Хьелл и Д. Зиглер [1997]; С.W. Franklin

[1982]; E.G. Freedman, L. Smith [1996]; G.N. Gilbert, M. Mulkay [1984]; M.E. Gorman [1986]; A.C. Graesser, L.F. Clark [1985]; I. Lakatos [1978]; S. Little-john [1994]).

В общеметодологическом плане исчерпывающий анализ характеристик “добротной научной теории” предложен Т. Куном, который пишет: “Во-первых, теория должна быть точной: следствия, дедуцированные из теории, должны обнаруживать согласие с результатами существующих экспериментов и наблюдений. Во-вторых, теория должна быть непротиворечива, причем не только внутренне или сама с собой, но также с другими принятыми теориями, применяемыми к близким областям природы. В-третьих, теория должна иметь широкую область применения, следствия теории должны распространяться далеко за пределы тех частных наблюдений, законов и подтеорий, на которые ее объяснение первоначально было ориентировано. В-четвертых (это тесно связано с предыдущим), теория должна быть простой, вносить порядок в явления, которые в ее отсутствие были бы изолированы друг от друга и составляли бы спутанную совокупность. В-пятых, это менее стандартная, но весьма важная для реальных научных решений характеристика - теория должна быть плодотворной, открывающей новые горизонты исследования; она должна раскрывать новые явления и соотношения, ранее остававшиеся незамеченными среди уже известных” [Кун, 1996, с. 62].

Более пестрая картина подходов к проблеме определения критериев научности теории представлена в психологическом знании. Л. Хьелл и Д. Зиглер ставят ряд фундаментальных вопросов в отношении многообразия теоретических подходов, представленных в персонологии, — “как при наличии огромного количества альтернативных теорий оценивать достоинства каждой из них? Как, не затрагивая вопроса об их объяснительной и прогностической функции, решать, благодаря чему одна теория лучше другой?” [1997, с. 35].

Долгие дебаты научного психологического сообщества завершились достижением временного согласия в отношении следующих шести оценочных критериев:

“Верифицируемость, характеризующая открытость положений для проверки, осуществляемой независимыми исследователями.

Эвристическая ценность, отражающая способность теории стимулировать ученых проводить дальнейшие исследования.

Внутренняя согласованность, предполагающая свободу теории от внутренних противоречий.

Экономность, предполагающая предпочтительность более простых и четких объяснений.

Широта охвата, проявляющаяся в широте и разнообразии охватываемых феноменов.

Функциональная значимость, отражающая способность теории оказывать помощь в решении проблем повседневного поведения людей" (там же, с. 35-39).

K. Gergen предлагает дополнить данную систему критериев критерием полноты, характеризующим способность теории объяснять как можно больше проявлений изучаемого феноменального поля [1997, с. 109].

Однако данная система оценочных критериев, даже с учетом возможных дополнений и усовершенствований, носит слишком абстрактный и все тот же номотетический характер, не позволяя выявить уникальное своеобразие той или иной теоретической традиции, разобраться в конкретных деталях ее своеобразия и возможностей. Эта абстрактность послужила основанием для разработки альтернативных критериальных оснований.

K. Холл и Г. Линдсей предлагают в качестве оценочных критериев теорий ряд параметров: цель; бессознательные детерминанты; подкрепление; смежность; формальный анализ; структура личности; наследственность; ранний опыт; последовательность развития; организмичность; половой подход; уникальность; молярные единицы; механизмы гомеостаза; психологическая среда; Я-концепция; детерминанты группового членства; междисциплинарный подход; множественность мотивов сложность механизмов; идеальная личность; аномальное поведение [1997, с. 673]. Наиболее уязвимым звеном подобного параметрического подхода является потенциальная бесконечность параметров и отсутствие гарантии их представленности в соотносимых теоретических подходах.

W. Mishel выделяет ряд других оценочных критериев: основные единицы; поведенческие проявления; причины поведения; пользующиеся преимуществом данные; наблюдаемые проявления поведенческих реакций; фокусы исследования; подходы к изменению; роль ситуации [1993, с. 561].

D.P. McAdams предлагает в качестве оценочных критериальных оснований — основные цели изучения; основоположения; предпочитаемые методы исследования; и репрезентативность [1994, с. 28].

Не менее разноречивая картина представлена и в отношении социально-психологических теоретических подходов (Д. Майерс [1996]; J.S. Chafetz [1978]; E.J. Coats [1998]; K. Deaux, F. Dane, L.S. Wrightsman, C. Sigelman [1996]; C.W. Franklin [1982]; K.J. Gergen, M.M. Gergen [1982; 1984; 1986]; M. Hewstone, W. Stroebe, G.M. Stephenson [1996]; D. Kenrick, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; J.H. Korn [1997]; A.S.R. Manstead, M. Hewstone [1999]; M.A. Hogg, M. Vaughan [1995]; S. Oskamp, W. Schultz [1998]; R.S. Rogers, P. Stenner, K. Gleeson, W.S. Rogers [1995]; R. Sapsford с соавт. [1998]; P.B. Smith, M.H. Bond [1998]; A. Tesser [1995]).

Одной из самых удачных, по нашему мнению, является система оценочных критериев соотносения теорий, предложенная R. Sapsford с

соавт. [1998]. Автор предлагает десять измерений сопоставления и сравнения различных традиций и теорий:

“Основоположения.

Понятия (концепты).

Приоритеты в описании и объяснении.

Типы объяснения.

Отчетливость в дифференцированности и проверяемости.

Методологические основания.

Фокусы и диапазон пригодности.

“Внешняя” или “внутренняя” перспектива.

Уровень анализа.

Формальность предъявления” [там же, с. 46].

Аргументируя предложенную схему оценочных критериев, R. Sapsford показывает, что любая традиция или теория, прежде всего, представляют “ряд основоположений, т.е. путей подхода и рассмотрения предмета, рассматриваемых теоретиком как допустимых” (там же). Они выступают в качестве фундаментальных оснований теории и отражают специфику подхода и занимаемой автором позиции, без уточнения которых становится невозможным понимание сути и возможных приложений теории.

Проведенный анализ различных оценочно критериальных сопоставительных измерений теорий, позволил сформулировать собственную систему, включающую следующие измерения: метатеоретические основания (картина мира, стиль мышления, идеалы и нормы); основоположения; базовые категории; ведущие методы изучения; приоритеты в описании и объяснении; дифференцируемость; прагматизм; верифицируемость и фальсифицируемость; удобство и экономичность; перспектива (внешняя – внутренняя); эвристический потенциал; уровни анализа; типы объяснения и интерпретации; возможности; ограничения [Янчук, 1998; 1999; 2000].

Критерий метатеоретических оснований, характеризующий картину мира, стиль мышления, идеалы и нормы теоретика, позволяет определиться в исходной системе его парадигмальных координат, задающих рамки, методологию исследования и характер возможной интерпретации полученных результатов. Значимость критерия метатеоретических оснований определяется тем, что он позволяет исходно дифференцировать основополагающие черты методологических метаустановок, направляющих последующие рассуждения теоретика, особенности онтолого-эпистемологических оснований, предпочитаемого способа теоретизирования и верификации представляемого знания. Продуктивность введения подобного рода измерения поддерживается рядом исследователей (C.W. Franklin [1982]; D. Kenrick, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; D. Levy [1997]; N. Pidgeon, K. Mischel [1998]; K. Stanovich [1998]; R. Stevens [1998] и др.).

Непосредственно примыкающим к метатеоретическим измерением выступают основоположения. Они отражают исходную систему теоретических воззрений, постулатов, которые выступают в качестве отправной точки рассуждений теоретика, определяя его позицию как в отношении предполагаемой схемы объяснения изучаемого явления, так и предпочитаемого способа доказательства адекватности (объективности) полученных результатов и их интерпретации. Одним из путей рассмотрения специфики основоположений той или иной теоретической традиции является "определение основополагающей модели личности" [Stevens, Wetherell, 1996, с. 48]. J.S. Cha-fetz утверждает, что если в области знания присутствует одна или несколько парадигм требуется определение того, "что должно изучаться, какие вопросы должны ставиться и какие правила использоваться для интерпретации полученных результатов" [1978, с. 97].

Базовые категории создают возможность прояснения характера представлений исследователя об изучаемом феномене и фиксировать отличия избранного категориального аппарата от других, используемых в отношении той же феноменологии. Категориальные различия, в случае их кардинальности, служат свидетельством проблемности данной исследовательской области и ее поискового характера. "Проблема может заключаться и в том, что одни и те же слова могут обладать разными значениями в контексте разных теоретических подходов. Как пример, инстинкт в этологии понимается как наследуемый специфический паттерн поведения. В стандартной же интерпретации психоаналитической теории, тем не менее, он характеризует более общий инстинктивный драйв, который может проявляться различными путями" [Stevens, Wetherell, 1996, с. 49]. В силу изложенного соотношение базовых понятий друг с другом предполагает и определенную работу по уточнению их контекстуальных значений.

Своеобразие теоретического подхода представлено и в предпочитаемых методах исследования. Ведущие методы изучения демонстрируют инструментальные предпочтения теоретика, характер его представлений о необходимых эмпирических подтверждениях правомерности обобщений, наконец, способах проверки научности полученных результатов. Различие в методах предопределяет и исследовательскую стратегию и своеобразие интерпретации и экстраполяции полученных результатов. Различия очевидны. В экспериментальной традиции строгое наблюдение и измерение рассматриваются как необходимые условия обеспечения научности результатов, что, в свою очередь, определяет критическое отношение к качественным методам и субъективным переживаниям. Полная противоположность представлена в других традициях и подходах (психодинамический, экзистенциально-феноменологический, социально-конструктивистский), "рассматривающих жизненные переживания, значения, придаваемые людьми

самим себе и окружающему миру как основной вопрос социальной психологии” (там же, с. 46–47).

Приоритеты в описании и объяснении отражают позицию теоретика в отношении изучаемого явления, его исследовательские приоритеты, своеобразие и возможности предлагаемых объяснений природы изучаемого. Несмотря на то, что описания и объяснения часто внутренне взаимопереплетены друг с другом, возможность их различения может варьироваться от теории к теории. Описательный и объяснительный потенциал теорий может весьма различаться. Так, “теория может концентрироваться на объяснении того, почему данное поведение имеет место, одновременно, предоставляя минимальные возможности для описания наиболее продуктивного поведения в соответствующих ситуациях повседневной жизни” [там же, с. 50].

Дифференцируемость теории определяет ее способность к кристаллизации изучаемого явления, схватыванию тончайших нюансов поведения и жизненных переживаний. Дифференцированность может варьироваться от простой до очень комплексной. “Описание любого объекта, поведения или события, — подчеркивает R. Stevens, — предполагает помещение их в сеть умозаключений, связанных с их другими наблюдаемыми свойствами и эффектами: оно включает выход за пределы данной информации” [там же, с. 53].

Прагматизм характеризует утилитарную значимость предлагаемого теоретического объяснения, его способность приносить конкретные, осязаемые результаты. В существующем теоретическом многообразии он выступает в качестве индикатора практической ценности теории для решения конкретных задач. Критерий прагматизма позволяет дифференцировать теоретические модели по уровню их абстрактности и сопряженности с запросами реальной практики. D.E Polkinghorne подчеркивает: “В то время как академическая психология концентрировалась на открытии общих законов поведения, психология практики фокусировалась на прагматических действиях, направленных на разрешение проблем умственного здоровья и личностного развития людей. Практическая психология находит эпистемологические обязательства академической психологии как вызывающие сомнения и имеющими ограниченную применимость к потребностям клиентов” [1997, с. 146]. И далее, эпистемологическими основаниями практики выступают следующие утверждения: “(а) не существует эпистемологических оснований для установления утверждений об объективности истинности полученного знания; (b) совокупность знания состоит из фрагментов понимания, а не системы логически интегрированных утверждений; (с) знания представляют конструкцию, построенную вне когнитивных схем и вовлеченную во взаимодействие с окружением; (d) проверка знаний осуществляется через оценку его полезности для достижения преследуемых целей, а не в производности от одобряемого ряла методологических правил” (там же, с. 147).

Верифицируемость и фальсифицируемость представляют собой критерийные измерения проверяемости теории. В случае верификации речь идет о процессе установления истины или корректности гипотезы. На научном языке она относится к контролируемым процессам сбора объективных данных с целью оценки истинности теории или гипотезы" [Reber, 1995, с. 840]]. В расширительном толковании под верификацией понимается способность уточнять верность наблюдаемого, соответствует ли то, что кажется тому, что есть на самом деле. Психологическая проблема как раз и заключается в том, что в разных традициях процесс верификации строится по-разному.

Понятие фальсификации ассоциируется с работами философа науки Карла Поппера, утверждавшего, что научная теория не может быть признана истинной, если она не поддается фальсификации. С этой точки зрения научная теория может быть принята не по причине того, что "включает корректную кодификацию класса исследуемых феноменов, а потому, что она не демонстрирует своей искусственности и неточности" (1996, с. 280). Эта позиция обычно противопоставляется верификационизму, утверждающему, что научное исследование представляет собой попытку обосновать (верифицировать) свою точность логическим и эмпирическим путем. Сложность доказательства истинности психологических результатов путем верификации связана, прежде всего, с тем, что не существует возможности прямого соотнесения того, что исследуется с тем, что есть на самом деле. Тем не менее, выделение данного измерения полезно в виду того, что большинство теорий все-таки предполагает верификацию позитивистского толка и ее фиксация позволяет, по крайней мере, позиционировать предлагаемый подход.

Удобство и экономичность представляют характеристику минимально возможного привлечения доказательных и описательно-объяснительных средств в теоретическом доказательстве. Предполагается, что чем компактнее и экономичнее теория, тем она совершеннее. Как отмечает S.W. Littlejohn, наличие "небольшого числа основоположений и исходных посылок, логически приводящих к многообразным заключениям" свидетельствуют о совершенстве теоретической конструкции [1994, с. 36].

Существенные различия между теоретическими подходами имеют место с точки зрения занимаемой ими позиции в отношении перспективы (внешняя – внутренняя). Наиболее известное и глобальное различие представлено в персоноцентризме (внутренняя позиция или позиция 'первого лица') и ситуационизме (внешняя позиция или позиция 'третьего лица'). Соотносимыми с представленной дихотомией являются дихотомии: субъективное – объективное, жизненные переживания – поведение. R. Stevens подчеркивает в этой связи, что «внешний» взгляд является не более

объективным и валидным или реальным чем взгляд “внутренний”. ... две эти позиции взаимодополняют друг друга, предоставляя понимание, способное обогатить вклад альтернативного подхода” [1998, с. 59]. Тем не менее, определяемая позиция задает своеобразие исследовательского мировосприятия и интерпретации и учет ее при сопоставлении теоретических подходов оказывается полезным.

Многими исследователями отмечается значимость такого измерения как эвристический потенциал (B. Allen [1997]; J. Bell [1999]; S.C. Cloninger [1999]; C.W. Franklin [1982]; S.L. Littlejohn [1994]; L.A. Per-vin [1996] и др.). “Одной из первостепенных функций теории является оказание помощи исследователю в определении того, что наблюдать и как” [Kvale, 1997, с. 35]. Способность теории раскрывать новые горизонты как в исследовании проблемной области, так и в интерпретации полученных результатов, формировании новых инсайтов и перспектив является, несомненно, значимым оценочным измерением, позволяющим иерархизировать теоретические подходы с точки зрения их эвристического потенциала.

Обоснованным является и включение в качестве оценочно-сопоставительного критерия уровней или областей анализа. Так как человек является не обособленным, изолированным индивидом, а членом общества, он может рассматриваться как элемент организованного целого: места в более широкой структуре – окружения, коммуникации, структуры власти, иерархии статусов, работы, ресурсов и т.п. “На нижнем уровне анализа, люди могут быть концептуализированы как члены различных групп и субкультур на еще более низком уровне мы можем изучать людей как обладающих особым жизненным опытом и поведением” [Stevens, Wetherell, 1996, с. 60]. R. Stevens указывает, что для более глубокого понимания людей мы нуждаемся в наличии возможности, хотя бы идеальной, понимания специфики каждого уровня и их взаимосвязи друг с другом” [там же]. Определение уровня претензий теории, таким образом, становится важным оценочным критерием ее возможностей и отличий.

Основным предназначением теорий является предоставление объяснений и понимания сути происходящего или определенного типа феноменологии. Предоставляя понятия и пути рассмотрения феномена теории могут выступать также и как средства их описания. Описательная и объяснительная функция теории сильно переплетены друг с другом и говорить о них обособленно можно лишь в абстракции. Тем не менее, теории могут существенно отличаться в своих описательных и объяснительных возможностях. Так теория может быть направлена на демонстрацию того, почему происходит данное поведение, не предоставляя понятий, позволяющих описывать поведение лучше предоставляемого на уровне повседневной житейской практики. В экспериментальной теоретической

традиции представлено много теоретических подходов, описывающих влияние тех или иных переменных на поведение, не раскрывая того что происходит во внутреннем мире людей. В то же время в рамках психодинамической и интеракционистской традиции накоплен большой материал описательного и объяснительного характера, не сопровождаемый соответствующей экспериментальной эмпирической базой.

В качестве неизбежно присутствующих оценочных измерений неизбежно присутствуют их возможности и ограничения как по отношению к объяснению, описанию, предсказанию и т.п. В конечном итоге любое соотнесение различных теорий друг с другом и направлено на выяснение потенциала их возможностей применительно к исследуемому классу задач. Продуктивность таких оценочных измерений обоснована в большом числе работ (Н. Хьелл, Д. Зиглер [1997]; К. Холл, Г. Линдсей [1997]; R. Fra-ger, F. Fadiman [1998]; D. McAdams [1994]; W. Mishel [1993]; L. Pervin [1989; 1990; 1996; 1998] и др.).

Обоснованность и продуктивность предлагаемой системы оценочно-сравнительных критериальных измерений демонстрируется на приведенной на рис. 3.9. схеме концептуально-критериального анализа психоаналитической теоретической традиции.

1.	Метатеоретические основания	Клинические - гипотезы порождаются (и проверяются) частично из разговоров с клиентом и анализа их ассоциаций, сновидений и т.п.
2.	Основоположения	Важное влияние на поведение оказывают: биология (драйвы, принцип удовольствия); социализация и конфликты, которые она может вызывать (репрессия, сублимация и т.п.); решающую роль играют ранние жизненные переживания.
3.	Базовые категории	Либи́до, ид, эго, супер-эго, интернализация, репрессия и т.д.
4.	Ведущие методы исследования	Беседы с клиентом; анализ сновидений или использование свободных ассоциаций для выявления значений жизненных переживаний.
5.	Приоритеты в описании и объяснении	Описательные понятия (например, проекция, формирование реакций) строго связываются с объяснительными выводами. Объяснения выводятся из драйвов, биологически запрограммированного развития и конфликтов, вызываемых между ними и интернализациями из переживаний, связанных с людьми

		и событиями, особенно в раннем детстве. Объяснения сконцентрированы на значениях (особенно неосознаваемых), которыми обладают для заинтересованного человека события и поведение. Широко распространены не операционализируемые конструкторы.
6.	Степень дифференцируемости	Обладает большим <i>дифференцировочным</i> потенциалом.
7.	Прагматизм	Низкий.
8.	Верифицируемость и фальсифицируемость	Низкая.
9.	Удобство и экономичность	Низкая.
10.	Перспектива (внешняя, внутренняя)	Принимает как <i>внешнюю, так и внутреннюю перспективу</i> , заинтересован в анализе поведения и переживаний с внешней перспективы аналитика, но также заинтересован в значениях, требующих рассмотрения точки зрения самого субъекта.
11.	Эвристический потенциал	Высокий.
12.	Уровни анализа	<i>Фокусируется</i> на эмоциональных переживаниях и поведении, но включает широкий <i>спектр</i> теорий. Может быть использован как к поведению и переживаниям индивидов, так и к группе, а также к феноменам культуры (например, мифология и искусство).
13.	Типы объяснения	Объяснения выводятся из драйвов и биологически запрограммированного развития и конфликтов, вызываемых между ними и интернализациями из переживаний, связанных с людьми и событиями, особенно в раннем детстве. Объяснения сконцентрированы на значениях (особенно неосознаваемых), которыми обладают для заинтересованного человека события и поведение. Широко распространены не операционализируемые конструкторы.
14.	Степень формализованности	Исходно не был установлен как ряд <i>формальных предположений</i> , но исследователи, заинтересованные в проверке идей психодинамики показывают, что большинство идей с достаточной легкостью конвертируемо в пропозиционную форму.

15.	Возможности	Исследование сферы бессознательного, использование клинических методов, нетрадиционные инсайты, методы терапевтической практика, изучение реальных переживаний и проблем клиента.
16.	Ограничения	Высокий субъективизм, метафористичность, низкая валидность, ориентированность на прошлое в ущерб настоящему и будущему в развитии субъекта.

Рис. 3.9. Схема концептуально-критериального анализа психоаналитической теоретической традиции.

Предлагаемая система оценочно-сравнительных критериев соотнесения теорий не является исчерпывающей и претендующей на непогрешимость, но, по нашему мнению, она обладает рядом преимуществ над приводившимися выше подходами. Эти преимущества заключаются во включении ряда интегративно-эклетицированных и дополнительных оценочных измерений, позволяющих, во-первых, включить плоскость метатеоретических оснований; во-вторых, интегративно-эклетицировать продуктивные решения, представленные во всех известных нам подходах к проблеме оценочно-сравнительных критериальных оснований соотнесения теорий; в-третьих, доказать продуктивность интегративно-эклетического подхода к соотнесению и оценке существующего теоретического многообразия.

Предложенная схема была применена к анализу концептуально-понятийного аппарата современной социальной психологии представленного в мировой психологической литературе справочно-информационного и аналитического характера (Г.М. Андреева [1994; 1997]; М.В. Дьяченко, Л.А. Кан-дыбович [1993]; Я.Л. Коломинский [1997; 1998]; С.В. Кондратьева [1993; 1996]; А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский [1996]; А.Л. Реан, Я.Л. Коломинский [1999]; Н.И. Шевандрин [1995]; A. Bandura [1986]; E.J. Coats [1998]; M. Hewstone, W. Stroebe, G.M. Stephenson [1996]; M.A. Hogg, G.M. Vaughan [1995]; S.F. Mayer, K. Sutton [1996]; D.P. McAdams [1994] W. Mischel [1988]; J.H. Korn [1997]; L.A. Pervin [1990]; A.S. Reber [1995]; R. Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell, R. Stevens [1998]; W. Schultz, S. Oskamp [1997]; W. Viney [1994]; A.R. Woolfe, W. Dryden [1996] и др.).

Анализ концептуально-понятийного аппарата современной социальной психологии и персонологии показал общую тенденцию его кристаллизации, конвергенции и обобщения. Категории, ранее применявшиеся в рамках одних традиций, начинают диффундировать в другие, часто при-

обретая новый смысл и значение [McClure, 1991]. Это, в свою очередь, приводит к формированию путаницы в используемой терминологии и их инструментальном обеспечении, приводя к тому, что возникающие дискуссии либо связаны с обсуждением разных явлений, обозначаемых одними и теми же понятиями, либо – обозначением сходных обобщений разными понятиями.

Огромное количество понятий, которыми оперируют современная социальная психология и персонология, требуют систематизации, классификации и обобщения. Попытки такого рода анализа были предприняты исследователями в рамках разных теоретических подходов и школ (A.S.R. Manstead с соавт. [1999]; M. Hewstone с соавт. [1996]; J.H. Korn [1997]; L. Pervin [1989] и др.). Проведенный А.-М. De Rosa контент-анализ концептуально-понятийного аппарата современной социальной психологии подтвердил общую ситуацию хаоса и неупорядоченности.

Этим же автором была предпринята попытка иерархизации применяемого концептуально-понятийного аппарата с точки зрения выделения уровней иерархии. В качестве критериев иерархизации были вычленены индекс цитируемости, и соподчиненности. К сожалению, данный анализ был проведен в рамках монолинейной схемы когнитивной традиции в психологии. Сопоставительный анализ результатов исследования А.-М. De Rosa с концептуально-понятийными системами других традиций (гендерной, деятельностной и дискурсной, интеракционистской, психодинамической, экзистенциально-феноменологической и системной), дополненный критериями принадлежности к определенной традиции и интегративной эклектизируемости (присутствия в нескольких традициях, позволил сформулировать иерархизированную систему, фрагменты которой представлены в приведенном рис. 3.10.

Таким образом, феноменальное поле современной социальной психологии и социального аспекта персонологии может концептуализироваться такими базовыми категориями, как “самость”, “жизненные переживания”, “социальный опыт”, “социализация”, “социальное познание”, “социальное объяснение”, “социальное мышление” и “социальное взаимодействие” (общение), “социальное окружение”.

Перечисленные категории, во-первых, охватывают весь спектр изучаемой феноменологии, во-вторых, фиксируют историческую эволюцию исследовательских приоритетов и акцентов, в-третьих, определяют перспективу последующего развития концептуального аппарата. Причем эволюционный аспект социально-психологического концептуально-понятийного аппарата демонстрирует общую тенденцию – от дискретных и статичных единиц описательного характера, представленных в исследованиях социальной перцепции, через описательно-объяснительные единицы теорий атрибуции, к объяснительным категориям социального мышления.

Базовые категории	Примеры субкатегорий	Традиции
Самость	Идентичность, аутентичность, эго-протяженность и т.д.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социализация	Институты, механизмы, стадии, нормы, процессы и т.д.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальный опыт	Структура, формирование, репрезентация, проявление и т.д.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Жизненные переживания	Жизненный смысл, экзистенции, кризис, самоактуализация и т.д.	ГП, КП, ИП, ПП, ЭФП
Социальное познание	Категоризация, стереотипизация, социальная репрезентация.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное объяснение	Атрибутирование, стиль, процессы, атрибутивная терапия.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное мышление	Смыслообразование, инсайтирование, творчество и т.д.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное поведение	Поведенческие алгоритмы, поведенческий репертуар и т.д.	БП, ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное взаимодействие (общение)	Воздействие, коммуникация, координация, понимание и т.д.	БП, ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное окружение	Малые и большие группы, групповая динамика и т.д.	БП, ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП

Рис. 3. 10. Представленность социально-психологических категорий в разных системах парадигмальных координат.

Второй тенденцией является изменение акцентов с универсально статичных категорий естественнонаучного характера, представленных на уровне социальной перцепции (А.А. Бодалев; S. Asch), к социально жизненно насыщенным категориям постижения здравого смысла, представленных в рамках подхода теории социальных репрезентаций (S. Moscovici). Наконец, в качестве третьей тенденции, прослеживается эволюция представлений от жесткой структурной организации изучаемой феноменологии – к экзистенциально-феноменальной и континуальной (W. James, M. Csikszentmihalyi, M. Donaldson, R. May и др.).

Изучение данного поля и конкретизирующего его концептуального аппарата должно осуществляться в контексте экзистенциально-феноменальной поточности, динамичности и пространственно-временной континуальности, отражающих реальность социального бытия личности и ее

социального окружения (А.Г. Аллахвердян с соавт. [1998]; В. Джемс [1902]; В.А. Янчук [176]; М. Csikszentmihalyi [1988; 1992]; М. Donaldson [1995]; R. Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell, R. Stevens [1998]). Признавая безусловность данного утверждения, остается констатировать и его инструментальную сложновыполнимость. Тем не менее, учитывая поступательное развитие психологического знания, проблема должна решаться. Возможные решения уже предлагаются в рамках подходов сенсмейкинга (B. Dervin, K.E. Weick) и обоснованной теории (J. Corbin, A. Strauss, N. Pidgeon, K. Henwood, N.R. Pandit, D.A. Rahilly, A. Smith и др.).

Исходное осознание поточности и пространственно-временной континуальности социального бытия приводит к пониманию того, что любая фрагментаризация, статизация, дискретизация, атомизация и т.п. феноменального поля должна сопровождаться обсуждением проблемы соотношения дискретизированного, статизированного фрагмента с реально существующим полем, что является необходимым условием обеспечения взаимосвязи изучаемого феномена с его аналогом в реальном социальном бытии (В.Е. Франкл [1990]; K. Lewin [1951]; R. Stevens [1996; 1998]).

Во многом проблемное поле, сложившееся с изучением феноменальности в ее экзистенциальной и пространственно-временной континуальности, связано с используемыми в социальной психологии и персонологии для описания изучаемого феноменального поля базовыми категориями: "личность", "ситуация" и "активность". Эти категории также должны рассматриваться в континуальной экзистенциально-феноменальной диалектической взаимозависимости. Во многих фундаментальных исследованиях показано, что любое акцентирование на одном из компонентов данной базовой триады неизбежно приводит к ограниченности понимания сути описываемой феноменологии и гипертрофированию одних аспектов в ущерб другим (A. Bandura [1965; 1986]; K. Gergen [1992]; W. Mishel [1993]; R. Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell, R. Stevens [1998]; V.A. Yanchuk, [1998; 1999]). На практике же преобладают исследования, концентрирующиеся на одном из неразрывных компонентов данной триады – на личности (персоноцентризм, персонология); на ситуации (ситуационизм, бихевиоризм); на активности (акционизм, мыследеятельностьный подход и т.п.). Возможным решением проблемы соотношения личности, ситуации и активности являются разработанный А. Bandura принцип взаимного детерминизма [1986].

Этой же позиции придерживается интеракционистский подход в целом, исходно сформировавшийся в рамках социологического течения в социальной психологии на основе фундаментальных идей Дж. Мида о социальной сущности личности и ее окружения, но в последующем в большей степени переключившегося на обсуждение проблемы соотношения биологического и социального [1974].

D. Magnusson подчеркивает, что в основе понимания личности с позиций современного интеракционизма, лежат три положения, рассматриваемых во взаимосвязи друг с другом:

Индивид развивается и функционирует как всеобщность, интегрированный организм; текущее функционирование и развитие не происходят в одних аспектах самих по себе, в изоляции от тотальности.

Индивид развивается и функционирует в динамическом, продолжающемся и взаимном процессе взаимодействия со своим окружением.

Характерный путь развития и функционирования индивида во взаимодействии с окружением зависит и влияет на продолжающийся взаимный процесс взаимодействия между подсистемами мыслительных и биологических факторов" [1990, с. 196].

Взаимозависимость и взаимодействие факторов, детерминирующих социальное поведение личности и ее окружения, является основной характеристикой классического интеракционизма. Эта идея представлена в работах разных авторов разными категориями – транзакционность (Pervin); взаимный детерминизм (Bandura); диалектический контекстуализм (Baltes, Reese, Lippitt); процесс-личность-контекст (Bronfenbrenner, Crouter); развивающийся контекстуализм (Lerner, Kauffman).

Несмотря на различие используемых обозначений и моделей, смысл этих подходов может быть сведен к следующему:

“Актуальное поведение представляет функцию продолжающегося процесса многомерного взаимодействия обратных связей между индивидом и ситуацией, в которой он находится.

В процессе взаимодействия индивид является интенциональным активным агентом.

Со стороны личности наиболее существенными детерминантами поведения во взаимодействии являются когнитивные и мотивационные факторы.

Со стороны ситуации, наиболее значимым фактором выступает психологическое значение ситуации для личности” (там же, с. 198).

Таким образом, проведенный анализ сформировал общее представление об особенностях психологических теорий в условиях диатропичности парадигмальных координат. Для этой диатропичности характерно как многообразие способов теоретизирования, критериев определения научности теории, так и диатропичность концептуально категориального поля в его экзистенциально-феноменальной и пространственно-временной континуальности.

Выводы по главе 3

1. Присущая эксплицитно структурированному теоретизированию ориентированность на эмпирическую строгость и исчерпываемость с необходимостью формирует ограничения для нового инсайтирования, не вписывающегося в очерченные им рамки научности, тем самым, сдерживая дальнейшее прогрессирование психологического познания сущности реального социального бытия личности и ее окружения.

2. Найденный выход в форме имплицитно структурированного теоретизирования, освобождая исследователя от оков необходимости абсолютно полного эмпирического подтверждения, создает сложности в обосновании подлинной научной достоверности в силу присутствия потенциального опровержения глобальности найденного объяснения каким-либо непредвиденным фактом.

3. Так как ни эксплицитно-, ни имплицитно-структурированное теоретизирование не являются исчерпывающими любая их редукция принципиально невозможна. Решением выступает интегративная эклектика, предполагающая использование конструктивных возможностей обоих способов теоретизирования.

4. Предлагаемая система оценочно-сравнительных критериев соотношения теорий, включающая измерения – метатеоретических оснований (картина мира, стиль мышления, идеалы и нормы); основоположений; базовые категорий; ведущих методов изучения; приоритетов в описании и объяснении; дифференцируемости; прагматизма; верифицируемости и фальсифицируемости; удобства и экономичности; перспективы (внешняя – внутренняя); эвристического потенциала; уровней анализа; типов объяснения и интерпретации; возможностей; ограничений, обладает необходимым продуктивным потенциалом сопоставительного анализа психологических теорий.

ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМА ПАРАДИГМАЛЬНЫХ КООРДИНАТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

4.1. Концептуально-критериальное поле парадигмальных координат психологического знания: особенности, типы тенденции развития

Использование и обсуждение понятия парадигмы представляется целесообразным, прежде всего, в контексте обоснования интегративной эклектики, а также по соображениям его широкого распространения в научной литературе, определения параллельных, многомерных тенденций в разрешении проблемных областей в рамках различных психологических традиций.

Понятие парадигмы ассоциируется в философии науки с работой Т.С. Кунн "Структура научной революции" [1970], в которой он утверждает, что определенные научные работы, такие как "Принципы или новая система философии химии Джона Гальтона" представляют законченную систему: ряд понятий, результатов и процедур, предоставляющих возможность структурирования последующих работ [Blackborn, 1996, с. 276]. Нормальная наука исходит из такого рода построений или парадигм, включающих ряд фундаментальных принципов и предположений, понятийный и инструментальный аппарат принятый в научном сообществе. В психологическом контексте под парадигмой обычно понимается "коллективно установленный ряд аттитудов, ценностей, процедур, техник и т.п., формирующих общепризнанное направление в рамках определенной научной дисциплины в конкретный период времени" [Reber, 1995, с. 534]. Некоторые из парадигм обладают общефилософской природой и охватывают широкие пласты знания, другие же направляют исследовательское мышление в весьма специфических, ограниченных областях знания.

Парадигма столь же существенна для науки, как и наблюдение, определяя мировоззрение исследователя, ориентируя его в проблемной области, вооружая понятийным и инструментальным аппаратом, тем самым, предоставляя возможность диалога с научным сообществом по существу проблемы. Напоминая сложную социальную жизнь человека, парадигмы переживают период взлетов и падений, играя на определенных этапах как положительную, так и отрицательную роль, сдерживая развития несовместимого с ее устоями нового видения. Парадигмы выполняют не только познавательную, но и нормативную функции – в дополнение к тому, что они являются утверждениями о природе реальности, они определяют также разрешенное проблемное поле, устанавливая допустимые методы и набор стандартных решений. Под воздействием парадигмы все основания в какой-то отдельной области подвергаются коренному переопределению. Некоторые проблемы и решения, представлявшие ранее как ключевые,

могут быть объявлены несообразными или ненаучными, другие – отнесены к иной проблемной области.

Новая, радикальная теория никогда не будет, по мнению Kuhn, приращением к существующим знаниям, она меняет основные правила, требует решительного пересмотра фундаментальных допущений прежней теории, проводит переоценку существующих фактов и наблюдений. Не останавливаясь на расшифровке уже представлявшегося в разделе, посвященном развитию научной теории, процесса смены одной парадигмы другой посредством научной революции, отметим, что сегодня как в естествознании и философии, а также в психологии, в частности, формируются предпосылки новой научной революции, ставящей под сомнение одномерную логику развития самого Kuhn. В данном контексте мы вполне согласны с аргументацией П. Фейерабенда [1986, с. 114–123], подвергающего сомнению доводы Kuhn в отношении нормальной науки, как “исключающий все остальное, как выбор одного частного множества идей, маниакальной приверженности одной точке зрения” (там же, с. 115). И далее, сам “Kuhn не только признает, что множественность теорий изменяет стиль аргументации, он также приписывает этой множественности определенную функцию ..., что опровержения без альтернатив невозможны ... подробно описывает, каким образом альтернативы увеличивают значение аномалий и тем самым подготавливают научные революции” (там же, с. 122).

Использование понятия парадигмы мне представляется целесообразным, прежде всего, в контексте обоснования интегративной эклектики, а также по соображениям его широкого распространения в научной литературе, определения параллельных, многомерных тенденций в разрешении проблемных областей в рамках разных психологических традиций.

Сам Kuhn относил область социальных наук и социальную психологию, в частности, к предпарадигмальным, в силу отсутствия у различных традиций единого смыслово-понятийно-инструментального поля. Однако в последствии сам же сделал это возможным, выделив два основных компонента парадигмы: частные случаи (*exemplars*) и “дисциплинарные матрицы” (*disciplinary matrices*). Последние представляют собой решения конкретных задач, оформленные в понятиях и принимаемые группой работников данной научной дисциплины в качестве символического обобщения ее проблем. Дисциплинарная матрица – это “общие представления в данной профессиональной области”, содержащие символические обобщения, модели и примеры [Kuhn, 1970, с. 463]. Как перефразирует это Suppe, “дисциплинарная матрица содержит все общие элементы, которые необходимы для относительной полноты профессиональной коммуникации и для анонимности профессионального суждения” [Suppe, 1974, с. 495].

Х. Айзенк адаптирует понятие парадигмы применительно к психологии, определяя ее как “теоретическую модель, разделяемую большинством

работников в данной области, включающую согласованные методы исследования, принятые нормы доказательства и опровержения и процедуры экспериментальной проверки" [1993, с. 10]. Учитывая тот факт, что сам Х. Айзенк является ярким и последовательным представителем экспериментально-помететически ориентированной парадигмы, которая не является единственной в многообразии психологического знания, мы считаем целесообразным включение в рабочее определение парадигмы понятия "экспериментальная проверка". Такого рода целесообразность обусловлена тем, что лишь незначительная часть многообразия феноменологии социального бытия личности и ее окружения может быть проверена экспериментально. Более того, экспериментирование в социальной психологии и персонологии с неизбежностью приводит к препарированию, дискретизации и статизации живого человеческого бытия.

Мы будем исходить из следующего определения парадигмы — коллективно сформированное на основании конкретных метатеоретических и онтолого-эпистемологических оснований научное психологическое мировоззрение в отношении изучаемой феноменологии, признаваемое и разделяемое психологическим сообществом на протяжении относительно продолжительного временного периода, включающее согласованный ряд основоположений в отношении описания и объяснения исследуемой феноменологии, норм и процедур доказательства научности получаемого знания, его верификации, а также процедур и техник исследования. Это определение, по нашему мнению, является наиболее пригодным для разведения наиболее укоренившихся в психологии традиций, имеющих свой оригинальный подход к наиболее актуальной для современной социальной психологии проблематике. Во-первых, оно включает элемент онтолого-эпистемологической детерминированности научного психологического мировоззрения, определяющей специфику объекта, предмета и метода исследования, а также логику описания и объяснения полученного знания. Во-вторых, элемент конституированности мировым психологическим сообществом и временной привязки к конкретной культурно-исторической ситуации, определяющей общекультурные метафоры и аналогии привлекаемые исследователем к теоретической интерпретации. В-третьих, согласованный ряд основоположений, выступающих в качестве аксиом и постулатов выведения теоретического знания и обоснования его последовательности и доказательности. В-четвертых, способы верификации полученного знания в контексте соотнесения полученного знания с фрагментом исследуемой реальности и ее репрезентантами. В-пятых, метод исследования, во многом определяющий как характер получаемой информации, так и ее интерпретацию.

Некоторые из парадигм обладают общепсихологической природой и охватывают широкие пласты знания, другие же направляют исследователь-

ское мышление в весьма специфических, ограниченных областях знания. Психологические парадигмы как бы определяют своеобразный тип психологической ментальности, сложившийся в рамках конкретного научного сообщества, объединенного под эгидой соответствующей методологической или теоретической традицией, школой и т.п. Они детерминируют как методологию, так и технику исследования, тип описания или объяснения, наконец, характер и направленность интерпретации психологической феноменологии.

Парадигма столь же важна для науки, как и наблюдение, определяя мировоззрение исследователя, ориентируя его в проблемной области, обеспечивая понятийным и инструментальным аппаратом, предоставляя тем самым возможность диалога с научным сообществом по существу данной проблемы. Парадигмы выполняют не только познавательную, но и нормативную функции – в дополнение к тому, что они являются утверждениями о природе реальности, они определяют также разрешенное проблемное поле, устанавливая допустимые методы и набор стандартных решений.

Причем сложность выбора парадигмы обусловлена, во-первых, наличием разных (иногда диаметрально противоположных) систем парадигмальных координат, а, во-вторых, самоопределением в исследовательских приоритетах – следованием обязательным нормативам научности или выходом за их рамки во имя приближения к прозанию реальной жизни, что наиболее рельефно прослеживается в известном антагонизме между статистическими и клиническими методами исследования (N. Hayes [1993; 1998]; C. Robson [1998]).

Разноуровневость парадигм, конституированных в психологическом знании, ставит проблему их иерархизации. Одна из таких иерархий, построенная по критерию общих типов когнитивных схем, предложена А.В. Юревичем [1999], выделяющим метатеории, парадигмы, социодигмы и метадиогмы. С нашей точки зрения, применительно к различным традициям и подходам, сформировавшимся в психологическом знании, оправданной является двухзвенная иерархия – метапарадигм и парадигм. К первым отнесем *глобальные системы парадигмальных координат, приближающиеся к теориям познания и охватывающие различные традиции и подходы на общеметодологическом уровне*, ко вторым – более частные, содержащие интегрированную сумму представлений по наиболее фундаментальным категориям, описательно-объяснительным подходам и методам исследования и интерпретации, общее определение которых было представлено и обосновано выше.

В наиболее общем плане – на уровне метапарадигм – можно выделить позитивистски-ориентированную систему парадигмальных координат, признающую в принципе возможность получения объективного знания; под-

Хотя социальные предрассудки (или критический), в целом придерживающийся позитивистских постулатов, но признающий существование научных предрассудков, требующих разработки особых инструментов их снижения; 3) социально-конструктивистскую систему парадигмальных координат, исходными и послышками о принципиальной невозможности получения объективного знания, т.е. о социальной конструируемости окружающего мира (J. McCure [1991]; N. Pidgeon, K. Mischel [1998]). Отличительные особенности перечисленных парадигм представлены на приведенном рис. 4.1.

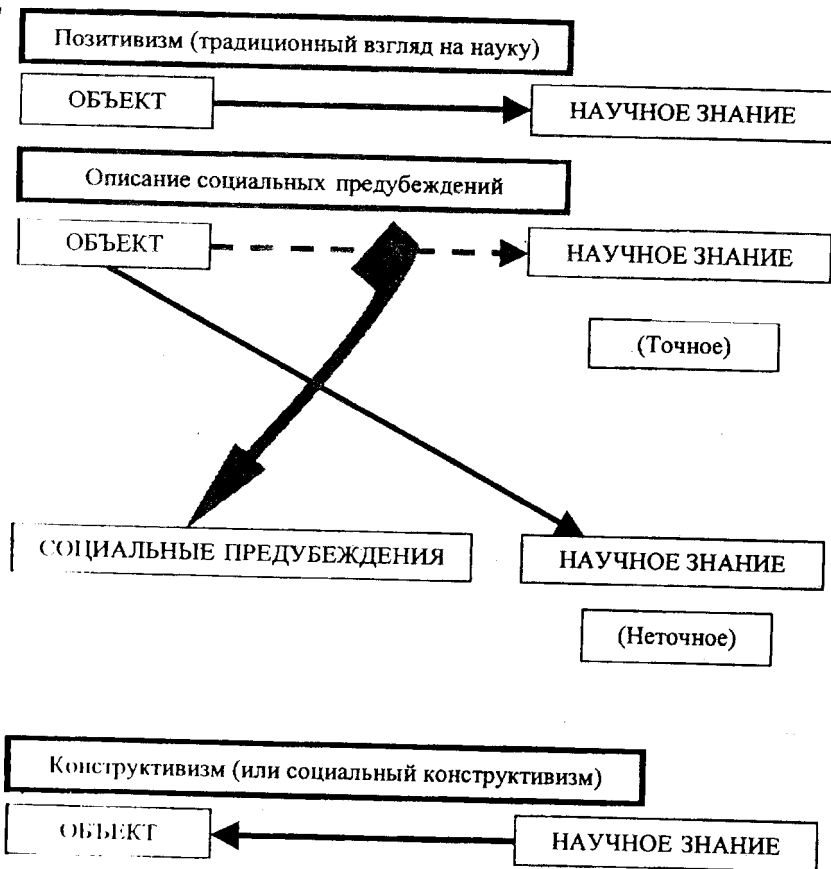

Рис. 4.1. Метапарадигмы психологического [Pidgeon, Henwood, 1998, с. 248].

Глобальный характер метапарадигм проявляется в том, что они, по существу, пронизывают разные системы парадигмальных координат, определяя отношение к объекту научного знания и к способу познания, наконец, к методу исследования. Определяющий характер метапарадигм по отношению к развитию психологического познания проявляется в том, что зафиксированные в них нормы и эталоны интериоризируются исследователями и на протяжении достаточно длительного периода выступают в роли абсолютных истин, направляющих характер исследовательской деятельности и отношение к альтернативным способам познания и объяснения, часто выражающееся в конфронтационном неприятии. При этом сам объект — социальное бытие личности и ее окружения — превращается в препарированный объект науки, лишенный многообразия реальных жизненных проявлений. Верификация же этого объекта осуществляется не с его реальными проявлениями, которые не вписываются в жесткие рамки позитивистской схемы, а с его умертвленными репрезентациями, полностью соответствующими постулатам науки.

Научные нормы наиболее распространенного сегодня в среде приверженцев позитивистского подхода предписывают проводить подробный анализ, который, препарировав и умертвляя живую ткань жизни, ведет к более детальному описанию — и в этом смысле пониманию — изучаемой реальности.

Возникает вопрос о задачах самой психологии и ее предмете. Это наука, изучающая поведение “живого” человека или наука, функционирующая ради самой науки? При внешней очевидности верности первого становится совершенно непонятной полное игнорирование жизнеописаний самих объектов изучения — людей. В частности, T. D. Wilson [1985] ничтоже сумняшеся утверждает о низкой ценности самоотчетов и объяснений испытуемых для понимания их поведения.

Но ведь этот пусть и наивный человек живет и действует в его собственном мире и оперирует своими собственными его интерпретациями, а не интерпретациями или универсальными законами якобы открываемыми учеными психологами, без знания которых подавляющее большинство людей вполне успешно реализуют себя самих.

Приверженность научной позитивистской ортодоксии связана со слишком дорогой платой — потерей целостности понимания (Х.-Г. Гадамер [1988; 1991]; Е. Л. Доценко [1997]; С. Крипнер и Р. де Карвало [1993]; Ю. М. Федоров [125]; Й. Хейзинга [1992]; J. Bell [1999]; D. Kenrick, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; D. Levy [1997]; R. Sapsford с соавт. [1998]; К. Stanovich [1998] и др.). Прогрессирующее дробление предмета исследования ведет к узкой специализации, в результате — к утрате контекста. Сущность психологической феноменологии, наоборот, требует умения

посчитать этот контекст, более того, включать его в работу, буквально "держать под рукой". В противном случае от нас ускользает само качество психического. В естественнонаучной логике идеалом является умение предсказать некое явление, основываясь на законе, которому это явление подчиняется. Стремление предсказывать неизбежно сдвигает исследователя на изучение следствий из этой сущности, более поверхностных ее проявлений.

В контексте обсуждаемого метапарадигмального многообразия А.Р. Бохнер вводит представление о трех уровнях научной методологии в социальных науках, в частности, в психологии, как соответствующих трем целям науки, развернутая расшифровка которых представлена на рис. 4.2.

Перспектива	Эмпирицизм	Герменевтика	Критицизм
Цели:	Предсказание и контроль	Интерпретация и понимание	Критичность и социальные изменения
Взгляд на феномены:	Факты (внеисторические)	Смыслы (контекстуальные)	Ценности (исторические)
Функции:	Подвести под закон	Поместить в объяснимые рамки	Просвещение и эмансипация
Каким образом производится знания	Объективирование (зеркальное)	Путем наставлений (бесед)	Рефлексия (критическое оценивание)
На основании чего выносятся суждения об истинности:	Фальсификация (Поппер)	Экспертное подтверждение (Рикер)	Свободный консенсус (Хабермас)

Рис. 4.2. Схема уровней научной методологии [Bochner, 1985, с. 39].

Естественнонаучный уровень методологии здесь обозначен как эмпирицизм. Наиболее подходящей для социальных наук парадигмой на данном историческом этапе, по мнению А.Р. Бохнер, является герменевтика. Представления скорее некую эклектику способов научного мышления А.Р. Бохнер не заботится о выстраивании какой-либо единой логики, обосновывая темис о том, что ни один из них не может претендовать на статус безусловно предпочтительного. Предпочтение герменевтике предполагает, на мой взгляд, ряд оговорок. Безусловно, герменевтика способствует "оживлению" психологической науки за счет включения интерпре-

тационных процессов, имеющих место во внутреннем мире реального человека, одновременно, помогая освобождаться от элементов субъективизма. Но не следует, во-первых, впадать из одной крайности в другую – нахождения “нового универсального” подхода, а, во-вторых, также не следует отказываться полностью и от достижений “объективной” психологии с ее скрупулезно разработанной процедурой эксперимента и наблюдения. Более корректным, по-моему, будет вести речь о необходимости включения в анализ психологической феноменологии аспекта или элементов герменевтичности.

M.S. Poole и R.D. McPhee предложили классификацию способов объяснения и понимания, названных авторами каузальным, конвенциональным и диалектическим, которые выводятся из:

“допущений о характере зависимости между исследователем и объектом исследования;

предлагаемых форм объяснения и критериев, по которым они оцениваются;

предположений о дальнейшем ориентире для исследования” [Приводится по: Доценко, 1997, с. 19].

Каузальный способ объяснения исходит из допущения, что исследователь является независимым наблюдателем изучаемых феноменов. Причинное объяснение предоставляет исследователю преимущественную позицию в отношении определения конструкторов, выделении причинных связей и в проверке причинных гипотез. В перспективе исследователь должен адекватно описать изучаемый им мир. Конвенциональный способ объяснения, также исходит из допущения о независимости исследователя от объекта изучения. Вместе с тем он одновременно основан и на допущении, что мир есть социальный продукт, а человек в нем рассматривается как его начальная точка. Объяснение состоит в демонстрации того, как испытуемые приноравливают свое поведение к соответствующим условиям: нормам, правилам, алгоритмам. Вскрытие этих последних также является целью исследования. В качестве результата уже нет необходимости в установлении причинности и обобщенности, достаточным считается подведение наблюдаемых феноменов под одну из уже известных объяснительных или поведенческих схем. Эти схемы могут быть проверены:

а) модельно – сопоставлением поведения, которое из них следует, с реальным поведением людей;

б) практически – проверкой того, действительно ли по ним может действовать обученный со стороны человек,

в) экспертно – прямым опросом испытуемых, имеют ли место выделенные правила или схемы.

Диалектический способ объяснения, как и конвенциональный, исходит из допущения, что объекты изучения заданы социально. При этом.

отново исследователь не считает себя независимым от исследуемой реальности, как при каузальном подходе, а рассматривает научное исследование как опосредующее взгляды исследователя и испытуемого, не противопоставляя преимуществ ни одному из них. Диалектическое объяснение комбинирует аспекты причинности и условности.

Таким образом, каузальный подход ставит ударение на объективных силах, конвенциональный фокусируется на субъективности (или межсубъективности), а диалектический подчеркивает обусловленность субъективности (или межсубъективности).

В отечественной психологии Г. А. Ковалев [1987] предложил различать следующие виды парадигм:

“Объектная” или “реактивная” парадигма, в соответствии с которой психика и человек в целом рассматриваются как пассивный объект воздействия внешних условий и продукт этих условий.

“Субъектная” или “акциональная” парадигма, основанная на утверждении об активности и индивидуальной избирательности психического отражения внешних воздействий, где субъект, скорее сам как бы оказывает преобразующее воздействие на поступающую к нему извне психологическую информацию.

Наконец, “субъект-субъектная” или “диалогическая” парадигма, где психика выступает в качестве открытой и находящейся в постоянном взаимодействии системы, которая обладает внутренним и внешним контурами регулирования.

Психика же в этом случае рассматривается как многомерное и “интерсубъектное” по своей природе образование” [там же, с. 9].

Эти виды парадигм соотносятся, по замыслу автора, с типами научной абстракции на уровнях общего (объектная), особенного (субъектная) и единичного (диалогическая). Теоретические объяснения формулируются в виде, соответственно, законов, правил или актуальных гипотез.

Е. Л. Доценко [1997] обнаруживает несколько оснований, по которым можно ориентироваться в выборе метода исследования:

“Отношение к феноменам — то, к какому классу относит их исследователь: к фактам, к результату истолкования реальности, к вневременным смыслам, к преходящим или устойчивым ценностям и т. д.

Цели, на которые ориентируется исследователь — для чего будут использованы полученные знания: для объяснения, предсказания и контроля, для истолкования и понимания или для оценки и внесения изменений в изучаемую реальность.

Характер знаний, которые исследователь намерен получить — всеобщие законы, частные закономерности, ограниченные объяснительные схемы, слабые намечаемые тенденции или единичные уникальные сведения.

Способ установления истинности знаний — аппаратная (внесубъектная) проверка, тщательное планирование экспериментов, экспертные суждения, личное участие, непосредственное переживание соответствующего опыта и пр.

Исходные *допущения* (представления, верования, убеждения) о том, как этот мир устроен, — то есть мировоззренческие установки исследователя. В конечном итоге они являют результат его философских предпочтений, базовые положения которых нередко носят аксиоматический характер и основаны на едва рефлекслируемых верованиях” [1997, с. 21 – 22]).

Несколько отличается подход А.В. Юревича, считающего что “главный водораздел между различными метадиγμαми состоит в том, что они опираются на разные *типы рациональности*, которых, по мнению А. Кромби, человечество выработало не менее шести” [1999, с. 6]. По его оценкам, психология, “оказавшись в наиболее “горячей точке” взаимодействия различных метадигм, испытывает на себе их противоречивое влияние, которое отображается в ее внутренних противоречиях, воспринимаемых как кризис психологического знания и традиционных способов его получения. Ее кризис носит системный характер, имея в своей основе три ключевых фактора: 1) общий кризис рационализма, 2) функциональный кризис науки, 3) кризис естественности и традиционной — позитивистской — модели получения знания. Все три составляющие этого кризиса имеют социальные корни, и поэтому кризис психологии, проявляющийся в основном в когнитивной плоскости — как кризис психологического знания и способов его получения, обусловлен преимущественно социальными причинами, являясь кризисом не столько самой психологической науки, сколько *системы ее взаимоотношений с обществом*, и поэтому может разрешиться только социальным путем” (там же. с. 8).

Соглашаясь с высказанной оценкой в целом, следует отметить, что кризис психологической науки является для нее перманентным и одновременно создающим основания для нахождения путей выхода опять-таки в системе взаимоотношений с обществом, посредством аккумуляции общекультурных метафор и нахождения оснований для продуктивного диалога.

Таким образом, приведенный анализ метапарадигмальных координат психологического знания позволяет констатировать наличие триады, каждый из элементов которой имеет свою уникальность, как в мировоззренческом, так и инструментальном аспектах. Сосуществование этих метапарадигм становится возможным на интегративно-эклетиическом основании, предполагающем нахождение путей и средств продуктивного метапарадигмального диалога, направленного на углубление понимания сущности социального бытия личности и ее окружения.

4.2. Своеобразие психологических парадигм

Когнитивная парадигма

Отличительной особенностью когнитивного подхода к рассмотрению проблематики личности является использование информационно-процессуальной модели к интерпретации изучаемых феноменов. Представляя достаточно пеструю картину, когнитивная традиция включает широкий спектр подходов. Некоторые исследователи концентрируются на изучении особенностей концептуализации людьми окружающего социального мира, другие, больше внимания уделяют рассмотрению вопросов, связанных с выяснением того, как люди думают о самих себе и взаимоотношений, складывающихся среди людей вокруг них.

Исследователями когнитивной ориентации были изучены тысячи концептуализаций людьми их социального окружения, анализ которых дал много нового в понимании поведения. Внедрение компьютерной метафоры в психологические исследования, осуществляемые в рамках когнитивного подхода, обуславливает акцентирование внимания на процессах переработки информации. Поэтому когнитивный подход характеризуется как информационно-процессуальный.

В основании информационно-процессуального подхода к рассмотрению проблематики социально-психологической и персоналистской феноменологии лежат аналогии, навеянные компьютером и связанной с ним компьютеризацией психологической ментальности. Причем, как это уже неоднократно случалось в истории психологии, психологи, в том числе и социальные, оказались не в авангарде, а скорее в арьергарде компьютерной революции, трансформированной ими в когнитивную революцию.

Сложность ситуации связана еще и с тем, что будучи интериоризированным из культуры, информационно-процессуальный подход сформировал своеобразный интерпретационный фрейм повестки дня [Yanchuk, 1998], предопределяющий очевидность "видения" когниций, схем, эвристик, семантических полей, кластеров и т.п., а также соответствующих процессов переработки этих информационных единиц и "баз данных". Наиболее наглядно эта логика представлена в приведенной модели процесса переработки социальной информации, предложенной N.R. Crick и K.A. Dodge [1994] и представленной на рис. 4.3.

Одной из самых важных плоскостей анализа социальной психологии выступает плоскость социального познания. Как человек познает окружающий его мир? Как он ориентируется в собственной социальной сущности? Как он познает мир других людей, строя социальные взаимоотношения с ними? Эти и множество других вопросов находят самые разнообразные

ответы через призму различных традиций, школ, подходов и направлений социальной психологии. Знакомство с их теоретическими построениями, в том числе и противоречащими друг другу, позволяют глубже разобраться в специфике социального познания человека, познать его особенности, выявить лежащие в основе механизмы.

Рис. 4.3. Информационно-процессуальная модель познания
[Crick, Dodge, 1994, p. 76].

Первые попытки формирования представлений о познавательной активности людей связаны с именем Вильгельма Вундта (1887) – отца-создателя современной эмпирической психологии. Для понимания сути познавательной активности человека Вундт использовал методы самонаблюдения и интроспекции, которые в последующем, в силу развернувшейся борьбы за конституирование научности психологического знания, были подвергнуты остракизму.

Критика избранной методологии была связана с объявлением ее “ненаучности” в силу того, что данные и теории являлись идiosинкразическими и невозможными для опровержения, т.к. невозможно использование данных собственного опыта для опровержения данных опыта других людей. Стоит отметить, что в 1980-х годах произошло возвращение к анализу данных интроспективного анализа, но уже в качественно ином виде и в форме дискурсивной психологии.

Уже отмечавшаяся выше борьба за утверждение научности психологического знания привела к доминированию в социальной психологии бихевиористского подхода с его игнорированием внутренней активности человека как объекта анализа и позитивистской методологии с ее принципами операционализма и верификации. Это привело к смещению акцентов с изучения особенностей внутренней познавательной активности на внешние, наблюдаемые и контролируемые события. Наиболее ярко эта трансформация представлена в радикальном бихевиоризме первой половины XX века (например, B.F. Skinner [1963]; J. Thorndike [1940]; J.B. Watson [1930]). Познавательная активность превратилась в ругательное, тщательно избегаемое слово почти на четверть века. Подоплека подобной трансформации уже была представлена ранее при рассмотрении бихевиористской традиции. Для этого периода стало характерным исследование влияния внешних стимулов на поведение человека, что привело к созданию так называемой “кнопочной модели”, предполагающей формирование некоего желаемого поведенческого багажа реакций посредством поощрения и наказания.

Лишь с 1960-х годов начинается новая волна интереса к плоскости познавательной активности человека, отчасти обусловленная громоздкостью и неадекватностью бихевиористских объяснений человеческого языка и коммуникации (N. Chomsky [1959]). Другой причиной возрастания интереса к данной проблематике явилось возрастание интереса к изучению вопросов манипуляции и передачи информации (J. Broadbent [1984]). Ресурсы стимульно-реактивной схемы информационного воздействия были практически исчерпаны (C.I. Hovland [1953]) и дальнейшее развитие планов о включении внутренней познавательной активности человека стало невозможным. Компьютерная и связанная с ней когнитивная револю-

ция в психологии сделали возможным моделирование сложнейших когнитивных процессов. Компьютер превратился в своеобразную метафору человеческой мыслительной активности лежащей в основе познания. Более того, компьютерщики превратились в заказчиков более усложненных моделей организации познавательной активности, как аналогов совершенствования самих компьютеров. Это привело к узакониванию статуса научности когнитивной психологии (J.R. Anderson [1996]; U. Neisser [1976]).

Следует отметить, что предпосылки когнитивной революции в психологии были заложены в уже представленной выше гештальт традиции, убедительно доказавшей даже в рамках позитивистской научной парадигмы принципиальную возможность реконструирования процессов внутренней активности человека. Интересно отметить в этой связи огромное влияние работ К. Lewin на развитие социальной психологии, практически исходно формировавшейся в рамках когнитивно-интеракционистской ориентации [1936; 1951]. К. Lewin считал, что социальное поведение наиболее продуктивно понимать как функцию восприятия людьми их собственного мира и управления изменением такого рода восприятий. По этой причине познавательная активность становится одной из центральных для социальной психологии.

Безусловно, процессы познания мира являлись прерогативой не только когнитивной традиции. Достаточно много идей было сформулировано и в рамках интеракционистской, экзистенциально-феноменологической, конструктивистской, да и психодинамической традиций. Тем не менее, по причине того, что познание является центральной категорией когнитивной традиции, мы подробнее остановимся именно на ней.

В разные временные промежутки для когнитивной традиции были характерны разные психологические модели рассмотрения человека. Не рискуя ошибиться, можно выделить пять таких моделей: рационального человека; наивного ученого; обрабатывающего данные лаборанта; когнитивного скупца и мотивированного тактика или социального агента (M. Hewstone, W. Stroebe на анализе которых мы и остановимся [1996, с. 121]).

Модель рациональной или последовательной личности — основывается на идее о том, что личность стремится к конструированию последовательной, связанной и непротиворечивой системы представлений о себе самой и окружающем мире. Любое нарушение сформировавшегося баланса между знаниями о мире и самим миром приводит к росту напряженности, побуждающей человека к нахождению возможных путей восстановления баланса. Примерами такого рода теорий являются: теория баланса (F. Heider [1958]); теория асимметрии (T. Newcomb [1953]); теория несоответствия (C.E. Osgood, P.H. Tannenbaum [1955]; L. Festinger [1953]). Отражая определенную культурную тенденцию, данный подход гипертро-

фирма рациональный, гомогенный аспект поведения человека, игнорируя столь же присущие ему аспекты гетерогенности, нерациональности, несоматизированности.

Хронологически второй моделью, имевшей столь же существенное влияние на развитие когнитивной традиции стала модель человека как "наивного ученого", предложенная F. Heider [1958]. Подоплека появления метафоры "человека как наивного ученого" кроется, во-первых, в осознании передовыми психологами невозможности дальнейшего игнорирования информации, поставляемой самими живущими в их реальном бытии людьми и представленной в самоотчетах и самоописаниях, во-вторых, необходимостью обоснования научности этих самоотчетов и возможности оперирования ими как научными фактами. Сделать это было далеко не просто в силу доминирования в классической психологии негативного отношения к данным самоотчетов, в силу их якобы субъективности.

Последующее игнорирование "живых" самоописаний было связано с риском окончательного отрыва социальной психологии от прозаики реального, "житейского" бытия человека и превращения ее в еще одну "академическую науку", не имеющую непосредственного выхода на практику. В силу исходной ориентированности социальной психологии на изучение социальных взаимоотношений между людьми подобное решение было бы самоубийственным.

Смысл модели человека как "наивного ученого" сводится к тому, что люди способны создавать связанные и социально разделяемые представления о ком-либо, начиная с самых разнообразных единиц информации" [Leyens, Dardenne, 1996, с. 122]. Из этих разрозненных "битов" информации формируются согласованные и последовательные системы представлений о себе и окружающем мире на основе логики рациональных рассуждений и научного вывода знаний. Причем, это выведение знаний осуществляется на фундаменте собственных мини-теорий, а не на детальной проверке знаний.

Своеобразным детищем когнитивизации или компьютеризации психологического знания стала следующая модель – человека как обрабатывающего данные лаборанта [Anderson, 1981]. Процесс выведения знаний представляется как алгебраическая линейная интеграция взвешенных оценок рейтингов, придаваемых различным аспектам изучаемого объекта. Причем, процесс переработки информации и вынесения окончательных решений в качестве обязательного условия предполагает объективную проверку фактов без каких-либо предубеждений. Искусственность данной модели по отношению к описанию поведения реальных людей очевидна. Увы, человек и ведет себя часто не рационально и предубежденно и ошибок совершает больше чем достаточно. Но в компьютерном варианте эта

модель предстает достаточно привлекательно, еще раз демонстрируя как может научная абстракция увести далеко от реальной феноменологии.

Осознание неадекватности попыток описания социального поведения посредством рационализированных моделей привела к другой крайности, представленной в модели "человека как когнитивного скупца" (cognitive miser). Провозглашая в качестве центрального, по отношению к поведению, принцип экономии сил, данная модель утверждает, что в познании человек действует путем быстрого и экономичного анализа и сравнений, используя наличные эвристики (Л. Росс, Л. Нисбетт, [1999]; R. Nisbett, L. Ross, [1980]). Конечно, во многих случаях для поведения человека характерно действие на основании принципа экономии сил с использованием имеющихся эвристик или "домашних заготовок". Но для этого же поведения не менее характерным является и долгосрочное тривиальных обдумывание с точки зрения анализа ситуаций.

S.T. Fiske и S.E. Taylor предлагают модель "человека как мотивированного тактика или социального агента", в соответствии с которой человек рассматривается "как полностью вовлеченный мыслитель, обладающий множественными стратегиями и обладающий возможностью выбора в соответствии с имеющимися мотивами, целями и потребностями" [1991, с. 13]. Ключевыми аспектами избираемой стратегии или тактики выступают когнитивные ресурсы, мотивы и цели, характер которых и определяет своеобразие поведения.

Представленные модели человека отражают эволюцию исследовательских метафор, сформировавшихся в когнитивной традиции и косвенно определявших как теоретическое мышление, так и понятийный аппарат, работающих в ее рамках исследователей.

Исходная ориентированность на познавательную активность предопределила и специфику концептуально-понятийного аппарата когнитивного подхода к психологической феноменологии. Во многом он определяется и пониманием познания, представляемого как "активность посредством которой перерабатывается информация. Этот процесс удобно представлять как оперирующий от начала до конца через множественные шаги реализуемые между стимулами и реакциями. С информационно-процессуальной точки зрения когнитивный процесс является активностью познания: приобретение, организацию и применение знания" [Leyens, Dardenne, 1996, с. 112]. Средствами приобретения знаний выступают познавательные психические процессы. Познание представляет собой активность, порождающие объекты. В прямом смысле этого слова сам по себе объект не представляет собой нечто внешнее по отношению к организму. Считается, что несмотря на весьма существенные различия между различными живыми организмами к ним могут быть применены единые принципы познания.

Когнитивный процесс рассматривается через призму основополагающих единиц познавательной активности, среди которых выделяются: категоризация, прототипы, схемы, скрипты, эвристики, стереотипы и социальные репрезентации.

Исходным процессом познания выступает категоризация, посредством которой происходит упорядочивание и систематизация окружающего мира. Процесс категоризации способствует:

1. Познавательной экономии [Rosch, 1975].
2. Выходить за рамки наличной информации [Bruner, Godnow, Austin, 1956].
3. В случае комбинирования категорий формировать сложные понятия [Leyens, Dardenne, 1996].

Процесс категоризации с неизбежностью приводит к дискредитизации и статизации потока информации, поступающей из окружающего мира. Он с неизбежностью приводит и к потере многих динамических свойств и качеств объектов этого мира. Но в данном случае можно говорить о том, что "цель оправдывает средства", т.к. без наличия стабильных и дискретных единиц познания становится невозможной ориентация в происходящем и прогнозирование развития событий.

Принадлежность объекта, свойства или качества категории носит скорее вероятностный характер с уклоном на репрезентативность или типичность — от менее типичного до более типичного или прототипичного. Это обстоятельство и обуславливает обсуждение в качестве второй познавательной единицы категории "прототипа". Категория прототипа обозначает наличие сходных элементов ряда категорий при одновременном присутствии и ряда существенных отличий. В целом прототип позволяет выделить класс категорий в совокупности их существенных признаков.

Включение в плоскость анализа познавательной активности процесса прототипизации позволяет ориентироваться в постижении новых объектов по аналогии или общей схематической модели свойств и качеств, представленных в прототипе. Тем не менее, абстрактность общей прототипизации в последующем уточнена посредством разработки экземплярного подхода [Leyens, Dardenne, 1996, с. 113], в соответствии с которым предполагается, что в процессе познания в памяти осуществляется поиск конкретных примеров или образцов, выступающих в качестве аналогов для последующего распознавания нового объекта.

Рядом авторов отмечается качественное своеобразие познания социальных объектов (J.-P. Leyens, B. Dardenne [1996]; M. Rothbart, M. Taylor [1992]). Люди в отличие от объектов неживой природы классифицируются в соответствии с социальными категориями: положения в обществе, этнической принадлежности, религии, национальности и т.п. Как показали

исследования М. Rothbart, М. Taylor, социальные категории обладают ядром и прототипом. "Ядро социальной категории, ее основополагающая сущность, направляет нас на поиск логического обоснования наиболее существенных качеств на основе внешних характеристик, проявляя тенденцию обращения с независимыми категориями как с взаимоисключающими и наполнения часто арбитражной по своему содержанию категоризации глубинными значениями" [1992, с. 12]. Что касается социальных прототипов, они соответствуют социальным стереотипам.

Еще одной познавательной единицей, активно обсуждаемой в последние годы в психологической литературе, является категория "схемы". Под схемой понимаются "когнитивные структуры, репрезентирующие знания о понятиях или типов стимулов, включающие их существенные атрибуты и взаимоотношения между атрибутами" [Fiske, Taylor, 1991, с. 98]. Они представляют ряд взаимосвязанных когнийций (мыслей, представлений, аттитюдов), способствующих быстрому распознаванию объектов при наличии ограниченных ресурсов информации о них, "организуют репрезентации людей в отношении тех или иных аспектов окружения. Эта организация иерархична, имеет низший (воробей), базовый (птица) и высший (животные) уровни" [Leyens, Dardenne, 1996, с. 116]. Наиболее продуктивным является базовый уровень, позволяющий совершать обобщения и заключения и на этом основании антиципировать не представленные непосредственно свойства и качества объекта.

Определяя роль схематизации в социальном познании, отмечается, что, во-первых, любой объект обладает ценностью. Во-вторых, схемы, объединяясь друг с другом, образуют семантические сети. Чем более они связаны друг с другом, тем больше вероятность их одновременной активации. В-третьих, отношения между атрибутами схем также могут выступать источниками широкого спектра заключений. Наконец, схемы высшего уровня могут быть выведены из схем низшего уровня.

В ряде исследований установлены следующие особенности приобретения, развития и изменения схем:

1. С течением времен и накоплением опыта схемы становятся все более абстрактными и менее связанными с конкретными образцами [Park, 1986].
2. По мере накопления образцов схемы становятся богаче и комплекснее [Linville, 1982].
3. С увеличением сложности схемы становятся все более организованными, образуя все более сложные связи между элементами [McKiethen с соавт., 1981].
4. Возрастание организованности схем сопровождается повышением их компактности [Schrull, 1983].

5. Со временем схемы становятся все более устойчивыми, отфильтровывая противоречия, подрывающие их валидность [Fiske, Neuberg, 1990].
6. При прочих равных, процесс развития схем направлен на повышение их точности [Leyens, Dardenne, 1996].

Выделяется ряд процессов изменения схем, к которым относятся:

1. Бухгалтерия – медленный процесс изменения схем как реакция на очевидность их несовершенства.
2. Конверсия – изменение схем вследствие достижения представленных в них противоречий состояния критической массы.
3. Субтипизация – изменение конфигурации схем вследствие фиксации несовершенств тех или иных элементов посредством формирования субкатегорий.

Схематический подход к описанию и объяснению процесса социального познания показал свою несомненную продуктивность. Благодаря этому подходу становятся понятными многие особенности поведения людей в различных ситуациях жизни, проявляющиеся в достраивании познаваемых объектов окружающего мира, в том числе и неадекватным образом.

Еще одной категорией, получившей широкое распространение в психологической литературе, посвященной социальному познанию стала категория “эвристика”. Эвристики, по мнению А. Tversky и D. Kahneman [1974], представляют собой принятые неформальные руководства, рассматриваемые людьми как полезные при принятии ими решений и формировании прогнозов в отношении новых объектов или будущего развития событий. Эвристики достаточно распространены в социальном поведении. Люди выстраивают прогнозы в отношении поведения в различных ситуациях, а также в отношении объектов, опыт взаимодействия с которыми ограничен. Эти прогнозы или предвосхищения, нося вероятностный характер, тем не менее, в существенной степени определяют развитие взаимоотношений и взаимодействия. В том числе именно они являются основаниями и многочисленных ошибок, проявляющихся в приписывании тех характеристик, которые на самом деле не присутствуют.

Наиболее проработанной категорией социального познания является социальный стереотип, имеющий весьма продолжительную историю изучения [Г.М. Андреева с соавт., 1978; M. Hewstone, W. Stroebe, G.M. Stephenson, 1996; A. Manstead, M. Hewstone, 1999; и др.].

От других разновидностей социального познания социальный стереотип отличается, прежде всего, тем, что информация, на которой он основывается, соотносится не с самим объектом, а с другими знаниями, которые, в свою очередь, могут оказаться ложными.

Основной причиной формирования социальных стереотипов является отсутствие у человека полной информации об объектах или событиях,

давление, оказываемое традициями, нормами, ценностными ориентациями и правилами общественного поведения при наличии выраженной потребности в такого рода ориентирах.

Начиная с 1980-х годов, происходит интенсивное развитие исследований познавательной активности в рамках теории социальных репрезентаций, разработанной S. Moscovici [1998]. Представляя собой попытку исследования психологии здравого смысла или обыденного сознания, теория социальных репрезентаций наиболее продуктивно описывает процесс формирования представлений человека об окружающих событиях и явлениях социального бытия в его непосредственном переживании рядовым человеком. Продолжая линию рассмотрения человека как "наивного ученого", разработанную F. Heider [1956], теория социальных репрезентаций идет значительно дальше и глубже, пытаясь дополнить традиционно рациональную схему рассмотрения процесса познания развиваемую в когнитивной традиции, элементами жизненных переживаний и иррациональности. Сами социальные репрезентации, в их понимании S. Moscovici, представляют "ряд понятий, утверждений и объяснений, порождаемых в повседневной жизни в процессе интер-индивидуальной коммуникации. В обществе они эквивалентны системам представлений и мифов традиционных обществ; они являются современными восприятиями здравого смысла" [1981, с. 181].

В отличие от имплицитных теорий личности и схем, традиционно представленных в рамках когнитивного подхода, объекты социальных репрезентаций не имеют ограничений, включая "идеи, мысли, образы, а также знания, коллективно разделяемые членами сообщества" [Augustinos, Innes, 1990, с. 215]. Объектом изучения с позиций подхода социальных репрезентаций являются особенности трансформации знаний в здравый смысл, как незнакомое, неизвестное, странное становится знакомым [Moscovici, 1998].

Социальные репрезентации выполняют две основополагающие функции: якорения и объективации. Люди нуждаются в процессе познания и осмысления окружающего мира в якорении, т.е. увязывании нового знания с уже имеющимся в непосредственном опыте. Процесс якорения, в свою очередь, требует становления абстрактного конкретным, очевидным, что и осуществляется в процессе объективации, реализующейся посредством персонификации и оформления.

Якорение выполняет ряд базовых функций:

- интеграции нового знания;
- ориентации в социальных отношениях и поведении.

Процесс якорения позволяет понять как:

- осуществляется процесс придавания значения новому объекту;
- социальные репрезентации используются в качестве системы
- интерпретаций социального мира;

- осуществляется интеграция нового знания в систему уже сложившегося.

В свою очередь, процесс объективации включает ряд фаз:

- селекция и деконтекстуализация элементов;
- формирование образного ядра;
- натурализация - становление образов из элементов мышления элементами реальности.

Исследования в рамках подхода с позиций теории социальных репрезентаций представляют своеобразную "новую волну" в изучении социального познания. В то же время они же находятся в довольно жесткой контрадикции с классическим рационально-ориентированным когнитивизмом, продолжающим игнорировать "субъективизм" объяснений с позиции здравого смысла. Тем не менее, именно с подходом теории социальных репрезентаций многими исследователями связываются оптимистические надежды в разрешении одной из самых фундаментальных проблем современной социальной психологии и персонологии - их "оживления", т.е. приближения к адекватному описанию особенностей реального социального бытия личности и ее окружения.

Попытка решения этой же проблемы, но уже в отношении "оживления" бихевиористского подхода представлена в рамках социально-когнитивно-наученческого подхода, анализ которого представлен в следующем подразделе.

Социально-когнитивно-наученческая парадигма

Уже отмечавшийся ранее период игнорирования в рамках поведенческого подхода проблематики личности, обоснованный невозможностью "объективного" измерения внутренней психической активности, сменился в 1970-е годы активизацией попыток синтеза с достижениями в анализируемой проблемной плоскости когнитивной традиции. Попытки интегрирования поведенческого и когнитивного подходов привели к коренному пересмотру, как методологии, так и методов исследований, что получило свое выражение в выделении так называемой когнитивно-наученческой линии, наиболее известными представителями которой являются J. Rotter, A. Bandura и W. Mischel. Следует отметить, что в разработках этих, несомненно, выдающихся психологов, представлен ряд оригинальных идей, которые привели к существенному углублению и расширению представлений о личности как субъекте поведения. Более того, в рамках когнитивно-наученческой линии удалось предложить решения, которые не были найдены в рамках когнитивного подхода, в частности, активной поведенческой алгоритмики, поведенческого потенциала, взаимного детерминизма, когнитивных личностных переменных и т.д.

Когнитивизация бихевиоризма. J. Rotter [1954] в своей модели ценности ожидаемого подкрепления одним из первых отошел от окруженческого эмпиризма, свойственного ортодоксальному бихевиоризму, сформулировав собственную оригинальную теорию социального научения, представлявшую попытку когнитивизации бихевиоризма. Он отмечал, что в реальном мире реальных людей (противопоставляя его лабораторному миру крыс, доминировавшему в бихевиористских исследованиях) нет той однозначности и стабильности, которая априори подразумевалась. Люди обладают огромными возможностями в многозначности и гибкости интерпретаций ситуаций, в которых они действуют и для стимулирования заданного поведения необходимо учитывать сформировавшиеся у них репрезентации значимости этих ситуаций, потенциал субъективной ценности подкреплений и лишь на этом основании строить поведенческие прогнозы. Включение в плоскость анализа элемента опознавания возможностей в ситуации привело J. Rotter к понятию локуса контроля, являющегося показателем степени субъективного осознания возможностей контроля над результатами [1975].

Соглашаясь с тем, что поведение личности в существенной степени детерминировано факторами окружения, Rotter рассматривал ортодоксальный бихевиоризм, как обладающий рядом существенных ограничений. Во-первых, определение поведения только наблюдаемыми его проявлениями существенно ограничивает человеческое бытие. Rotter предпочитал более широкое определение, включающее множество оттенков человеческого функционирования – “поведение может быть тем, что непосредственно наблюдаемо. Но также и тем, что не непосредственно, имплицитно. Такое представление включает широкий спектр возможностей – ругательства, бег, крик, драку, улыбку, выбор и т.п., все включается. Все это наблюдаемое поведение, но необходимо включать также и имплицитное поведение, измеряемое косвенно, такое как рационализация, подавление, рассмотрение альтернатив, планирование и переклассифицирование” [Rotter, Chance и Phares, 1972, с.12].

Второе возражение J. Rotter связано с присущим бихевиоризму игнорированием влияния когнитивной активности на поведение. Он полагал, что люди характеризуются когнитивной активностью в отражении окружения, пытаясь увеличить вероятность осуществления успешного поведения. Rotter утверждал, что по отношению к поведению существенна роль как когнитивной активности, так и подкрепляющего потенциала окружения. Этот взгляд во многом перекликается с интерактивным подходом, утверждающим активную роль, как самой личности, так и ситуации, в которой она действует – окружение рассматривается как источник потенциальных поощрений и наказаний, а индивид понимается, как пытающийся максимизировать удовольствие и минимизировать страх перед неудачей.

Основополагающим теоретическим принципом J. Rotter является утверждение о том, что "потенциал осуществления поведения в любой специфической ситуации представляет функцию ожидания, что данное поведение приведет к конкретному подкреплению в данной ситуации, а также ценности данного подкрепления" [1975, с. 57]. J. Rotter вводит ряд принципиально новых для поведенческой традиции понятий — потенциал поведения, ожидание, ценность подкрепления и психологическая ситуация. Остановимся на их более детальном обсуждении.

Вводя понятие "потенциал поведения", J. Rotter отмечает, что в любой данной ситуации существует многообразие поведенческих актов, в которые вовлечено человеческое бытие. То, что человек актуально совершает в конкретной ситуации, зависит от потенциала поведения в отношении того или иного направления действий, т.е. дифференцированной возможности их осуществления. В его логике рассуждений основным вопросом для исследователя является вопрос о том, что детерминирует силу потенциала поведения. Ответ на него заключается в необходимости рассмотрения ожиданий индивида в отношении результата будущих действий, а также ценности этого результата или подкрепления.

Под ожиданием подразумеваются знания или когниции индивида о вероятности осуществления различных классов событий/ наиболее известные ожидания и определяются как ожидания подкрепления поведения. Они относятся к представлениям индивида о том, что данное поведение принесет наибольшую пользу. J. Rotter определяет данный тип ожиданий как "вероятность установленную индивидом, что конкретное подкрепление будет иметь место как функция конкретного поведения в данной специфической ситуации" [Rotter, Chance и Phares, 1972, с. 12–13].

Понятие ожидание обладает двумя интересными особенностями: первая, несмотря на то, что оно является субъективной переменной, существует возможность ее объективного измерения. Rotter считал что люди обладают способностью сообщать о том, что они ожидают, а также демонстрировать это в своем наблюдаемом поведении. Второй интересной особенностью данного понятия является то, что ожидания не всегда являются реалистичными, т.е. не всегда зеркально отражают жизненный опыт. Rotter пишет: "утверждения об ожиданиях людей, также как и другие действия, связанные с вероятностью актуализации события часто систематически отличаются от их зафиксированного переживания события в прошлом" (там же).

J. Rotter описывает две разновидности ожиданий — обозначение стимула и ожидание подкрепление-подкрепление. Обозначение стимула предполагает однозначную уверенность человека в чем-либо, например, в том, что данная картина принадлежит кисти Ренуара. Ожидание подкрепление-подкрепление означает субъективные представления индивида о том,

что одно подкрепление связано с другим подкреплением. Примером этого вида ожидания являются представления студента о том, что становление дипломированным специалистом сопровождается тяжелой работой по овладению профессией.

Ценность подкрепления J. Rotter определяет "как степень предпочтений личности в отношении того, что данное подкрепление будет иметь место при условии равных возможностей осуществления всех имеющихся альтернатив" [1972, с. 13]. Посредством данного понятия фиксируется наличие у людей различных вкусов и ценностей, которые могут оказывать влияние на выбор преследуемого подкрепления.

Интересно отметить, что ожидание и ценность подкрепления оперируют независимо друг от друга. Что и служит основанием непредсказуемого поведения. Например, вы можете предполагать, что ваши успехи в овладении английским языком могут быть менее продуктивными, чем в математике, тем не менее, если вы обожаете Шекспира и мечтаете прочитать его в подлиннике, это обусловит ваш приоритет именно к овладению английским.

При посредстве понятия "психологическая ситуация", J. Rotter принял попытку описания ситуации так как она воспринимается личностью, находящейся в ней. Восприятие ситуации находится под влиянием уникального жизненного опыта личности по отношению к подобного рода ситуациям, включая всю историю подкреплений, а также текущих внутренних и внешних сигналов.

В процессе постижения бытия люди постоянно открывают измерения сходства между людьми, объектами и событиями, с которыми они сталкиваются. Измерение сходства обладает функциональной ценностью, — оно позволяет нам разрабатывать ожидания в отношении членов класса и, таким образом, формировать ожидания в отношении всех представителей данного класса, основанные на обобщениях по поводу некоторых его представителей. Эти генерализованные ожидания, в свою очередь, позволяют нам делать окружение более понятным. Особенно это касается новых или неопределенных ситуаций, в оценке которых мы полагаемся на генерализованные ожидания, помогающие лучшему пониманию мира и того, что можно ожидать от него.

J. Rotter утверждает, что одним из измерений в отношении которого разрабатываются генерализованные ожидания является контроль над получаемыми подкреплениями. Исследования в области данных генерализованных ожиданий привели его к заключению об индивидуальных различиях между людьми в определении зависимости или независимости их подкреплений от прилагаемых усилий. Эти индивидуальные различия составляют континуум названный фокусом контроля. На одном конце данного измерения представлены лица с высоким внутренним контролем,

определяющие свои достижения как следствие способностей и прилагаемых усилий, на другом — лица рассматривающие причинность как полностью детерминированную обстоятельствами. Первые типологизируются как обладающие внутренним, а вторые — внешним локусом контроля. Исследования в области локуса контроля, как и методики его диагностики, получили широкое распространение в современной психологии.

A. Bandura [1977], разрабатывавший концепцию научения через моделирование и выделивший в качестве одной из ведущих психологических детерминант поведения личности оценку собственных возможностей в контексте обладания необходимым потенциалом решения задачи и являющимся основанием прогнозирования усилий и их продолжительности, предпринимаемых человеком для достижения поставленной цели. Ожидаемая самоэффективность, в частности, рассматривается социальными психологами как одна из детерминант атрибутивных предубеждений, формирующихся в условиях стрессовой ситуации [Taylor и Brown, 1988].

A. Bandura как и J. Rotter являлся резким критиком радикального ортодоксального бихевиоризма. Он утверждал, что уникально человеческими характеристиками личности, отличающими ее от лабораторных животных, являются внутренние, символические процессы, в которые вовлечен человек. Когнитивные процессы воздействуют на человека значимым путем, производя поведение, не антиципируемое только на основе обстоятельств окружения. Согласно Bandura поведение личности детерминировано как внутренними факторами, включающими мысли, представления и ожидания личности в отношении ситуации, а также внешними факторами, составляемыми поощрениями и наказаниями, предоставляемыми ситуацией. Эта, по сути, интеракционистская формула представляет собой воплощение центрального метатеоретического принципа — взаимного детерминизма.

В соответствии с принципом взаимного детерминизма поведенческие влияния, порождаемые самой личностью, исходящие из окружения, а также само поведение являются элементами системы взаимовлияний совместно оперирующих и детерминирующих друг друга. Не только поведение находится под влиянием внутренних и внешних сил, но и личность и ситуация могут оказываться под влиянием самого поведения. Внутренние и внешние переменные могут оказывать влияние друг на друга. Примером подобного рода взаимовлияния может быть преодоление пристрастия к никотину. Простое увещевание, апеллирование к негативным последствиям для здоровья и т.п. могут оказаться малоэффективными. Но получение внешней поддержки в лице неприятия курения, ощущение собственных сил по его преодолению, одобрение значимых других избранного поведения может привести к желанному эффекту.

Понятие взаимного детерминизма не только открывает комплексность человеческой личности, но и раскрывает взгляды Bandura на основополагающую природу личности. Человеческое бытие не просто реагирует на стимулы из текущего окружения, оно творит новое окружение благодаря способности антиципирования результатов, воображению возможностей, планирования стратегий, конструирования аргументов и отбору поведения. Ожидания могут создавать поведение, в свою очередь, поведение может создавать социальное окружение и т.д. Индивид формирует собственное окружение, осуществляя выбор направлений действий, он свободен в своем выборе, в свою очередь, обусловленном наличными возможностями и условиями их приложения. Здесь имеет место пересечение с экзистенциальной традицией, провозглашающей активную творческую природу человеческого бытия и огромный потенциал в создании, как самого себя, так и окружающего мира.

Социально-когнитивная теория личности А. Bandura оказала огромное влияние на область персонологии. Его идеи о поведении представлены в необычной комбинации концептуальной четкости и возможностей систематического наблюдения. В силу этого они стали богатейшим источником гипотез о поведении, выходящих за рамки поведенческой традиции и проникающих в когнитивную, психодинамическую, экзистенциально-феноменологическую и интеракционистскую традиции. Его понятия, включающие когниции и уникально человеческую способность к само-рефлексии, оказали сильное влияние на многочисленные исследования различных граней личности.

Наряду с А. Bandura необходимость пересмотра теории поведения в контексте его когнитивизации была поставлена W. Mischel. В своей статье в Психологическом бюллетене, посвященной смене парадигмы [1973] он выдвинул ряд идей, поставивших под сомнение традиционные подходы к изучению личности. W. Mischel утверждал, что несмотря на распространенные представления о личности, сложившиеся в традиционной поведенческой психологии и ее модификациях существует ряд внутренне присущих ограничений как для личностно-центрированных (например, теория Фрейда, теории черт), так и для ситуационно-центрированных (например, радикальный бихевиоризм) теоретических подходов, которые в существенной степени снижают их способность к точному предсказанию поведения. Эти внутренне присущие ограничения, утверждал W. Mischel, коренятся в основополагающих теоретических положениях о природе человека, а не в неспособности данных подходов генерировать проверяемые гипотезы.

Согласно W. Mischel вне зависимости от количества и качества проведенных исследований по проблематике личности наше понимание ее комплексности всегда будет окрашено приверженностью к той или иной

теоретической конструкции – либо стабильности поведения на протяжении различных ситуаций (теории черт), либо ситуационной его специфичности (поведенческий подход). Простое добавление в первом случае ситуационных переменных, а во втором – личностных не дает решения самой проблемы.

W. Mischel предложил альтернативную парадигму. Он предложил пересмотреть наше понимание “личностных переменных” вписав в него расширяющиеся знания об области познавательной активности. Вместо того, чтобы пытаться определить, какие черты личности или ее динамики, либо какие аспекты окружения контролируют поведение в данном конкретном случае, следует пытаться определить как сама личность рассматривает и осмысливает ситуацию, как она когнитивно конструирует внутреннее и внешнее окружение. ИмPLICITным для данной логики рассуждений является утверждение W. Mischel о том, что люди не являются пассивными реципиентами информации, поступающей извне (позиция бихевиористов)

также как они не являются полностью независимыми от обстоятельств и побуждаемыми только внутренними мотивами (позиция сторонников теории черт). По его мнению, люди являются активными переработчиками информации, поступающей из внешнего мира, и это необходимо учитывать в прогнозировании человеческого поведения. Для того, чтобы добиться этого необходимо изучать когнитивную активность личности, также как паттерны поведения и predispositions личности. Соответственно, основной задачей является детерминирование того, в какую именно когнитивную активность мы вовлечены и как эта активность влияет на наше поведение, как то, что мы думаем, влияет на то, что мы делаем.

Общий призыв W. Mischel к необходимости смены традиционной парадигмы был воспринят психологами положительно, в то же время, воплощение этого призыва сталкивается с отсутствием приемлемых теоретических моделей человеческого мышления в его связи с поведением. В этом отношении W. Mischel является первопроходцем, разработавшим ряд личностных конструктов, описывающих когнитивную активность и предложившим их толкование, доступное эмпирическому исследованию. Для понимания сути подхода остановимся на более подробном рассмотрении этих конструктов, к которым относятся: когнитивные переменные личности; когнитивное и поведенческое конструирование компетентности; стратегии кодирования и личностные конструкты; результат поведения и ожидания результатов стимула; субъективная ценность стимулов.

Понятие когнитивные переменные личности сходно с традиционным определением черт личности, но уровень, на котором они функционируют, является когнитивным, противопоставляемым эмоциям, мотивации или поведенческим predispositions.

Первой когнитивной активностью, которая, по мнению W. Mischel, оказывает влияние на функционирование личности, является ее способность генерировать широкий репертуар поведения. Мы приобретаем этот репертуар, как через непосредственный, так и через опосредованный жизненный опыт, наблюдая за поведением других. Поведенческий репертуар является продуктом всей истории научения индивида, которая, в свою очередь, выступает в качестве медиатора обретения нового жизненного опыта и отношения к нему. В то же время, когнитивная и поведенческая компетентность личности не является простым хранилищем копий предшествующих столкновений с реальностью. Антиципируя популярные в психологических кругах в последнее время идеи о деконструкции знаний, W. Mischel рассматривает индивида как конструирующего личное изображение реальности — индивид совершает операции и трансформации информации продукт чего и влияет на поведение.

Понятие когнитивной и поведенческой компетентности также отражает способность личности к конструированию поведения, акцентируя внимание на том, что то, что делает индивид не обязательно является типичным для него, т.е. зафиксированным в предшествующем поведенческом опыте. Согласно W. Mischel люди различаются по своей компетентности в конструировании, они осуществляют психологическое регулирование в той степени, в которой могут генерировать адаптивное поведение продуктивное для самих себя.

Второй аспект когнитивной активности, влияющий на функционирование личности, включает избирательное включение индивидом различных аспектов окружения и кодирования полученной информации. То, что мы кодируем и как влияет на процесс нашего научения, что в свою очередь, влияет на то, что мы делаем. W. Mischel считает, что человек осуществляет поведение на основе личностных конструкторов, идиосинкразических способов кодирования информации.

Процессы избирательного внимания и кодирования также служат в качестве фильтров для поступающей новой информации, проверяя ее соответствие уже имеющейся. Это позволяет интегрировать новую информацию в имеющуюся понятийную сеть, создавая возможность для сохранения когнитивного соответствия, чувства связанности в представлениях о мире и самом себе, что, в свою очередь, предоставляет индивиду возможность поддержания стабильности собственной идентичности и протяженности личности.

На основе непосредственного и опосредованного жизненного опыта мы научаемся ассоциировать различные типы поведения с различными результатами. Повторное переживание события позволяет детям и взрослым формировать ожидания в отношении возможных результатов тех или

ных своих действий. Они получают возможность антиципации возможного реагирования окружения на то или иное поведение, представлять возможные способы поведения, что, в свою очередь, будет влиять на то, как мы будем вести себя.

Многообразие наших предпочтений и антипатий бесконечно. Это многообразие имеет место в силу того, что люди обладают способностью конструирования соответствующего внешним стимулам поведения. То же будет или не будет реализовано это поведение, определяется его субъективной ценностью или значимостью.

Представленные основоположения теоретических построений W. Mischel демонстрируют своеобразие его подхода к когнитивизации поведения личности. Во многом его идеи сходны с идеями J. Rotter и A. Bandura и характеризуют общую тенденцию в развитии социально-когнитивного направления в поведенческой традиции изучения личности. Причем позиции рассмотренных авторов мне кажутся предпочтительнее даже по сравнению с чисто когнитивными подходами к личности, т.к. переводят плоскость анализа с чисто теоретических абстракций, присущих последним, к плоскости поведенческой конкретики. Не случайно все перечисленные исследователи известны также как выдающиеся психологи практики.

В то же время социально-когнитивно-наученческий подход не решает многих проблем, связанных с приближением социально-психологического и персонологического знания к всестороннему описанию проблематики реального социального бытия личности и ее окружения. Прежде всего, из-за его приверженности тем критериям определения научности психологического знания, которые присутствуют в позитивистском подходе. Несмотря на то, что и J. Rotter, и A. Bandura, и W. Mischel являются клиницистами-практиками, для которых характерна большая свобода в получении и оперировании психологической фактурой, на них сказывается общая несвобода от влияния поведенческого подхода.

Значительно большей свободой как в теоретизировании, так и в методе исследований обладает психодинамический подход, к анализу которого мы и приступаем.

Психодинамическая парадигма

Психодинамическое направление в социальной психологии является, наверное, наиболее противоречивым, неоднородным, оригинальным и динамично развивающимся. Развиваясь в собственном концептуальном поле, часто не ассоциируемом с традиционной наукой, психодинамика, пройдя своеобразную эволюцию, сопровождавшуюся периодами взлетов и падений, всегда отличалась оригинальностью и смелостью идей, мощью

прекращающих ее фактур, оригинальностью предлагаемых решений. Не останавливаясь на описании истории становления подхода, достаточно известной информированному читателю, отмечу характерную для современной психодинамики интеграцию с научной социальной психологией, связанную с обсуждением общего проблемного и понятийного поля. Никогда ранее не связывавшийся с социальной психологией подход начал становиться все более социально-психологичным. Свидетельством этого является становление в качестве центральных, таких категорий, как "самость" в ее социально-детерминированном контексте, "социальные репрезентации", "групповая динамика" и т.д. Подобное развитие традиции было предвосхищено еще основателем психоанализа, переросшего в психодинамику, Фрейдом, утверждавшим, что "психология личности с самого начала является психологией социальной" [Фрейд, 1991, с. 422].

Понимание специфики психодинамической парадигмы невозможно без определения эпистемологического статуса его фактуры и данных с анализа которого я и начну. Определение этого статуса сопряжено с рядом сложностей, связанных с продолжающимися дискуссиями по следующим основным вопросам: действительно ли психоаналитик оперирует с реальными фактами и опытом или с конструкциями и реконструкциями клиента? Является ли психоанализ наукой или герменевтической конструкцией подобной литературной критике? Наконец, если психоанализ является наукой, то какой – оперирующей объективными данными, или субъективными предубеждениями психоаналитика? [Westen, 1990, с. 34].

Одним из основных эпистемологических вопросов, встающих перед психодинамикой, является вопрос, в какой степени события реального мира отражаются в психике, продолжением которого является вопрос о том, насколько история реальной жизни клиента может быть адекватно реконструирована психоаналитиком? В психодинамике сегодня считается достаточно признанным утверждение о том, что способ реагирования на события детерминирован способом их переживания, который, в свою очередь, обусловливается мотивами, фантазиями и эмоционально окрашенными идеями [Arlow, 1985].

Понятие психической реальности сопряжено с рядом вопросов, связанных с выявлением того, насколько психологическое отражение события соответствует ему в реальности и как человек приходит к осознанию того, что произошло. Этот вопрос для психоанализа особенно актуален, так как в нем уделяется достаточно большое внимание преодолению собственной субъективности в интерпретации внутреннего мира и истории клиента. Элегантный ответ предоставляет K.W. Spence [1982], отмечающий что то, что происходит на психоаналитическом сеансе не является актом археологии или реконструкции прошлого, а актом взаимообсуждения, в котором

психодинамичности и истины совместно создает повествование, помогающее пациентам сформировать целостный взгляд на свою историю и понять единство, а не необъяснимые аспекты жизни пациента. Он утверждает возможность соответствия "повествовательной истины" исторической истине — постижение которой достигается продолжительностью и близостью контакта, обеспечивающей логическую и эстетическую завершенность обретенных ступеней знания. "Повествовательная истина представляет собой то, что у нас возникает в мышлении, когда мы говорим, что то-то и то-то является хорошим повествованием" (там же, с. 31). Однако у этой логики имеется весьма уязвимое место — так как реконструирование прошлого предполагает включение элементов домысливания, то в итоге мы можем получить домыслы да и только.

Вопрос о природе истины в психоанализе — реконструкция соответствующая действительности \ повествовательная связность — согласовывается с вопросом точного определения, какого рода знанием должен быть психоанализ. Многие аналитики и психодинамические психологи считают, что психоанализ, как и другие науки, направлен на открытие общих законов и установление причинно-следственных отношений между событиями [Polt, 1985; Holzman, 1985]. С другой стороны, целый ряд исследователей утверждает, что психоанализ не является наукой в традиционном ее понимании, а скорее является герменевтической дисциплиной, связанной с толкованием текстов и направленной на интерпретационное понимание человеческих действий [Ricoeur, 1971; Spence, 1982]. С этой точки зрения решающее различие между человеком и объектом естественных наук является то, что человек наделяет значением свои переживания и объекты и эти значения, в свою очередь, оказывают влияние на то, что он делает. Таким образом, психолог или психоаналитик оперируют не самими объектами, а интерпретациями этих объектов и на этой основе приходят к пониманию оснований, формулируемых людьми для осуществления своих действий — их интенций. В психодинамике эти основания часто относятся к области бессознательного.

Многие представители психодинамического подхода решительно возражают против подобного утверждения, приводя в качестве контраргументов наличие фактически подтвержденных открытий — стадий развития, психологических механизмов и т.п., которые могут быть подтверждены как любые другие гипотезы в рамках других традиций. Основание подобной критики является общим и для других традиций, обращающихся к множеству интерпретаций, включающих с необходимостью инструменты герменевтики. В логике интегративной эклектики подобная критика, по меньшей мере, лишена оснований, т.к. поконится на постулате о единственности истины и причинном детерминизме. При обсуждении же эпистемо-

логических и онтологических аспектов социально-психологической теории мною была обоснована ограниченность и односторонность подобного рода подхода.

Логика интегративной эклектики, абстрагируясь от односторонней критики, обосновывает, что по отношению к дисциплинам, изучающим человека как социальную сущность, оперирующую значениями, т.е. обладающей "второй природой", становление частично герменевтической дисциплиной неизбежно. При одном условии -- если наука претендует на познание реальной, "живой", а не препарированной социальной жизни человека. С. Rogers [1959] ясно показал, что без перенесения в феноменальное поле другого человека, без эмпатирования становится невозможным его понимание. Перенесение же в это феноменальное поле неизбежно сопряжено с субъективностью и пониманием своеобразия этой субъективности. И для когнитивной, и для поведенческой, и, тем более, экзистенциально-феноменологической традиции, очевидна ценность понимания не фактов самих по себе, а их интерпретаций, как тех реалий, в которых и живет в повседневной жизни человек. И в этом контексте обвинения в герменевтичности психодинамической психологии могут вызвать лишь иронию.

Второе значение происходит из психоаналитического утверждения о том, что люди используют символы способами, о которых они сами осознанно не осведомлены. Взаимоотношения между латентным содержанием и проявляемым содержанием сновидений, шуток, действий или утверждений аналогично взаимоотношениям между глубинными и поверхностными структурами в лингвистике -- и там и там основополагающие значения преобразуются посредством правил трансформации в проявляющуюся форму, которая представляет единственный способ выражения основополагающих значений. "Никто не будет утверждать, -- отмечает -- D. Westen, -- что трансформационная грамматика N. Chomsky является причинной теорией -- она является системой для понимания отношений между тем, что латентной и тем, что проявляется" (там же).

При наличии различных взглядов на природу социально-научного объяснения и его отношения к естественнонаучному объяснению в качестве основного отличия между ними можно утверждать то, что адекватная теория в естествознании должна приводить к точному предсказанию, в то время как адекватная теория в социальных науках должна приводить и к предсказанию и к интерпретативному пониманию. "Подход к личности, который не помогает психологу расшифровать то, что именно происходит в межличностной ситуации, не более адекватен, чем теория, которая не может генерировать проверяемых гипотез" (там же).

Хорошая теория личности является как номотетической, так и ~~идиографической~~ и ~~идиографическое~~ объяснение человеческого поведения ча-

ство означает именно интерпретативное понимание. М. Weber много десятилетий назад утверждал, что социально-научное объяснение должно добиваться адекватности на уровне значений, т.е. интерпретативного понимания, и причинного объяснения.

Придавание большого значения процессу интерпретации отнюдь не сказывается на научном статусе психодинамики, более того, обращение к миру субъективных значений, которыми оперирует в реальной жизни человек и делает психоанализ, как и психологию в целом действительно наукой. При условии определения науки как инструмента познания действительности, а не некоего набора абстрактных спекуляций или науки ради самой науки. По мнению D. Westen, "значение" означает не только (человеческие - ВЯ) "интенции": "значение имеет ряд "значений" и четкое различение их может представлять важнейшее основание того, почему психоанализ, как и психология в целом, должны быть частично герменевтической дисциплиной [1990, с. 36].

Проблема научного статуса психоанализа также является весьма дискуссионной, отчасти из-за его интерпретационной направленности или герменевтичности. В частности, это дало К. Popper [1957] основание для утверждения о том, что психоанализ, как и марксизм, являются псевдонауками, а не истинными науками, так как они непроверяемы.

Подробная философская критика психоанализа дана А. Grunbaum [1984, 1986], утверждавшим, что критические суждения К. Popper о непроверяемости психоанализа неверны, но вывод о его ненаучности верен. По его мнению, наиболее уязвимым звеном психоанализа является субъективность интерпретаций происходящего на сеансах психоанализа, и невозможность достоверной проверки истинности поставленного диагноза, а также эффективности процедуры. Отмечая положительное восприятие психоаналитиками критики в целом. Следует привести и выдвинутые ими контраргументы. Первое, в последние годы получено достаточно много эмпирических подтверждений психодинамических процессов, например, трансфера и психологической защиты. [Kline, 1986].

Второе, недооценка достоверности информации, получаемой психоаналитиком от клиента на психоаналитическом сеансе.

Как отмечает М. Jahoda [1977], нечистота данных, получаемых посредством одного метода, может быть компенсирована достоинствами привлечения других методов. Она отмечает, что клинический метод обладает целым рядом достоинств, которых нет в экспериментальном методе. Например, так как психоаналитик хорошо знает клиента, он получает возможность понимания, как значений, так и контекстов коммуникации и поведения.

Е. Clifton [1986] в ответ на критические замечания А. Grunbaum подчеркивает, что валидность теоретических построений Z. Freud провере-

на клинической практикой, в то время как многие данные экспериментальных исследований в силу своей искусственности часто являются бессмысленными. С точки зрения психоаналитического подхода то, что является интуитивно выводимым в результате клинических наблюдений, является достаточным основанием для построения теорий личности, причем, психоанализ позволяет такие продуктивные решения, которые не реализованы ни в одном из иных теоретических подходов.

В то же время в психоаналитической среде в последние годы заметно формирование согласия к необходимости проведения большего числа эмпирических экспериментальных исследований [Mischel, 1988; Wallerstein, 1988].

В последние годы все явственнее наблюдается тенденция включения в плоскость рассмотрения проблематики, разрабатываемой в рамках других теоретических подходов и парадигм, а также более глубинное рассмотрение метатеоретических аспектов. К числу наиболее часто обсуждаемых вопросов относятся: природа человеческой мотивации, роль ее когнитивного и аффективного компонентов, взаимодействие природного и приобретенного в генерировании основополагающих мотивов человеческого поведения.

Вне зависимости от ориентации либо на теорию драйвов, либо на эгопсихологию, либо на теорию объектных отношений, круг дебатруемых вопросов является относительно общим: степень, в которой люди должны пониматься как самодостаточные или имплицитно социальные; роль социальных процессов и, особенно, взаимодействий со значимыми другими в детстве в аспекте формирования личности; отношения между мотивацией и личностью; мотивационный статус когнитивных репрезентаций, особенно, репрезентаций самости и других; и природа измерения самости личности.

Пожалуй, наибольшую значимость для психоанализа имеют эпистемологические вопросы. Наиболее важным из них является вопрос о соотношении объективной и психологической реальностей, лежащий в основании нахождения ответа на вопрос о соответствии действительности отчетов клиентов, получаемых в процессе психоаналитических сессий. Областью специальных исследований являются индивидуальные различия в адекватности самоосведомленности. В этом контексте снова встает вопрос о целесообразности и необходимости привлечения терменевтики. Разные авторы все больше сходятся во мнении, что хорошая теория личности должна приводить как к предсказуемости, так и к интерпретативному пониманию [Rosenwald, 1988; Runyan, 1984].

Наконец, дебаты о научном статусе и валидности психоаналитических данных породили фундаментальные вопросы о необходимости и достаточности данных для исследований и теоретических построений. Клинические наблюдения предоставляют широкий спектр психологически значимых

феноменов. Ученый же редко обращается к частным гипотезам, вне какой-либо более широкой теоретической парадигмальной конструкции, основывающейся на многочисленных данных, полученных из многих источников, а не только в лаборатории. Это создает возможность игнорирования уникальных "артефактов" наблюдения в угоду логически последовательной конструкции. Тут же возникает проблема номотетического и идиографического, имического и итического аспектов.

Более того, как отмечает D. Westen, строгая приверженность к проверяемости гипотез в психологии приводит к некоторой "фальшивости на уровне теории". Если психолог основывает свои теоретические построения только на относительно "доказательных" экспериментах он создает коллективные "эвристики доступности", приводящие его к преуменьшению значимости процесса и переменных, которые относительно неприемлемы научному сообществу по технологическим, практическим или этическим причинам [1990, с. 39]. Возникает возможность разработки либо теории, содержащей ряд специфических искажений, либо относительно скудных теорий, содержащих ограниченное число микроистин в соединении друг с другом, создающих основания для весьма ограниченных и искаженных взглядов.

D. Westen подчеркивает, что "между контекстом открытия и контекстом подтверждения лежит контекст обязывающих представлений, и в этом контексте исследователи, использующие единичные методы могут оказаться в проигрыше по сравнению с исследователями методологически менее моногамными" (там же). Последнее еще раз подтверждает продуктивность привлечения интегративно-эклетического подхода, как средства расширения возможностей углубленного понимания сущности исследуемых феноменов.

Сравнение специфики рассмотрения социально-психологической феноменологии с позиций традиционной экспериментальной социальной психологии и психодинамического подхода позволяет выделить, как отмечают Н.М.К. Thomas, "по крайней мере следующие особенности последнего:

1. Высокая экологическая валидность. Психодинамика обычно исследует процессы и явления, имеющие длительную продолжительность во времени — даже в случае если они только начали изучаться. Это и традиционные для психоанализа сеансы, многочисленные встречи с клиентом и группой, а также получившая широкое распространение групповая терапия. В отличие от экспериментальной психологии, как правило, имеющей отношения с краткосрочными группами незнакомых людей, в психодинамике осуществляется работа с группами и клиентами, имеющими длительную историю совместного функционирования. Как клиент на психоаналитическом сеансе, так и группа,

имеющая историю своего существования, привносят ее в своем внутреннем мире. Причем, проявление этой истории, этого внутреннего контекста могут носить как осознанный, так и неосознанный характер. Когда человек входит в новую, пусть и экспериментальную группу, даже при всех стараниях экспериментатора обеспечить "чистоту" эксперимента ему это не удастся. У члена новой группы, как и клиента, во время консультативного сеанса присутствует его история, его взгляды и предубеждения, его отношение к происходящему и многое другое. В этом смысле психодинамическое исследование выгодно отличается от классического экспериментального, именно своей экологичностью, жизненностью, а не препарированностью, правда, провоцируя обвинения в субъективизме. Психодинамический подход пытается дополнить понимание как личности, так и группы более множественными и неосознаваемыми типами научения, конструкциями реальности и самости.

2. Фокусирование на значениях и субъективных переживаниях. Психодинамический подход пытается заглянуть под поверхность того, что происходит. Он выходит за рамки наблюдаемого поведения для понимания того, что происходит в личности и группе в понятиях значений, которыми обладает для них происходящее и связанных с ним субъективных переживаний и эмоциональных состояний. Он концентрируется на неосознаваемых мотивах людей и неосознаваемой коммуникации между ними, динамике коллективного бессознательного.
3. Своеобразие методов доказательства. Психодинамика в практике своих исследований использует методы, которые не приемлемы для экспериментальной традиции. Психодинамические методы предполагают включенное наблюдение, становление исследователя частью наблюдаемого, осознание им собственной вовлеченности в происходящее, переживание давления неосознаваемой коммуникации. Являясь одновременно и аналитиком и участником, исследователь получает возможность реального видения и мониторинга того, что происходит в обыденном смысле. Рефлектировать свое собственное наблюдение и реакции на происходящее и на этой основе делать выводы об основополагающих значениях — основная задача психоаналитика. Все эти наблюдения и самоанализ производятся во времени и часто во многих обстоятельствах, предоставляя возможность динамического рассмотрения изменений, происходящих в процессе" [1996, с. 66–67].

Приведенные особенности психодинамического подхода показывают его сильные стороны и, одновременно, обнажают слабости — прежде всего субъективизм и герменевтичность. Но субъективизм и герменевтичность являются слабостью с точки зрения традиционной экспериментальной социальной психологии и, в то же время, полностью соответствуют отме-

чаемся при обсуждении эпистемологических и онтологических оснований современной социальной психологии и персонологии, процессу оживления психологической науки.

Наименее известным аспектом психодинамического подхода для отечественных читателей, является рассмотрение вопросов взаимоотношений индивида и группы. Первые исследования по вопросам групповой психодинамики связаны с известными исследованиями W. Bion в Тавистокской клинике [1961], показавшими наличие скрытой неосознаваемой жизни группы, связанной с интрагрупповым напряжением, взаимоотношениями и эмоциями.

Социально-психологические же представления, связанные со спецификой межличностного обращения, формированием, развитием и функционированием самости как социальной сущности, были представлены во многих работах представителей эго-психологии и теории объектных отношений.

Так как представления об индивиде были разработаны в рамках психодинамической традиции раньше по времени и гораздо более многоаспектно, не удивительно, что они в существенной степени предопределили и специфику рассмотрения бессознательных процессов в группе. Для всех разновидностей психодинамических подходов характерными являются следующие три кластера понятий и выводов о природе личности: неосознаваемая мотивация; влияние обращения в раннем детстве; и контроль беспокойства. В этой последовательности мы и рассмотрим их.

Неосознаваемая мотивация. Первый вывод заключается в признании того, что "вещи не являются такими, какими они кажутся" [Morgan и Thomas, 1996, с. 73], что человеческое поведение и сознание в высокой степени детерминированы бессознательными мотивами, которые могут пробуждать кажущиеся иррациональными чувства и поведение. Для психодинамики характерна идея о признании бессознательного, как фактора, детерминирующего поведение. Часто противоположное осознаваемым целям. Если этот тезис принимается, то можно предположить, что люди, объединяющиеся в группу с той или иной целью, могут быть детерминированными как осознаваемыми, так и неосознаваемыми факторами.

Примеры подобного внешне иррационального поведения достаточно хорошо известны как в условиях семьи, рабочей группы и т.п. Так как мы обычно не принимаем этих неосознаваемых сил, становится трудным или невозможным рефлексировать то, что происходит и адекватно изменять поведение, а также адаптировать социальные роли. Примером подобного рода иррационализма является провоцирование конфликта с преподавателем студенческой группой, при осознании того, что ей в недалеком будущем придется столкнуться с ним на академическом экзамене. В логике

рассуждений W. Bion, мы имеем в данном случае дело с параллельным существованием двух групп — одной полностью осознающей возможные последствия конфликта и второй — неосознаваемой группы, заинтересованной в эмоциональной жизни группы как целого.

Влияние обращения в детстве. Второй кластер выводов связан с продолжающимся влиянием специфики обращения со значимыми другими в очень раннем детстве на характер переживаний взрослого человека. С этой точки зрения, ранний жизненный опыт приводит к формированию устойчивых внутренних миров, которые эмоционально заряжают конструкции внешних миров и их эмоциональное переживание. Внутренние миры создаются в очень раннем детстве и представляют сконструированные основания прохождения жизни — психической реальности.

Интернализованные (интроецированные) версии других людей и их отношений, особенно запечатленные в раннем детстве, составляют центральные черты этих внутренних миров. В теории объектных отношений идентификации с данными интроекциями рассматриваются как источники самости — самости, создаваемой другими людьми. Интроецируются не только отдельные люди, но и люди в группах. Все эти комбинации внутренних объектов и объектных отношений потенциально доступны для нашей идентификации с ними, использования для построения самих себя и как шаблонов для нового воспроизведения посредством неосознаваемых процессов трансфера. Идея “неосознаваемой группы” предоставляет новое направление размышлений о влиянии членства в группе; представляет шаг в направлении ограничения разделения между индивидом и другими членами группы [там же, с. 75].

Практически во всех культурах ранний опыт взаимоотношений формируется в семьях и в среде родственников. В соответствии с психодинамическим подходом, этот опыт семейных близких отношений выступает в качестве блоков, лежащих в основе построения нашего жизненного, поведения опыта и использования других в обстоятельствах группового взаимодействия в реальной жизни. Опыт прошлых отношений в семье может налагать свой отпечаток на построение взаимоотношений в других группах. Мы часто используем одни и те же зафиксированные в детстве шаблоны построения взаимоотношений, прошлый опыт опасных взаимоотношений проецируется на настоящее. Мы используем примитивные формы защиты от грозящей опасности, чувствуем себя разорванными. Подобное особенно характерно для людей, находящихся в состоянии стресса или подавленности, в состоянии болезни и т.п. В группе беспокойство может вызвать ассоциация с поведением, связанным с соперничеством, завистью, запугиванием, испытанными в детстве со стороны братьев и сестер и т.п. Под этой не всегда рациональной логикой скрываются и рациональные

начала. Действительно, если провести аналогию с импринтингом, можно предположить, что шаблоны, усвоенные в детстве могут устойчиво фиксироваться в поведенческом опыте и импульсивно воспроизводиться в случае быстрого нахождения рациональных альтернатив.

Контроль беспокойства. Третий кластер выводов связан с психологической защитой, направленной на преодоление внутреннего беспокойства. Практически для всех школ психодинамики характерно признание того, что сознание и наши внутренние версии мира – установленные в детстве – систематически изменяются с целью избегания беспокойства. Психологическая защита направлена на создание внутренних версий мира, уменьшающих беспокойство и делающих жизнь более терпимой. Так как психологическая защита часто проявляется бессознательно именно с действием ее механизмов и связаны многие наши иррациональные поступки и представления. Не останавливаясь на описании как самих механизмов психологической защиты, так и специфики их функционирования, которое будет представлено в разделе, посвященном устойчивости самости личности, отметим, что сегодня, практически во всех психологических традициях факт их существования не вызывает сомнений.

Если психологическая защита функционирует на уровне одного индивида. То легко предположить ее существование и на уровне группы, как целостного организма. Член группы осознанно или неосознанно может коммуницировать свое беспокойство другим. Когда этим беспокойством переживаются несколько членов группы они неосознанно могут вырабатывать единую стратегию защиты, направленную на преодоление этого беспокойства. Такие же процессы могут происходить и в больших группах, в частности, в толпе.

Вполне можно предположить, что транслируемое другим членам группы беспокойство может быть спровоцированным эмоциями и конфликтами, пережитыми в раннем детстве. Одним из наиболее важных источников беспокойства является попытка дифференцировать собственную самость от других людей и сохранить тем самым собственную идентичность. Близина в группе часто направлена, неосознаваемо, на сохранение чувства самости и автономии. Так как членство в группе вызывает беспокойство, механизмы психологической защиты могут играть существенную роль в нашем поведении в группе и переживаниях групповой жизни.

Таким образом, концептуальный аппарат психодинамики оказывается полезным в понимании новых аспектов индивидуальной и групповой жизни, в осознании нового понимания тех процессов, которые имеют место в них.

Характеризуя более традиционный для психодинамики аспект, связанный с проблематикой личности, можно вслед за D. Westen [1990] выделить ряд следующих концептов и инсайтов:

1. Расширение представлений о бессознательных процессах в том числе и посредством их экспериментального изучения как на уровне отдельного индивида, так и группы.
2. Переопределение понятий конфликта и компромисса.
3. Подтверждение и выявление новых особенностей защитных процессов.
4. Развитие представлений о структуре личности. "Изучая пациента, отмечает D. Westen, психоаналитически ориентированный клиницист пытается оценить ряд взаимодействующих личностных процессов. К ним относятся эмоциональные переживания личности, интенсивность аффективных переживаний, способность регулировать эмоции отвлечения и стиль регуляции эмоций и импульсов; доминантные мотивационные тенденции и конфликты между различными системами мотивов; объектные отношения, включая когнитивные структуры и аффективные качества репрезентаций самости и других, способности устанавливать отношения с другими, конфликтов и страхов в отношении этих способностей и паттернов межличностного поведения; и когнитивных паттернов, включая когнитивный стиль, повторяющиеся мысли, содержание и структуры ассоциативных сетей, способности воспринимать реальность точным и согласованным образом и способности планирования решения проблем путями, предполагающими компетентное адаптивное поведение" [1990, с. 54].
5. Рассмотрение настоящего в контексте прошлого, предполагающее осознание взаимосвязи и взаимозависимости сетей ассоциаций на различных уровнях сознания, развитых на протяжении истории жизни индивида. Изучение взрослого человека без рассмотрения исторических предпосылок становится просто непродуктивным.
6. Анализ интерпретации значений, разработанный в рамках психодинамического подхода как ни в каком другом и позволяющий приблизиться к миру подлинных значений индивида, который и направляет его действия и отношения к окружающему. Научение психоаналитическому слушанию и слышанию требует многих лет опыта и супервизии.
7. Уважительное отношение к клиническим данным и понимание ограниченности возможностей экспериментального изучения личности. Именно в рамках психодинамического подхода убедительно показана иллюзорность представлений о существовании возможностей получения широкой панорамы представлений о личности на основе ее ответов на 30—40 вопросов предлагаемого опросника.

Представленный анализ своеобразия методологических оснований психодинамической традиции, достижений и ограничений в области изучения персоналистской и социально-психологической проблематики, демон-

стрирует общие тенденции в усложнении объекта психологического анализа: анализ истории жизни личности в контексте ее влияния на актуальное поведение; влияние неосознаваемой сферы психического; анализ самоотчетов испытуемых и самого исследователя; необходимость привлечения различных методов исследования, в том числе интерпретационных или качественных; сочетание экспериментального подтверждения с интерпретационным пониманием.

Экзистенциально-феноменологическая парадигма

20

Особенности экзистенциально-феноменологического направления в психологии. Фундаментом экзистенциально-феноменологического направления в социальной психологии является философский экзистенциализм и феноменология, создающие фундаментальные основы для критики естественнонаучного подхода, доминирующего во многих направлениях психологических исследований.

Феноменология изучает феномены в порядке прояснения того, как переживается человеком объективный мир и как он представлен в нашем сознании. Так, например, феноменология пытается более адекватно понять человеческие состояния, в том виде как они проявляются в условиях различных переживаний. Экзистенциальный аспект феноменологии основывается на идее о том, что содержанием человеческого бытия является его существование, которое, как это следует понимать, обнаруживается в неизбежном процессе отношений или движения от бытия в конечном счете, приводящего к небытию [Woolfe и Dryden, 1996, с. 180]. Взятая в контексте психологии, "экзистенциально-феноменологическая психология ... превратилась в психологическую дисциплину, которая ищет объяснения *сущности, структуры или форм*, как человеческой жизнедеятельности, так и человеческого поведения, как обнаруживаемых посредством по своей сути *описательных* техник, включающих дисциплинированную рефлексивность" (Valle с соавт., 1989, с. 6).

Феноменология, как философская система, зарождается в начале века. Ее основатель, Е. Husserl первоначально занимавшийся математикой и естественными науками, поставил себе целью разработку феноменологии как фундаментальной философии для всех научных исследований [1977]. Пытаясь сделать это, он столкнулся с мучительным "дуалистическим расщеплением между субъектом и объектом, на котором основываются естественные науки, и что является источником серьезных ошибок и, следовательно, наоборот, фундаментальное единство, основанное на феноменном сознании, которое и призвано раскрыть феноменология" (там же). Помощник Е. Husserl М. Heidegger расширил рамки анализа, сконцентри-

ровавшись на вопросах человеческого бытия, предоставив важные стимулы для развития экзистенциальной феноменологии.

В то время как доминирующие в философии и психологии взгляды утверждали обособленность или различие между индивидом и миром (или между "самостью и другими", "субъектом и объектом"), экзистенциально-феноменологическая модель отрицает это отличие и предлагает вместо него целостный взгляд на бытие, согласно которому все, что есть или может быть, все, что осознается, все, что мы отражаем, определяем или различаем порождается отношением. Само переживание бытия, например, открывается осознанному отражению, когда помещается в контекстуальные отношения бытия-в-мире (или Deisen). Таким образом, отражение бытия и фокус внимания, или объект отражения являются взаимно фундаментально определяемыми или соконституируемыми, через их различные экзистенциальные отношения [1962].

Структурная тенденция или "данность", через которую существуют отношения, в экзистенциально-феноменологической теории была обозначена как интенциональность. Интенциональность рассматривается как фундаментальные, единовременные и не обособляемые отношения между человеческим сознанием и миром (следует сказать, что наше сознание всегда представляет какую-либо "вещь"), в которых "реальность, как человечески переживаемая, формируется или интерпретируется. Рассматриваемая с точки зрения "бытия", интенциональность обнаруживает, что через процесс реконструирования значений-возможностей этих "вещей", с которыми мы находимся в отношениях, мы также реконструируем значения-возможности конструирования вещей бытием (т.е. самими собой). Если это так, то упоминание об интенциональности обнаруживает, что "самость" и "другие" (или, "мир") делаются значимыми или "приходят в бытие" через их взаимозависимые, соконституированные отношения. Одним из важных следствий этой аргументации является то, что каждый из нас активно вовлекается или влетает в конструирование или пытается означить наши переживания мира, которое включает наше переживание себя самих, других людей и всех качеств, объектов и умственных процессов, создающих нашу жизненную реальность [Woolfe и Dryden, с. 181].

Этот взгляд находится в резкой оппозиции с наивными выводами, основанными на естественнонаучных взглядах, устанавливающими, что мы можем говорить о самой возможности безличностной истины, или объективной природе реальности. Наоборот, экзистенциально-феноменологическая модель утверждает, что мы никогда не можем знать реальный мир, а только мир интерпретируемый: мир, который существует в нашем отражении. В таком случае все наши утверждения о мире или любом его аспекте - включая, конечно, и самих себя - являются в лучшем случае

при объяснениях. Мы никогда не можем говорить о фактах с полной определенностью в их истинности в силу того, что все наши утверждения о мире живут ограниченностью нашими же способностями описывать или понимать вещи такими, какими они есть в реальности.

Некоторые, если не большинство этих ограничений и выводов, могут быть счтаны эксплицитно. Многие же выводы являются плодом наших мышлений и воображения. Ни одно из биологических, нейропсихологических, а иногда и психических ограничений не могут быть преодолены и оставлены в стороне, и они всегда будут присутствовать в любом рефлексивном утверждении, которое мы делаем о мире или самих себе. Открытие и разъяснение этих данностей (или интерпретативных ограничений) нашего опыта формируют один из самых важных аспектов экзистенциально-феноменологического подхода, представляющего попытку преодоления социально и психологически обусловленных предубеждений и выводов.

Основным инструментом, посредством которого экзистенциально-феноменологическая модель исследует и проясняет вопросы о сущности и существовании, является особый метод, обязывающий исследователя искать: (1) возможности *приостановления влияния собственных предубеждений и предположений* на открытость и доступность чьих-либо переживаний, жизненный опыт; (2) оставаться на *описательном уровне интерпретации* в целях сосредоточения на непосредственных или первичных данных опыта; (3) пути *горизонтализации* единиц описания путем избегания построения какой-либо иерархии важности или значимости между ними — особенно на ранних этапах исследования. Несмотря на то, что данный метод все же обречен на неполноту и незавершенность, он предоставляет возможность увеличения адекватности этих предубеждений и предположений, воздействующих на любое наше столкновение с миром.

Основополагающие теоретические подходы к личности в рамках экзистенциально-феноменологического подхода. В соответствии с экзистенциально-феноменологической моделью человеческое бытие обнаруживает всеобщность, неразрывное единство или взаимосвязанность индивида и его мира ... В истинном смысле, личность рассматривается как не обладающая существованием вне мира, а мир — как не обладающий существованием вне личности ...” [Valle и соавт., 1989, с. 7].

В применении к таким социальным наукам как социальная психология подход с позиций экзистенциально-феноменологической модели остается открытым и обладающим возможностью применения к огромному ряду различных проявлений. Такой взгляд на личность тщательно избегается различными современными теоретическими моделями личности, предпочитающими искать категоризации или типологизации личности или пытающиеся разделить или сократить ее рассмотрение до уровня различных

частей или компонентов. В противоположность этим подходам "экзистенциально-феноменологический подход стремится к сохранению описательного и открыто-закрытого уровня анализа человеческой жизни, которая одновременно признает как уникальность каждого бытия-в-мире и видоразделенности транскультуральной данности бытия человеком, устанавливающего границы — или инварианты данности — для возможностей нашей жизни" [Woolfe и Dryden, с. 182–183].

В этом случае человеческие органы чувств, предоставляющие основу для получения информации, переводимой в перцептивные образы нашим мозгом, являются видообусловленными и ограниченными. В то время как они предоставляют нам возможность осознанного переживания стимулов внешнего мира, их собственные ограничения делают невозможным гипотетическое утверждение о том, что органы чувств улавливают все возможные стимулы, воздействующие на них. В отличие от других живых организмов, чьи сенсорные характеристики могут быть отличными или гармонизирующимися иным образом, человеческое бытие регулируется некоторыми фиксированными "инвариантами", существующими на видовом уровне. Кроме этого, в то же время, все другие искажающие или предубеждающие влияния существуют на социо-культурном уровне, который, в свою очередь, влияет как на способ перцептивной переработки, так и на значения, интерпретации предоставленных нам объектов восприятия. Психолог, интересующийся перцептивными процессами принимает во внимание огромное число таких инвариантов — как видового, так и социо-культурного уровней [Spinelli, 1989]. Более того, существуют также искажения, порождаемые самим индивидом — т.е. формируемые уникальной жизненной практикой и взаимодействиями, которые имеет каждый из нас с окружающим миром. Все эти ограничения приводят к выводу о том, что мы как люди интерпретируем мир в пределах "данностей" наших видовых возможностей, находясь под влиянием предубеждений и предположений, порождаемых социо-культурными различиями и уникальностью нашего собственного развития.

Например, по мнению E. Spinelli, "данностями" нашего вида могут казаться вещеподобное видение реальности, "особо обозначенные или названные вещи, которые каждый из нас осознает и образ или способ того, как это происходит, зависящие от различных лингвистических, социо-культурно порождаемых влияний, также как и влияний нашего собственного опыта, предрасполагающего или предубеждающего нас воспринимать, таким образом, каким мы воспринимаем" [1994, с. 293].

Эта позиция вызывает волнующие перспективы, помещая человеческую личность и ее жизнь в неопределенную, релятивистскую реальность, будучи в которой, вне зависимости от значений, которые мы можем

обнаружить для себя и вне зависимости от длительности сохранения уверенности в их истинности, они никогда не будут полностью независимыми и лишеными предубеждений. Более того, возможности человеческого переживания ограничены и формируются с помощью ряда инвариантов: посредством которых каждое бытие-в-мире интерпретирует переживания своим уникальным образом. Кроме того, в силу соконституированности существования, каждое бытие-в-мире является характерно открыто-закрытым и скорее постоянно изменчиво и пластично, нежели фиксируемо и полностью определяемо. Сказанное предполагает, что если бытие уникально и пластично, то мы должны предполагать, что существование никогда не может быть полностью достигнуто, т.к. переменные, составляющие переживания каждого человеческого бытия в мире, недоступны в каком-либо целостном или завершенном виде по отношению к любому другому человеческому бытию. В лучшем случае, по отношению к другому бытию может быть достигнуто некоторое ощущение особенностей его переживания мира с течением времени становящееся, возможно, все более и более адекватным, но никогда — общим или полным. С позиций экзистенциально-феноменологической психологии этот вывод можно проинтерпретировать так, что каждый из нас является одиноким в собственном переживании реальности. "И как это ни парадоксально, это одиночество существует именно потому, что мы находимся в отношениях друг с другом" [там же, с. 294].

Не удивительно, что когда мы пытаемся осознать все влияние подобного рода идей, мы сталкиваемся, прежде всего, с бессмысленностью бытия в силу того, что оно не имеет внутренне-свободного значения. В этом контексте и значение является гибким и пластичным понятием, существующим в соконституальности. Наиболее концентрированно этот вывод выражается в следующем высказывании E. Spinelli: «Наша потребность различать вещи значениями (определяя, разделяя или ограничивая их) является другой "данностью" нашего вида. Наша нетерпимость к бессмысленности оказывается глубоко укоренившейся, даже фундаментальной характеристикой. Бессмысленность внушает нам беспокойство — что-либо кажущееся бессмысленным беспокоит нас таким образом, что мы отказываемся принимать его и пытаемся найти пути придания ему значения — обычно посредством связывания с другими объектами, значение которых известно нам и с которыми он, кажется, обладает сходными характеристиками, или посредством приписывания ему определенного рода функциональных предназначений, которые, снова, помещают его в "означенный" контекст, порождаемый нашим опытом» [там же, с. 294–295].

Экзистенциально-феноменологическая модель использует по отношению к определению неизбежности экзистенциального беспокойства по

поводу бытия понятие "angst". Он обозначает беспокойство, возникающее в связи с признанием того, что в мире нет никаких иных значений кроме тех относительных, которые мы создаем сами, что мы не можем полагаться на несомненность фактов или целей, что мы не можем знать того, что с нами произойдет, если мы будем отвергнуты миром, когда мы перестанем быть людьми. Эта временность, выражающая наше событийное ничтожество, рассматривается как наиболее фундаментальный источник angst [Van Deurzen-Smith, 1988; Heidegger, 1962].

Ничтожество, бессмысленность и одиночество являются той ценой, которую мы должны платить за нашу свободу или наши попытки быть аутентичными как человеческие бытия [Heidegger, 1962]. В наших попытках избегания переживания *angst* мы "дегуманизируем" самих себя. Мы становимся пассивными, безответственными, кажемся детерминированными волей и капризами других и ищущими спасения от внешней правды, перманентных значений, утверждений о высшей заинтересованности в истинности взглядов и целей для нашей жизни. Эта позиция в отношении жизни была определена как неаутентичность [Heidegger, 1962] или нечестность [Sartre, 1956] и ее апелляции ясно сводятся к снижению беспокойства и неопределенности бытия-в-мире [Spinelli, 1996, с. 184].

Экзистенциально феноменологическая идея выбора часто неверно интерпретируется, сводясь к утверждению о том, что мы обладаем полной свободой выбора кем и каким "быть". По мнению того же E. Spinelli, "этот вывод полностью неверен" [1994, с. 185]. Выбор, в котором мы свободны, порождается ситуативной свободой, т.е. свободой в рамках границ наших интенциональных отношений друг к другу, как со-конституированности "бытия-в-мире". Мы не свободны в выборе того, чего хотим. А скорее свободны в выборе того, как реагировать на неизбежные и непредсказуемые "стимулы" мира. Словами Sartre "мы осуждены на выбор" [Sartre, 1956]. Следовательно, наш выбор соответствует уровню интерпретаций, а не событийному или стимульному уровню. Таким образом, экзистенциальный выбор можно понимать как выбор, существующий через принятие неопределенности представляемой нам жизнью. В этом контексте *angst* не представляет беспокоящий аспект жизни, с которым приходится работать психологу. Скорее он предоставляет возможность и ответственность бытия: быть радостным или отчаявшимся, жизнеутверждающим или конформным по отношению к нашей событийной ничтожности.

Акцентация внимания психолога на том, что происходит в само- и мировосприятии человека здесь и сейчас, а не на отдаленных исторических причинных основаниях, корнящихся в раннем детстве, как это имеет место в психоанализе, является наиболее характерной особенностью экзистенциально-феноменологического подхода. Более того, как это отмечает W.

Maschei — экзистенциальная ориентация рассматривает человеческое бытие как обладающее способностью выбора и ответственности, нежели как терпящее бессознательных сил и привычек прошлого” [1993, с. 236].

Экзистенциалисты предполагают, что мы с неизбежностью становимся строителями собственной жизни и что каждый человек является:

- 1) выбирающим агентом, не способным избежать выборов на протяжении своей жизни;
- 2) свободным агентом, который свободно устанавливает свои жизненные цели;
- 3) ответственным агентом, лично отвечающим за свой жизненный выбор.

Наше существование в жизни дано нам, но наша сущность заключается в том, что мы делаем в своей жизни, с каким значением и ответственностью конструируем ее (там же, с. 237). Активность человека в построении себя самого проявляется не в слепом реагировании на внешние и внутренние стимулы, а в активном поиске смыслов жизни, осознании своих возможностей и самоограничений, стремлении к самоопределению и аутентичности.

Наконец, понимание того, что означает бытие требует определения того, что означает небытие, отчуждение, бессмысленность, а также неизбежности смерти. Именно осознание неизбежности перехода в небытие, сущности и вызывает экзистенциальное беспокойство. Противоядием этому беспокойству является стремление к осмысленной, ответственной жизни, постоянно сопровождаемое обогащением представлений о собственном потенциале, бесконечности выбора и личностного роста.

Одной из самых актуальных областей исследований для экзистенциальных феноменологов является область рассмотрения самости. Одной из ранних, инспирированных ещё James и описанных мною выше, является рассмотрение самости как потока сознания. В 1990-е годы наблюдается своеобразная реминисценция интересов к такого рода рассмотрению, наиболее интересной же версией является предложенная М. Csikszentmihalyi (Чиксентмихайи).

М. Csikszentmihalyi в своих исследованиях сосредотачивается на анализе феномена “потока переживаний”. Идея необходимости изучения данного феномена возникла под влиянием тех ощущений, которые испытываются людьми, находящимися либо в состоянии высшей удовлетворенности самими собой, либо скуки. Сам М. Csikszentmihalyi особенно интересовался именно аспектом удовлетворенности человеком самим собой.

Сознание рассматривается им в значении “осознания некоторых специфических событий (ощущений, мыслей, интенций), которыми человек может управлять ... Таким образом, мы можем говорить о сознании как об

интенционально упорядоченной информации" [1992, с. 26]. В данном определении фиксируется не аспект репрезентации, а сознательной управляемости. Такое направление (или интенциональность) предполагает "осознанное упорядочивание информации" (там же, с. 27). М. Csikszentmihalyi отождествляет концентрацию внимания с психической "энергией". Он рассматривает способность контролирования данных ресурсов (т.е. способность произвольной концентрации внимания, а не созерцания потока сознания), как обладающую бесценным значением для жизни, противопоставляя ее тому, что он называет "энтропией", предполагающей разрушение упорядоченности сознания интенциональности вторжением посторонних событий и мыслей. Поток имеет место в случае, когда поступающая информация соответствует преследуемой цели, способствуя усилению потока энергии. Это состояние определяется им как "оптимальное переживание". В этом состоянии проявляется полная произвольная управляемость вниманием, способствующая полной мобилизации и концентрации (там же, с. 53).

Примерами подобного состояния является ощущение актером успешности исполнения роли; шахматистом – полной реализации замыслов; родителями – успешности воспитания детей и т.п. в определенном смысле в данном случае можно говорить о явлении аналогичном социальной фасилитации с той лишь разницей, что у человека присутствует осознание полного контроля над происходящим.

Поток предполагает концентрацию сознания, направляемую достижением определенного итога, цели деятельности. Он определяется не только характером исполняемой деятельности, но и природой самой активности. М. Csikszentmihalyi подчеркивает, что ключевой характеристикой потока переживаний является ощущение достигнутой некоторой цели, т.е. конечности.

Это ощущение потока переживаний с точки зрения М. Csikszentmihalyi является высшим удовлетворением для человека. Если людям удастся добиться того, что состояние потока переживаний у них возникает регулярно, то это приводит к существенному возрастанию качества жизни.

Применительно к экзистенциально-феноменологическому подходу работы М. Csikszentmihalyi фиксируют принципиальную возможность управления человеком своим потоком переживаний, а также его проявлениями в самых разнообразных типах социальной активности.

Другой исследовательницей, проявившей особый интерес к проблеме состояний мышления, является М. Donaldson, пришедшая к осознанию необходимости переосмысления подходов к ней после долгих лет исследований, проводимых в области психологии развития, будучи скорее ориентированной на эмпирические нежели феноменологические аспекты [1992].

Основываясь на собственных наблюдениях в области детской психологии, а также анализе исследований других авторов, М. Donaldson пришла к выводу о существовании различных "состояний мышления". Каждому состоянию соответствует отличное ощущение пространства и времени. Она различает четыре таких состояния: *точечное*, *линейное*, *конструктивное* и *трансцендентное*. *Точечное состояние* относится к непосредственному опыту. Реализующемуся здесь и сейчас. *Линейное состояние* характеризуется ощущением возможностью припоминать прошлое и антиципировать будущее. *Конструктивное состояние* представляет способность конструирования понятий, независимых от конкретных примеров. *Трансцендентное состояние* появляется с развитием абстрактного мышления.

По мере взросления ребенка он постепенно переходит из одного состояния в другое. Линейное состояние мышления формируется к 8–10 месяцам и в последующем дифференцируется на четыре отличные формы – внимание, эмоции, восприятия и целенаправленные действия. Конструктивное состояние начинает формироваться к возрасту 3–4 лет и характеризуется повышенным интересом к выяснению природы вещей. М. Donaldson различает три типа конструктивных состояний – интеллектуальное, ценностное и ядерное. На уровне интеллектуального конструктивного состояния доминируют интеллектуальные и познавательные интересы. Ценностное конструктивное состояние характеризуется чувствами и ценностями. На уровне ядерного конструктивного состояния осуществляется формирование ядерных конструктов, включающих сложное переплетение когнитивных и аффективно-ценностных элементов. "По мере нашего развития, – пишет М. Donaldson, – мы развиваем представления о природе универсума, о наших социальных группах, о других социальных группах – и о самих себе" (1992: 83). Они включают большинство интимных аспектов самих себя – ядро системы эмоциональных представлений, составляющих своеобразие нашего характера и аттитудов. Именно в них, ядерных конструктах, по мнению М. Donaldson, и представлено своеобразие конкретной человеческой личности.

Особым состоянием является трансцендентное, характеризующееся полной абстрактностью и рудиментарные формы которого проявляются в ритуалах. По мнению М. Donaldson, трансцендентное состояние мышления является производной от интеллектуальной и эмоциональной форм. Интеллектуальное трансцендентное состояние представляет реальность абстрактных мыслей аналогичных математике и логике. Ценностное же или эмоциональное трансцендентное состояние, наоборот, проявляется в духовных или религиозных переживаниях, а также в искусстве.

По мнению R. Stevens, "рассуждения М. Donaldson не всегда являются последовательными и доступными пониманию и зачастую кажутся

просто умозрительными. Несмотря на то, что она использует термин "мышление", более адекватным является термин "сознание" в контексте описания его различных состояний. Выделение интеллектуального и ценностного или переживаемого состояний также является достаточно мало аргументированным" [1996, с. 161].

Очевидным является оригинальность подхода и подчеркивание динамичности и своеобразности состояний индивида, подкрепляемое богатейшей эмпирической феноменологической базой.

Проблема изучения трансцендентных состояний получила достаточно широкое развитие, причем, иногда и в самых драматических и противоречивых своих проявлениях. К числу таких, неоднозначно воспринимаемых и оцениваемых подходов к изучению феноменологии сознания относятся использование психоделических наркотиков и медитативных техник.

Первоначально использование таких психоделических наркотиков, как псилоцибин и ЛСД было начато психологами Гарвардского университета Г. Leary и R. Alpert в 1962 году. В 1960-е годы стимулированные наркотиками психические "путешествия" стали особенно популярными. Наибольшее распространение подобного рода исследования получили в рамках психодинамической эго-психологии, пытавшейся таким образом добраться до свободных от импульсов или конфликтов сфер эго, а также от влияния рационального мышления. Последователи классического психоанализа, наоборот, пытались таким образом дойти до первичного Id, не обремененного цензурой. Стремления "ощутить" чистые чувства, испытать более тесную связь с телесными ощущениями, освободиться от социального давления и жить здесь и сейчас были особенно характерными для хиппи.

Действительно такие наркотики, как ЛСД способствовали описанию многих специфических феноменов, связанных с "открытым" сознанием, с интенсивными чувствами [Leary, Litwin, и Metzner, 1963]. В то же время они приводили к серьезным психическим нарушениям, что и привело к отказу от практики их использования.

Другой подход к исследованиям трансцендентных состояний сознания был связан с использованием различных медитативных техник, аутогенных тренировок, групп встреч и марафонов. Наиболее показательными в этом контексте, по мнению W. Mischel [1993, с. 247], являются "Гештальт-терапия" F. Perls [1969], расширение человеческой осведомленности в достижении "удовлетворенности" и искренней коммуникации [Schutz, 1967], вызывание "пика переживаний" и "самоактуализации" [Maslow, 1971]. В своих ранних версиях гештальт-терапия включала элементы конфронтации, которые драматически изменяли характер описываемых участниками переживаний, иногда интерпретируя их как поверхностные и защитные. В более поздних версиях присутствуют более постепенные и

эмпиатические попытки постижения внутренних переживаний индивида в его собственных понятиях. Основной целью такого рода усилий является осознание участниками более полных и искренних самоощущений. Процесс продвижения как самоосведомленности, так и осведомленности в межличностных отношениях ставится в центр внимания психотерапевта в его попытках создания условий для более полного соприкосновения с миром переживаний.

Идеи экзистенциально-феноменологического подхода в последние годы обретают все большее число сторонников. Интерес к тому, как человек конструирует интерпретацию событий и рассматривает себя в окружающем мире стимулировал небывалый рост исследований. Общая характеристика основных черт подхода представлена на приведенном ниже рис 4.4.

Основные единицы:	Переживаемая самость; личностные конструкты и Я-концепции; субъективные ощущения и восприятия; атрибуции
Причины поведения:	Самость, чувства и конфликты, атрибуции; свобода выбора
Способствующие данные:	Личные переживания, восприятия и интерпретации.
Наблюдаемые реакции, используемые как:	Сигналы (внутренние состояния личности, восприятия или эмоции)
Фокусы исследований:	Я-концепции; самоосведомленности и экспрессия; человеческий потенциал и самоактуализация; эмоции; атрибутирование
Подходы к изменению личности:	Увеличение самоосведомленности, искренность личности, внутреннее соответствие и самопринятие; изменение конструктов; альтернативные истолкования
Роль ситуации:	Как контекста переживаний и выбора; концентрация на ситуации как она воспринимается

Рис. 4.4. Основные черты феноменологического подхода. [Mischel, 1993, с. 281].

Основными единицами анализа экзистенциально-феноменологического подхода являются переживаемая самость, а также представления и чувства личности. Индивид рассматривается как обладающий свободой выбора и потенциалом самонаправляемых изменений. В качестве основных данных выступают самоописания личностных конструктов и чувств, предоставляющие возможность проникновения во внутренние состояния, эмоции и "видения" мира глазами клиента.

Основной целью исследований является проникновение в мир само- и мироощущений и восприятий человека в целях постижения адекватности сформированных его образов и эмоционального фона. Считается, что более адекватное прикосновение к миру собственных искренних чувств, восприятий и интерпретаций позволит человеку осознать собственную целостность, реализовать потенциал роста и самоактуализации.

Данный подход позволяет уделить должное внимание вопросам, отвергавшимся или игнорировавшимся другими традициями и подходами: самости, эмоциям, текущим субъективным переживаниям и социальному восприятию и интерпретации. Экзистенциально-феноменологический подход в своих современных версиях создает мощную альтернативу относительно узкому, механистическому рассмотрению как личности, так и социально-психологической проблематики в целом.

Концентрация на прошлом и будущем, на здесь и сейчас как оно переживается человеком, а также на антиципируемом будущем составляет сильную сторону подхода. Как это обычно бывает сильные стороны соседствуют и с известными слабостями, общая характеристика которых представлена на приводимом рис. 4.5.

Одним из наиболее существенных уязвимых мест экзистенциально-феноменологического подхода является наличие многочисленных предубеждающих искажений, иллюзий, ошибок у людей, а также ограниченность находящейся в их распоряжении осознаваемой информации. Реагируя на данное справедливое замечание, исследователи, работающие в рамках данного подхода, в последнее время обратили пристальное внимание на исследование предубеждений. Другим, не менее значимым ограничением является нахождение соотношения между идиографией и номотетикой. Являясь по существу идиографическим, данный подход должен решить проблему номотетики. В противном случае становится невозможным соотнесение индивидуальных экзистенциальных переживаний друг с другом.

Возможности	Ограничения
Фокусирование на ранее избегавшихся вопросах: текущих субъективных переживаниях субъекта, эмоциях и восприятиях; научное изучение самости	Сложность связывания восприятий и переживаний личности с объективными условиями и внешними причинами
Фокусирование на настоящем и будущем	Отрицание прошлой истории развития
Отношение к личности как к ученому и потенциальному эксперту - способном допускать систематические ошибки и нарушения	Личность может обладать искаженными представлениями и описаниями; сложность объективации переживаний личности
Фокусирование на здоровой личности и позитивных стремлениях	Чрезмерная вера в личностный рост; не применимость к острым нарушениям в психике, лицам с задержками в психического развития и с отсутствием устной речи

Рис. 4.5. Возможности и ограничения экзистенциально-феноменологического подхода. [Mischel, 1993, с. 282].

Конструктивистская парадигма

Методологические основания конструктивистского подхода. Конструктивизм, уходящий своими корнями в фундаментальные работы таких философов как Vico и I. Kant, является термином, который сегодня применяется для обозначения многочисленных подходов в различных областях научного знания включая экономику, биологию, математику, физику, социологию, а также социальную психологию.

В психологии конструктивизм "относится к ряду теорий, разделяющих утверждение о том, что человеческие знания и жизнедеятельность предполагают (про) активное участие индивидов" [Mahoney, 1988, с. 2]. Причем, понимание этого активного участия опосредованно социальным контекстом, в котором оно реализуется. Границы между личностью и контекстом весьма неопределенны, что создает сложности для определения их роли в характере и особенностях взаимодействия [Brunner, 1990;

Gergen, 1985; Harre, 1983; Shotter, 1993; Wetherell, Maybin, 1996; и др.]. С позиций социального конструктивизма "социальный мир -- социальная история, настоящая социальная практика, социальные структуры и социальные сферы, обуславливающие повседневные размышления и социальные взаимодействия -- должны быть в сердце психологических исследований" [Wetherell, Maybin, 1996, с. 222].

Двумя другими характерными для конструктивистских психологических теорий чертами являются "морфогенические ядерные структуры" и "самоорганизуемое развитие". Первое относится к взглядам на то, что люди структурированы таким образом, что ядерные процессы доминируют над более периферическими аспектами личностного функционирования. Второе по существу означает, что каждый из нас организует свое развитие таким образом, чтобы поддерживать в равновесии и сохранять собственную идентичность. Цитируя V.F. Guidano, "сохранение чьей-либо осознаваемой идентичности становится столь же важным, как самой жизни" [1987, с. 3].

Возникновение и обретение социальным конструктивизмом все возрастающей популярности в последние годы означает смещение акцентов от чистого психологизма к социологизму и антропологизму.

Анализ процесса социального конструирования мира сопровождается рассмотрением вопроса культурных оснований самопознания и самопонимания. Особое внимание уделяется исследованию влияния на культуру языка и дискурса.

Как отмечают R. Stevens и M. Wetherell: "По сравнению с другими перспективами, социальный конструктивизм внес наибольший вклад в формирование сомнений о самой возможности достижения истинных знаний вне зависимости от личностных и культурных влияний. Если мышление формируется через интериоризацию социального, как утверждается в рамках данного подхода, то наши попытки осмысления социальной жизни, вне зависимости от того является ли она академической или правовой, будет отражать нашу социальную, культурную и историческую ситуацию" [1996, с. 359]. В этой связи K.J. Gergen, один из основателей социального конструктивизма в социальной психологии, утверждает, что социальная психология с неизбежностью являет из себя форму истории, т.е. описаний, применимых только к определенным обстоятельствам [1985; 1997].

Один из ведущих теоретиков социального конструктивизма R. Harre подчеркивает особую роль в понимании и осмыслении человеком своего бытия дискурса и языка. Он пишет: "если и можно вести речь о фундаментальных или наиболее основополагающих видах социально-психологической активности, то наиболее подходящими кандидатами на эту роль являются рассказы и социальные взаимодействия. Существенная часть нашего

опытия как раз и заключается в говорении: рассказах, диалогах, монологах, обменах точками зрения, аргументации и сплетнях" [приводится по: Stevens, Wetherell, 1996, с. 228].

Основные черты конструктивистской метатеории воплощены в довольно широком спектре различных теорий среднего уровня. Однако одной из самых наиболее разработанных и широко используемых из них является теория личностных конструктов G. Kelly [1955], представляющая наиболее яркий и показательный пример конструктивистского подхода.

Теория личностных конструктов основывается на философском выводе о "конструктивном альтернативизме", утверждающем, что "все наши настоящие интерпретации универсума являются субъектом ревизии и изменения" [Kelly, 1955, с. 15]. Таким образом, мы не только конструируем мир, но и обладаем способностью реконструировать его. В предлагаемой G. Kelly логике "человека, как наивного ученого", каждый из нас уподобляется исследователю формулируя гипотезы, проверяя их и, при необходимости, пересматривая. Эта по сути антиципационная природа человеческого функционирования выражается в "фундаментальном постулате" теории личностных конструктов: "Личностные процессы психологически канализованы путями антиципации событий" [Kelly, 1955, с. 4].

G. Kelly детализировал свой "фундаментальный постулат" в 11 выводах, детализирующих процесс конструирования. Центральным в них является идея о развитии каждым человеком системы биполярных конструктов. Их биполярность означает, что каждый из наших конструктов представляет нам "путь движения" [Kelly, 1955, с. 128]. Так, например, человек, ядерным конструктом которого является неуверенность в собственной эффективности, с большими опасениями относится к стратегии трансформации себя в плоскость обладания большей уверенностью. Выбирая, какой полюс конструкта применить к событию, человек должен избрать выбор, который с большей вероятностью повысит его способности антиципировать мир. Это понятие может сделать более понятным выбор самодеструктивного поведения. Подтверждением чему являются результаты исследований F. Fransella [1972], показавшими, что заики не увеличивают интенсивность заикания до того момента, пока читаемый ими текст носит для них множественное значение и множественные возможности антиципирования их мира, как мира заик. Из этих примеров становится очевидным, что люди существенно различаются друг от друга в индивидуальных системах личностных конструктов. Конструирование особенностей процесса интерпретации других людей составляет сущность близких отношений и, используя терминологию G. Kelly, требует ролевых взаимоотношений.

По мнению G. Kelly, каждый из нас организует собственные конструкции по принципу иерархии, в которой одни элементы доминируют над

другими. Отношения соподчинения между отдельными конструктами определяют наши предсказания, которые мы делаем в отношении нашего мира. Продолжая в качестве иллюстрации приведенный выше пример, можно предположить, что человек с низкой ожидаемой эффективностью в отношении способностей к установлению межличностных взаимоотношений с незнакомыми людьми будет соответствующим образом антиципировать возможный исход своих будущих контактов с ними.

Наши предсказания в отношении будущих событий могут быть либо валидными, либо не валидными. Столкновение с не валидностью может привести к необходимости реконструирования, которое может приобретать различные формы. Неоднократное подтверждение не валидности конструкта первоначально приводит к его ослаблению, а затем к изменению с возможным понижением уровня иерархии. Вполне очевидно, что человек, сталкивающийся с не подтверждением основанных на его предшествующих представлениях ожиданий, начинает задумываться о необходимости переосмысления случившегося. Особенности отношения к такого рода не валидности конструктов определяются, среди прочих факторов, типом конструкта. Например, в многочисленных исследованиях была показана особая устойчивость к изменениям конструктов, располагающихся на высших уровнях иерархии. В частности, М. Roesach [1979] установил особую трудноизменяемость Типа А представлений. Объяснение этому факту многими исследователями находится в том, что в подобных случаях изменения затрагивают слишком большое число связанных нижерасположенных конструктов и представлений. В качестве примера, иллюстрирующего эту сложность, может быть взят развод. Факт развода сопряжен с необходимостью изменения статуса, нахождением как само-, так и внешних оправданий, решением проблемы детей, имущества, неопределенности в будущем и т.п.

Конструкты высокого уровня иерархии центральные для идентичности личности были обозначены G. Kelly как ядерные конструкты. Они особенно устойчивы к изменениям, так как угроза их стабильности обуславливает "угрозу всеобъемлющих изменений в ядерных структурах человека" [1955, с. 489]. Ряд ядерных конструктов, обозначаемых как ядерные ролевые конструкты, определяет индивидуальные характеристики способов взаимодействия с другими людьми. По G. Kelly чувство вины сопряжено с "очевидным смещением ядерных ролевых структур" (там же, стр. 502). Важно отметить, тем не менее, что вина не обязательно связана с социально не одобряемым поведением. Используя пример человека с низкой ожидаемой эффективностью в отношении своих межличностных контактов, можно ожидать, что чувство вины у него могут вызывать любые попытки проявить свою эффективность.

Другой анализируемой G. Kelly эмоцией является беспокойство, которое в его транскрипции увязывается с осведомленностью о том, что какие-либо конструкты не дают необходимых предсказаний по поводу возможного будущего развития событий. Для избегания или снятия беспокойства человеком могут использоваться самые разнообразные стратегии. Можно сужать рамки собственного мира события, в котором необходимо предсказывать; можно, наоборот, расширять их за счет включения нового жизненного опыта в надежде, что он поможет разработать новую систему конструктов, позволяющих повысить предсказуемость и т.п. Из сказанного становится вполне очевидным, что люди могут ослаблять свои конструкты в целях избегания не валидности и связанного с ней внутреннего беспокойства; или сжимать отношения конструктов в попытках построения системы, "предназначенной для сужения беспокойства" (там же, стр. 849). Оптимальное функционирование включает циклическую взаимозаменяемость такого рода стратегий, что характерно для нормальных людей и не характерно для лиц с психическими отклонениями [Winter, 1996, с. 221].

Как и другие конструктивисты G. Kelly придерживался холистического взгляда на природу личности и не делал традиционного различения между когнитивными, аффективными и волевыми составляющими деятельности. В своих теоретических построениях G. Kelly не нуждался и в категории мотивации, так как рассматривал личность, как "форму движения", не требующую никакой мотивирующей силы для приведения ее в движение. В этом контексте становится не удивительным выбор представленных выше его взглядов в отношении направленности движения индивида от беспокойства, ассоциируемого с неспособностью антиципации событий. Наконец, G. Kelly не использует и понятие неосознаваемого, хотя и признает наличие конструктов различных уровней когнитивной осведомленности, что является причиной того, что люди не всегда осведомлены в основаниях своего выбора. Некоторые из конструктов низкого уровня осведомленности, по мнению G. Kelly, являются превербальными и отсутствие вербальных обозначений обусловлено тем, что они формируются до того момента научения человеком языку.

Несмотря на то, что G. Kelly не рассматривал глубину развития конструирования, этому аспекту большое внимание уделялось другими конструктивистами, особенно в рамках теории прикрепления (attachment). Например, V.F. Guidano и G.A. Liotti [1983] считают, что процесс прикрепления является центральным для развития познаний индивида о самом себе и мире или "организации значений личности". V.F. Guidano [1987] также рассматривает процесс развития как включающий взаимодействие когнитивного роста и "эмоциональной дифференциации", включающей развитие "эмоциональных схем" используемых в ассимилировании жизненного

опыта индивида. Кластеры схем формируют "картины" (scenes), изображающие аспекты жизненного опыта личности, и сходное повторение жизненного опыта приводят к развитию прототипических "ядерных картин", каждая из которых включает циклическое взаимодействие между двумя кластерами эмоциональных схем. Правила для связей ядерных картин разрабатываются в форме "скриптов", предоставляющих стабильное и связанное чувство самости и мира и которые впоследствии могут быть организованы в "метаскрипты", в свою очередь, предоставляющие программы жизни индивида [Winter, 1996, с. 222]. Эмоциональные схемы и скрипты представляют не выражаемый словами уровень знаний, а не эксплицитные модели самости и мира индивида.

V.F. Guidano приравнивает нормальное функционирование с организацией значений личности, обладающей способностью к гибкости и устойчивости в отношении к возрастающим уровням сложности посредством диалектического процесса ассимиляции их противоречий. В такого рода системах присутствует "существенное напряжение между противодействующими процессами", включая противоречия между процессами сохранения и изменения. Достижимый динамический баланс требует абстрактной переработки, включающей "децентрацию" от мира непосредственно переживаемой жизни и "рецентрацию" самости. Индивид должен проявлять тенденцию к избирательному отношению к данным, совместным с его личностной идентичностью и, при необходимости, перерабатывать жизненный опыт, несовместимый с индивидуальными представлениями о самости и мире. Это достигается посредством реконструирования личностной идентичности.

Проявление особого интереса к процессу социального конструирования мира, обуславливает и особое внимание к постижению мира значений, посредством которых этот мир репрезентируется и осознается. Отсюда особый интерес социальных конструктивистов к дискурсу в его привязке к социальному контексту. Только через постижение дискурсов, влияния на них социального контекста и языка как детерминированных культурой, становится возможным постижение подлинных смыслов человеческой жизни.

В наиболее общем рабочем определении дискурс представляет собой систему утверждений, конструирующих объект [Parker, 1994, с. 5]. Однако это рабочее определение предполагает ряд уточнений. Так, J. Potter и M. Wetherell отмечают отсутствие какого-либо строго последовательного системного аналитического метода в рамках дискурсного анализа [1987].

Дискурсный подход, опирающийся на идеи социальной конструируемости мира, предоставляет возможность по-новому взглянуть на саму природу межличностного взаимодействия, коммуникации, рассматривать

се не как процесс, который подчиняется какой-то универсальной схеме, а лишь толинейная модель взаимодействия как обмена информацией, или же взаимодействия как порождения неких смыслов.

В дискурсном подходе утверждается, что межличностное взаимодействие, в котором участвуют субъекты невозможно изучать объективными методами, так как внутренний мир его участников — "...неприступная крепость для так называемых объективных методов". Поэтому представители социального конструктивизма предложили оригинальный выход — пусть сами субъекты взаимодействия участвуют в его изучении. Ведь именно они являются истинными носителями того смыслового поля, которое нельзя нанюхать, если выключить их из исследовательского контекста.

В последние годы достаточно интенсивное развитие получил дискурсный анализ, представляющий своеобразную производную от социальной психологии и теории коммуникации [Billig, 1992; Edwards, Potter, 1992]. Данная ветвь дискурсного анализа, основывающаяся на выраженной направленности на антиреализм и конструктивизм, подчеркивает способ, с помощью которого в дискурсе создается описание мира, событий, внутренней психической жизни человека. Такой подход не может избежать учета, с одной стороны, позиций собеседников, а с другой — позиций исследователя и его версий о событиях. Благодаря этому идет своеобразное столкновение с реальностью, результатом которого является то, что дискурс предстает перед исследователями в роли объекта исследования [Potter, 1992].

Особая роль в дискурсном анализе принадлежит идее рефлексивности, предполагающей пристальное внимание к рассмотрению способа, с помощью которого текст создает версию, избирательную связность или бессвязность, историческую последовательность, представляющую, или на самом деле устанавливающую объективную реальность [Ashmore, 1989].

Этот вид дискурсивного анализа рассматривает дискурс как тексты, включенные в социальную практику. Это значит, что основное внимание направляется не на язык, как абстрактную сущность с его лексиконом и грамматическими правилами; систему дифференциальных признаков (как в структурализме) или свод правил трансформаций (по Фуко). Напротив, дискурс представляется средством взаимодействия, анализ дискурса — это анализ того, что делают люди. Здесь подчеркивается тема риторической и аргументативной организации беседы и текста [Billig, 1987, 1991].

Отличительной особенностью дискурсного подхода является признание того факта, что психологические феномены обладают общественной и коллективной реальностью. Е. Burman и I. Parker [1993] подчеркивают, что язык организуясь в дискурсы, начинает обладать собственным влиянием в

отношении способа переживания людьми, в том числе и психологами, окружающего мира и взаимодействия с ним. Именно язык включает большинство базовых категорий, используемых для понимания людьми самих себя: эмоционально влияя на действия мужчин и женщин и репродуцируя пути определения собственной культурной идентичности. Когда мы говорим о любом феномене, мы оперируем разделяемыми значениями и их паттернами. Эти реальные разделяемые значения представлены в сознании в форме словесных описаний, которые наделяются субъективно уникальным, индивидуальным своеобразием и определяющим в конечном итоге характер интерпретации объектов. Если в сознании объекты представлены в форме словесных описаний, то постижение смыслов, которыми оперирует человек в своем взаимодействии с миром, становится возможным только посредством выяснения особенностей их формирования. Отсюда ориентация представителей дискурсного подхода на анализ текстов, представляющих эти описания, и схватывание логики создания и развития данных текстов в рассуждениях с самим собой и другими людьми.

Традиционные психологические методы, по мнению представителей дискурсного подхода, не могут схватить семантические процессы, реализующиеся в языке реальной жизни и представленные не как статичные фиксации неизменных смыслов, а как творение этих взаимно разделяемых смыслов в их постоянном взаимодействии и изменении. Именно схватывание языка как действия и составляет основную отличительную особенность дискурсной психологии. Это схватывание становится возможным лишь при условии допущения целесообразности рассмотрения проявлений социальной жизни как текстов, к которым могут быть применены инструменты дискурсного анализа.

Отличие исходных методологических посылок определяет и отличие к рассмотрению проблемы метода в психологическом исследовании. В дискурсном анализе аналитическая процедура с помощью которой получается вывод, часто совершенно отлична от способа, которым этот вывод проверяется. Чаще всего дискурсный анализ основывается на выработке навыков и умений самого исследователя. Аналитики разговоров иногда говорят о развитии особой аналитической ментальности, которая способствует тонкому пониманию содержания дискурса [Psathas, 1990]. Конечно же, данное утверждение сразу же провоцирует оппонентов на обвинение в ненаучности подхода. Антиципация возможности такого рода обвинений стимулировала разработку способов оценки адекватности дискурсно-аналитического исследования: рассмотрение случаев расхождения оценок, суждения самих участников дискурса о направленности их идей, совпадения с другими, уже известными дискурсами, суждения участников об аналитической интерпретации [Potter, 1996].

Инициальное дискурсно-аналитическое исследование пользуется материалами транскриптов бесед, отчетов, интервью, различного рода письменных документов. Иногда эти различные данные объединяются в одном исследовании. Дискурсивный анализ в подавляющем большинстве случаев имеет качественный характер, но это совершенно не означает принципиального отказа от применения квантификации. Возражения вызывает лишь применение подсчетов при работе с текстом [Potter, Wetherell, 1987]. Если в традиционных исследованиях мир описывается как состоящий из дискретных переменных и дискретных реакций, то в дискурсном анализе существуют конструкции и версии, которые могут быть приняты, отвергнуты, на них может даваться ответ, но к ним неприменимы понятия факторов и результатов. При необходимости предлагается замена категоризации на партикуляризацию для поиска идиографического содержания дискурса [Billig, 1991]. Такая замена приводит к оттеснению номотетического аспекта на вторые роли. Нормы всегда имеют определенную ориентацию, но это не значит, что они задают шаблоны для действий. Они всего лишь дают направления для понимания и интерпретации отклонений.

Приоритетность дискурса обуславливает становление в качестве основного объекта исследования языка. Язык, по мнению представителей дискурсного подхода, организован в дискурсы (некоторые называют их репертуарами репрезентаций), направляющие поведение людей. Язык содержит основные категории, используемые людьми для самопонимания.

Дискурсы не просто описывают окружающее социальное пространство, они создают его карту, причем карту субъективную, которая акцентирует внимание на одних факторах и искусственно принижает значение других. Тем самым люди осуществляют построение своей собственной, индивидуальной картины мира, конструируя свои представления и репрезентации по своему вкусу, часто неосознанному. I. Parker утверждает в этой связи: "Дискурсы воспроизводят окружающую нас реальность в трансформированном виде" [1994].

Е. Вацман утверждает, что язык организован посредством дискурсов и может оказывать довольно сильное влияние на поведение людей и, даже, в некоторой степени, прогнозировать его. В нем содержатся определенные базовые категории, которые используются людьми для того, чтобы осознать свои внутренние переживания, определить свой культурный и социальный статус, отношение к другим людям и т.д. Данное свойство очень давно было выявлено психотерапевтами при их работе с клиентами, в частности, то, что большинство ситуаций, происходящих с людьми, ставших клиентами психотерапевтов и психологов-консультантов довольно схематичны и подобны друг другу. Единственное, что их всех различает, так это тот способ, которым человек их объясняет и интерпретирует, как

воспринимает и переживает. Именно здесь и проявляется в полной мере индивидуальное своеобразие "дискурсного пространства" каждого из нас.

Основным объектом изучения в дискурсивном анализе является текст или собственно в любой его форме – рассказы, дебаты, дискуссии, сплетни, слухи и т.д., любой текст, который может изобразить и передать исследователю картину "внутреннего мира" его автора. Однако следует отметить, что кроме дискурсного анализа с текстом работают еще несколько наук, о которых можно сказать, что они явились своего рода прародителями этого направления, а именно – этнография, семиотика, социолингвистика и другие. Специфичным для собственно дискурсного анализа является то, что в нем текст рассматривается не как непосредственно раскрывающийся объект, а как основа для развития теоретических и аналитических представлений о речевом взаимодействии.

Несмотря на отсутствие какой-либо общепризнанной схемы дискурсного анализа, общим является уделение основного внимания не процедурным, а смыслообразующим моментам [Van Dijk, 1993]. Т. Van Dijk оговаривает и описывает основные элементы, учитываемые при проведении дискурсного анализа. Особо отмечается тот момент, что данные нормы представляют собой исторически сложившееся образование и являются следствием того, что дискурсный анализ, во-первых, считается критическим подходом в современной социальной психологии, а во-вторых, его образование является результатом интеграции нескольких смежных дисциплин – психологии, семиотики, психолингвистики и лингвистики антропологии и др.

В систематизированном виде можно говорить о следующих требованиях к осуществлению дискурсного анализа:

1. В качестве предмета анализа должен использоваться естественный разговор или текст – другими словами, автор считает, что данные после их получения не должны подвергаться какой-либо фильтрации или обработке, а анализироваться в том виде, каком они получены (видео- или аудиозаписи разговоров, интервью, анализ дневников, писем и т.п.).
2. Обязательный учет контекстных переменных – дискурс все время изучается как часть локального и глобального, социального или культурного контекстов. В текстах всегда представлены своеобразные маркеры так называемой контекстной релевантности, которые всегда необходимо идентифицировать и подвергать тщательному анализу.
3. В исследовании предпочтение должно отдаваться изучению естественных устных текстов (непосредственному общению) – данный постулат связан с тем, что при анализе письменных текстов значитель-

но труднее восстановить детали контекстов, актуальных во время написания.

4. Рассмотрение дискурса как социальных практик – дискурсы есть своего рода способы конструирования реальности, причем не только индивидуальной, но также групповой, социальной и даже культурной.
5. Дискурс – сложная конструкция, имеющая в себе разные по уровню организации и сложности элементы, которые работают по определенным правилам и стратегиям.
6. Дискурсы имеют смысловое и функциональное измерения – данное положение говорит о том, что язык несет в себе не только информативную, но и побуждающую функции, и что при анализе необходимо уделять внимание не только вопросам, что именно произнес участник общения, но и почему он произнес именно это в данной, конкретной ситуации.
7. Дискурсы подчиняются определенным правилам – необходимо учитывать тот факт, что дискурсы, также как и язык, с помощью которого они актуализируются, подчинены определенным правилам – грамматическим, синтаксическим, коммуникативным или интерактивным (правилам построения взаимодействия).
8. Дискурс связан с обществом через социальные когниции – они включают в себя личные воспоминания и опыты, используемые модели поведения и атрибуции, а также разные групповые социальные структуры (репрезентации, атрибуты, ценности, стереотипы).

Критика дискурсного анализа исходит как из чисто теоретических и философских взглядов, так и практических возможностей. Естественно, что в качестве критических выдвигались традиционные вопросы, касающиеся валидности, надежности, субъективности исследователя и т.д. I. Parker, исследуя возможное влияние схем и индивидуальных особенностей исследователя, приходит к выводу, что дискурсный анализ в конечном итоге может оказаться “исследовательскими “идеями с примерами” и ничем большим” [1992]. В числе других критических замечаний, предъявляемых к дискурсному анализу, выдвигаются: обвинение в субъективизме и возможности построения “объективного видения” исследуемых феноменов.

Не ставя себе целью представлять ответы сторонников дискурсного подхода своим оппонентам, чаще поясняя характер встречных обвинений, отмечу, что с точки зрения развиваемого нами интегративно-эклетического подхода дискурсный анализ представляет собой продуктивное измерение изучения феноменологии социального бытия личности и ее окружения, представляя ракурс, не охватываемый другими традициями.

Представленное в рамках данного раздела описание отличительных особенностей когнитивной, социально-когнитивно-наученческой, психо-

динамической и социально-конструктивистской парадигм ставит проблему их соотнесения друг с другом. В свою очередь такого рода соотнесение предполагает разработку его критериев, представлению которых и посвящен следующий раздел.

4.3. Сравнительный анализ парадигмального многообразия в современной социальной психологии и персонологии

Все основания, по которым мы могли бы решать, какую методологическую позицию занять, в конечном итоге оказываются производными именно от мировоззренческих установок, которыми руководствуется исследователь или практик.

Эта зависимость четко обозначена В. С. Библером [1991] при сопоставлении различных видов логик познания. Современное рационализирующее познание (на которое сориентированы естественные науки) предполагает стремление объективно, — то есть, отстраненно, “бесконтактно” — проникнуть в сущность вещей. Исходная философская посылка гласит: “Я” и Мир стоят по разную сторону онтологической пропасти. Основная задача науки заключается в стремлении гносеологически преодолеть эту пропасть — “познать” объективную реальность, данную нам в органах чувств.

Разнообразные попытки преодоления данной пропасти представлены в наиболее диатропической форме на уровне парадигмального поля координат, менее связанного, по сравнению с метaparadигмальным полем, с глобальными проблемами методологического свойства и, как следствие, более свободного в способах постижения феноменологии реального бытия.

В числе психологических парадигм, утвердившихся в современной психологии, конституированы:

- по критерию отношения к реальности (как к объективной или субъективной) — позитивистская, феноменологическая и критическая (J. McClure [1991]);
- по критерию конституированности в научном психологическом сообществе — поведенческая, биологическая, когнитивная, психодинамическая, экзистенциальная, гуманистическая, герменевтическая, социально-конструктивистская, системная, деятельностьная, феминистская (гендерная), синергетическая парадигмы (В.А. Янчук [1999]);
- по критерию антропоцентризма — натурализм, социоморфизм, культурализм, теологизм, гносеологизм и антропологизм (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев [1995; 1998]);
- по критерию активности или типа научной абстракции — объектная или реактивная, субъектная или акциональная, субъект-субъектная или диалогическая [Ковалев, 1987: 47];

- по критерию культурно-исторической традиции — модернистская, постмодернистская, постпостмодернистская, пост-пост-постмодернистская (М. Maruyama [1997]);
- по критерию метатеоретических оснований — когнитивизм, бихевиоризм, психоанализ [Юревич, 1999, с. 6].

Возвращаясь к представленному спектру парадигм, следует отметить, что каждая из них имела свою историческую и культурно обусловленную подоплеку, а также (многие парадигмы имеют и сегодня) преимущества в решении тех или иных дискуссионных в психологической науке вопросов. Точно также, каждая из них обладает и рядом существенных ограничений, не позволяющих претендовать на универсальность и глобальность. Следует отметить, что присутствующая диатропика парадигмальных координат не является следствием пассивного согласия исследователей от разных психологических традиций и школ с ее объективной неизбежностью. Скорее она связана с невозможностью создания в сложившейся системе методологических координат единого, последовательного, устраивающего всех универсального конструкта.

Ключевая идея В. С. Библера заключается в том, что мы живем в период смены логики, которой руководствуется человечество в своем стремлении понять мироустройство. А именно, от одной логики (рациональной на данном этапе) мы переходим к диалогике — диалогу разных логик. Логика грядущего XXI века — диалогика — способна совместить в себе различные логики: как те, что существовали в прежние исторические эпохи, так и новые, еще только проявляющиеся [1991].

Основной проблемой формирования отношения к существующему парадигмальному многообразию является наличие соответствующих ориентиров соотношения различных психологических мировоззрений. Причем сложность осуществления выбора обусловлена, во-первых, наличием разных (иногда диаметрально противоположных) систем парадигмальных координат, а, во-вторых, самоопределением в исследовательских приоритетах — следование предписываемым нормативам научности или выход за их рамки во имя нахождения соответствия с прозаикой реальной жизни, что наиболее рельефно прослеживается в известном антагонизме между статистическими и клиническими методами исследования.

Достаточно наглядная демонстрация такого рода диатропической ситуации с выбором концептуально-критериальных, оценочно-сопоставительных измерений в персонологии приводится Л. Хьеллом и Д. Зиглером [1997, с. 40]. Причем, предъявленный ими анализ, проведенный по целому ряду фундаментальных критериев, представленных в форме биполярных конструктов: свобода — детерминизм; рациональность — иррациональность; холизм — атомизм; наследственность — окружающая среда; изменяемость

— неизменность: субъективность — объективность; активность, реактивность; гомеостаз — гетеростаз; познаваемость — непознаваемость. Исчерпывающе показывает наличие многообразия альтернативных решений. Следует заметить, что в силу определенного нами предмета исследования — социально-психологического и персонологического аспектов феноменологии социального бытия личности и ее окружения избрание в качестве концептуально-критериальных оценочно-сопоставительных измерений только измерений персоналистского толка было бы исходно неверным. Точно также, как ошибочным был бы выбор системы сравнительно-оценочных измерений без обсуждения лежащих в ее основании принципов, что характерно для приведенной выше системы, при осознании того, что она не является единственной.

Конституированность в психологическом знании многообразия парадигмальных координат ставит проблему их соотнесения друг с другом с точки зрения оценки потенциала продуктивности решений тех или иных проблемных вопросов. В современном психологическом знании представлен широкий спектр концептуально-критериальных оснований подобного рода соотнесения систем парадигмальных координат (М.Г. Ярошевский [1985]; К.С. Холл, Г. Линдсей [1997]; Л. Хьелл, Д. Зиглер [1997]; B. Allen [1997]; S.C. Cloninger [1999]; C. Franklin [1982]; R. Frager, J. Fadiman [1998]; E.G. Freedman [1996]; D. Kenrick, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; D. McAdams [1994]; J. McClure [1991]; P.M. Cole, [1994]; W. Mishel [1993]; L.A. Pervin [1990; 1996]; R. Sapsford с соавт. [1998] и др.).

Сопоставительный анализ различных систем концептуально-критериальных оснований сравнительного соотнесения парадигм и теорий позволил выдвинуть в качестве таковых именно онтолого-эпистемологических дихотомии, отражающие наиболее проблемные для социального знания вопросы, ответы на которые носят поливариантный характер, а также обсуждаемые психологическим сообществом наиболее дискуссионные проблемы, касающиеся методологии и методов исследования психологической феноменологии. Как правило, эта поливариантность выражена в возможности дихотомизации с выделением, при необходимости, уровней выраженности или градуированности.

Продуктивность избрания онтолого-эпистемологических оснований и актуальных проблемных вопросов методологии и метода психологического исследования в качестве критериев соотнесения отмечается рядом авторов (Л. Хьелл, Д. Зиглер [1997]; B. Allen [1997]; S.C. Cloninger [1999]; C. Franklin [1982]; R. Frager, J. Fadiman [1998]; D. Kenrick, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; S.W. Littlejohn [1994]; D. McAdams [1994]; J. McClure [1991]; L.A. Pervin [1990; 1996]; R. Sapsford с соавт. [1998] и др.).

В основании концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы соотнесения систем парадигмальных координат были положены следующие принципы:

Принцип онтолого-эпистемологической значимости, предполагающий включение наиболее фундаментальных для метатеоретических построений вопросов, определяющих мировоззрение исследователя.

Принцип конституированности и исчерпывающей представленности в научном психологическом сообществе, предполагающий фиксацию основоположений, методологии и метода исследования в психологической научной литературе.

Принцип иерархичности, предполагающий иерархизацию концептуально-критериальных оценочных измерений от высшего к низшему и от общего к частному.

Принцип сравнительного альтернативизма, предполагающий представленность в концептуально-критериальном основании альтернативных подходов и решений в форме оценочно-сравнительных дихотомий.

Анализ литературы вопроса позволил выделить следующие онтолого-эпистемологические дихотомии концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы соотнесения систем парадигмальных координат: объективность – субъективность; детерминизм – индетерминизм; мужское – женское; прошлое – будущее; наследственность – изменчивость; гомеостаз – гетеростаз; статичность – динамичность; активность – реактивность; атомизм – холизм; познаваемость – непознаваемость; рационализм – иррационализм; идиографическое – номотетическое; интраличностное – интерличностное; биологическое – символическое (рефлексивное); количественное – качественное [Янчук, 1999].

При посредстве предложенной матрицы были проанализированы наиболее разработанные в психологической литературе метапарадигмы и парадигмы.

В качестве основных метапарадигм к анализу были привлечены позитивистская, критическая и социально-конструктивистская метапарадигмы, охватывающие весь спектр возможных решений проблемных вопросов исследования психологической феноменологии социального бытия личности и ее окружения. В качестве объекта анализа выступили фундаментальные работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные анализу метатеоретических оснований психологического знания (Г.М. Андреева [1997]; А.Г. Аллахвердян с соавт. [1998]; А.В. Юревич [1999]; М.Г. Ярошевский [1985]; B. Allen [1997]; C.W. Franklin [1982]; 1997; N. Hayes [1993; 1998]; S.W. Littlejohn [1994]; D. Levy [1997]; N. Pidgeon, K. Mischel [1998]; L.A. Pervin [1990; 1996]; R. Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell, and R. Stevens [1998] и др.). В результате анализа

были определены основные особенности данных метапарадигмальных систем координат, представленные в таблицах, отраженных на рис. 4.3. и 4.4.

К анализу парадигмальных координат были привлечены биологическая, бихевиористская, гендерная, гуманистическая, деятельностная, интеракционистская, когнитивистская, психодинамическая, экзистенциально-феноменологическая и социально-когнитивно-наученческая парадигмы.

Анализ особенностей биологической парадигмы проводился на основании ряда публикаций, отражающих современные наработки исследователей, работающих в рамках данной традиции (F. Toates [1996]; H. Friedman, M. Schustack [1999]; H.J. Eysenck [1990]; R. Plomin, H.M. Chipuer, J.C. Loehlin [1990]; R. Stevens, M. Wetherell [1996]). В основании данного подхода лежат разработки физиологов и этологов. По существу, в рамках данной традиции человек в социальном мире рассматривается по аналогии со всеми другими высокоорганизованными представителями животного мира. С одной стороны, в рамках биологической традиции подчеркиваются аспекты континуальности и универсальности аспектов человеческого поведения, влияние генетической наследственности, а также его детерминированности деятельностью мозга. С другой стороны, особенно в рамках социобиологии, обсуждается роль культурной детерминированности человеческого бытия при признании неподверженности ее влиянию некоторых биологических параметров. Используя факт возможности множественной интерпретации определенных аспектов поведения как социальными, так и биологическими факторами, акценты в исследованиях делаются именно на последние. Избрание в качестве метапарадигмального основания позитивизма определяет приоритетность метода экспериментального исследования и общую ориентированность на нахождение универсальной истины.

Анализ бихевиористской традиции осуществлялся на основании первоисточников и обзорной литературы, предоставляющей характеристику основоположений, методологии и метода исследований в рамках экспериментального подхода, а также отдельных персоналий, внесших особый вклад в развитие идей данного направления (Л. Холл, Г. Линдсей [1997]; Л. Хьелл, Д. Зиглер [1997]; М.Г. Ярошевский [1985]; C.W. Franklin [1982]; H. Friedman, M. Schustack [1999]; D. McAdams [1994]; W. Mishel [1993]). Накопив огромный эмпирический материал в рамках стимульно-реактивной схемы исследований, доведя до совершенства процедуру экспериментального исследования и статистического анализа эмпирических данных, бихевиоризм столкнулся с непродуктивностью данной методологии по отношению к идиографии человеческого бытия и активной сущности личности и ее окружения.

Гендерная традиция анализировалась по разработкам авторов, внесших наибольший вклад в развитие данного подхода к рассмотрению

психологической феноменологии (R. Ashmore [1990]; S.L. Bem [1987]; L. Berman [1999]; R. Frager, J. Fadiman [1998]; M.M. Gergen, S.N. Davis [1997]; W. Hollway [1989]; S.W. Littlejohn [1994]; J.T. Spence [1982]). В основании данной традиции исходно лежат идеи феминизма, приведшие на этапе зрелой трансформации в гендерную традицию, к осознанию психологическим сообществом того, что многие аспекты человеческого бытия должны пониматься в контексте половых различий. В работах S.L. Bem [1987] и J.T. Spence [1982] был сформирован так называемый "новый взгляд" в психологии на проблему половых сходств и различий, выражающийся в признании того, что "маскулинность и феминность не являются противопоставлениями в рамках единого континуума, а скорее являются обособленными и независимыми" [Ashmore, 1990, с. 503]. Другим несомненным достижением данного подхода является убедительное доказательство маскулинной предвзятости традиционных методов психологического исследования и необходимости их адаптации к измерению феминности. Таким образом, была показана необходимость многомерного подхода к анализу психологической феноменологии.

Гуманистическая традиция, представленная в сознании русскоязычного читателя работами А. Маслоу и К. Роджерса, анализируется с привлечением работ ряда зарубежных исследователей, предлагающих их классическую и современную оценку (J. Холл, Г. Линдсей [1997]; J. Хьюэлл, Д. Зиглер [1997]; B. Allen [1997]; S.C. Cloninger [1999]; R. Frager, J. Fadiman [1998]; H. Friedman, M. Schustack [1999]; D. Winter [1996]). При отсутствии собственных метатеоретических оснований данный подход опирается на эклектику идей экзистенциальной, феноменологической и социально-конструктивистской традиций. Не разработан и собственный метод исследования. Тем не менее, пропагандируемые в его рамках гуманистические идеи исходной гуманистической природы личности, самоактуализации, ее способности создавать себя, привели к популяризации психологического знания и его продуктивных возможностей, создавая тем самым не строгие основания для отнесения к парадигме или традиции.

Интеракционистская традиция, методологические и метатеоретические основания которой заложены работами выдающихся философов, психологов, социологов Дж. Мида, Ч.-Х. Кули, представляется по работам как самих отцов-основателей, так и исследованиям современных авторов (Дж. Мид [1996]; C.W. Franklin [1982]; H. Friedman, M. Schustack [1999]; D. Magnusson [1990]; J. Mead [1974]; D. Kenrick, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; B. Krahe [1992]). В силу ее отнесения к так называемому социологическому направлению в психологии, интеракционистская традиция значительно менее распространена в психологическом знании. Однако перемены, происшедшие с 1980-х годов в психологии в связи с кризисом идей,

обусловили быстрый рост интереса к накопленным в ее рамках результатам и инсайтам. Отличительной особенностью данной традиции является вынесение в качестве базовых категорий взаимодействия и попыток рассмотрения его специфики между разными сущностями человека – биологической и символической. Скрупулезная проработка проблемы социальной сущности человеческого бытия (Д. Мид) сопровождается столь же фундаментальной проработкой категории рефлексии и природы человеческой рефлексивности.

Когнитивистская традиция, как наиболее мощная и разветвленная, анализировалась на основании работ как наиболее известных ее представителей, так и критических исследований авторов, придерживающихся альтернативных взглядов (J.R. Anderson [1996]; G. Bohme [1975]; M. De Mey [1982; 1992]; F.G. Freedman [1996]; D. Gentner [1982; 1983]; D. Kenrick, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; D. McAdams [1994]; W. Mishel [1993]; R.S. Wyer, Jr. T.K. Srull [1994]). Основанный на компьютерной или кибернетической информационно-процессуальной метафоре, данный подход сформировал свое мировоззрение, методологию и метод психологического исследования на экспериментальной традиции в психологии. Работая в рамках позитивистской естественнонаучной метапарадигмы, данная традиция сталкивается с негативными последствиями избранной исследовательской схемы препарирования типа и не в состоянии разрешить класс проблем, связанных с описанием и объяснением живой социальной диатропики социального бытия. Свидетельством чему является кризис 1980-х годов.

Психодинамическая парадигма в силу ее многоплановости и разнообразности анализируется с позиций исследователей, придерживающихся как классических оснований, заложенных З. Фрейдом, так и представителей новой волны – теории объектных отношений и эго-психологии (Л. Холл, Г. Линдсей [1997]; Л. Хьелл, Д. Зиглер [1997]; М.Г. Ярошевский [1985]; S.C. Cloninger [1999]; D. McAdams [1994]; W. Mishel [1993]; K. Thomas [1996]; D. Westen [1990]; D. Winter [1996]). Сложность ситуации, связанной с построением целостной концепции современных психодинамических воззрений обусловлена, прежде всего, с наличием диаметрально противоположных подходов к рассмотрению социальной сущности личности и ее бытия в условиях непосредственного окружения.

Исследователи, ориентирующиеся на теорию объектных отношений, в большей степени разделяют идеи социального конструктивизма, в то время как представители эго-психологии – когнитивного подхода. При этом довольно большая группа исследователей продолжает придерживаться классических взглядов фрейдистского и нефрейдистского толка. Тем не менее, характеризуя (со всеми допущениями об условности) психодинамическую

парадигму в психологии, можно говорить о подчеркивании в ее рамках роли непосредственного социального окружения и роли интерпретаций в социальном бытии личности. Общим является и использование интерпретативистских или герменевтических инструментов исследования.

Экзистенциально-феноменологическая традиция (часто представляемая как экзистенциальная и феноменологическая по отдельности) рассматривается на материале исследований, представляющих современные оценки подхода с позиций разных перспектив (H. Friedman, M. Schustack [1999]; D. McAdams [1994]; R. May [1983]; W. Mishel [1993]; M. Wetherell, J. Maybin [1996]; D.A. Rahilly [1993]; R. Stevens [1998]). Отличительной особенностью данной традиции является обращение к феноменологии реального бытия и признанию с подчеркиванием его идиографического и диатропического характера. Акцентация на диатропику и идиографию предопределяет и избрание соответствующих методологии и метода исследований, направленных на выявление и постижение интерпретаций и переживаний личностью и ее окружением своеобразия реального бытия. Включение в плоскость рассмотрения экзистенций расширяет горизонты рассмотрения этого реального переживаемого бытия через призму осознания его проблемности и конечности, что приближает данную традицию к более глубокому анализу проблематики реальных жизненных переживаний. Сложности, испытываемые представителями данной традиции, связаны с исповеданием ими идей онтологической о плюрализма, подчеркивающего множественность мироощущений и мировоззрений и связанной с этим трудностью соотнесения их друг с другом, тем более при отсутствии хотя бы рамочной системы сравнительных координат.

Социально-когнитивно-наученческая традиция, представляющая также новую волну в психологии, анализируется на материале как ее отцов-основателей (A. Bandura, W. Mishel, J. Rotter), так и современных исследователей, стремящихся дать критический анализ (Л. Хьелл, Д. Зиглер [1997]; S.C. Cloninger [1999]; A. Bandura [1986]; D. McAdams [1994]; W. Mishel [1993]). Следует отметить, что в разработках этих, несомненно, выдающихся психологов, представлен ряд оригинальных идей, которые привели к существенному углублению и расширению представлений о личности как субъекте поведения. Более того, в рамках когнитивно-наученческой линии удалось предложить решения, которые не были найдены в рамках когнитивного подхода, в частности, активной поведенческой алгоритмики, потенциала поведения, определения психологической ситуации, процесса генерализации ожиданий, взаимного детерминизма, когнитивных личностных переменных и т.д. Представляя попытку интеграции идей поведенческой, когнитивной и интеракционистской традиций, данный подход также обсуждает проблему соотношения категорий личности, ситуации и активности в их взаимной детерминации поведения.

Деятельностная парадигма также анализируется с позиций как ее основателей, так и интерпретаторов, пытающихся ее модернизировать и критиков, подвергающих сомнению основные постулаты деятельностного подхода (А.И. Асмолов [1986; 1996; 1999]; О.В. Гордеева [1997]; А.Н. Леонтьев [1975]; В.А. Петровский [1996]; А.Н. Сухов [1998]; В.А. Юревич [1999]). Имея несомненные достижения в силу избрания активности личности в качестве ведущей категории, деятельностный подход внес немало в разработку проблематики развития личности, правда, не избежав негативных последствий глобализации, одной из главных детерминант социального бытия личности. Критики деятельностного подхода отмечают, что подлинный источник трудностей "кроется в том, что существо психики, как деятельности, не открывается непосредственному наблюдению" (П.Я. Гальперин [1997, с. 5]). И далее: "бездействующей личности (у человека, особи – у животных) деятельности превращается в естественный процесс, перестает быть деятельностью. Так понимается основная проблема личности" (там же, с. 6). Сегодня много критических оценок связано с марксистским фундаментом деятельностной традиции. О.В. Гордеева отмечает: "Следование марксистскому принципу объяснения явления через раскрытие их происхождения исключает из плана анализа собственные закономерности рассматриваемого явления, лишая тем самым его собственного онтологического статуса, что может привести к серьезным ошибкам в рассуждении, если использование данного объяснительного принципа недостаточно рефлексивируется". [1997, с. 20].

Рассмотрение выделенных систем парадигмальных координат проводилось при посредстве концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы соотнесения систем парадигмальных координат, представленной на рис. 4.6. Там же представлены и его результаты.

Элемент дихотомии	Доминирующий	Смешанный	Доминирующий	Элемент дихотомии
1	2	3	4	5
Объективность	БП; ДП; КП; ПМ; КП; БиП	ГП; ИП; ИП	ГП; ЭП; СКМ;	Субъективность
Детерминизм	БП; ДП; КП; ПМ; БиП;	КМ; ГП;	ЭП; СКМ; ГП;	Индетерминизм
Мужское	БП; ДП; КП; ПМ;	КМ; ИМ; БиП; ГП;	ГП	Женское
Прошлое	ИП;	БП; ДП; ПМ; БиП	КП; ГП;	Будущее

1	2	3	4	5
Наследственность	ДП; КП; ПМ; БиП		БП; ИП; ЭФП; СКМ; ГуП;	Изменчивость
Гомеостаз	БиП	БП; ДП; КП; ПМ; ЭФП; СКМ; БиП	ГуП	Гетеростаз
Статичность	БП; ДП; ПМ;		КП; ЭФП; СКМ; ГуП;	Динамичность
Реактивность	БП; ПМ;	КМ; ИМ;	ДП; КП; ЭФП; СКМ;	Активность
Атомизм	БП; КП; ПМ;	ДП; ГуП;	ЭФП; СКМ;	Холизм
Познаваемость	ДП; КП; ПМ; КМ; ПП; БиП; ГуП;		БП;	Непознаваемость
Рационализм	БП; ДП; КП; ПМ; БиП; ГуП;		ПП;	Иррационализм
Номотетическое	БП; ДП; КП; ПМ; БиП	ИП;	ПП; ЭФП; СКМ; ГуП;	Идиографическое
Интраличностное	БП; ДП; КП; ПМ; БиП	ГуП;	ИП; ЭФП; СКМ;	Интерличностное
Биологическое	ДП; КП; ПМ; БиП	КМ; ИМ; ГуП;	ЭФП; СКМ;	Символическое
Количественное	БП; ДП; КП; ПМ; БиП	ИП;	ЭФП; СКМ; ГуП;	Качественное

Рис. 4.6. Концептуально-критериальная оценочно-сравнительная матрица соотношения парадигмальных координат.

Условные обозначения:

- ПМ — Позитивистская метапарадигма
 КМ — Критическая метапарадигма
 СКМ — Социально-конструктивистская метапарадигма
 БиП — Биологическая парадигма
 ИП — Биохевиористская парадигма

- ГП — Гендерная парадигма
- ГуП — Гуманистическая парадигма
- ДП — Деятельностная парадигма
- ИП — Интеракционистская парадигма
- КП — Когнитивистская парадигма
- ПП — Психодинамическая парадигма
- ЭФП — Экзистенциально-феноменологическая парадигма

Представленный на Рис. 4.6. обзор онтолого-эпистемологических приоритетов различных систем парадигмальных координат свидетельствует о широчайшем спектре альтернативных подходов, определяющих своеобразие мировосприятия исследователей, работающих в рамках той или иной психологической традиции. Результаты проведенного анализа также показывают, что в рамках каждой традиции, наряду с возможными пересечениями по тем или иным онтолого-эпистемологическим дихотомиям имеется и ряд существенных расхождений. Точно также очевидно и то, что подобное разноразличие имеет и несомненный позитивный потенциал, т.к. смещение акцентов в ту или иную сторону в различных комбинациях друг с другом позволяет, во-первых, схватывать новые грани исследуемого феномена; во-вторых, привлекать дополнительные ресурсы альтернативных методологий и методов исследования; в-третьих, преодолевать ограничивающие рамки жестко заданных схем; и, в-четвертых, создавать предпосылки для новых исследовательских инсайтов.

4.4. Интегративно-эклeктические ориентиры полилинейного парадигмального поля психологического знания и межапарадигмального диалога

Представленный в предшествующем разделе концептуально-критериальный оценочно-сравнительный сопоставительный анализ многообразия психологических систем парадигмальных координат послужил основанием для анализа их возможностей и ограничений с целью формирования интегративно-эклeктических ориентиров полилинейного парадигмального поля психологического знания. Сложность такого сопоставления обусловлена, прежде всего, тем, что каждая из выделенных систем парадигмальных координат (правда, в разной степени) претендует на универсальность, приводя соответствующие обоснования справедливости выдвигаемых претензий.

Например, спектр дискуссий 1970-х годов охватывал ряд таких острых тем, как: 1) соотношение теоретического и прикладного знания; 2) социальная релевантность и репрезентативность полученных результатов; 3) возможность их практического использования; 4) вероятность социально-психологических прогнозов; 5) проблема социальной базы лабораторных экспериментов, их нравственные границы, роль субъективных устано-

вок экспериментатора и ценностных аспектов поведения субъектов экспериментальных ситуаций" [Сухов, 1998, с. 31]. Каждая из психологических традиций привносила и привносит сегодня свою лепту в критику оппонентов, правда, рефлексирова (за исключением деятельностной) свои ограничения.

В этой рефлексии, начавшейся к концу 1960-х годов и продолжающейся и поныне, по мнению ряда авторов (А.Н. Сухов [1998]; J.F. Brennan [1994]; C.F. Graumann [1996]; T.H. Leahey [1994]; A.S.R. Manstead, M. Hewstone [1999]; R.S. Rogers, P. Stenner, K. Gleeson, W.S. Rogers [1995]; W. Viney [1994]) с определенной долей условности можно выделить ряд этапов:

Конец 1960-х – начало 1970-х – констатация теоретического неблагополучия и попытки нахождения компромиссных решений, не меняя ничего по существу.

1970-е годы – осознание новой ситуации в социальной психологии как "попытки "смены парадигмы", поиски не сциентистских концептуальных рамок для описания и объяснения социально-психологических явлений" (А.Н. Сухов [1998, с. 32]).

1980-е – 1990-е годы – посткризисное развитие социальной психологии, характеризующееся попытками нахождения оснований для межапардигмального диалога не только в рамках психологического знания.

В этом контексте особенно полезной оказывается рефлексия возможностей и ограничений различных систем парадигмальных координат, результаты которой приводятся на рис. 4.7. Представленные результаты рефлексии отражают общий контекст интегративно-эkleктического подхода, предполагающего, во-первых, демонстрацию того, что ни одна из существующих систем парадигмальных координат и традиций не обладает исчерпывающим потенциалом решения исследуемого поля проблем и, во-вторых, что именно их совокупность, представляющая альтернативные исследовательские логики во всем многообразии их возможностей, позволяет расширить и углубить представления в области социально-психологической и персонологической феноменологии.

Проведенный сопоставительный анализ возможностей и ограничений различных систем парадигмальных координат показывает, что на сегодняшний момент ни в одной из них нет достаточных оснований для создания единой интегрированной одномерной теоретической конструкции, позволяющей сформулировать гомогенные методологические основания, предоставляющие возможность сконструировать последовательную единую и непротиворечивую описательную и объяснительную логику социально-психологической и персонологической феноменологии без акцентации на одних аспектах в ущерб другим. Следовательно, возможным выходом из сложившейся ситуации выступает переход от монологии к диалогике, от одномерности в рассмотрении феноменов к многомерности, от монополюсности к ее поливариантности, диалогичности, позволяющих (и создаю-

2) шими для того методологические основания) охватить в анализе все богатство психологической феноменологии. Методологические основания для этого создает предлагаемый нами интегративно-эклeктический подход.

Тип		Достоинства	Ограничения
1		2	3
Метапарадигмы	Позитивистская	Объективность (в естествен- нонаучном понимании), оне- рационализированность, вер- ифицируемость, высокие важность и надежность	Объективизм, детерминизм, универсализм, метафизич- ность, механицизм, экстрас- пективность, статичность, рационализм, невозмож- ность схватывания реальных жизненных переживаний субъекта, прослеживания и объяснения их динамики
	Социально- конструк- тивистская	Исследование активности субъекта по конструирован- ию собственного и окру- жающего мира, акцентация на интерпретационных про- цессах	Интерпретационизм, абсо- лютизация возможностей социального конструирова- ния, игнорирование вопро- са соотношения конструи- руемого и реального бытия
	Критичес- кая	Критичность, рефлексив- ность, эклектизм	Отсутствие единого методо- логического основания при присутствии претензии на него, эклектизм, попытки соединения несоединяемого
Парадигмы	Экзистен- циально- феномено- логическая	Акцентация на реальных жизненных переживаниях субъекта, его интерпрета- циях происходящего, связь с реальной феноменологи- ей социального бытия, ин- тенциональность, ориенти- рованность на постижение экзистенций	Субъективизм, интроспек- тивность, множественная интерпретируемость, не- строгость методов и интер- претаций
	Бихевио- ристская	Позитивистские; анализ по- веденческой практики, прагматизм	Позитивистские; игнориро- вание активности сознания и субъективного опыта

Парадигмы	1	2	3
	Психодинамическая	Исследование сферы бессознательного, использование клинических методов, нетрадиционные инсайты, методы терапевтической практики, изучение реальных переживаний и проблем клиента	Высокий субъективизм, метафоричность, низкая валидность, ориентированность на прошлое в ущерб настоящему и будущему в развитии субъекта
	Когнитивистская	Позитивистские; включение в плоскость анализа активности сознания, активное использование математического моделирования	Позитивистские; рационализм, оторванность от реальных переживаний субъекта и его феноменологии бытия
	Гуманистическая	Ориентация на человека как активного строителя собственного бытия, обладающего неограниченными способностями и возможностями	Индетерминизм, игнорирование естественной обусловленности человеческого бытия
	Герменевтическая Системная	Акцентация на интерпретационных процессах Системное рассмотрение	Текстуализация человеческого бытия Кибернетизация, роботизация и рационализация человеческого бытия
	Деятельностная	Деятельностная опосредованность человеческого бытия	Отрыв деятельности от субъекта деятельности и его экзистенциальной феноменологии
	Гендерная	Акцентация на гендерных различиях, фиксация необходимости разных подходов к социуму с учетом гендерных различий (проекций)	Замыкание на проблемах гендера

Рис. 4.7. Достоинства и ограничения психологических парадигм

Идея о принципиальной совместимости разных логик представляет возможное временно обусловленное решение. "К тому же, - как отмечает Е.Л. Доценко, - она имеет уже и свои операциональные конкретизации: во-первых, начинать необходимо со знакомства с феноменологией, на первом

шаге пытаюсь проникнуться богатством ее связей, а во-вторых, это должен быть диалог несовпадающих логик. Не борьба за высокомерное (или тревожное) игнорирование, а всестороннее обсуждение на различных языках. Исследователю для этого надо будет освоить несколько языков, а практику – переосмыслить эклектичность как многоресурсность” [1997, с. 24].

Всестороннее обсуждение общих проблем на различных языках, осмысление через множественное критическое позиционирование или рефлексию, предполагающую не мысленный полет над абстрактным полем феноменологии в поиске универсальных законов принятия абсолютно истинных решений (как это предлагается сторонниками мыслительностного подхода), а идентификацию с альтернативной позицией, внутренне остранившее критическое принятие оппонентных идей и решений, и на этой основе преодоление собственной субъективной зашоренности, предвзятости в рассмотрении выстроенного теоретического объяснения.

Новый научный подход должен с неизбежностью приводить к осознанию исторической и культурной детерминированности любого социального знания в целом и психологического знания в частности. Эта культурно-историческая локализованность также должна трактоваться не как гомогенная, а как гетерогенная, предполагающая наличие на уровне социального индивида наряду с элементами помететики (общего) элементов идиографии (индивидуального), а на уровне культуры и субкультуры – наряду с элементами итики (общего в различных культурах) элементов имики (уникально специфичного для данной конкретной культуры или субкультуры).

Как отмечает D.E. Polkinghorne: “Несмотря на значительное многообразие отдельных паттернов, используемых каждым человеком, некоторые интерпретационные паттерны являются общими для всех людей. Разнообразие является результатом различных исторических, культурных, социальных и личностных условий, в которых мы локализованы. Общность результатов обусловлена родовой биологической наследственностью, которую мы разделяем друг с другом. Это собрание культуральных и индивидуальных паттернов не является статическим. Если взаимодействие не ассимилируется настоящим паттерном, паттерны изменяются, аккомодируя ранее не интерпретируемые и бессмысленные взаимодействия. Изменения происходят посредством метафорических и метонимических процессов воображения от более общих к более дифференцированным паттернам” [1997, с. 150–151].

Проблематика культурной детерминированности социального бытия личности и ее окружения, нахождения эффективных средств взаимодействия в поле многообразия особенно активно изучается и обсуждается в рамках кросс-культурной психологии (H. Triandis [1994]; Q.E. Sim, N.K. Tanzer [1999]; P.B. Smith, M.H. Bond [1998]). Именно имический аспект

обусловила необходимость нового осмысления возможностей использования инструментов, разработанных в отношении к западной культуре к другим культурам. Причем преодоление этноцентризма в исследованиях было обусловлено и необходимостью отказа от традиционных позитивистских методологических оснований и господствовавшего в течение многих десятилетий, особенно в рамках бихевиористской традиции, стремления к открытию универсальных законов поведения.

По мнению Н. Triandis, "прежде чем делать какие-либо обобщения в отношении интеллектуальных различий исследователь должен обсудить вопрос об отличиях" [1994, с. 57]. Отличия в области идиографии и помететики, итики и имики можно перечислять до бесконечности. Проблема заключается не в констатации различий, а в механизмах и инструментах их преодоления. Эта же проблема касается и межнарадигмального диалога, исходно направленного на достижение согласованных, но отнюдь не универсальных и единственных позиций и решений. К нему могут быть применимы выработанные кросс-культурными психологами условия продуктивности исследований:

"Прежде чем выявлять различия между культурами необходимо определить максимально возможное количество сходств между ними. Наличие этих сходств является определенной гарантией адекватной оценки.

Необходима разработка исследовательских методов в отношении ко всем сравниваемым культурам с учетом их своеобразия. Для отработки исследовательских процедур полезно привлечение фокусных групп и специалистов, представляющих данную культуру. Посредством варьирования предъявления стимульного материала, уточнения его интерпретаций со стороны представителей изучаемой культуры необходимо добиваться богатства значений.

Культурные различия должны демонстрироваться при посредстве привлечения нескольких методов. Особенно важным является разнообразие привлекаемых методов, как оперантных, предполагающих предъявление минимума стимульного материала и получение множественных ответов, так и респондентных, наоборот, предполагающих однозначную реакцию изучаемых на стимульный материал" [там же, с. 61–62].

Н. Triandis отмечает, что "при анализе полученных результатов не следует забывать и о собственной субъективности в их интерпретации и снижении влияния проекций, а также этноцентрических и андроцентрических предубеждений. Нужно стремиться к преодолению собственной субъективности, но нельзя забывать и о том, что выбор самих проблем, теорий и методов также находится в плену этих предубеждений" [там же, с. 62]. Он предлагает и ряд критериев квалифицированного кросс-культурного ис-

следования, которые, по нашему мнению, могут быть продуктивны и в отношении межпарадигмального диалога:

“исследование, включающее как можно большее количество сходств между изучаемыми культурами и лишь дополняемых различиями;

использующее мультиметодные и конвергирующие исследовательские процедуры;

эмпирическое измерение этических конструктов, сопровождаемое разработкой этических показателей, генерируемых для каждой культуры для схватывания этических конструктов;

этически проведенное исследование;

предполагающее учет влияния этноцентрических и антропоцентрических предубеждений самого исследователя” [там же с. 85-86].

В рамках кросс-культурных исследований нарабатан большой материал и по эффективной межкультуральной коммуникации. Разработана технология кросс-коммуникации, позволяющая наладить продуктивный диалог, направленный на формирование единого поля значений. Кросс-коммуникация предполагает многократный обмен передаваемым содержанием с постоянным уточнением на каждом последующем шаге правильности понимания переданных значений как необходимое условие достижения взаимопонимания [там же].

Необходимость кросс-коммуникации в межпарадигмальном диалоге обусловлена тем, что в рамках разных парадигмальных координат часто используются одни и те же системы знаков (понятий, конструктов), обладающих различным значением. Отсутствие усилий по установлению единства смыслов, которыми оперируют субъекты диалога, приводит к конфронтации, лишенной на то объективных оснований. Сложность формирования поля единых смыслов в рамках межпарадигмального диалога обусловлена еще и тем, что он осуществляется по большей части посредством текстов, установление адекватных контекстов которых предполагает обладание, во-первых, доступом к культуре значений, сформировавшейся в рамках данной системы парадигмальных координат; во-вторых, способностью острашения от собственных парадигмальных предубеждений, т.е. критической рефлексией; в-третьих, возможностью уточнения адекватности понимания переданных смыслов и значений. Выход из этой затруднительной ситуации один – налаживание тесных непосредственных контактов с представителями альтернативных парадигм, постоянная работа по уточнению тождественности и аутентичности трактовки усвоенного содержания при осознании неизбежности возможных разночтений.

Особенно полезным в этом контексте становится обращение к разработкам дискурсивной психологии, в рамках которой проблема расшифровки значений и реконструкции возможных контекстов представлена наиболее полно.

I. Parker выделяет ряд необходимых шагов дискурсного анализа:

- I. Обращение с исследуемым объектом как с текстом, представленным в словах.
- II. Изучение коннотаций при посредстве свободных ассоциаций, что лучше совершать вместе с другими людьми.
- III. Определение объектов и их описание.
- IV. Рассуждения о рассуждениях, как объекте дискурса.
- V. Определение специфики или типологии людей, о которых говорится в дискурсе, некоторые из которых могут быть идентифицированы как объекты.
- VI. Рассуждение о том, что может быть представлено в дискурсе, должно быть дополнено идентификацией с людьми, осуществляющими дискурс.
- VII. Очерчивание образа мира, рисуемого дискурсом.
- VIII. Работа над тем, как текст, использующий данный дискурс, может преодолевать терминологические разночтения.
- IX. Установление противоположных образов говорения, сопоставление дискурсов друг относительно друга, и рассмотрение различных объектов, сравниваемых ими.
- X. Идентификация точек пересечения дискурсов различных объектов, т.е. выделение сходства их представленности в дискурсах.
- XI. Ссылки на другие тексты для разработки того, как осуществляется дискурс, часто имплицитно, и адресование его различным аудиториям.
- XII. Отражение терминов используемых для описания дискурса, вопросов, включающих моральный и политический выбор как часть анализа.
- XIII. Рассмотрение того, как существует дискурс.
- XIV. Описание того, как он изменяется, рассуждение о том, как осуществляется открытие происходящего.
- XV. Идентификация институтов, подкрепляющихся использованием того или иного дискурса.
- XVI. Идентификация институтов, подвергаемых нападкам со стороны тех или иных дискурсов.
- XVII. Рассмотрение того, в каких категориях личность находит и теряет производство дискурса.
- XVIII. Идентификация институтов, подвергаемых атакам и подрыву при появлении того или иного дискурса.
- XIX. Показ того, как дискурс связывается с другими дискурсами, санкционирующими подавление.
- XX. Показ того, как дискурсы предоставляют возможность доминирующим группам формулировать свои нарративы о прошлом в порядке прояснения настоящего" [1992].

Представленная схема анализа дискурса не является единственной. Более того, в рамках дискурсивной традиции также присутствует многообразие подходов и школ, отличающихся своей спецификой (G.N. Gilbert, M. Mulkay [1984]; C.F. Graumann [1996]; J. Potter, M. Wetherell [1987; 1998]; T.A. Van Dijk [1997]). Тем не менее, использование достижений данной традиции в аспекте налаживания продуктивного межапарадигмального диалога является более чем продуктивным.

Эта же проблема, в привязке к научному дискурсу, особенно тщательно обсуждается в рамках критической традиции в психологии и социологии (P.A. Andersen [1986]; J. Bell [1999]; R. Bhaskar [1989]; S.D. Brookfield [1991]; J.L. Kincheloe, P.L. McLaren [1994]; D. Levy [1997]; M. Lipman [1995]; J. McClure [1991]; H. Siegel [1989]; R. Sutton [1992]; M. Weinstein [1993; 1994] и др.). M. Lipman выделяет ряд способностей критического мышления, которыми являются: "умелое, ответственное мышление, способствующее принятию верных решений, т.к. они (а) полагаются на критерии, (b) самокорректирующиеся и (c) чувствительны к контексту" [1995, с. 3].

M. Weinstein конкретизирует их в виде ряда последовательных утверждений:

Требование умелости по отношению к критическому мышлению увязывает его с эпистемологическими и другими нормативно относящимися рассмотрениями практики. Умелость акцентируется на том факте, что критическое мышление вплетено в контекст снабжения надежной информацией, гарантированной методологией. Критическое мышление не индифферентно к нормам других областей: скорее оно рассматривает соответствующую практику с позиции стандартов, продвигающих полезные и гарантируемые исследования любого рода и в отношении наиболее гарантированной информации, исходя из которой исследование утверждает свою уместность и силу.

Ответственное мышление устанавливает отношения между критическим мыслителем и сообществом, которому оно адресовано. Критический мыслитель рассматривает обязательства существующим условиям в свете приемлемости стандартов или изменения этих стандартов при наличии убедительных аргументов.

Через фокусирование на решениях, критический мыслитель рассматривается как побуждаемый на нестандартное мышление, мышление, которое не может быть адекватно основано на алгоритмах или других механических процедурах. Оно предназначено для тех ситуаций, в которых рассмотрение должно быть взвешенным и альтернативно оцениваемым, ситуаций, которые призывают оценку приоритетов и детерминации истинности и уместности.

Критический мыслитель призывается к формулированию своих критериев ясными и доступными для своего собеседника, с вычленением того,

что рассматривается как главное. В общем, критерии должны быть отражающими центральные понятия и методы в области или областях, относящихся к исследованию, в которое они включены. Но критерии не должны рассматриваться как абсолютные; скорее, они рассматриваются как проверяющиеся, и изменяющиеся, и заменяющиеся по мере прогресса критического мышления.

Самокоррекция предполагает, чтобы критический мыслитель использовал процесс критического мышления как метод раскрытия и корректировки используемых критическим мыслителем самих процедур. Критический мыслитель подвергает процесс рефлексивному скрупулезному рассмотрению; используются как существенные критерии, так и процедурные нормы, характеризующиеся открытостью к критике и переоценке.

Чувствительность к контексту акцентируется на аспекте критического мышления, дополняющего обращение к основным критериям. Чувствительность к контексту требует, чтобы применение критериев к конкретному случаю тщательно проверялось в контексте их соответствия и возможного изменения в соответствии со своеобразием изучаемой ситуации принятия решения. Критический мыслитель, таким образом, рассматривает критерии в отношении их соответствия контексту использования" [1993, с. 5–6].

Представленные критерии критического мышления акцентируются на динамике изменения знания, при полном обеспечении гарантированности получаемых исследовательских результатов. "критическое мышление, — подчеркивает М. Weinstein, — является диалогическим, что означает, включающим продолжающееся обсуждение того, какие именно критерии следует развивать, идентификацию контекстов и плоскостей рассмотрения, процессов, воздействующих на осуществление оценок" [там же, с. 6]. В отношении критических дискуссий М. Lipman [1995], прямо указывает на их продуктивность именно в исследовательском сообществе, искренне заинтересованном в нахождении истины, столкновении позиций и т.д. Результат дискуссий должен быть скорее эпистемологическим, аксиологическим, нежели риторическим.

Налаживание межакадемической коммуникации, направленной на углубление психологических представлений о сущности социального бытия личности и ее окружения является ведущим ориентиром будущего развития психологической науки и практики. Достижение этого ориентира в существующем полилинейном парадигмальном поле психологического знания с позиций интегративно-эклетиического подхода предполагает:

Конституирование суверенности каждой системы парадигмальных координат, признанной психологическим сообществом как способствующей углублению представлений о социальном бытии личности и ее окружения, в силу оригинальности избранной системы онтолого-эпистемоло-

гических приоритетов, методов исследования и определения концептуально-критериальных оснований научной и прикладной приемлемости и продуктивности результатов.

Признание факта наличия на индивидуально-личностном уровне нотетики и идиографии, а на уровне культуры и субкультуры – этники и имики, предполагающих использование качественно отличных способов и средств исследования и интерпретации как предпосылки нахождения оснований для их гармонического сочетания.

Осознание невозможности нахождения универсальных оснований для построения единой, всеобъемлющей, последовательной конструкции психологического знания в рамках единой системы парадигмальных координат в существующем одномерном критериальном поле определения научности знания в контексте естествознания.

Определение в качестве пути углубления психологического познания феноменологии социального бытия личности и ее окружения межапарадигмального диалога, предполагающего взаимообогащение друг друга за счет налаживания эффективной научной коммуникации, обеспечивающей условия для формирования поля адекватных смыслов и значений, представленных в той или иной системе парадигмальных координат или традиции, их позиционирования, создания возможностей для острого анализа и критической рефлексии в целях последующего обмена суждениями и нахождения взаимоприемлемых решений, способствующих научному прогрессу.

Привлечение и использование ресурсов различных традиций и областей психологического знания (кросс-культурной психологии, дискурсного анализа, герменевтики и др.) для обеспечения продуктивной межапарадигмальной коммуникации, направленной на повышение возможностей адекватной интерпретации предлагаемых объяснительных теоретических моделей и прикладных решений по актуальным проблемам психологических исследований.

Выводы по главе 4

1. Соотнесение систем парадигмальных координат предполагает наличие единых критериально-концептуальных оснований, а также применяемых в их рамках теоретических построений, представленных в предлагаемом классификаторе соотнесения парадигмальных координат. Обоснованы выдвигающиеся измерения: метатеоретические основания (картина мира, стиль мышления, идеалы и нормы); основоположения; базовые категории; ведущие методы изучения; приоритеты в описании и объяснении; дифференцируемость; прагматизм; верифицируемость и фальсифици-

руемость; удобство и экономичность; перспектива (внешняя – внутренняя); эпистемический потенциал; уровни анализа: типы объяснения и интерпретации; возможности; ограничения. Перечисленные концептуально-критериальные измерения создают возможность продуктивного соотнесения различных теоретических построений друг с другом, обеспечивая возможность выявления их сходства – отличий и в конечном счете уникальности интерпретации анализируемого феномена.

2. Констатируемая множественность метапарадигмальных и парадигмальных координат в современной социальной психологии и персонологии допускает разработку концептуально-критериальных оснований их соотнесения, в качестве которых могут выступать онтолого-эпистемологические приоритеты. Предлагается концептуально-критериальная оценочно-сравнительная матрица, включающая следующие их оценочно-сравнительные дихотомические измерения: объективность – субъективность; детерминизм – индетерминизм; мужское – женское; прошлое – будущее; наследственность – изменчивость; гомеостаз – гетеростаз; статичность – динамичность; активность – реактивность; атомизм – холизм; познаваемость – непознаваемость; рационализм – иррационализм; идиографическое – номотетическое; интерличностное – интраличностное; биологическое – символическое – рефлексивное; количественное – качественное.

3. Ведущим ориентиром будущего развития психологической науки и практики выступает налаживание межпарадигмальной коммуникации, направленной на углубление психологических представлений о сущности социального бытия личности и ее окружения и предполагающей всестороннее обсуждение общих проблем на различных языках, осмысление через множественное критическое позиционирование или рефлекссию, предполагающую идентификацию с альтернативной позицией, внутренне остранимое критическое принятие оппонентных идей и решений.

ГЛАВА 5. ПРОБЛЕМА МЕТОДА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

5.1. Метод психологического исследования: переоценка ценностей

Неотделимой от проблем выбора парадигмальных координат и способа теоретизирования является и проблема метода в психологическом исследовании. В 1980–90-е годы она начинает приобретать новое содержание. В наиболее рельефной форме эта проблема представляется при обсуждении необходимости “оживления” психологии, отказа от методов, разработанных для анализа неживой природы, господствующих в естествознании, и перехода к методам, учитывающим специфику “живой сущности” человека.

По мнению многих исследователей, адекватное постижение человека в условиях его реальной социальной жизни невозможно без обращения к анализу интерпретаций, который предполагает герменевтизацию психологического знания (Е.А. Климов [1999]; Е.Л. Доценко [1997]; С. Antaki [1988]; Н. Blu-mer [202]; V. Caracelli, J. Green [1993]; H. Coolican [1998]; B. Dervin [1992; 1996]; D. Dooley [1995]; R. Harre [1984; 1986; 1991; 1993]; R. Harre, L. Langenhove [1995]; W. Hollway [1989]; S. Kvale [1997]; C. Moustakas [1994]; M.R. Pandit [1996]; C. Robson [1998]). Следует отметить, что герменевтизация часто ассоциируется с субъективизацией, гуманитаризацией и тому подобной терминологией. При всем кажущемся разнообразии терминов речь в каждом случае идет об одном и том же – необходимости смещения акцентов в исследованиях к постижению своеобразия интерпретации человеком самого себя и окружающего его мира. Без знания этих интерпретаций становится невозможным понимание оснований ориентации человека в происходящем и прогнозирование им своих будущих действий.

Во многом почва для обозначенного поворота сформирована и самими позитивистскими основаниями. Еще в далеком 1884 году W. Dilthey критиковал экспериментальную психологию его времени за копирование естественнонаучной модели и редукционизм в объяснении мыслительной активности. Дискуссии по этому поводу то затихают, то вспыхивают с новой остротой на протяжении последних 15 лет [Cloninger, 1999, с. 169]. В основании такого рода дискуссий, на мой взгляд, лежит извечная мечта психологов добиться таких же успехов в постижении закономерностей психической активности, каких добились естествознание в изучении неживой природы.

Теоретическая подоплека подобного рода тяги исследователей к методам, позволяющим “добраться” до самой реальности заложены еще логическими эмпириками, рассматривавшими возможность унификации

научных стремлений до уровня единственной логики. Как отмечает К.Л. Стерген: "В данном случае была предпринята попытка разработки правил и процедур, посредством которых предполагался прорыв в науке и технологии. Предполагалась также возможность адаптации этих правил и процедур к любой дисциплине, связанной с продуцированием знания. Более того, ожидалось, что если эти методы окажутся применимыми и к культуре в целом, возможно, будет достижение прогресса человечества по аналогии с научным прогрессом" [1997, с. 18-19].

Эта романтическая мечта была перенесена и на почву психологической науки, долгое время безуспешно стремившейся к открытию универсальных законов посредством возможностей контролируемого эксперимента. "Всеобъемлющая мечта заключалась в том, что используя эмпирические методы и, в особенности, контролируемый эксперимент, можно достичь окончательной истины о природе объекта и причинных сетях, в которые он вплетен. Далее, предполагалось, что результаты такой методологии вселичностны" (там же). Производным от этого стало представление о прогрессивной природе исследования. "Применяя эмпирические методы к объекту психологии, мы во все возрастающей степени постигаем его фундаментальный характер. Неверные представления будут отброшены, и мы вплотную подойдем к установлению надежной, ценностно-нейтральной истины о различных сегментах объективного мира" (там же).

Этот вопрос достаточно глубоко обсуждался при рассмотрении онтолого-эпистемологических оснований психологической теории, здесь же я хотел бы отметить, что, начиная с 1970-х годов, у исследователей новой волны возникает все больше сомнений в реальности решения этой проблемы с чисто позитивистских оснований, предполагающих отношение к любым данным, не подлежащим операционализации и верификации, как к ненаучным. В наиболее рельефном виде эти дискуссии имеют место в обсуждении соотношения количественных и качественных методов. Coolican в этой связи задает вполне резонный вопрос — "если мы проводим исследование, предполагающее высоко контролируемые процедуры и точные количественно определяемые переменные, что рекомендуется в подавляющем большинстве учебников, не получим ли мы в результате очень ограниченное, часто искусственное и совершенно бесполезное знание о человеческом поведении и опыте?" [1998, с. 170].

R. Harre утверждает, что "ортодоксальные (позитивистские) методы исследований оказались совершенно неприемлемыми многим психологическим феноменам и областям исследований, в частности, социальной психологии" [1993, с. 112]. Искусственность экспериментальных социально-психологических исследований предопределяется, прежде всего, тем, что в условиях как лабораторного, так и естественного экспериментов

12

практически невозможно, в первом случае «очистить голову» испытуемых от «побочных» мыслей, а во втором – наблюдательно освободиться от собственных проекций при реконструировании контекста происходящего, формирующегося у наблюдаемых.

Анализ литературы проблемной области (А.А. Бодалев, В.В. Столин [1987]; А.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова [1994]; А.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов [1989]; Е.Л. Доценко [1997]; В.П. Зинченко, М.К. Ма-мардашвили [1977]; П. Клайн [1994]; Е.А. Климов [1999]; С. Крипнер, Р. де Карвало [1993]; Я. Лаак [1996]; Б.Ф. Ломов [1984]; В.Л. Меркулов [1971]; В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев [1995]; Е.Т. Соколова [1980]; В.В. Столин, А.Г. Шмелев [1987]; А.Н. Сухов, А.А. Деркач [1998]; Ф. Франселла, Д. Баннистер [1987]; К.С. Холл, Г. Линдсей [1997]; Л. Хьелл, Д. Зиглер [1997]; Н.И. Шевандрин [1995]; А.Г. Шмелев [1983]; В.А. Янчук [1994; 1997; 1999]; P.C. Antaki [1988]; H. Blumer [1969]; D.T. Campbell, D.W. Fiske [1959]; J. Corner [1990]; V. Caracelli, J. Green [1993]; H. Coolican [1998]; R.J. Chenail [1992]; B. Dervin [1992; 1996]; N. Denzin, Y. Lincoln [1994]; D. Dooley [1995]; M.E. Duffy [1987]; P.K. Fejerabend [1988]; K. Gergen [1992]; N.G. Glaser, A.L. Strauss [1967]; R. Harre [1981; 1998]; R. Harre, L. Langenhove [1995]; P. Hinds, K.A. Young [1987]; W. Hollway [1989]; I. Jones [1997]; A. Kaplan [1998]; C.E. Osgood [1959]; C. Moustakas [1994]; C. Robson [1998]; J. Shotter [1997]; R. Sutton [1992]; M. Weber [1972]; В.М. Wildemuth [1993]) позволил систематизировать противоречия позитивистского подхода к исследованию феноменологии социального бытия личности и ее окружения в виде следующих положений:

1. Изолированность от социального контекста. Изучение отдельных частей, элементов (например, памяти, мышления, воображения и т.п.), вне их взаимосвязи с целостной системой, которой является человек. Выступление “субъектов” исследования в качестве абстрактных единиц подтверждения предубеждений исследователей в отношении неизменности природы человека.
2. Дистанцированность от объекта исследования якобы во имя обеспечения “объективности”, в то время как в реальной жизни познание человека предполагает установление более тесных взаимоотношений друг с другом. Игнорирование влияния установок и мотивов самого исследователя по отношению к исследованию как не относящихся к процессу и результату.
3. Ориентация на объективность, обретающая очертания мистической. Попытка сохранения холодной дистанцированности, следование количественной парадигме, ослепляющее исследователя в отношении его собственного влияния и активной роли в процессе исследования, точнее – искусственного и тенденциозного управления им. Забывание

- того, что как исследователь, так и процесс исследования сами составляют социальный контекст и должны анализироваться в нем.
4. Поверхностность получаемой в ситуации эксперимента или интервьюирования информации. Так, в частности, при изучении социальной перцепции или межличностной аттракции традиционными методами часто анализируется только первое впечатление и ничего больше.
 5. Ограниченные способности нормального субъекта планировать, реагировать и проявлять соответствующее социальное поведение в контексте изучаемого вопроса, предполагаемые экспериментальными процедурами. В результате чего выстраиваемая модель получается упрощенной и механистичной.
 6. Попытки маскировки целей исследования, приводят к фальсификации его контекста и, соответственно, искаженным результатам, к тому же, провоцирующим недоверие со стороны исследуемых.
 7. Преддетерминация природы результирующей информации высокоструктурированными методами исследования. Непроизвольно на участников исследования налагается теоретическая конструкция, которой придерживается исследователь. Например, опросники, как правило, строятся на определенной исследовательской логике и пропускают много важной информации, которую возможно было бы получить от опрашиваемых. Получаемая же информация ограничена, неполноценна и не всегда отражает реальность.
 8. Частое несовпадение высокоструктурированного кодирования и категориальной системы с индивидуальным своеобразием индивида [Cook, 1985, с. 62].
 9. Ориентированность на прошлый опыт исследуемого, который, во-первых, не всегда является адекватным основанием для понимания настоящего и будущего социального поведения, и, во-вторых, субъективно воспроизводится, анализируется и интерпретируется самим испытуемым. По существу, отвечая на тот или иной вопрос или решая предлагаемую задачу, испытуемый оперирует некоторой конструкцией самого себя и своих взглядов, которая далеко не всегда является адекватной и подтверждаемой окружающими. Фактически мы получаем характеристики «родственника» испытуемого, да и то в его собственной версии возможно весьма далекой от оригинала, что особенно наглядно демонстрируют кросс-культурные исследования [Simpson, Kenrick, 1997; Toulmin, 1982].
 10. Асоциализация информированности испытуемого о причинности своих поступков и реакций, предполагаемое рациональными моделями познавательной активности (рациональный и последовательный человек, плановый ученый, обрабатывающий данные лаборант, когнитив-

ный скупец, мотивированный тактик), при полном понимании того, что в реальной жизни имеет место очень много иррациональности и непоследовательности в поведении, вызывает сомнения в адекватности или оторванности исследователей от реалий жизни.

11. Генерализация результатов исследования на все жизненное богатство контекстов, которые далеко не всегда представляют последовательную и логически согласованную цепочку жизненных эпизодов, приводит к их дискредитации.
12. Ограниченность учета влияния на испытуемого его социального окружения, обстоятельств и их динамики создает ощущение искусственности выстраиваемых теоретических объяснений, основанных на эмпирических данных.
13. Абсолютизация возможностей статистического подтверждения гипотез и математического моделирования приводит к возможности построения весьма искусственных выводов, т.к. в отличие от константных величин, которыми оперирует математика, в социальной феноменологии таких величин найти невозможно.

Не следует воспринимать изложенное как некое стремление забить последний гвоздь в гроб окончательно усопшей позитивистской исследовательской парадигмы. Это было слишком большим преувеличением. На позитивистском основании стоит огромная часть достижений предшествующей истории психологического знания. Более того, детальная проработка процедур статистического анализа эмпирических данных, построения эксперимента, обеспечения валидности и надежности результатов исследования являются несомненно значимыми для психологической науки. Правда, значимыми, но не абсолютными как этого хотелось бы традиционно ориентированным исследователям. В данном случае речь шла только о тех вопросах, на которые сегодня нет убедительных ответов, а без них невозможно движение вперед к постижению психической природы человека.

Представленный ранее критический очерк позитивистской исследовательской парадигмы в психологии не носит деструктивной направленности. В истории психологии всегда были диссидентствующие исследователи и целые направления. Это и психоаналитическая традиция никогда не угодничавшая перед позитивистской методологией, и интеракционизм, и экзистенциально-феноменологическая линия, и гендерная ориентация, наконец, социальный конструктивизм, с его наиболее радикальными прорывами в областях теоретизирования и психологического исследования. Каждый из перечисленных векторов, отражая свое уникальное, в том числе и ненаучное, в смысле классического естествознания, своеобразие, приносил в плоскость анализа новые вопросы, высвечивал новые грани психической активности, что, в частности, послужило одним из оснований

для формулирования нами интегративно-эkleктического подхода. Общим объединяющим принципом для всех их является принцип познания тайнств психического с максимально возможной приземленностью к условиям и проблемным полям реальных людей в реальной жизни.

Именно ориентированность на проблематику реального, а не искусственно препарированного, социального бытия личности и ее окружения и отражает современные тенденции развития психологических исследований в области методологии и метода. Чаще всего эти достижения ассоциируются с качественными и клиническими методами, обладающими значительно более широкими и глубокими возможностями по сравнению с классическими.

S. Kvale отмечает в этой связи: "Реабилитация гетерогенных и несоизмеряемых контекстов практического мира предполагает потерю гегемонии формализованных экспериментального и статистического методов исследования. Интенциональная природа человеческой практики хорошо схватывается качественными методами. Сегодня приняты разнообразные пути продуцирования знания. ... Имеет место изменение акцентов с конфронтации с природой на рассуждения между людьми, с соответствия объективной реальности, на согласование значений" [1997, с. 51].

Неудовлетворенность ограниченностью позитивистской количественной методологии исследования привела к формированию идеала гуманитарного, интерпретационного, ориентированного на качественные методы исследования (Е.Л. Доценко [1997]; Х.-Г. Гадамер [1988; 1991]; Е.А. Климов [1999]; С. Крипнер, Р. де Карвало [1993]; В.А. Лефевр [1990; 1991]; Д. Магнуссон [1994]; П. Рикёр [1995]; В.М. Розин [1991]; А.Н. Сухов, А.А. Деркач [1998]; Ф. Франселла, Д. Баннистер [1987]; Й. Хейзинга [1992]; J.B. Bavelas [1995]; J. Bell [1999]; R. Bhaskar [1989]; B.J. Breitmayer [1993]; D. Brinberg, J.E. McGrath [1985]; S.C. Cloninger [1999]; H. Coolican [1998]; J. Corner [1990]; N.K. Denzin, Y. Lincoln [1994]; B. Dervin [1992]; C.S. Dweck [1996]; U. Flick [1998]; R. Harre, L. Langenhove [1995]; D. Kenrick, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; J.L. Kincheloe, P.L. McLaren [1994]; S. Kvale [1997]; D. Levy [1997]; Miell D., M. Wetherell [1998]; J. Morse [1991]; C. Moustakas [1994]; N. Pidgeon, K. Mischel [1998]; C. Robson [1998]; R. Rosenthal [1976]; S.P. Sells, T.E. Smith, D.H. Sprenkle [1995]; H.C. Triandis [1994]; T.A. Van Dijk [1997]; M. Van Manen [1990]; M. Weber [1972]; В.М. Wildemuth [1993] и др.). В рамках гуманитарной парадигмы сформированы и соответствующие требования к исследованию:

1. Психологические исследования должны концентрироваться на значениях действий в их социальном контексте, а не на изолированных «объективных» единицах поведения и деятельности — исповедовать

- холизм, а не атонизм, что убедительно обосновывает еще К. Lewin в своей знаменитой теории поля [1951].
2. В психологических исследованиях акцент должен смещаться на взаимодействие, причем, взаимодействие в максимально широкой системе и непосредственно и опосредованно контактирующих людей и связанных с ними и обстоятельствами контекстах.
 3. Исследования должны проводиться в максимально приближенных к естественным условиям и посредством качественных методов, позволяющих схватывать глубинные смыслы и переживания людей, вовлеченных в реально переживаемые события.
 4. Исследования должны проводиться в как можно более приближенном контакте с изучаемым индивидом или группой. Цитируя Hall: «Исследователь социальных наук часто уподобляется врачу, пытающемуся поставить диагноз пациенту, находясь за углом и не видя его. Социальный ученый использует для измерения реакций испытуемого «инструменты», подобные длинному стетоскопу. Причем интерес его больше связан с удлинением стетоскопа, чтобы быть как можно дальше от испытуемого, вместо того чтобы максимально приблизиться к нему и узнать, как он живет в реальной жизни» [Приводится по: Coolican, 1998, с. 224].
 5. Наиболее значимыми данными должны быть собственные высказывания и интерпретации испытуемых, предоставляющих возможность познакомиться с их собственными интерпретациями происходящего, на которые они и полагаются в реальной жизни и, следовательно, которые регулируют их поведение.
 6. Феноменология социального бытия личности и ее окружения должна рассматриваться в ее экзистенциальной и пространственно-временной континуальности, ориентируясь на максимально полное схватывание жизненных переживаний субъекта в динамике его истории и истории культуры общества. Должны приниматься в расчет точность самости и сознания, индивидуальных и культурных контекстов.
 7. Личность и ее окружение должны рассматриваться в контексте индивидуальной культуры, субкультуры, национальной культуры, наконец, культуры общечеловеческой, стремясь к нахождению гармонического сочетания номотетики и идиографии, этики и этики, постижение которых должно обеспечиваться ресурсами кросс-культурной, дискурсивной, герменевтической и экзистенциально-феноменологической традиций.
 8. В отличие от предшествующей парадигмы в новой должно иметь место тесное сотрудничество исследуемого и исследователя, а последний должен выступать в роли аналитика и консультанта, осознающего

то возможность влияния собственной субъективности на интерпретацию происходящего. Любые находки или интерпретации должны осуждаться и изменяться в соответствии со взглядами группы. В этом случае реальность постигается более приближенно.

- 9) В исследованиях новой парадигмы, ориентированной на использование качественных методов, должен иметь место «исследовательский цикл», осуществляемый многократно и решающим моментом которого является достижение приемлемости и точности конструируемых теорий, моделей и категорий, предполагаемым имплицитным структурированием.

Представленные контуры новой исследовательской парадигмы создают возможности для разрешения проблемы препарированного характера психологических знаний и их оживления, но и сами обладают не менее важными местами. В частности, низкая валидность, возможность множественной интерпретации, трудная сопоставимость результатов друг с другом, низкая репрезентативность, генерализуемость и т.п. [там же, с. 131].

Выход, как и в предшествующих случаях, находится в попытках объединения возможностей количественных и качественных методов, посредством нахождения механизмов их наиболее эффективного сопряжения и взаимодействия. Наиболее известным из них является метод совместной триангуляции, представляющий одновременное использование количественных и качественных методов, более подробное рассмотрение которой будет предложено в следующем разделе. “При относительно независимом друг от друга сборе и оперировании данными они сопоставляются друг с другом в завершении каждого исследовательского цикла для возможного формулирования новых гипотез, проверки полученных выводов и их возможной коррекции” [Caracelli, Greene, 1993, с. 120]). V. Caracelli и J. Greene предупреждают о том, что и “совместная триангуляция не является панацеей от всех проблем, возникающих в социально-психологических исследованиях” (там же). Она помогает соединять сильные стороны и уменьшать слабые как количественных, так и качественных методов в достижении более глубокого понимания исследуемого феномена (N. Hayes [1993; 1998]; D. Miell, M. Wetherell [1998]; C. Robson [1998]; L. Weirbrook [1994]; B. Wildemuth [1993] и др.).

Некоторые исследователи идут еще дальше, убедительно показывая, что проблема заключается не в нахождении методов сопряжения количественных и качественных методологий исследования, объявляя подобную постановку неверной в принципе. По мнению G. Morgan и L. Smircich, проблема находится в плоскости нахождения механизмов сопряжения различных парадигмальных координат и соответствующих им методологий, эпистемологических и онтологических оснований [1980, с. 494]. Выход предлагает

интегративная эклектика, предполагающая многоплоскостной, многомерный, разновекторный анализ, создающий возможность качественно иного инсайтирования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, диатропичности феномена.

Традиционная классификация методов психологического исследования на количественные и качественные не является исчерпывающей. Эта дифференциация носит скорее идеологический характер. Исследователи, предпочитающие количественные измерения, традиционно ассоциировались с "научным" стилем исследования. Исследователи же, не желающие прибегать к образу естественного испытуемого, предпочитали либо комбинацию количественных и качественных методов, либо сосредотачивались именно на последних. В то же время многие процедуры сбора данных сочетают черты обеих методологий (метод репертуарных решеток Г. Келли [Франселла, Банинстер, 1987]), изучая количественным способом высоко индивидуальные концептуальные миры.

Существуют и другие классификации, подразделяющие методы на естественные и контролируемые, структурированные и неструктурированные, частные и общие, они могут различаться по широте целей, доказательной базе обобщений, продолжительности и цикличности и т.п. В любом своем выражении общей для них целью является углубление в познание при осознании ограниченности возможностей.

Р. Fraenkel связывает различия между количественными и качественными методами с различиями между идиографией и номотетикой, подчеркивая, что "практически любая область интеллектуальных усилий боролась с этим напряжением между общим и уникально специфичным ... каким бы статистически мощным не были бы номотетические (читай количественные) находки, они никогда не будут в состоянии с полной определенностью предсказывать жизненные переживания и действия индивидуальной личности (качественные исследования)" [1995, с. 113]. При общем согласии с приводимой Р. Fraenkel аргументацией, нельзя не отметить и крайности, к которым может привести и приводит полная переориентация как на идиографию, так и на качественное исследование. При любых условиях наличие общей сопоставительной шкалы соотношения людей друг с другом является необходимым условием психологического исследования. Отсутствие такого рода сопоставительной номотетики может привести к полнейшей дезориентации, примером чего является феноменологический подход, провозглашающий уникальность каждой конкретной личности и ситуации и обосновывающий их несопоставимость с другими.

Результаты такого рода дискуссий находят свое воплощение в формировании постпозитивистской или неклассической парадигмы методов исследования. Основное отличие классической парадигмы позитивистского

тока от новой — неклассического, выражается не только и не столько в использовании тех или иных методов и процедур обработки данных. В наибольшей степени оно проявляется в акцентах — либо на соблюдение жестких правил обеспечения научности результатов, даже при их очевидном расхождении с данными собственного опыта реального бытия, приводящем к давлению научной нормы над свободой творческих достижений. Либо в обретении этой свободы, но при обязательном присутствии потенциальной возможности несвободы от возможных обвинений в субъективности и ненаучности.

На наш взгляд, в существующей ситуации имеют право развиваться две методологии, но, во-первых, на конструктивных началах, предполагающих признание продуктивного потенциала друг друга, во-вторых, при признании необходимости разграничения объекта и предмета. Это разграничение возможно на интегративно-эклектическом основании, предполагающем возможность межпарадигмального диалога заинтересованных в достижении продуктивных решений сторон.

Представленный анализ проблемы переоценки ценностей в области метода психологического исследования, сложившейся в социальной психологии и персонологии к концу второго тысячелетия, показывает общую тенденцию к нахождению точек соприкосновения, путей взаимообогащения и нового инсайтирования. Причем, это взаимообогащение и на уровне методов исследования становится продуктивным не в случае нахождения очередного одномерного метарешения с монопольным правом на истину в последней инстанции, а при сохранении суверенности, налаживании продуктивного диалога друг с другом посредством признания существования поливариантности истины, онтологического плюрализма, диалогички и эпистемологии.

5.2. Своеобразие методов социально-психологических исследований

В 1980–90-е годы в психологических дебатах начинает приобретать новое содержание проблема метода исследования. В наиболее рельефной форме эта проблема представляется при обсуждении необходимости "оживления" психологии, отказа от методов, разработанных для анализа неживой природы, господствующих в естествознании, и перехода к методам, учитывающим специфику "живой сущности" человека. По мнению многих исследователей, адекватное постижение человека в условиях его реальной социальной жизни невозможно без обращения к анализу интерпретаций, который предполагает герменевтизацию психологического знания. Следует отметить, что герменевтизация часто ассоциируется с субъективизацией, гуманитаризацией и тому подобной терминологией. При всем

кажущемся разнообразии терминов, речь в каждом случае идет об одном и том же — необходимости смещения акцентов в исследованиях к постижению своеобразия интерпретации человеком самого себя и окружающего его мира. Без знания этих интерпретаций становится невозможным понимание оснований ориентации человека в происходящем и прогнозирования им своих будущих действий.

Этот вопрос достаточно глубоко обсуждался при рассмотрении онтологических оснований социально-психологической теории, здесь же я хотел бы отметить, что, начиная с 1970-го года, у исследователей новой волны возникает все больше сомнений в реальности решения этой проблемы с чисто позитивистских оснований, предполагающих отношение к любому данным, не подлежащим операционализации и верификации, как к ненаучным. В наиболее рельефном виде эти дискуссии имеют место в обсуждении соотношения количественных и качественных методов. Coolican в этой связи задает вполне резонный вопрос: «если мы проводим исследование, предполагающее высоко контролируемые процедуры и точные количественно определяемые переменные, что рекомендуется в подавляющем большинстве учебников, "не получим ли мы в результате очень ограниченное, часто искусственное и совершенно бесполезное знание о человеческом поведении и опыте?" [Harre, 1981, с. 170].

Избранная методологическая основа определяет своеобразие требований к построению социально-психологических исследований в рамках избранной парадигмы. Как уже отмечалось выше, в течение многих десятилетий в социальной психологии господствовала методология позитивизма. Предполагалось, что изучение психологических явлений должно строиться по аналогии с естественными науками: необходимо тщательное объективное наблюдение, количественное измерение переменных, нахождение логических связей между причиной и следствием. Важным условием является также воспроизводимость результатов. В конечном итоге это выражается в требовании использовать в социальной психологии в основном так называемые количественные методы, в частности, эксперимент. Именно поэтому традиционную, а точнее бихевиористски ориентированную социальную психологию часто называют экспериментальной наукой. В том, что именно эксперимент является основным методом, легко убедиться, достаточно открыть учебник по социальной психологии, где изложение любой теории подкрепляется многочисленными экспериментальными исследованиями.

К количественным относятся методы, для которых основными являются процедуры измерения, категоризации и кодирования. Для качественных методов характерно представление информации в виде описаний, значений и т.д. Укажем, что к качественным методам можно отнести опросники, составленные из открытых вопросов, нестандартизированное

интервью, включенное и несистематическое наблюдение, метод репертурных решеток, дискурсный анализ.

Но не все исследователи согласны с тем, что необходимо использовать только количественные методы. И более того, некоторые считают, что в отдельных случаях они дают бесполезную информацию, причем чаще всего это происходит именно в социально-психологических исследованиях. Например, при исследовании аттитудов, когда используется метод шкалирования, положение каждого человека определяется числовым значением только по одному измерению. Но это не совсем верно, т.к. в ходе беседы обычно выявляется комбинация мнений, которые нельзя свести к какой-то средней точке, т.к. теряется общее значение каждого конкретного человека.

Представители новых парадигм указывают на следующие моменты. Во-первых, при использовании количественных методов человек исследуется вне социального контекста, без всех присущих ему связей с другими людьми. Во-вторых, исследуемое поведение отличается от естественного, так как действия испытуемого строго ограничены и даже заранее обусловлены, и он не может планировать и реализовывать поведение, как это происходит в обычных условиях. Кроме того, моделируемые явления настолько узки, что вряд ли можно ожидать, что они встречаются в таком виде в реальной жизни. Например, R. Harre [1981] проанализировал эксперимент, в котором проверялась гипотеза о том, что самофокусирование приведет к усилению «помогающего поведения». Процедура эксперимента заключалась в том, что женщины наблюдали собственное изображение на экране телевизора в течение одной минуты. После этого им читали лекцию о венерических заболеваниях: одной группе сразу же после самофокусирования, а другой – через четыре минуты. Затем их спрашивали, внесут ли они при определенных условиях свой вклад в программу по предотвращению венерических заболеваний. Harre утверждает, что в эксперименте использовалось упрощенное понимание концепции самофокусирования, введенной Дж. Мидом, поэтому данные ничего не могут сказать о поведении в реальном мире. В-третьих, отношения исследователя и испытуемого строятся по схеме «руководитель-подчиненный», и это накладывает свой отпечаток на исследуемую область. И, наконец, строгая система категоризации и кодирования не дает возможности воспринимать явления в целом. Поэтому представители новых направлений, например дискурсного анализа, делают вывод, что только качественные методы позволяют исследовать человека в социальном контексте, в процессе взаимодействия с другими людьми.

Один из возможных вариантов решения возникшего спора предполагает, что использование количественных методов необходимо на первоначаль-

чальном этапе, когда происходит сбор информации, ее анализ и формулирование гипотез, которые затем проверяются в более строгих исследованиях. Это решение, кстати, соответствует позитивистскому подходу. В последнее время появляются исследования, в которых количественный анализ предшествует качественному.

В этой главе буду описаны обе группы методов для того, чтобы была наглядная возможность более или менее острого их сравнения. Ясно, что каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. Основные проблемы количественных методов описаны выше, что касается качественных методов, они дают богатый материал, но подвержены влиянию субъективных факторов, поэтому с их помощью нельзя получать объективные данные, как при использовании количественных методов. Кроме того, ход исследования трудно повторить и получить такие же данные.

Качественный	Метод	Количественный
Субъективная	Информация	Объективная узкая
многочисленная		
Низкая	Внутренняя валидность	Высокая
Реалистичные	Условия	Искусственные
естественные		
Неструктурированная	Схема	Структурированная
Высокий	Реализм	Низкий
Низкий	Конструктная валидность	Низкая
	Надежность	
Низкая		Высокая

Рис. 5.1. Сравнение достоинств и ограничений методов

5.2.3. Эксперимент

Ведущим методом исследования в традиционной социальной психологии и персонологии является метод эксперимента, что и обуславливает рассмотрение многообразия методов психологического исследования именно с него. Эксперимент представляет собой определенным образом организованное исследование, когда экспериментатор осуществляет планомерное манипулирование одной или несколькими переменными (факторами) и регистрирует эффекты, производимые этими воздействиями на другие переменные. Правильно организованный эксперимент позволяет выявлять причинно-следственные связи, которые имеют место в том случае, когда причина предшествует по времени эффекту, воздействие или

ности явления статистически связаны с эффектом и, кроме того, нет альтернативного объяснения эффекта помимо воздействия.

Поэтому D.T. Campbell [1959] указывает, что хороший эксперимент:

- 1) делает ясной временную последовательность между причиной и эффектом;
- 2) достаточно чувствителен для того, чтобы показать, что вероятные причина и эффект взаимосвязаны;
- 3) исключает возможность влияния третьих переменных, которыми можно было бы объяснить связь между причиной и эффектом;
- 4) исключает альтернативные гипотезы о конструктах, включенных в эту связь.

Кроме того, он подчеркивает, что установленная каузальная связь должна быть устойчивой, воспроизводимой при различных условиях, в любое время и для любых групп исследуемой популяции.

С учетом этого планирование эксперимента включает следующие этапы. Во-первых, это формулирование гипотезы, определение и операционализация исследуемых переменных. Во-вторых, выбор схемы эксперимента, процедур контроля побочных переменных и составление репрезентативной выборки. В-третьих, выбор статистических методов для анализа полученных данных с учетом выбранной схемы эксперимента.

В эксперименте переменные, которые изменяет экспериментатор, называются независимыми переменными, а переменные, которые изменяются под влиянием независимых переменных, — зависимыми переменными. Все переменные, кроме независимой, оказывающие влияние на зависимую переменную, называются побочными переменными. Только в том случае, когда все переменные контролируются исследователем, любое изменение зависимой переменной может быть, объяснено изменением независимой переменной. Недостаточный контроль влияния побочных переменных может привести к возникновению ошибок: случайной или несистематической ошибки и константной или систематической ошибки. Первый вид ошибок обусловлен в основном непредсказуемыми факторами. Например, если в эксперименте используется техническое оборудование, то оно может неодинаково работать от пробы к пробе. На ход эксперимента могут повлиять личностные особенности, функциональное состояние, т.е. так называемые субъективные переменные. Предполагается, что они не проявляются при одном условии независимой переменной больше, чем при другом. Уверенность в этом возрастает, если используется рандомизированный метод отбора и распределения испытуемых.

Константная ошибка возникает в том случае, когда побочные переменные влияют на ход эксперимента при одном условии независимой переменной больше, чем при другом. Эта ошибка более опасна, так как она

может привести к неверному выводу о связи между независимой и зависимой переменной там, где ее на самом деле нет. Если два уровня независимой переменной предъявляются последовательно одной группе, то вполне возможно, что выполнение заданий во второй пробе будет лучше, так как испытуемые потренировались и приобрели опыт. Но экспериментатор может сделать ошибочный вывод, что это произошло из-за влияния независимой переменной. Аналогично в схеме эксперимента с несколькими группами, ошибочный вывод может быть сделан, если используются неэквивалентные группы. Поэтому для получения правильных выводов исследователь должен стремиться осуществлять контроль над всеми побочными переменными, уравнивая случайные переменные и предотвращая константную ошибку.

Следующий вопрос касается выбора испытуемых. В эксперименте участвует ограниченное число испытуемых, но полученные выводы обычно распространяются на более широкую популяцию. Чтобы эксперимент удовлетворял условию экологической валидности (т.е. возможности обобщать результаты на другие условия и других испытуемых), выборка должна быть репрезентативной. Иначе возможно получение неправильных выводов, что и произошло в 1936 г. во время избирательной кампании в США. В результате проведенного исследования было предсказано поражение Франклина Д. Рузвельта, который, тем не менее, одержал победу. Ошибка возникла из-за неправильного отбора опрашиваемых. В выборку были включены люди, чьи фамилии выбрали из телефонного справочника. Но в 1936 г. телефон в основном имели люди с высоким социально-экономическим статусом, поэтому побочной переменной стал социально-экономический статус, обусловивший неверные предсказания.

Вопрос о нерепрезентативной выборке возникает в тех случаях, когда в эксперименте участвуют добровольцы. Некоторые исследователи резонно задают вопрос: "Почему одни люди соглашаются участвовать в экспериментах, а другие – нет?". R. Rosenthal и R.L. Rosnow [1975] представили убедительные доказательства в пользу того, что добровольцы отличаются от остальных представителей популяции. Они обладают высоким интеллектом, более общительны и являются представителями высшего социального класса. Иными словами, это нерепрезентативная выборка.

Такая же проблема возникает, когда большинство субъектов отбирается из ограниченной популяции – например, студентов колледжей. Такая практика широко используется в США, поэтому социальную психологию часто называют "психологией студентов". Осведомленность студентов, естественно, будет оказывать влияние на выполнение заданий в ходе эксперимента.

Правда следует отметить, что на практике настоящая репрезентативная выборка представляет собой скорее абстрактную идею в силу невозможности организовать действительно репрезентативную выборку в реальных

условиях. Тем не менее, основной целью экспериментатора является стремление учесть при отборе и распределении испытуемых как можно больше факторов.

Основным способом отбора испытуемых является рандомизированный отбор, когда каждый член популяции имеет равные шансы стать испытуемым. Обычно для создания репрезентативной выборки каждому члену популяции присписывается определенный номер, а затем используют такую процедуру для генерации случайных чисел.

Рандомизация является оптимальным способом при составлении большой выборки. Если в эксперименте принимает участие небольшое число испытуемых, то нельзя использовать рандомизированную процедуру отбора, т.к. возможно влияние случайности, и выборка не будет репрезентативной. Поэтому используют послыный рандомизированный отбор, когда выделяются в популяции отдельные субгруппы (или слои) и из них рандомизированно отбираются представители, причем их количество в выборке должно быть пропорционально размеру субгруппы в популяции. Такой метод очень часто используют в социальной психологии, особенно при изучении стереотипов, аттитудов, которые сильно варьируют у представителей различных групп.

В то же время и рандомизация не является панацеей от всех бед, связанных с искусственностью экспериментирования над людьми при исследовании особенностей их социального бытия. С. Robson описывает ряд проблем, связанных с рандомизированным экспериментированием в отношении реального мира: случайность оценок; ограниченность валидности; этические вопросы; отсутствие возможности контроля над побочными переменными [1998, с. 84–85].

Еще одна проблема связана с использованием различных экспериментальных схем и планов. Самой простой является процедура повторного измерения, примененная в известных экспериментах F. Allport, N. Triplet, В.М. Бехтерева по изучению влияния присутствия других людей на решение задач, когда испытуемые выполняли задания при различных условиях: отдельно и в присутствии других. При организации экспериментального плана с повторным измерением одним и тем же испытуемым предъявляются различные условия независимой переменной, и производится измерение зависимой переменной. Эта схема хороша тем, что различия между испытуемыми уравниваются и не влияют на результат исследования.

При этом существует множество факторов, влияющих на внутреннюю валидность эксперимента, построенного по этой схеме, поэтому она практически не используется в таком виде. Так, если при втором уровне независимой переменной люди выполняют задачу лучше, то улучшение выполнения можно объяснить тренировкой во время первой части экспе-

римента. И, наоборот, ухудшение во второй пробе можно объяснить усталостью или скукой. Для преодоления этих недостатков используются следующие возможности.

1. Уравновешивание.

Чтобы снизить влияние эффекта порядка, можно половине испытуемых предложить выполнить задание сначала при втором условии независимой переменной, а затем – при первом, а другой группе – наоборот. Но будет ли полностью преодолен эффект порядка? Нет. Влияние опыта может оказаться неодинаковым в двух группах. Например, если вначале человек выполняет задание один, то он может сосредоточиться и за счет этого добиться улучшения во второй пробе. Но если вначале человек выполняет задание в одной комнате с другими людьми и для него важно, какое впечатление он производит, то он вполне возможно не усовершенствует свои навыки, т.к. будет постоянно отвлекаться. Тогда выполнение во второй пробе не улучшится. Уравновешивание не произойдет. Поэтому можно использовать более сложные схемы.

2. Комплексное Уравновешивание.

– АВИА, где А и В – различные условия независимой переменной. Значение для каждого условия равно среднему значению двух предъявлений.

– АВСАСВВАС

ВСАИСАВСВА

Если в эксперименте предъявляются три условия независимой переменной, то можно всех испытуемых разделить на три группы и предъявлять условия в указанном выше порядке.

3. Рандомизация порядка условий.

В некоторых экспериментах исследуется большее число условий независимой переменной, тогда каждому участнику условия предъявляются в рандомизированном порядке.

4. Рандомизация стимульных пунктов.

Эта красивая схема предотвращает эффекты порядка в эксперименте с двумя условиями независимых переменных. Предположим, что мы хотим узнать, какие слова воспроизводить легче: конкретные или абстрактные. Вместо того чтобы давать группе вначале список конкретных слов, а затем список абстрактных слов, легче предъявлять один список, в котором слова равномерно распределены.

5. Увеличение времени между предъявлениями.

Можно выбрать такой промежуток между предъявлениями, чтобы снизить влияние научения или усталости.

Процедура	Преимущества	Трудности	Возможные решения
Повторное измерение	Нет влияния субъективной переменной Необходимо меньшее количество участников	Эффект порядка Необходимость использовать различные стимульные материалы Не всегда можно использовать одних испытуемых при двух условиях НП, потеря участников ко второму предъявлению НП	Уравновешенное сбалансирование, рандомизация, долгий промежуток, между предъявлениями разных условий НП, рандомизация стимулов, использование независимых выборок

Рис. 5.2. Достоинства и ограничения схемы повторных измерений

При использовании схемы повторного измерения не всегда можно использовать одинаковый стимульный материал, и тогда возникает проблема разработки однородных заданий. Испытуемый не может решать одни и те же задачи дважды при двух различных условиях независимой переменной. Кроме того, цель эксперимента может стать ясной для испытуемого, и эксперимент окажется бессмысленным. Например, испытуемые должны охарактеризовать человека по его фотографии, а в качестве исследуемой переменной используется установка, которую формирует экспериментатор. В этом исследовании нельзя использовать одних и тех же испытуемых.

В некоторых исследованиях в качестве независимой переменной выступают личностные особенности или социально-демографические характеристики, тогда просто необходимо организовать эксперимент с использованием нескольких групп, и наиболее приемлемой являются схемы независимых выборок и схемы подобранных пар.

В схеме независимых выборок разные группы выполняют одно и то же задание при разных условиях независимой переменной (может быть и три условия и больше). Эта схема имеет также и другие названия: независимые группы, независимые субъекты и межгрупповая схема.

Основная трудность эксперимента, организованного по такой схеме, может быть связана с различиями между группами, когда испытуемые

неравномерно распределены, по этому возможно альтернативное объяснение изменения зависимой переменной.

Чтобы преодолеть эти трудности необходимо рандомизированное или послойно-рандомизированное распределение участников. Можно также использовать процедуру предварительного тестирования, чтобы показать, что группы идентичны. Эта процедура менее предпочтительна, так как практически приходится тестировать дважды. Это дорого и занимает много времени.

Но можно не просто проверить, различаются ли группы по каким-то переменным, а подобрать одинаковые пары и распределить их по разным условиям. Это схема с подобранными парами. Пары формируются на основе релевантных переменных, выбранных в зависимости от природы исследования. В этом случае нет эффекта порядка, а различия между группами сводятся до минимума.

Процедура	Преимущества	Трудности	Возможные решения
Использование независимых выборок	Нет эффекта порядка Испытуемым труднее узнать цель эксперимента Можно использовать одинаковые стимулы Не надо ждать, когда забудут первое условие	Влияние субъективной переменной Большое количество испытуемых	Рандомизированное распределение Предварительное тестирование

Рис. 5.3. Достоинства и ограничения схемы независимых выборок

Один из подарков природы, считают многие исследователи, для психологических исследований – это идентичные монозиготные близнецы. Они представляют собой такие подобранные природой пары (по крайней мере, в момент рождения).

Любые различия между ними могут быть потом объяснены различными условиями окружающей среды. Хотя обратное невозможно: сходство нельзя объяснить только на основе генетики, так как дети часто растут в одинаковых социальных условиях, и это второй объясняющий фактор.

Процедура	Преимущества	Трудности	Возможные решения
Подооранные пары	Нет эффекта порядка Влияние субъективных характеристик контролируется Можно использовать одинаковые стимулы	Некоторые субъективные характеристики остаются Трудно найти соответствующие пары, требуется время Потеря одного участника приводит к Выпадению пары	Рандомизированное распределение

Рис. 5.4. Достоинства и ограничения метода парных сравнений

И, наконец, последняя схема — эксперимент с одним участником. Когда мы слышим, что только один человек принял участие в эксперименте, то у нас тут же возникает мысль о бесполезности такого исследования, так как полученные результаты нерепрезентативны и их нельзя обобщать. Но иногда достаточно показать существование закономерности на одном примере. Несмотря на то, что G. Ebbinghaus провел эксперименты только с одним участником, которым был он сам, о них знает весь мир. Также если проверяется гипотеза о наличии у человека какой-то способности, достаточно показать это на одном примере. Такой эксперимент можно провести в том случае, когда требуется много времени на одного испытуемого, или когда просто необходимо ознакомиться с проблемой, чтобы сформулировать какие-нибудь гипотезы. Доказать гипотезу очень трудно, так как нужно предусмотреть все возможные случаи, но опровергнуть гораздо легче: достаточно найти один пример, когда она не подтверждается.

Процедура	Преимущества	Трудности	Возможные решения
Схема с одним участником	Полезен, когда требуется много времени на одного участника	Нельзя обобщать необходимо повторение, если участник покинет проект	Использовать там, где обобщение не основной критерий

Рис. 5.5. Преимущества и ограничения схемы эксперимента с одним участником

Даже в том случае, когда исследование организовано верно, осуществляется контроль всех побочных переменных, остается еще несколько проблем, связанных с влиянием личностных особенностей экспериментатора и исследуемого, взаимодействия между ними, которые проявляются только в ходе эксперимента.

В литературе описывается эффект Пигмалиона или эффект Розенталя, когда исследователь произвольно или непроизвольно действует так, что влияет на ход эксперимента. R. Rosenthal [1976] приводит многие интересные примеры. Группе студентов необходимо было описать поведение "умных" и "глупых" крыс (которые в действительности были рандомизированно распределены по группам). Оказалось, что "умные" крысы показали лучшие результаты, чем "глупые" крысы. В данном примере ошибка возникала на уровне интерпретации поведения. Больше проблем возникает тогда, когда экспериментатор влияет на поведение испытуемых. Например, если исследователь имеет высокую потребность в одобрении, то он попытается получить результаты, соответствующие выдвинутой гипотезе, чтобы услышать похвалу со стороны коллег, или он просто сфальсифицирует результаты, так как боится потерять работу или хочет преуспеть.

Личные качества экспериментатора – биосоциальные – (раса, пол, возраст, социальный класс и т.д.) и психологические (интеллект, потребность в достижении, уровень тревожности и т.д.) могут влиять на поведение участников. Есть свидетельства, что привлекательные экспериментаторы-женщины способны добиваться от испытуемых мужчин лучших результатов, чем экспериментаторы-мужчины [Binder, McConnell и Sjöholm, 1957]. На результаты влияют также особенности испытуемого. M.T. Orne [1962] утверждает, что всегда есть возможность узнать, что изучает экспериментатор, какое поведение исследуется, и какие изменения должны произойти. Эти возможности, которые помогают открыть гипотезу экспериментатора, он назвал характеристиками требования (demand characteristics). В зависимости от индивидуальных особенностей испытуемый может либо осуществлять деятельность независимо оттого что хочет экспериментатор, либо помогать исследователю подтвердить гипотезу. S.J. Weber и T.D. Cook [1972] не нашли подтверждения, что участники действуют так, как ожидает экспериментатор. J. Masling [1966] даже утверждает, что поведение может быть изменено в противоположную сторону – эффект давления. В любом случае, если испытуемый знает цель, его поведение изменяется.

Участники, которые нуждаются в одобрении, поддаются влиянию со стороны экспериментатора, так как возникает феномен evaluation apprehension [Rosenberg, 1969], и они стремятся дать «правильный» ответ, чтобы получить одобрение со стороны экспериментатора.

Опасения могут возникнуть, когда испытуемый думает, что исследователь найдет отклонения от нормы, и возникающая при этом тревожность

влияет на результат. Многие просто хотят выглядеть лучше под влиянием внешнего фактора социальной желательности.

Для снижения влияния этих факторов есть две возможности: усиление контроля и создание новых техник. Усиления контроля связано с выбором схемы эксперимента. Кроме того, создаются специальные процедуры, например, слепой метод и двойной слепой метод. Когда используется слепой метод, то испытуемого просто обманывают, т.е. дают неверную информацию в отношении того, для чего проводится исследование. При двойном слепом методе сам экспериментатор, взаимодействующий с испытуемыми, не знает, какие воздействия оказаны на испытуемого и оказаны ли вообще.

Последний вопрос, с которым нам необходимо познакомиться, связан с выделением различных видов экспериментов. Все эксперименты разделяют на лабораторные и естественные, в зависимости от того, где проводится исследование. В социальной психологии часто проводят эксперименты, которые называют квазиэкспериментами, специфика которых заключается в том, что исследуются естественные группы, а не создающиеся в результате отбора. Также говорят о факторных экспериментах, когда исследователь изменяет одновременно несколько переменных.

Большинство экспериментов в социальной психологии было проведено в лабораторных условиях. Лабораторный эксперимент позволяет осуществлять строгий контроль всех случайных воздействий и в большей мере приблизиться к идеальному эксперименту.

Многие критики считают, что изучение поведения в отрыве от реальной жизни, в искусственно созданных условиях, не имеет значения. В качестве недостатков лабораторного эксперимента называют:

1. Узость независимой и зависимой переменной (низкая конструктивная валидность). Например, те агрессивные формы поведения, которые А. Bandura наблюдал в своем эксперименте, не являются единственными и могут проявлять другие формы деструктивного и враждебного поведения. N. Heather [1976] указывает:

"Психологи пытаются "втиснуть" изучение человеческой жизни в лабораторную ситуацию, где она становится неузнаваемо отличной от ее естественно возникающих форм".

2. Невозможность обобщения (низкая экологическая валидность). Эффект, наблюдаемый в лаборатории, может не иметь никакого отношения к реальной жизни вообще. Так, концепция "иколической памяти" или "хранение визуальной информации", где содержатся сырые сенсорные данные, из которых мы впоследствии извлекаем информацию, некоторые современные авторы считают лишь артефактом экспериментов, доказавших ее существование. Но даже если не заходить так далеко, то, по крайней

мере, логично, что в реальной жизни в человеческом восприятии нет кратковременных фиксаций. Поэтому феномен, изученный в лаборатории, не имеет никакого отношения к протеканию процесса восприятия в реальной среде.

И, конечно, еще больше сомнений в том, что эксперименты, проведенные на крысах, голубях или шинанзе могут дать нам информацию о сложном человеческом поведении.

3. Искусственность условий. Для многих людей лаборатория кажется неприятным или даже странным местом, в результате чего они могут быть слишком покорными или испытывать неприятное чувство "давления" окружающей обстановки. И если экспериментатор усилит это чувство полной стандартизированной процедуры, давая инструкции без улыбок и дружеской поддержки, то испытуемый вряд ли будет чувствовать себя "как дома" и демонстрировать обычное поведение.

В защиту лабораторного эксперимента можно привести следующие аргументы:

1. При изучении процессов, протекающих в мозге, познавательных психических процессов и многих других явлений необходимо точное измерение, которое можно осуществить только в лаборатории с использованием технических средств. Причем, если исследуется способность человека к различению, то важно ли здесь, где проводится исследование: в искусственной лабораторной обстановке или в таком же технически оснащенном центре, где в дальнейшем будут эти данные использованы? Или если мы хотим узнать, как двухнедельный ребенок справляется с задачей на различение, то лучше всего провести этот эксперимент в лаборатории, ведь для младенца не важно, где проведен эксперимент: дома или в лаборатории.

2. Физики не смогли бы расщепить атом в естественной среде, если бы не наблюдали его движение в вакууме. Также и психологи. Только в лаборатории они смогли раскрыть многие важные закономерности, которые, будучи интересными, сами по себе, нашли широкое практическое применение. Без лаборатории мы не знали бы о различии функций полушарий, о феноменах перцептивной защиты и о крайней степени подчинения авторитету. Во многих случаях ведутся споры по поводу верной интерпретации, но сами феномены важны с точки зрения человеческой проникаемости и дальнейших исследований.

3. Эксперименты, проведенные в лаборатории, гораздо легче воспроизвести, а это одно из необходимых условий для построения научных теорий в социальной психологии.

4. Многие эффекты, изученные в лабораторных условиях, могут гораздо сильнее проявляться в реальной жизни, что свидетельствует о том,

что они не просто созданы в лаборатории. Например, в известном исследовании Milgram по изучению подчинения, участники могли остановить эксперимент в любой момент, но в реальной жизни есть сильное социальное давление и санкции, против того, кто не подчиняется нормам. Поэтому подчинение авторитету может проявляться еще в более сильной степени.

Очевидной альтернативой лабораторному эксперименту является полевой или естественный эксперимент, который проводится в естественном окружении, в школе, больнице или на улице, во время профессиональной деятельности, общения и взаимодействия с другими людьми.

J. Freedman и S. Fraser [1966] провели естественный эксперимент для проверки гипотезы о том, что "согласие ведет к согласию", т.е. если человек выполняет одну просьбу, то он также согласится выполнить и другую. В эксперименте приняло участие 156 домохозяек, разделенных на 4 группы. Ко всем домохозяйкам обращались с просьбой: пригласить группу из 5–6 человек к себе домой и на протяжении 2 ч оценивать качество различных продуктов в их присутствии. Эта достаточно обременительная просьба высказывалась при различных условиях, через три дня после: непосредственного контакта с домохозяйкой, когда ее просили ответить на несколько вопросов о качестве мыла, которое она использует; непосредственного контакта, когда просьба ответить на вопросы была, но они не задавались; непосредственного контакта без просьбы. У четвертой группы на втором этапе не было никаких контактов с исследователями. Полученные результаты представлены на рис. 5.6.

1 гр	52.8%	
2 гр	33.33%	* - $p. < 0.07$ (отличие от 1 группы)
3 гр	27.88%*	** - $p. < 0.02$
4 гр	22.2% **	

Рис. 5.6. Результаты естественного эксперимента.

Для многих даже небольшая просьба не показалась естественной. Только 2/3 всех испытуемых согласились ответить на несколько вопросов при первом контакте. Естественно, что никто из тех, кто не согласился с первой просьбой, не позволил исследователям посетить их дом.

Основное предположение было подтверждено, так как более 50% из тех, кто выполнил первую просьбу, согласились со второй, и только около 25% из тех, к кому не обращались с первой просьбой, поступили также. Вопрос состоит в том, что повлияло на поведение: контакт с исследователем или само выполнение первой просьбы. Результаты 3 группы, имевшей контакт с исследователем, но просьба которым не задавалась, очень близки

к результатам четвертой и отличаются от данных 1 группы ($p < 0.07$). Скорее всего, этот фактор не играет решающей роли. Возможно, что именно согласие с первой просьбой играет существенную роль. Полученные данные для 2 группы не отличаются существенно ни от 1 группы ни от 4, следовательно, необходима дальнейшая проверка влияния этого фактора. Было сделано предположение, что он вполне возможно играет какую-то роль.

Исследование в естественном окружении позволяет преодолеть основной недостаток лабораторного эксперимента, связанный с невозможностью обобщать на реальную ситуацию. Кроме того, в большинстве случаев участники полевого исследования не знают, что они участвуют в эксперименте. Но даже тогда, когда они знают о том, что вовлечены в исследование, это не сравнимо с чувством опасности и подозрения, возникающими в лаборатории.

Естественный эксперимент	Метод	Лабораторный эксперимент
Естественные	Условия	Неестественные, создающие неприятные ощущения
Ощущения	Контроль побочных Переменных	Высокий
Высокий	Реализм	Низкий
Сложнее воспроизвести	Воспроизводимость	Легко воспроизвести
Высокая, когда распространяется на те условия, где проводился; других условий низка	Экологическая валидность	Низкая
Более высока	Конструктивная валидность	Низкая из-за узости НП и ЗП
Сложное не может быть использовано Больше	Техническое оборудование Затраты и время	Сложное может быть использовано Меньше

Рис. 5.7. Особенности естественного и лабораторного эксперимента

Основными недостатками естественного эксперимента являются невозможность осуществить контроль побочных переменных, трудность изменения независимой переменной и измерения зависимой.

При решении вопроса о выборе эксперимента вполне возможно использование схемы, когда первоначально эксперимент должен быть проведен именно в лабораторных условиях, и только потом в естественных или наоборот.

В эксперименте с использованием нескольких групп, предполагается рандомизированное распределение испытуемых, если, конечно, различие между группами не является независимой переменной. Иначе одним из возможных объяснений установленной связи между независимой и зависимой переменными может стать неоднородность групп. Эксперименты, в которых не производится рандомизированное распределение групп, называются квазиэкспериментами. В квазиэкспериментах обычно исследуются реально существующие группы. Примером квазиэксперимента является Хоторнский эксперимент по изучению факторов, влияющих на производительность труда.

В том случае, когда используется несколько независимых переменных, эксперимент называют факторным. Факторные эксперименты позволяют, во-первых, организовать строгий контроль именно того результата действия независимой переменной, который интересует исследователя, во-вторых, позволяют проверять более сложные гипотезы – комбинированные, когда несколько факторов взаимодействуют друг с другом. Необходимо указать, что в экспериментах зависимых переменных может быть тоже несколько, и тогда их называют многомерными.

Но не всегда можно организовать эксперимент. Представьте, что вы хотите проверить гипотезу о том, что правильные методы воспитания оказывают благотворное влияние на психику формирующегося человека, и, став взрослым, люди имеют лучшую психическую приспособленность, и легко адаптируются в социальной среде. Или, чем больше рост человека, тем более успешен он в профессиональной деятельности. Может возникнуть предположение о том, что люди, имеющие способности к гуманитарным наукам, отстают в естественных. Для проверки этих гипотез нельзя провести активный эксперимент. В одних случаях это практически неосуществимо (нельзя варьировать рост, способности, пол и т.д.), в других – это неэтично (нельзя заставить родителей использовать плохие методы воспитания).

В таких случаях проводят корреляционные исследования, когда не производится воздействие на ситуацию, а просто изучается связь между существующими переменными.

В корреляционных исследованиях можно показать связь между переменными, но в отличие от эксперимента нельзя говорить о причинно-следственных отношениях. Предположим, в ходе исследования установлена связь между высокой самооценкой студентов и успехами в учебе. Но без эксперимента невозможно объяснить, что является причиной. Иногда

делается ошибочный вывод, что успехи в учебе повышают самооценку студента. Но возможны альтернативные объяснения, что именно "здоровая" самооценка обуславливает успехи или существует еще одна переменная, влияющая на оба показателя. Так, исследование J. Bachman и P. O'Malley [1977], в котором приняло участие 1600 молодых людей, показало, что корреляция самооценки с успехами в учебе объясняется интеллектом и социальным статусом семьи. Таким образом, мы видим, что в корреляционном исследовании невозможно учесть все факторы, влияющие на результаты, и это не дает возможность делать причинные выводы.

Но важность корреляционных исследований заключается в том, что корреляционные исследования могут опровергнуть гипотезу о каузальной связи, так как каузальный закон предполагает наличие корреляции. Поэтому относительно недорогой корреляционный подход может служить для проверки гипотез, и те, которые его выдержат, могут быть затем подвержены более дорогой экспериментальной проверке.

Дебаты по проблеме эффективности экспериментирования в социальной психологии и персонологии не стихают и сегодня. Более того, одинаково убедительные аргументы приводятся как сторонниками, так и оппонентами: Предлагаемые решения, как правило, сводятся к разработке усовершенствований в области процедуры экспериментирования [Robson, 1998; Coolican, 1998]. Общий обзор выдвигаемых "за" и "против" проанализирован Н. Coolican и представлен на рис. 5.8. [1998, с. 90–91].

Тип организации	Возможности	Ограничения	Пути решения
1	2	3	4
Повторное измерение.	Устраняются переменные участия. Более экономичный для участников Снятие проблемы гомогенности вариантов Небольшое количество участников.	Эффект порядка. Невозможность безостановочной реализации второго условия. Необходимость перечня различных стимулов и т.п. Участники не наивны в отношении новых условий и могут понять цель. Возможная потеря участников при смене условий.	Контрбаланс/рандомизация условий. Сокращения временного промежутка между условиями. Привлечение независимой выборки. Рандомизация стимульного материала. Маскировка целей от участников (или сокращения промежутка между сменой условий)

1	2	3	4
Не зависящие выборки	Нет эффекта порядка. Участникам недоступна цель. Возможно использование одного и того же стимульного материала. Нет нужды ожидания момента забывания участниками первого условия исследования.	Не контролируется переменная участников. Менее экономична для участников. Отсутствие гомогенности вариантов может препятствовать использованию параметрических тестов.	Рандомизированное помещение участников условия. Соблюдение равенства членов каждой группы
Подбор пар	Нет эффекта порядка. Частично контролируются переменные участников. Нет необходимости ожидания забывания участниками условий первого исследования. Возможно использование одного и того же стимульного материала. Нет проблемы гомогенности вариантов.	Присутствуют некоторые переменные участников. Сложность нахождения строгих совпадений, приводящая к временным затратам. Потеря одного участника пары приводит к потере пары.	Рандомизированное помещение пар в условия исследования.
Отдельные участники	Полезно при ограничении участников/или потребности в длительных временных затратах на подготовку участников.	Невозможность генерализации на другие категории людей, не обладающих необходимой компетентностью. Необходимость дополнительных тренировок при оставлении участниками исследования.	Аккуратное обращение с участниками

Рис. 5.8. Возможности и ограничения различных типов организации экспериментирования.

Неоднозначность отношения к экспериментированию предполагает использование возможностей и других методов исследования.

5.2.2. Наблюдение

Сложности, возникающие при использовании экспериментального метода, особенно лабораторного, когда исследуются лишь отдельные аспекты поведения, выделенные на основании гипотезы, которые вполне возможно не соответствуют реальному поведению, когда действиями испытуемого манипулируют, чаще всего не давая ему возможности проявить свою внутреннюю сущность, заставляют многих исследователей обращаться к другим методам. Прежде всего, это наблюдение.

Причем, будучи исходно хронологически первым методом, наблюдение на протяжении истории психологии проходило достаточно сложный путь в сохранении своего статуса. После довольно длительного момента потери приоритетности, сегодня роль наблюдения особенно возрастает в связи с возрастанием роли качественных данных, позволяющих глубже схватить сущностные характеристики социального бытия личности [D. Miell, M. Wetherell, 1998]. Представляя собой преднамеренное, систематическое и целенаправленное восприятие психических явлений, наблюдение позволяет схватывать те аспекты, которые недоступны другим методам. В наблюдении присутствует наличие ясно осознанной цели: для чего наблюдается поведение и на какие отдельные аспекты необходимо обратить внимание. Это отражается в составленном плане наблюдения, выделении отдельных категорий наблюдения.

Применительно к различным разновидностям наблюдения, широко отраженным в литературе [Бодалев, Столин, 1987; Coolican, 1998; Miell, Wetherell, 1998; Robson, 1998; и др.] можно говорить о различиях между:

- Наблюдением как техникой и общей организацией исследования;
- Включенным наблюдением (когда исследователь является частью наблюдаемой группы);
- Открытым наблюдением (участники осведомлены о том, чем занимается наблюдатель) и скрытым;
- Структурированным и неструктурированным;
- Контролируемым (часто лабораторным) и естественным (собственным наблюдением за происходящим [Coolican, 1998, с. 93].

Метод наблюдения обычно проводится в сочетании с другими методами. Очень часто его используют для измерения отдельных переменных в эксперименте, кроме того, он проводится вместе с методами интервью, опросами для получения более объективных данных. Например, в известном эксперименте S. Milgram [1963] в дополнении к механической регис-

группы ответов испытуемого, его действия записывались на видеопленку, исследователи наблюдали изменение эмоциональных реакций в ходе эксперимента. А в экспериментальном исследовании А. Bandura этот метод не использовался для измерения проявления агрессивных действий у детей.

Одним из видов является структурированное наблюдение. При таком исследовании используются строгие процедуры фиксации и кодирования. При таком исследовании часто используют различную видеотехнику для фиксации поведения, чтобы в дальнейшем ее можно было качественно проанализировать. Наблюдение в этом случае можно организовать таким образом, что испытуемый не будет догадываться, что за ним наблюдают (стоит здесь надо помнить об этических принципах).

В том случае, если нет возможности использовать видеотехнику, привлекают экспертов, наблюдающих за поведением непосредственно и регистрирующих определенные события. Обычно используют несколько экспертов, по одному – двум на каждого исследуемого. Если наблюдателей мало, то проводят наблюдение каждого испытуемого на протяжении короткого, точно установленного промежутка времени, или до тех пор, пока данных не будет достаточно; затем переходят к наблюдению следующего участника.

Возможен также вариант, когда наблюдатель ожидает появления определенного события, которое заранее определено до начала исследования, а затем переходит к наблюдению поведения следующего испытуемого.

Для описания данных обычно используют сетку категорий или единиц поведения. Например, при наблюдении за поведением детей во время игры в детском саду, можно регистрировать время и частоту видов деятельности, выделенных в качестве исследуемых категорий, и данные заносить в таблицу. Другой вариант состоит в оценке поведения по какой-либо шкале. Можно оценить поведение ребенка в зависимости от того, проявляет он интерес или нет, используя оценки от 1 до 10. Еще одна возможность состоит в кодировании отдельных актов поведения, используя определенные категории, например, графические символы, отражающие позиции частей тела.

В социальной психологии очень известной является система категорий, отражающих основные типы взаимодействия, разработанная R. Bales. Наблюдая за поведением детей, выполняющих совместную деятельность, он выделил четыре основные категории, к которым можно свести все возможные взаимодействия: область позитивных эмоций, область негативных эмоций, область постановки и область решения проблем [Андреева, 1991, с. 126]. Схема R. Bales очень часто используется при наблюдении за поведением людей в группе. Но со стороны многих исследователей она вызывает критику, так как нет достаточного обоснования существования

именно этих четырех типов взаимодействия. Критика этой схемы наблюдения обычно отражает недостатки структурированного наблюдения в целом. Сведение всего поведения к набору отдельных простейших актов, выделение которых в большинстве своем недостаточно обосновано, дает надежные данные, но при этом теряется целостность поведения и его значение. Гораздо более важно наблюдать поведение таким образом, чтобы как можно больше сохранилось содержательного контекста, в котором оно возникло. Кроме того, необходимо описывать поведение человека с учетом мотивационных особенностей. Это не всегда можно сделать, если используется структурированное наблюдение.

К несистематическому или неструктурированному наблюдению можно отнести биографический метод. Этот метод использовал Ф. Пиаже, наблюдая за развитием собственных детей.

Другими видами наблюдения являются включенное и невключенное наблюдение. Но правильнее было бы говорить не о четком разделении исследований на эти две группы, так как степень включенности может быть разной, и некоторые виды наблюдения занимают промежуточное положение между этими двумя крайними формами. Patton [1980] считает, что степень включенности может быть описана следующим образом.

Участник как наблюдатель (все знают, что включен в группу для каких-то целей, но не известно для каких). Так, М. Mead долгое время жила в культурах, которые изучала, на Самоа, Новой Гвинее проводила запись с помощью кино- и фотоаппаратуры, а затем анализировала материал и выдвигала свои гипотезы.

Наблюдатель как участник (все знают, что включен в группу для определенных целей, но позволяют временно стать членом группы). В таком наблюдении от наблюдателя требуются определенные умения, так как он должен войти в доверие и стать полноправным участником группы для того, чтобы собрать необходимую информацию.

Основным преимуществом включенного наблюдения является его гибкость, так как исследователь не устанавливает жестких рамок в отношении того, что собирается. Иногда невозможно изучать некоторые группы другими методами или получить необходимую информацию. Кроме того, это возможность получать надежные данные. Существует мнение, что чем дольше наблюдатель находится в группе, тем больше у него возможности получить правильную информацию. Если члены группы хотят показать себя определенным образом, то они не могут это делать долгое время в отношении друзей и родственников. И даже если исследователь не заметит, что они ведут себя неестественно, то на это укажет ему прямо или опосредованно поведение других людей. Правда присутствует и вероятность полной идентификации исследователя с группой и потери возможности острого анализа.

Основные трудности включенного наблюдения связаны с этическими проблемами, например, с обманом испытуемых, которые не предполагают, что роль играет исследователь. Кроме того, из-за присутствия нового члена группы, может измениться поведение участников группы. Далее, сам наблюдатель, почувствовав себя членом группы, может необъективно оценивать ситуацию. Следующая сложность связана с тем, что нельзя фиксировать данные непосредственно в момент наблюдения, поэтому он может что-то забыть. И, наконец, полученные данные обычно нельзя распространить на другие популяции.

Наблюдение может проводиться как в лаборатории, так и в естественных условиях. Лабораторное наблюдение страдает теми же недостатками, что и лабораторный эксперимент, а именно тем, что поведение является искусственным, отличным от аналогичного поведения в естественной социальной среде. Поэтому чаще всего проводят полевое наблюдение, которое характеризуется высокой экологической валидностью. Примером полевого наблюдения является исследование R.A. Brown [1973], наблюдение за процессом усвоения речи у трех детей, записывая их общение с матерью на видеопленку, а затем анализируя его.

Особым вопросом, широко обсуждаемым в психологической литературе, является вопрос о надежности данных, полученных с помощью наблюдения. Не всегда можно говорить об объективности исследования, поскольку возможны следующие ошибки. Во-первых, восприятие каждого человека является уникальным, и на него влияет множество фактов. Так, внимание привлекают обычно выдающиеся события, а другие можно просто не заметить. Большое влияние оказывает установка, когда исследователь склонен видеть то, что соответствует гипотезе, и не замечать события, опровергающие ее. Исследователь делает те же ошибки, которые допускают при восприятии других людей, описанные в главе по социальной перцепции. Часто говорят о логических ошибках, когда, например, по единично-контрастному контрасту делают вывод о высоком уровне интеллекта. И наоборот, делается вывод, что ребенок копирует поведение сестры, когда смотрит в ящик, в который она только что смотрела (на самом деле он просто хочет посмотреть, что привлекло ее внимание).

Характеризуя возможности и ограничения, присущие различным типам наблюдения, можно согласиться с их перечнем, предлагаемым Н. Сиббетом и приведенным на рис. 5.9.

	Возможности	Ограничения
Лабораторное	Большая гибкость поведения по сравнению с лабораторным экспериментом. Строгий контроль над переменными.	Поведение может быть очень искусственным с низкой экологической валидностью. Участники могут демонстрировать то, что ожидает увидеть исследователь.
Естественное	Может быть частью эксперимента, демонстрирующей причинно-следственное направление. Более высокая экологическая валидность по сравнению с лабораторным. Может использоваться в случае неэтичности эксперимента, недоступности непосредственных словесных отчетов и при отказе от прямого опроса. Неосведомленности участников об осуществлении наблюдения над ними и соответственно, поведении как в реальных условиях.	На участников может влиять их ощущение того, что они являются объектами наблюдения. Преимущественное использование в экспериментах при нахождении причинно-следственных направлений. Высокий потенциал для проявления предубеждений наблюдателя. Сложность сокрытия наблюдения или используемого оборудования. Трудность повторения
Включенное	Высокая экологическая валидность по сравнению с лабораторным. Значительно более богатая информация о наблюдаемом взаимодействии. Более доступны значения, которыми оперируют участники. Отсутствие формальности и присутствие искренних проявлений предоставляет возможность открытия инсайтов.	Исследователь полагается на память. Высокая эмоциональная вовлеченность создает сложности для сохранения объективности. Необходимость скрываться. Поведение исследователя оказывает влияние на членов группы. Может быть неповторимым, что создает проблемы валидности полученных данных. Могут быть сложности для генерализации каких-либо результатов

Рис. 5.9. Возможности и ограничения типов наблюдения.

3.2.3. Контент-анализ

Многие события нельзя наблюдать непосредственно. Одни из них отделены от исследователя временем, другие возникают непредсказуемо, ну экспериментатору нет возможности заставить их, и, наконец, есть события, когда исследователь не может вмешиваться в реальный ход и ему приходится изучать их только после того, как они произошли. Обычно их исследуют по художественным произведениям, средствам массовой информации, известным речам, дневниковым записям, по картинам и другим продуктам деятельности человека.

Для этих целей в 1940-50-е годы был разработан метод контент-анализа для исследования содержания продуктов деятельности человека, заключающийся в выделении и подсчете частоты встречаемости или объема смысловых единиц. Это метод наблюдения не людей, а того, что они производят.

Первоначально метод, названный контент-анализом, использовался для анализа сообщений печати, известных речей и так далее. Сейчас его широко используют в социальной психологии для различных целей: как вспомогательный метод при анализе ответов на открытые вопросы анкет, для анализа данных, полученных в ходе интервью, или как дополнительный инструмент в проективных методах. Часто он является первым этапом исследования, необходимым для формулирования гипотез. Кроме того, он используется как главный метод в тех случаях, когда исследование объекта невозможно другими способами. В социальной психологии часто проводят контент-анализ в сочетании с другими методами для изучения общения, ценностных ориентаций, взаимодействия в группе. Иногда применяется в науковедческих целях, для исследования научной литературы по социальной психологии. Например, выявления преобладающих проблем, методов исследования по материалам учебников.

Можно условно выделить следующие этапы проведения контент-анализа. Первоначально формулируется гипотеза, на основе которой определяются объект исследования и основные категории. В качестве категорий могут выступать различные виды деятельности, социально-психологические феномены. По сути, это основные понятия проводимого исследования. Одна из самых важных задач осуществить репрезентативный выбор материала. Если мы изучаем телевидение, то необходимо выбрать какие программы, в какое время будет исследователь смотреть. Затем должен быть решен вопрос о единицах анализа, качественных и количественных. Качественные единицы — это содержательные элементы, которыми могут быть отдельные слова, темы, целые сообщения, поведенческие акты. Количественные — частота встречаемости, объем, продолжительность и т.д.

Но возможны и более специфические формы представления, и обработки данных. Например, С. Osgood разработал вариант оценки зависимости элементов содержания. Процедура состоит в регистрации наличия определенных единиц содержания, а также их совместной встречаемости и определения, является ли их совместное появление случайным. Можно также рассчитать уровень значимости случайного появления, выделить плеяды взаимосвязанных единиц.

Используя подобную процедуру, С. Osgood с сотрудниками [Osgood, 1959] проанализировали беседы одного из американских радиокomentаторов и выявили не случайную связь между такими понятиями, как “молодежь” и “болезненные проявления”, а также общую консервативную направленность его выступлений.

В последнее время особой популярностью пользуется такая разновидность контент-анализа как анализ вербальных протоколов. Процедура он представляет собой исполнение просьбы исследователя участникам воспроизводить в слух возникающие в процессе выполнения деятельности мысли. Данный метод тесно связан с практикой извлечения информации о знаниях.

К.А. Ericsson и Н.А. Simon [1984] показали зависимость вербальных протоколов от характера инструкций. Они предлагали следующие инструкции:

1. Скажите своими словами – что вы говорите себе, решая данную проблему (решая задачу) – инструкция о “разговоре вслух”.
2. Вербализуйте свои мысли вслух, возникающие в процессе решения данной задачи – инструктирование о “мыслях вслух”.
3. Вербализуйте свои мысли и решения и дайте обоснования им.

В результате исследования было установлено направляющее воздействие третьей инструкции при относительно минимальном влиянии первой и второй.

Сложности с использованием как контент-анализа, так и анализа протоколов, обусловлены, прежде всего тем, что они также не снимают всех проблем, связанных с получением доступа к особенностям реального мышления, реального познания, реального формирования мира значений и жизненных переживаний. С. Robson отмечает следующие возможности ограничения контент-анализа представленные на рис. 5.10 [1998, с. 280]:

Описанные С. Robson ограничения можно дополнить рядом следующих: во-первых, имеет место различие реальной точности мысли с ее материализацией в документе, во-вторых, реконструкция поля значений, которым оперирует субъект, требует доступа к его “информационному фонду”, т.к. материализованная мысль постоянно соотносится с ним, в-третьих, присутствует необходимость соотнесения с реальным контекстом мысли, т.к. она и определяется и соотносится с ним. Используемые

иными исследователями попытки реконструкции контекста по его материальным текстовым воплощениям опять-таки не снимают проблему влияния авторской предубежденности, выражающейся во влиянии исходных теоретических построений и преследуемых в исследовании целей.

Возможности	Ограничения
Непосредственность (наблюдение не происходит под наблюдением)	Доступные документы могут быть ограниченными или частичными
Данные представляются в неизменном виде и по этой причине могут подвергаться повторному анализу, что позволяет обеспечивать более высокую надежность и воспроизводимость.	Документы создаются для других целей и поэтому исследователю сложно избежать влияния собственной предубежденности (необходимо использование триангуляции, а также других источников данных).
Он может предоставлять возможность "удешевленной" формы контентного анализа при доступности серии однотипных документов.	Очень сложен доступ к выявлению причинных отношений. Затруднительно определение того, является ли документ причиной исследуемого социального явления или рефлексией его.

Рис. 5.10. Возможности и ограничения контент-анализа.

5.2.4. Метод опроса

Специальную группу методов можно назвать методами опроса или методами самоотчета, когда основная информация берется из ответов испытуемых. Основными видами опроса являются анкетирование и интервью. Если проводится анкетирование, то испытуемому предъявляются вопросы в письменном виде, на которые необходимо ответить. Интервью это устный опрос, предполагающий общение "лицом к лицу", когда интервьюер сам задает вопросы и фиксирует ответы.

Анкеты используются в том случае, когда необходимо опросить большое количество людей, а также в тех случаях, когда необходимо выяснить отношение людей к интимным или острым дискуссионным проблемам. Используются как для описательных целей, так и аналитических. Данные опроса используются в описательных целях при исследовании атрибутов, интересов, мнений и т.п. Опросы могут быть использованы для аналитических исследований и проверки гипотез.

Самые важные проблемы, с которыми приходится сталкиваться исследователям, выбравшим устный опрос, это составление анкеты, выбор типа и формулирование вопросов, а также определение процедур отбора

репрезентативной выборки. Вопросы, использующиеся в опросниках, могут быть открытыми и закрытыми. Чаще всего используются закрытые вопросы, когда испытуемый должен выбрать одну из двух или более альтернатив. При ответе на такие вопросы респондент находится в ситуации вынужденного выбора. Открытые вопросы не предусматривают никаких ответов, и испытуемый может выразить свое мнение любым способом. Если в анкете используются открытые вопросы, то обычно она дает больше информации. Кроме того, иногда это более достоверная информация, т.к. испытуемые могут выбрать ответ, неверно проинтерпретировав его. Ситуация вынужденного выбора может привести к негативному отношению к тестированию, если испытуемый не может выбрать никакую из предложенных альтернатив. Необходимость использования свободных вопросов была продемонстрирована в прикладных исследованиях V. Peronne с соавторами [1976] при оценке новой отчетной системы, введенной в школах. Система была подвергнута резкой критике, и исследователей пригласили провести анкетирование среди учителей, и выяснить их отношение к форме отчета. Учителей вначале попросили заполнить анкету, состоящую из закрытых вопросов с двумя возможностями выбора – “согласен” и “не согласен”. Затем им была предложена анкета с открытыми вопросами. Хотя количественная информация, полученная с помощью анкеты с закрытыми вопросами, тоже выявила наличие страха, фрустрации, но более ярко это проявилось именно при ответах на открытые вопросы. Необходимо учитывать, что, несмотря на все преимущества, данные открытых вопросов иногда тяжело интерпретировать, тяжело подобрать систему категоризации и кодирования. Возможен вариант анкеты, состоящей из закрытых вопросов, но после которых предлагается дать свой ответ, если он есть.

Как и в других методах, выборка, которую опрашивают должна быть репрезентативной, так как предусматривается обобщение на большую популяцию. В основном используются те же методы, что и в эксперименте.

Устным видом опроса является интервью. Различают два вида интервью: свободные и стандартизированные. Границы между этими видами подвижны. Выделение этих видов интервью связано, во-первых, с типом вопросов, а во-вторых, со способом обработки полученных данных. Вопросы могут быть открытыми или закрытыми, а при обработке можно воспользоваться различными стратегиями: относить ответы к определенным категориям, количественно оценивать от 1 до 10; можем просто на основании интуиции и анализа выносить решение. Выделяют следующие типы интервью.

1. Свободное, неуправляемое интервью.

Многие психологи используют такую форму интервью, когда респондент рассказывает о чем угодно, а исследователь не раскрывает тему интервью, задает вопросы и направляет беседу в нужное русло. Основная

стать помочь респонденту приблизиться к собственным проблемам и рассказать о них. Многие не считают этот метод исследованием в строгом смысле этого слова, но в социальной психологии он может быть, использован для получения дополнительной информации при организации экспериментов или при использовании других методов. Свободное интервью может стать первым шагом при построении новых исследований.

2. Неформальное интервью.

Основная задача для интервьюера — создать атмосферу, когда интервьюер и респондент находятся на равных правах. В своей крайней форме, когда, кроме того, еще не используются определенные вопросы, оно схоже со свободным интервью, описанным выше. В качестве примера можно привести известное в социальной психологии исследование Мэйно, названное Хотторн-ским. С помощью стандартизированного интервью, проведенного первым, не удалось получить полезной информации. Рабочие просто отвечали на вопросы интервьюера, не давая никакой дополнительной информации. Неформальное интервью, которое затем применили исследователи, дало хорошие результаты. Интервьюер внимательно слушал, давал замечания, не проявляя при этом никакого превосходства, не давая никаких оценок. И в такой неформальной обстановке рабочие начали рассказывать о своих проблемах, и, как общий итог исследования, был сделан вывод, что внешнее неудовольствие было лишь симптомом более глубоких личностных и социальных проблем, требующих совершенно иных мер для сложившегося положения.

В спокойной обстановке неформального интервью респондент может использовать собственные термины, его не заставляют отвечать на вопросы, которые ему кажутся неприятными, и на которые он просто не хочет отвечать. Кроме того, при проведении такого интервью, в отличие от структурированного, вопросы могут быть пояснены, и исследователь может даже раскрыть для чего они предназначены. Интервьюер может спросить испытуемого в любой момент, что он имел в виду, высказывая ту или иную мысль.

3. Неформальное, но управляемое.

В ходе такого интервью обстановка должна оставаться неформальной. Но вопросы должны быть определены и поставлены четкие задачи. Интервьюер может варьировать порядок предъявления вопросов, давать собственные формулировки, т.е. в зависимости от ситуации находить различные возможности, чтобы задать их в непринужденной беседе.

4. Стандартизированное, но с использованием открытых вопросов.

Интервьюер предъявляет точно установленные открытые вопросы в определенном порядке, на которые респондент может отвечать любым образом.

5. Полностью стандартизированное интервью.

Эта процедура сходна с описанной выше, а вопросы закрыты. Эту процедуру вообще трудно назвать интервью. Он больше похож на анкетный с устным предъявлением вопросов.

Основное достоинство стандартизированных методов заключается в том, что они дают более надежные данные, которые легко обрабатывать, естественно, что при этом практически не влияют установки исследователя. В нестандартизированных интервью объективное сравнение и обобщение сделать трудно, но интервьюер может учитывать индивидуальные особенности и задавать вопросы в более свободной спокойной атмосфере, когда возможно получение более полных и откровенных ответов. Однако чем менее структурировано интервью, тем больше умений требуется от интервьюера, и именно от этого зависит окончательный успех. Но при этом велико влияние исследовательской установки.

При проведении интервью необходимо, чтобы интервьюер обладал определенными навыками, особенно при проведении неформального, нестандартизированного интервью. Он должен обладать техникой эффективного общения. Интервьюер должен быть чувствительным к невербальной информации, которую он может использовать как для интерпретации данных, так и для того, чтобы ориентироваться в ситуации и верно задавать вопросы. Необходимо также умение, чтобы задавать вопросы как можно естественнее. Когда таких вопросов мало, то сделать это достаточно просто, но если их много, то тогда достаточно сложно без специального опыта, чтобы связать в общий контекст. Необходимо, чтобы интервьюер проявлял интерес и верил, что интервью даст необходимые результаты. Если с самого начала интервьюер невольно покажет, что он не верит в возможность получить что-нибудь интересное, что он считает, что интервьюируемые не компетентны, то вряд ли интервью будет успешным. Необходимо в каждом конкретном случае находить индивидуальные особенности исследуемого и находить к нему собственный подход.

Раньше мы указывали, что многие исследовательские схемы критикуются за наличие таких возможностей, которые позволяют субъекту понять, какую цель поставил перед собой исследователь, и действовать в зависимости от этого определенным образом. Также, когда мы задаем вопросы, респондент может понять цель опроса и давать определенные ответы. Кроме того, можно говорить о взаимодействии ролей - интервьюера и интервьюируемого. Особенности стиля интервьюера и его саморепрезентации могут влиять на получаемую информацию. Интервьюируемый может из вопросов и поведения интервьюера понять цель исследования и действовать исходя из ожиданий исследователя.

Вид интервью	Преимущества	Недостатки
Неформальное интервью	Интервьюер может учитывать особенности респондента и ситуации позволяет получить богатую и реалистическую информацию Интервьюер чувствует себя более свободно, так как не надо подчиняться строгому порядку	Несистематическая и поэтому различная информация от разных испытуемых Тяжело анализировать собранную информацию Сильное влияние личностных характеристик Относительно ненадежно и трудно обобщать
Неформальное структурированное интервью	Проще анализ, более систематическая информация Интервьюер может проявлять относительную свободу действий Дает достаточно богатую информацию	Различные формулировки могут подчеркивать различные идеи Влияние личных характеристик Низкая надежность и возможность обобщать
Стандартизированное с открытыми вопросами	Данные легко анализировать Уменьшения влияния личностных переменных Респондент не страдает из-за необходимости строго отвечать на вопросы Данные могут проанализировать другие исследователи	Невозможность учитывать особенности ситуации Менее богатый материал Кодирование может не дать необходимую надежность Ограничения при обобщении
Полностью стандартизированное	Не требует много времени Легко воспроизводимо Легко обрабатывается Низкое влияние индивидуальных характеристик	Респондент в ситуации вынужденного выбора Информация узкая Возможность неправильного понимания вопросов и влияние всех факторов, факторов, снижающих достоверность

Рис. 5.11. Достоинства и ограничения метода интервью.

Основные переменные, которые влияют на полученные результаты, — это, во-первых, пол. Вряд ли женщина, верно, опишет роль мужчины, если ее интервьюирует мужчина. Только с женщиной интервьюером, она сможет найти общее понимание и ожидает получить подтверждение своего мнения.

Во-вторых, это этническая и расовая принадлежность. С.Н. Word с соавторами [1974] наблюдал поведение белых интервьюеров при проведении интервью с белыми и неграми. С белыми они проявляли больше близости, что выражалось в избрании более близкой дистанции, интенсивном контакте глаз и т.д.

В-третьих, это формальные роли. Этот фактор возникает в том случае, когда респондент воспринимает исследователя как руководителя или человека с большим авторитетом. Это зависит частично от того, какой стиль использует при общении интервьюер. Возможно влияние *evaluation apprehension*, и тогда респондент будет занят только тем, чтобы подобрать правильный ответ. С другой стороны, некоторые испытуемые могут cynично и неуважительно относиться к интервьюеру и демонстрировать презрение и давать первые пришедшие в голову ответы. Для создания благоприятной обстановки интервьюер должен использовать тот же лексикон, что исследуемая группа, и должен показывать, что он делает это не просто потому, что хочет понравиться испытуемому, но и потому, что считает это вполне нормальным и необходимым. Не должно быть никакой моральной оценки и вообще интервьюируемый не должен думать, что его пытаются оценить. Четвертое, это личностные качества обоих субъектов. Здесь действуют все эффекты социального восприятия, с которыми вы уже знакомы.

Следующий фактор — это социальная желательность, т.е. стремление показать себя с лучшей стороны. При опросах тяжело измерять установки человека, особенно, если они касаются таких проблем как неравноправие, отношение к людям других национальностей и т.д. Социально желательный ответ известен и в этих случаях проще воспроизводить именно его, а особенно в тех случаях, когда респондент предполагает, что его ответы будут оглашены или о них узнают другие люди.

Приведенные особенности интервью отражают как их возможности, так и ограничения, связанные, опять-таки, с системой исследователь — респондент. Наиболее уязвимым в контексте обеспечения валидности и надежности получаемой в ней информации элементом является отсутствие непосредственного доступа интервьюера к поточному миру сознания и переживаний интервьюируемого. Опосредованность этого доступа различными инструментальными хитростями и создает дополнительные возможности для проявления исследовательской предубежденности и, как следствие, предполагает наличие средств ее снижения.

2.5. Тестирование

Наряду с экспериментом тестирование также является наиболее уязвимым для исследователей реального социального бытия личности и ее окружения инструментом. Представляя собой стандартизированное испытание, предназначенное для объективной оценки индивидуально-психологических различий. Технически тестирование представляет собой своеобразное шкалирование, при посредстве которого мы получаем доступ, обычно количественный, к вынесению суждения о степени выраженности той или иной характеристики у индивида.

Тесты широко используются в социальной психологии как самостоятельные методы или в совокупности с другими методами. Имеется большое количество тестов, оценивающих различные социально-психологические переменные, такие как способности руководителя или взаимоотношения в коллективе. Что касается личностных тестов, то в социальной психологии они чаще всего используются в сочетании с другими методами, например, для оценки независимой переменной. Описания специфики теста как инструмента широко представлены в литературе и поэтому не требуют специальной представленности в данной работе [См., например: А.А. Бодалев, В.В. Столин, 1987; А.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова, 1994; А.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов, 1989; Я. Лаак, 1996; В.В. Столин, А.Г. Шмелев, 1984; А.Н. Сухов, А.А. Деркач, 1998; и др.].

Прежде всего, необходимо знать, что при проведении теста соблюдение условие стандартизации, т.е. указания по проведению теста должны быть четко сформулированы и строго соблюдались при проведении тестирования. Это необходимо для того, чтобы показатели, полученные разными испытуемыми, могли быть сравнимы, а для этого и все условия должны быть также сравнимы. Здесь имеются ввиду одинаковые предъявления инструкции, временной интервал, примеры, стимульный материал, поведение экспериментатора, способы регистрации ответов. Они не должны варьировать от пробы к пробе. При проведении тестирования исследователь должен внимательно ознакомиться со всеми требованиями и стремиться действовать соответственно им.

Далее, тест должен быть объективным, т.е. данные не должны зависеть ни от экспериментатора, ни от испытуемого, ни от других условий. Для этого тест должен быть валидным, достоверным и надежным. Валидность показывает, что тест измеряет то, для измерения чего он предназначался. Это один из основных критериев качества теста. Проблема валидности решается в основном при создании теста, когда используются специальные процедуры, подтверждающие, что полученный показатель относится именно к тому свойству, которое мы измеряем.

Надежность показывает точность измеренных показателей, причем отражает в основном только погрешности измерения. Очень часто в качестве показателя надежности берут воспроизводимость результатов через определенный промежуток времени. Обычно к тестам прилагаются описания всех процедур, проведенных при создании теста для решения вопросов, связанных с проблемой валидности и надежности.

И, наконец, достоверность показывает устойчивость теста к фальсификации, т.е. невозможность испытуемого влиять на результаты тестирования. Выделяются следующие основные факторы, влияющие на достоверность тестов:

- Установка на "крайние" ответы, когда испытуемый в основном отвечает "да" на все вопросы или, наоборот, постоянно отвечает "нет".
- Установка на социально одобряемые ответы.
- Установка подтверждать мнение о себе.
- Установка создавать определенный образ.

Кроме того, на достоверность могут влиять случайные ответы. Таким образом, достоверность достигается за счет правильного формулирования вопросов и использования специальных процедур, таких как шкала "лжи" и другие. Прежде чем использовать тест, необходимо выяснить, достоверные ли результаты вы получите.

И, наконец, последний критерий это репрезентативность тестовых норм. При разработке теста определяют показатели, необходимые для разделения испытуемых на группы в зависимости от выраженности свойств. Для этого проводят тестирование на определенной популяции, поэтому при использовании теста необходимо определить соответствует ли выборка исследования тестовой выборке.

Несмотря на продолжающуюся популярность перед тестированием встает и ряд существенных проблем, в числе которых наиболее рельефно просматриваются следующие:

- Определение объективности того, что именно оценивается в тестировании в виду отсутствия непосредственного доступа к реальному психическому.
- Необходимость строгой валидизации, стандартизации и культурной адаптации, сопровождаемых рядом сложностей с определением объективности их критериальных оснований.
- Обеспечение подлинной экологичности применительно к исследованию особенностей социального бытия личности, отличающегося полнотой и экзистенциально-феноменальной континуальностью.

Этот перечень ограничений можно продолжать и продолжать. Точно также, как можно продолжать и продолжать критические суждения, высказываемые многими авторами в отношении тестирования. Тем не менее,

несмотря на обоснованность многих критических оценок, столь же очевидна и необходимость наличия оценочно-сопоставительных оснований для сличения людей друг с другом, без которых становится невозможным решение многих прикладных вопросов.

5.2.6. Проективные методы

Строгость классической процедуры тестирования с сопутствующей ей ограниченностью возможностей изучения реального бытия личности преювет нахождения соответствующих решений. Одно из них представлено в проективных методах, неожиданно получивших дополнительную популярность в последние годы. Термин проекция (от латинского *projectio* — выдвигание вперед) для обозначения данной группы методов был введен В. Франклом, и, несмотря на неоднократные попытки изменить его, закрепился в психологическом употреблении. Содержание понятия обычно трактуется как процесс и результат постижения и порождения значений, заключающийся в осознанном или бессознательном перенесении субъектом собственных свойств, состояний на внешние объекты, осуществляющийся под влиянием доминирующих потребностей, внутренних неосознаваемых конфликтов, смыслов и ценностей субъекта. Посредством проективных методов как раз и осуществляется попытка выявления личностных и межличностных особенностей по их проекциям.

Предполагается, что любой поведенческий акт, высказывания носит отпечаток личности. И личность проявляется тем ярче, чем менее стереотипны ситуации-стимулы, побуждающие ее активности, поэтому в проективных методах используются неоднозначные стимулы. Стимулы приобретают смысл в связи с личностным значением, придаваемым им обследуемым. Более полному проявлению индивидуальных особенностей способствует инструкция, указывающая на отсутствие "правильных" и "ошибочных" ответов.

В основном проективные методики различного типа строятся на представлении относительно неструктурированных задач, допускающих ограниченное число возможных решений [Соколова, 1982; Янчук, Ольгинская, 1995]. Для того, чтобы возможности фантазии диагностируемого не ограничивались и не цензурировались, даются только краткие и весьма общие инструкции. По мнению А. Анастаси, "предполагается, что тестовый материал должен срабатывать как некоторого рода экран, на котором отсвечивающий "проецирует" характерные для него мысленные процессы, потребности, тревожность и конфликты" [1982, с. 182].

Являясь собою замаскированное тестирование, проективные методы представляют тщательное выдирание своих целей и характера интерпре-

тирования. Еще одной особенностью является глобальный характер данной группы методов, проявляющийся в том, что на их основании делаются достаточно общие выводы как об отдельной личности, так и о специфике межличностных отношений. Исходная их направленность на "обман цензуры" (в интерпретации З. Фрейда) позволяет наиболее эффективно выявлять скрытые, замаскированные, неосознаваемые характеристики личности и межличностных взаимоотношений. Именно поэтому предполагается, что чем менее структурированы и однозначно трактуемы предъявляемые стимулы, тем больше вероятность преодоления цензуры и связанной с ней психологической защиты.

При всем неоднозначном отношении к проективным методам, сложившемся в классической психодиагностике и, особенно, в связи с некончающимися попытками их психометризации, в клинической практике они квалифицируются как одни из наиболее продуктивных. Они позволяют затрагивать не только эмоциональные, но и мотивационные, межличностные особенности, а также интеллектуальные особенности поведения.

Наиболее известными и популярными проективными методиками являются тесты Роршаха и Тематический апперцептивный тест, которые по оценкам Н. Муггау являются наиболее продуктивными для использования в психологической диагностике.

В тестах Роршаха в качестве основного стимульного материала используются чернильные пятна различных конфигураций. Эти чернильные пятна предъявляются диагностируемому в различных конфигурациях и последовательностях. В качестве основных показателей, привлекаемых к анализу ответов диагностируемых, определяются *локализация*, указывающая на часть пятна, с которой ассоциируется ответ; *детерминанты*, включающие форму, цвет, оттенки и "движение"; и *содержание*, чаще ассоциируемое с изображениями конкретных людей и животных. Применительно к диагностике межличностных отношений разработана модификация данного теста, получившая наименование "Совместный тест Роршаха".

Тематический апперцептивный тест (ТАТ), разработанный Н. Муггау и коллегами [1938], более структурирован и требует более сложных и организованных ответов диагностируемых. ТАТ включает 19 карточек с неопределенными по содержанию черно-белыми картинками и одну пустую. Задачей диагностируемых является составление рассказа, предполагающего объяснение того, что привело к изображаемому событию, что случилось в данный момент, что персонажи думают и чувствуют и чем все это кончится. При работе с пустой карточкой диагностируемого просят вообразить какую-либо картину, описать ее, а затем составить завершенный рассказ о развитии событий. Интерпретируя рассказы, полученные в тесте, в первую очередь определяется, кто является "героем", каков его

пост, затем анализируется содержание. При оценке особое внимание уделяется выявлению конкретной угнетающей потребности и обстоятельствам, влияющим на наличие которых делается по интенсивности, длительности и частоте повторений в различных рассказах, а также своеобразию его связи с изображением на данном рисунке. Предполагается, что необычность претворяемого материала будет способствовать преодолению цензуры и определению его значимости для диагностируемого. ТАТ может применяться как в индивидуальной, так и в групповой формах.

Наряду с описанными, основными видами проективных методик, используемых в социальной психологии, являются методики структурирования, конструирования, интерпретации, дополнения, катарсиса, изучения импрессии, а также импрессивные методики. В социальной психологии они используются обычно в сочетании с другими методами для получения характеристик личности. Но имеются методы, которые изучают особенности отношения человека с окружающими, например, известная "Методика рисуночной фрустрации" С. Розенцвейга, которая позволяет прогнозировать реакции испытуемого на различные трудности, возникающие на пути к достижению цели.

Не ставя себе целью подробное описание специфики всего спектра разработанных и внедренных в практику проективных методов (их сегодня насчитывается более 5000), отмечу их возрастающую популярность именно в 90-е годы, обусловленную, по моему мнению, диффузией экзистенциально-феноменологических и социально-конструктивистских идей в отношении необходимости тщательного изучения интерпретаций и их своеобразия. Причем, данная группа методов позволяет привлечь к плоскости анализа и сферу неосознаваемых психических процессов. В контексте интегративно-эkleктического подхода последнее является особенно важным, так, не представлено в полной мере в соответствующих теоретических и методологических основаниях других подходов.

Общий перечень зафиксированных в литературе достоинств и ограничений проективных методов представлен на приведенном ниже рис. 5.12.

Особое остановлюсь на многочисленных попытках психометризации проективных методов, предпринимавшихся и предпринимаемых с момента их вхождения в диагностическую практику. На мой взгляд, к любому методу, являющемуся, по возможности, не представленным в других методах, надо относиться крайне бережливо, а не пытаться его подогнать под единый универсальный стандарт, приводящий в конечном итоге к потере его достоинств. В этом смысле, определяемом спецификой интегративно-эkleктического подхода, использование проективных методов является продуктивным и перспективным. Другое дело, что к его использованию в рамках чуждых ему методологических оснований надо подходить с эле-

ментарной методологической грамотностью. Если метод ориентирован, прежде всего, на преодоление цензуры, на выявление специфики индивидуальных интерпретаций субъекта, если он покоится на фундаменте экзистенциально-феноменологического и социально-конструктивистского подходов, то вбивать его в позитивистскую методологию с совершенно иным эпистемологическим и онтологическим содержанием нецелесообразно, более того, безграмотно.

Достоинства	Ограничения
Способствование установлению продуктивных взаимоотношений с диагностируемым. Широкий спектр областей применимости. Низкая фальсифицируемость. Высокий уровень субъективности в интерпретациях. Возможность анализа неосознаваемой сферы психического. Возможность выявления своеобразия индивидуальных интерпретаций.	Низкая стандартизированность. Отсутствие объективности в определении показателей. Отсутствие объективных адекватных норм. Высокий уровень субъективности в интерпретациях. Низкая надежность. Низкая традиционно трактуемая валидность.

Рис. 5.12. Достоинства и ограничения проективных методов.

Решение этой проблемы становится возможным лишь посредством привлечения к анализу личностной и социально-психологической проблематики продуктивных возможностей любых, в том числе и покоящихся на разных методологических основаниях методов, но при условии оговаривания и учета их специфики. Что, собственно говоря, и предполагается интегративной эклектикой как подходом к персонологической и социально-психологической феноменологии.

5.2.7. Методы шкалирования

Специфическими для социальной психологии являются методы шкалирования и социометрический метод, поэтому достаточно подробно остановимся и на них.

Одной из важных задач в социальной психологии является измерение аттитудов или социальных установок. Для этого обычно используются опросники, содержащие утверждения, с которыми испытуемый должен либо согласиться или нет, либо оценить их правильность, используя

отрицания от 1 до 5 (или до 3, 7, 11). Чаще всего эти утверждения оценивают по отношению к одному объекту. Существует несколько систем выбора утверждений, которые также называют методами шкалирования.

Одним из них является метод равных интервалов, разработанный F. I. Thurstone [1929]. Первая шкала, разработанная этим исследователем, измеряла типод по отношению к религии. Как и многие другие теоретики F. I. Thurstone рассматривал аттитуды как находящиеся на оценочной шкале от положительного до отрицательного отношения к исследуемому объекту.

Кроме того, также предполагалось, что утверждения не скоррелированы между собой, поэтому согласие с одним утверждением необязательно повлечет за собой согласие с другим. Процедура составления шкалы типа терстоновской разбивается на несколько этапов:

1. Формулируется или собирается большое количество высказываний, касающихся исследуемого объекта.

2. Утверждения сортируются на 11 (от позитивного до негативного отношения к объекту) группой экспертов (обычно около 100 чел.), представляющих собой репрезентативную выборку той популяции, для которой разрабатывается данная шкала. При этом предполагается, что различия между категориями одинаковы. Поэтому сама процедура была названа методом "очевидно, равных интервалов".

3. Оценивается шкальная цена каждого высказывания и степень согласованности экспертов в оценке. Для этого подсчитывается процент экспертов, отнесших высказывание к каждой категории, и данные представляются в виде графика. Для оценки согласованности экспертов оценивают численно различие между 25 и 75 процентилями.

4. Из исходного набора утверждений отбираются 20-30 высказываний по 1 для каждой категории, в отношении которых эксперты проявили максимальное согласие. Если подходящих высказываний много, то можно составить две шкалы (форма А и Б). Кроме того, необходимо проверить внутреннюю согласованность суждений. Для этого экспертов просят также отметить те утверждения, с которыми они согласны. После проведения специальной статистической процедуры, находят согласованные утверждения, которые не включают в шкалу.

Основными недостатками данной процедуры является ее трудоемкость, а также возможность влияния установок экспертов на классификацию суждений.

Метод суммарного рейтинга, разработанный R.A. Likert [1932], не требует таких больших усилий, как метод L.L. Thurstone [1931]. Для него не требуется классификация утверждений группой экспертов.

Одно из первых исследований L.L. Thurstone [1929] было направлено на изучение отношения к церкви. На первом этапе было собрано большое число высказываний о церкви. Эти высказывания получены простым способом: различным группам людей предлагалось письменно изложить свое мнение о церкви, также собирались высказывания из газетных статей. Этот список был дополнен высказываниями о церкви, взятыми из современной литературы.

Всего было собрано 136 высказываний. В дальнейшем эксперты распределяли высказывания на 11 групп, как описано выше.

При исследовании аттитуда с помощью шкалы Терстоуна, испытуемого просят отметить те утверждения, с которыми он согласен. Затем подсчитывается сумма медианных шкальных цен отмеченных утверждений. Полученное число является результатом.

R.A. Likert предложил, что каждое утверждение является линейной функцией одной и той же шкалы аттитуда (the same attitude dimension), поэтому мы можем складывать значения. Следующее предположение, что утверждения должны быть скоррелированы друг с другом и суммарным баллом. Кроме того, в отличие от Терстоуна, он считал, что между оценками пятиинтервальной шкалы могут быть разные интервалы. Например, расстояние между оценками "согласен" и "полностью согласен" может быть меньше, чем между "согласен" и "не знаю". Это говорит о том, что мы можем показать порядок расположения оценок аттитуда на континууме или расположить испытуемых в зависимости от убывания или увеличения значения, полученного в ходе опроса, но не можем оценить насколько близко или далеко расположены они друг от друга.

Процедура составления шкалы начинается с формулирования прямых и обратных утверждений. Дальше утверждения отбираются на основе ответов испытуемых, которым они предъявляются в ходе опроса. Для этого им дается задание отметить степень согласия с каждым высказыванием по пятиинтервальной шкале (от полностью согласен до полностью не согласен). Затем подсчитывается общий балл, а также проводится специальная процедура, выявляющая утверждения, не коррелирующие с суммарным баллом. Их не включают в шкалу, так как они не выявляют различий между людьми. Далее подсчитывается сумма оценок по оставшимся утверждениям, которые и составляют готовую шкалу. Желательно, чтобы в готовой шкале было приблизительно равное количество прямых и обратных утверждений, чтобы контролировать согласность.

Этот метод является более статистически надежным, требует меньше времени для создания, не зависит от установок экспертов. Но при этом

предназначен для выборки, на которой разрабатывался, и содержит множество субъективных данных.

Метод анализа шкалограмм L. Guttman [1950] основан на предположении, что аттитюд может быть измерен группой утверждений, расположенных строго иерархически, когда согласие с каким-либо утверждением предполагает согласие со всеми последующими утверждениями. В качестве примера можно привести четыре следующих утверждения.

1. Мне 30 лет и больше.

2. Мне 25 лет и больше.

3. Мне 20 лет и больше.

4. Мне 15 лет и больше.

Если испытуемый не соглашается с первым утверждением, но соглашается со вторым, то мы можем быть уверены, что он согласится также с третьим и четвертым.

Основным недостатком этого метода является трудность построения. Некоторые специалисты считают, что построить полностью кумулятивную шкалу просто невозможно.

Рассмотренные выше методы используются для построения шкал, измеряющих лишь один аттитюд. Метод семантического дифференциала С. Osgood [1957] позволяет описать систему аттитудов по отношению к исследуемому объекту. Первоначально этот метод был разработан для исследования психологических аспектов осмысления понятия. В основе этой техники лежит предположение, что существует гипотетическое семантическое пространство с неизвестным количеством измерений, где может быть расположено значение слова или концепта как определенная точка. В дальнейшем были открыты возможности его использования и для оценки других объектов, например личности.

Анализ данных позволяет выделить определенные измерения, которые люди используют при оценке себя и окружающего мира. Процедура их измерения состоит в следующем. Выбирается большое количество биполярных шкал, т.е. антонимических прилагательных. Испытуемые должны оценить по каждой шкале исследуемый объект, расположив его на континууме из 7 интервалов. Далее проводится факторный анализ матриц интеркорреляций, выделяющий основные пучки-факторы. В своем исследовании С. Osgood выделил 3 независимых фактора: "оценка" (хороший – плохой, серьезный – легкомысленный), "сила" (сильный – слабый, большой – маленький) и "активность" (быстрый – медлительный, активный – пассивный). По мнению С. Osgood эти факторы образуют факторное семантическое пространство, где каждый объект расположен на определенной позиции, и отражают наиболее универсальные эмоциональные реакции человека на объекты совершенно различной природы.

Но для узких классов объектов выделяются более специфические системы семантических факторов, отражающие специфические признаки этих объектов. Частные системы факторов отражают взаимодействие и переплетение аффективно-поведенческих признаков реакций человека на объект и предметные признаки самих объектов. Так, при описании людей с помощью шкал, составленных из личностных прилагательных (личностный семантический дифференциал), были выделены особые факторы "моральность" (конкретизация фактора "оценка"), "общительность" ("сила") и "эмоциональная возбудимость" ("активность") [А.Г. Шмелев, 1983]. С помощью подобной системы шкал и факторов может производиться измерение социальных стереотипов, отношений к себе и другим. Аналогичным методом является метод контрольных списков прилагательных, где условия предъявления прилагательных и порядок оценки не заданы так однозначно, как в процедуре метода С. Osgood. Это могут быть не антонимические прилагательные, а одиночные, а континуум может содержать большее или меньшее количество интервалов в зависимости от задач исследования.

Метод шкалирования во многом страдает теми же ограничениями, что и тестирование. Представляя собой инструмент, позволяющий включать в плоскость изучения в том числе и внутренние оценочные основания, шкалирование даже еще в большей степени подвержено влиянию все той же субъективности и предвзятости, преодоление которой требует и дополнительных усилий и издержек.

5.2.8. Социометрический метод

Специфическим для социальной психологии является метод социометрии, который предназначен для изучения взаимосвязей между членами малых групп. Отечественному читателю специфика социометрического подхода в большей степени известна благодаря работам Я.Л. Коломинского [1984; 1997; 1999]. В его школе проведено немало исследований, показывающих как спектр возможных прикладных приложений социометрии, так и возможные перспективные направления ее развития.

В зависимости от того, какой аспект отношений интересует исследователя, берется либо формальный критерий социометрического выбора, либо неформальный. Сама процедура социометрии может быть, проведена в двух формах. Первый вариант – непараметрическая процедура. Испытуемому предлагают ответить на вопросы без ограничения числа выборов. Достоинством данного варианта процедуры является то, что она позволяет выявить так называемую эмоциональную экспансивность каждого члена группы, т.е. его потребность в общении. Но при увеличении числа испытуемых выборов становится так много, что их трудно представить графически и проанализи-

ровости. Другим недостатком является вероятность получения случайного выбора. При такой инструкции испытуемый может выбрать всех, что связано скорее с нежеланием показать реальные отношения или с неспособностью дифференцировано воспринимать свои отношения с другими.

Второй вариант не имеет указанных выше недостатков. Параметрическая процедура предусматривает ограничение числа выборов. Для группы из пяти человек, испытуемого просят при ответе на вопрос выбрать четыре понравивших кандидатур.

В очень редких случаях используют процедуру, при которой испытуемый ранжирует всех испытуемых, начиная от самой подходящей кандидатуры для ответа на поставленный вопрос до самой неподходящей.

После проведения процедуры данные заносятся в таблицу, которую называют социоматрицей. Если при проведении социометрии используется несколько критериев, то социоматрица может быть построена как для отдельных, так и для всех критериев. Кроме того, возможен вариант социометрии, когда изучаются несколько групп одновременно, тогда строится социоматрица межгрупповых выборов. Дальше на основе социоматрицы строится социограмма – схематическое представление выборов испытуемых.

Социограмма может быть произвольного вида, как удобно для графического изображения, докограммного вида, в которой члены группы расположены так, как они действительно расположены во время работы или проведения социометрии. Второй тип социограмм позволяет учесть пространственный принцип организации общения. В круговых социограммах все члены группы располагаются на окружностях. Указанные выше примеры являются коллективными социограммами. Но иногда строят индивидуальные социограммы, когда в центре расположен субъект, чьи связи исследуются. Можно, например, построить социограмму лидера, т.е. члена группы, получившего максимальное количество выборов по различным критериям.

Далее можно подсчитать групповые и индивидуальные индексы, характеризующие специфику членов данной группы или группы в целом.

Социометрический статус: S – сумма полученных положительных выборов ($n-1$), где n – количество членов группы; для параметрической процедуры вместо n берется заданное число, ограничивающее выборы.

Эмоциональная экспансивность:

E – сумма положительных и отрицательных сделанных выборов/ $(n-1)$.

Для группы можно также рассчитать групповую эмоциональную экспансивность.

$E_{г}$ – сумма положительных и отрицательных выборов, сделанных всеми членами группы/ n .

Индекс сплоченности группы:

$GG = \text{сумма взаимных положительных выборов} / (1/2 * n * (n-1))$.

Индекс конфликтности группы:

$UG = \text{сумма взаимных отрицательных выборов} / (1/2 * n * (n-1))$.

Разновидностью социометрического метода является аутосоциометрический метод. При этом испытуемые не просто высказывают отношения к отдельным членам своей группы, но сами представляют всю структуру группы в целом и свое место в ней. При проведении этой процедуры испытуемым предлагается построить социограмму, где будут расположены все участники группы с учетом взаимоотношений и выборов. На социограмме испытуемый располагает и себя самого. Для школьников и младших школьников можно использовать упрощенные варианты. Во-первых, они заполняют круговую диаграмму, во-вторых, можно провести в виде игры задания на социальное наблюдение. Дается инструкция типа: "Если бы вы стали учителем, то должны были бы представлять, как члены вашего класса относятся друг к другу. Давайте посмотрим, как это у вас получится". Метод аутосоциометрии позволяет решать следующие задачи. Например, можно путем сравнения реальных и ожидаемых выборов оценить наблюдательность, способность осознавать отношения. Можно описать социальные установки, т.е. стремления приписывать высокие либо низкие социальные статусы членам группы.

Ограничения социометрии связаны исходным постулированием, а иногда и гипертрофированием устойчивости структуры межличностных взаимоотношений в группе, а также присущей всем опросным методам ограниченности доступа к реальным чувствам и личностным переживаниям респондентов. Другой проблемой является проблема генерализации выявленной структуры взаимоотношений на весь спектр взаимоотношений, которые во многом определяются ситуативными контекстами. Меняется ситуативный контекст, может меняться и структура взаимоотношений.

Тем не менее, несмотря на ряд очевидных уязвимостей, исследование структуры и динамики межличностных взаимоотношений средствами социометрии не потеряли своей актуальности. Возможную их перспективу можно связывать с нахождением гармоничного сочетания идиографии и номотетики в социометрическом исследовании в том числе и средствами триангуляции, которая пока практически не представлена в разработках отечественных авторов. Точно также как не представлен должным образом и вопрос влияния исследовательской предубежденности на результаты исследования и путей его снижения. Такого рода возможность присутствует при включении механизмов рефлексирования и критического позиционирования, позволяющих достичь определенного уровня остроты в оценках происходящего и за счет этого повысить адекватность оценок. Еще одним дополнительным ресурсом

развития выступает преодоление тенденции к одномерному рассмотрению структуры взаимоотношений в группе за счет построения многомерных соответствующих динамическими иерархиями.

Таким образом, перспективная линия развития социометрических исследований, по нашему мнению, связана с расширением теоретического и инструментального аппарата.

5.2.9. Репертуарные решетки

Особое место в системе методов психологического исследования, применяемых в социально-психологических и персонологических исследованиях, занимает метод репертуарных решеток G. Kelly, представленный непосредственно читателю в работах английских психотерапевтов Ф. Франклина и Д. Баннистера [1987]. После продолжительного прохладного отношения как к теории личностных конструктов G. Kelly, так и к методу репертуарных решеток, в начале третьего тысячелетия его возможностям уделяется все большее внимание. L. Pervin, один из крупнейших персонологов нашего времени рассматривает теорию личностных конструктов как модель для будущего развития исследований в области проблематики личности в контексте нахождения гармонии между номотетическим и идиографическим. Теория личностных конструктов, отмечает он, "содержит элементы уникальности содержания, но следующие общим принципам функционирования" [1996, с. 316]. И далее: "теория личностных конструктов также служит для меня моделью в вопросах стабильности и изменчивости, структуры и процесса, статики и поточности, а также системности" [там же]. Согласно G. Kelly, индивиды обладают структурами конструктов, но они являются гибкими, динамичными структурами. То, что является доминирующим конструктом в данный промежуток времени, становится подчиненным в другой промежуток времени [1955].

По G. Kelly, конструкты это не только биполярные прилагательные, но и противоположные отношения или способы действия, и более того, это конструкты, созданные и используемые индивидуально каждым человеком для оценки окружающего мира. Конструкт — это не просто дискретная оппозиция, как правило, это более или менее дробная шкала.

Конструкты выполняют две функции: установление сходства и противоположности. Конструкты — это не изолированные образования. Они взаимодействуют друг с другом, образуя систему конструктов, обладающую свойствами, которых нет у отдельных конструктов. Так как G. Kelly предполагает, что личностные процессы реализуются теми же способами, которыми человек прогнозирует и оценивает окружающий мир, то предполагается, что при помощи репертуарного теста мы можем охарактеризовать личность испытуемого.

В соответствии с методом личностных конструктов вначале необходимо выявить элементы, для которых впоследствии испытуемый будет формулировать конструкты. Чаще всего они задаются в виде ролей, которым исследуемый подбирает реальных людей. Если исследуются межличностные отношения, то необходимо сформулировать роли таким образом, чтобы они описали все возможные отношения. В качестве элементов могут выступать не только люди, но и объекты окружающего мира. После того, как сформулированы конструкты, можно перейти к выявлению конструктов. Существует множество методов для выявления конструктов, но самым распространенным является метод триад или метод минимального контекста. Элементы предъявляются тройками, и испытуемому необходимо ответить, чем два из них сходны между собой. После этого испытуемого просят указать, чем третий отличается от них. Здесь не подбирается антоним к уже указанному признаку. По теории G. Kelly у каждого испытуемого свой взгляд на противоположности, поэтому и необходимо выявлять конструкты в два этапа. Если конструкты не ясны или повторяются необходимо задать дополнительные вопросы. Далее данные заносятся в таблицу, представленную на рис. 5.13.

конструкты	Элементы						
	1	2	3		...		п
1							
2							
3							
...							
N							

Рис 5.13. Таблица фиксации конструктов.

Дальше возможны различные варианты заполнения репертуарной решетки. Наиболее распространенной является ранговая решетка, когда испытуемого просят проранжировать все объекты, в зависимости от того, насколько выражен данный конструкт у элементов.

Оценочная решетка, предусматривает оценку каждого элемента по определенной шкале, например от 1 до 5. Более сложными видами репертуарных решеток являются имплицативная решетка и решетка, измеряющая сопротивление изменениям.

После того как решетка заполнена, для ее анализа используются статистические методы, в большинстве случаев факторный и кластерный анализ матриц интеркорреляций между конструктами.

На основании полученных данных делается качественный анализ данных. Исследуется целостная система конструкторов, схожая с семантическим пространством, описанным Osgood. Основное отличие, что оно является индивидуальным и специфическим для каждого испытуемого. В этом пространстве можно выделить общие конструкторы, включающие целостные системы конструкторов. Их называют субординантными конструкторами. Кроме того, можно оценить связь между конструкторами и посмотреть является ли система монолитной, или в ней выделяются отдельные подсистемы, связанные или раздробленные. Можно выделить конструкторы не тесно связанные друг с другом, допускающие в зависимости от контекста множество вариантов конкретных связей. Кроме того, можно оценить индивидуальную сложность каждого человека, т.е. насколько дифференцировано он описывает окружающий мир.

В социальной психологии используют репертуарные конструкторы, чтобы изучают взаимоотношения в группе. В качестве примера можно привести исследование конформности у детей. Для этого среди конструкторов выделяют конструктор – “Идеальное Я”. Если корреляция между конструктором “Идеальное Я” и “упрямый” высока, то это расценивалось как конформность по отношению к сверстникам. Если корреляция между “Идеальным Я” и “послушный”, конформизм по отношению к взрослым. При исследовании групп, для всех составляют одинаковые элементы и конструкторы, затем сравнивают матрицы между собой. Системы конструкторов друзей совпадают, кроме того, наблюдается переоценка похожести.

Тест личностных конструкторов позволяет диагностировать организацию и содержание субъективного семантического пространства на материале собственного словаря. Однако с указанным достоинством методики личностных конструкторов связан и его недостаток. Процедура формулирования конструкторов требует достаточно высокого уровня развития вербального интеллекта и способности испытуемого подвергать свой опыт взаимодействия с объектами интроспективному анализу. Указанные недостатки снимаются, если используются большие списки прилагательных, составленных на основе тезаурусов – семантических словарей для определенных областей лексикологии. Достоинством является возможность проверить достоверность, если включить элемент “Я-концепции”.

3.2.10. Сравнительные исследования

Не менее сложной проблемной областью является рассмотрение способов организации психологического исследования. Выделяют следующие типы исследований: *полюсные исследования, метод продольных срезов и сравнительные исследования.*

Лонгитюдное исследование предполагает изучение одних и тех же испытуемых на протяжении долгого времени. Обычно изучается одна группа; иногда используют также контрольную группу, если первая получает какое-то воздействие, и необходимо доказать, что именно оно приводит к определенным последствиям. В лонгитюдных исследованиях J. Kagan с соавторами [1980], использовавших контрольную группу, было показано, что дети, жившие в детском саду всю неделю, за исключением выходных, развиваются не хуже, чем дети, постоянно находящиеся со своими родителями. Известными примерами являются исследования L.D. Eron с соавторами [1972], выявившими наличие корреляции между более продолжительным просмотром телевизионных программ, связанных с насилием в девятилетнем возрасте, и уровнем агрессивности в девятнадцатилетнем возрасте.

Если используется небольшая по размеру группа, то генерализация полученных обобщений на целую популяцию является сомнительной, поэтому необходимо использовать большую выборку или повторить исследование. Кроме того, лонгитюдное исследование и более финансово затратное. Обычно берется небольшое количество респондентов, многие из которых не смогут по объективным причинам продолжить дальнейшее участие в эксперименте, что приведет к тому, что оставшаяся выборка будет нерепрезентативной. Кроме того события одной эры, такие как война, массовая безработица, могут оказать специфический эффект на исследуемое поколение.

Данные лонгитюдного и кросс-культурного методов могут быть объяснены при помощи многих сопутствующих переменных, связанных с развитием ребенка. Например, на трудный вопрос ребенку девяти лет ответить гораздо проще, чем семилетнему. А мы можем сделать неверный вывод, что младшие дети не обладают определенными знаниями для ответа на поставленный вопрос. Поэтому используется специфическая схема проведения исследования, объединяющая оба метода. Она используется для сравнения возрастов. Например, три группы детей в возрасте 13-, 15- и 17-лет изучаются на протяжении двух лет. Тогда мы сразу сможем изучить возрастные изменения в возрастном промежутке от 13 до 19 лет всего лишь за два года. Примером является исследование S. Halliday и J.C. Leslie [1986], изучавшее общение матери с ребенком и с детьми в возрасте от 9 до 29 месяцев в начале и до возраста 15-36 месяцев в конце, поэтому исследуемый возраст от 9 до 36 месяцев был изучен за шесть месяцев.

Второй тип исследований называется **методом поперечных срезов**. Основная цель, обычно заключается в изучении возрастных изменений, выявлении основных стадий, а также для оценки эффекта воздействия через какой-то промежуток времени. При этом обычно создаются группы различных возрастов и сравниваются в один и тот же момент времени.

Метод поперечных срезов	Метод продольных срезов (лонгитюд)
Возможности	
Группы исследуются в одно и то же время, поэтому нет проблемы сопоставления с поколениями.	Можно оценить развитие отдельных исследуемых
Ограниченное число людей не мешает продолжать участие в исследовании	Нет вариаций между группами.
Относительно недорого и меньше трат времени, поэтому подтверждение или изменение теорий происходит гораздо быстрее.	Полезен, когда используется контрольная группа
Ограничения	
Сравниваемые группы могут быть причиной различий.	Выборка небольшая и многие могут выбыть из исследования.
Различия в возрасте большие, что может стать побочной переменной	Необходимо много времени. Относительно дорог.
Нет информации о развитии отдельных представителей.	Если сравниваются разные поколения, то проблема поколения.

Рис. 5.14. Возможности и ограничения методов поперечных и продольных срезов

В качестве примера можно привести исследование L. Colberg [1981], разработавшего теорию морального развития. В своем эксперименте он сравнивал рассуждения десяти, тринадцати и шестнадцатилетних детей в отношении решения ими нравственных дилемм.

Основным ограничением метода поперечных срезов является сравнимость выборок, что является проблемой для многих исследований, где используются независимые выборки. Мы не можем быть уверены, что группы абсолютно одинаковы. Лонгитюдные исследования снимают эту трудность, так как используется одна и та же выборка. При этом если временной интервал не велик, основные точки изменения могут быть идентифицированы.

Приведенный обзор возможностей и ограничений сравнительных исследований позволяет оценить их потенциал при решении того или иного класса исследовательских задач.

5.2.11. Метод в кросс-культурных исследованиях

Особой популярностью в последние годы стали пользоваться кросс-культурные исследования. Во многом она определяется резко усилившимися процессами миграций населения и связанными с ними проблемами кросс-культурной адаптации. Свидетельством неуклонного роста внимания к кросс-культурной проблематике является проведение пятнадцатого по счету конгресса Международной ассоциации кросс-культурной психологии [Sim, Tanzer, 1999]. В многочисленных публикациях отражен широчайший спектр обсуждаемых и изучаемых проблем [См, например: Smith, Bond, 1999; Triandis, 1994; и др.]. Именно в рамках изучения кросс-культурной проблематики были поставлены вопросы об имике и итике культуры [Triandis, 1994]; адекватности классических, номотетически ориентированных, методов в отношении иных, по сравнению с аналоговой, культур, выразившееся в неуклонном росте внимания к проблемам культурной адаптации исследовательских инструментов [Sim, Tanzer, 1999]; развития исследовательской методологии в отношении углубления возможностей схватывания поля значений различных культур и т.д.

В процессе кросс-культурных исследований имеет место сравнение выборок из двух или более культур по определенным психологическим переменным. Различия обычно объясняются или отличающимися условиями социализации или генетическими факторами. Но большинство современных исследований выбирают именно социальные факторы в качестве возможной причины. Исследования, проведенные в начале двадцатого века, в основном были направлены на изучение неразвитых культур и обществ, рассматриваемых как примитивные.

В кросс-культурных исследованиях была зафиксирована проблема этноцентризма и андроцентризма в психологическом исследовании. Проявление этноцентризма выражалось в том, что в основу классических исследовательских инструментов была положена эталонная модель жителя западного общества преимущественно англосаксонского типа и все другие культуры рассматривались в сравнении с ним. Такая одномерность, приводила к тому, что упускались из поля зрения, во-первых, нетождественность различных культурных моделей, во-вторых, невозможность схватывания культурно специфических особенностей, наконец, в-третьих, необходимость использования иных инструментов и технологий, учитывающих культурное своеобразие.

Проблема андроцентризма была выявлена на примере привлечения к переводу и культурной адаптации исследовательских инструментов к особенностям аборигенной культуры ее бывших представителей, эмигрировавших в страны Запада. Такого типа переводчики проявляли, во-

переход к постепенной дискредитации своей прошлой культуры во имя утверждения новой, и, во-вторых, будучи адаптированными к новой культуре, они переносчики теряли многие старые и новые контексты своей бывшей культурной среды.

Работы, не имеющие этноцентрической окраски, можно найти у антропологов, проводящих интенсивные включенные наблюдения в исследуемых культурах на протяжении длительного периода времени. Они изучают эти культуры вне сравнения со стандартами западной культуры, акцентируясь на изучении местных традиций, норм, табу и специфике социального взаимодействия.

Классическим примером являются исследования М. Mead девочек-подростков Самоа, различия в ролевом поведении в Новой Гвинее. R. Benedict [1934] использовала термин "культурная относительность" для обоснования необходимости понимания индивидуального поведения в одной культуре посредством включения рефлексии мировоззрения и ценностей культуры исследователя. На этот момент указывают многие антропологи, считая, что зависимые и независимые переменные в строго контролируемых исследованиях трудно или невозможно сравнить из-за культурных различий.

Количество кросс-культурных исследований возросло в конце 1960-х годов. Современные исследования не имеют такой доли этноцентризма как раньше. Например, стадии морального развития по L. Colberg были изучены в Танзании, Турции, Мексике, Индии и Кении, где были получены сходные результаты. В широкомасштабном исследовании особенностей управления в различных культурных средах P.B. Smith и M.H. Bond были задействованы менеджеры из более восьмидесяти стран мира [1999].

Важной областью применения кросс-культурных исследований является приспособление к новой культуре (во время эмиграции или других объективных факторов), когда создаются специальные программы по снижению стресса от такой перемены привычных условий жизни.

Исследование может быть кросс-культурным, лонгитюдным или использующим метод поперечных срезов и при этом либо экспериментальным, либо нет. Но в большинстве своем это не экспериментальные исследования, а исследования, основывающиеся на использовании метода наблюдения, запланированных тестов, шкал и интервью. Если в качестве независимой переменной используется межкультурные различия, то используется схема *ex post facto*. Выборка должна быть рандомизированной, что крайне сложно осуществимо.

В последние годы, во многом благодаря работам Н. Triandis [1994] и других, проблема кросс-культурных исследований начала приобретать новое содержание. И, прежде всего, в связи с дифференциацией и этническо-

го и имического аспектов. В случае итики речь идет об изучении общего в различных культурах, а в случае имики – культурно специфичного, уникального. Именно имический аспект обусловил необходимость нового осмысления возможностей использования инструментов, разработанных в отношении представителей западной культуры к представителям других культур. Причем преодоление этноцентризма в исследования было обусловлено и необходимостью отказа от традиционных позитивистских методологических оснований и господствовавшего в течение многих десятилетий, особенно в рамках бихевиористской традиции, стремления к открытию универсальных законов поведения.

Возможности	Ограничения
Может продемонстрировать общие закономерности Может показать условность культурных норм определенной страны. Богатый материал	Может подкрепить этноцентрическую позицию. Очень дорого и требует много времени. Переменные могут быть несравнимыми с культурной точки зрения. Проблема коммуникации, когда различие в терминах влияет на результаты. Не всегда культура гомогенная, включает многие народности - это может повлиять на объяснения.

Рис. 5.15. Возможности и ограничения традиционных кросс-культурных исследований

Понимание сложности кросс-культурных исследований может быть проиллюстрировано на примере оценки уровня интеллекта у представителей разных культур, приводимом Н. Triandis в одной из своих наиболее фундаментальных работ – “Культура и социальное поведение” [1994]. По его мнению, “прежде чем делать какие-либо обобщения в отношении интеллектуальных различий исследователь должен обсудить следующие моменты:

- Две культуры могут обладать отличающимися определениями интеллекта. В некоторых культурах интеллект определяется, как “вдумчивость, точность, безошибочность”, в то время как в других культурах, как “послушание старшим”.
- Инструкции могут пониматься не одним и тем же образом. Это особенно заметно в отношении культур, имеющих небольшой опыт решения задач, предъявляемого типа.
- Уровень мотивации может быть различным. Во многих культурах любое тестирование вызывает настороженность.

- Могут иметь место различные реакции на исследователя. Например, во многих культурах не принято раскрываться перед незнакомцем.
- Значение тестовой ситуации может быть не одним и тем же [1994, с. 57– 62].

Исследования, проведенные под руководством М.Н. Bond [1984], показали, что язык инструктирования может оказывать существенное влияние на результаты. Многие люди начинают паниковать в ситуации тестирования уровня их интеллекта. Во многих культурах реакции разнятся. В некоторых культурах люди отвечают только на вопросы, в ответах, на которые они абсолютно уверены, в других – они склонны отвечать на любые вопросы. Одни и те же образцы в разных культурах могут оказаться не эквивалентными. Существуют возрастные, половые. Региональные различия, выступающие в качестве детерминирующих факторов восприятия, а также различия, детерминируемые языком или культурой. Может быть, различная этическая приемлемость используемого метода. Так, в некоторых культурах (например, в Иране) женщина не имеет права на собственное мнение, отличное от мнения мужа [Smith, Bond, 1999].

Подобные отличия можно перечислять до бесконечности. Проблема заключается не в констатации различий, а в механизмах и инструментах их преодоления. В числе возможных ее решений обычно называется привлечение к исследованию конкурирующих гипотез, выведение предложенного Н. Triandis, Т. Furukawa, Е. Shimada и М. Villareal индекса аккультурации, позволяющего учитывать реальные культурные отличия [1982]. Индекс аккультурации особенно необходим в оценках эмигрантов, проходящих процесс адаптации к новой культуре. Определенную помощь может оказать и привлечение методов математической статистики, в частности, факторного анализа.

В целом, можно говорить о следующих условиях продуктивности межкультурных исследований:

- Прежде чем выявлять различия между культурами необходимо определить максимально возможное количество сходств между ними. Наличие этих сходств является определенной гарантией адекватной оценки.
- Кроме того необходима разработка исследовательских методов в отношении исследуемых культур с учетом их своеобразия. Для отработки исследовательских процедур полезно привлечение фокусных групп и этнографов, представляющих данную культуру. Посредством воспроизведения предъявления стимульного материала, уточнения его интерпретации со стороны представителей изучаемой культуры необходимо добиваться тождества значений.
- Существенные различия должны демонстрироваться при посредстве применения нескольких методов. Особенно важным является разно-

образии привлекаемых методов, как оперантных, предполагающих предъявление минимума стимульного материала и получение множественных ответов, так и респондентных, наоборот, предполагающих однозначную реакцию изучаемых на стимульный материал.

- При анализе полученных результатов не следует забывать и о собственной субъективности в их интерпретации и снижении влияния проекций, а также этноцентрических и андроцентрических предубеждений. Нужно стремиться к преодолению собственной субъективности, но нельзя забывать и о том, что выбор самих проблем, теорий и методов также находится в плену этих предубеждений.

В заключение представляется полезным знакомство с предложенными Triandis критериями квалифицированного кросс-культурного исследования:

- включающее как можно большее количество сходств между изучаемыми культурами и лишь дополняемых различиями;
- использующее мультиметодные и конвергирующие исследовательские процедуры;
- не включающее взаимоисключающие гипотезы;
- имическое измерение этических конструкторов, сопровождаемое разработкой этических показателей, генерируемых для каждой культуры для схватывания этических конструкторов;
- этически проведенное исследование;
- предполагающее учет влияния этноцентрических и андроцентрических предубеждений самого исследователя" [1994, с. 85–86].

Именно благодаря разработке кросс-культурных психологов появились многие инсайты в отношении инструментария и техники психологического исследования применительно к выявлению мира значений субъекта. Стало понятно, что простой перевод значений недостаточен, что необходимо включение механизмов циклической перекрестной коммуникации по уточнению адекватности усвоенных смыслов и значений, транслированных респондентом и т.д.

5.2.12. Дискурсивный анализ

Прежде всего, необходимо уточнить, так как сами авторы не раз это подчеркивали, что дискурсивный анализ это не просто метод, обладающий определенной спецификой, это направление, которое выступает с критикой традиционных методов психологии [R. Harre, 1994; R. Harre, P. Stearns, 1995; J. Potter, 1996; T.A. Van Dijk, 1997; и др.]. Дискурсивный анализ доказывает невозможность использования их для изучения психических явлений, прежде всего, в связи с уводом предмета исследования от живых,

символических аспектов человеческого бытия, посредством отождествления элементов живой и неживой природы. Сосредотачиваясь на проблематике восприятия человеком значений объектов окружающего мира, представители куранской психологии сосредотачиваются на анализе своеобразия процесса интерпретации социальной реальности, представленной в различных формах описаниях или текстах. Интерпретационная направленность качественного анализа, его ориентированность на использование качественных методов анализа "жизненных текстов" — дневников, статей, писем, аудиозаписей поведения связана, прежде всего, с попытками "оживления" психологии.

В наиболее общем рабочем определении *дискурс представляет собой совокупность утверждений, конструирующих объект* [Parker, 1992, с. 5]. Данное рабочее определение предполагает ряд уточнений. Так, J. Potter и M. Wetherell [1987], выделяя десять стадий или условий анализа дискурса, подчеркивают, отсутствие какого-либо строго последовательного системного аналитического метода.

Рассматривая язык как действие, а не как некую богом или культурой заданную репрезентацию, J. Potter и M. Wetherell утверждают, что аттитуды, эмоции, чувства, чувства и все другие психологические явления не являются предопределенными для человека, а создаются в процессе дискурса. Что люди чувствуют, когда они думают или принимают решение об объектах окружающего мира или происходящем в нем? Они вовлекаются в рассуждения с другими людьми или в диалоги с самими собой, в процессе которых производят соответствующие представления и оценки. Психологические феномены, будучи обусловленными социальной и коллективной жизнью, по мнению Potter и Wetherell, порождаются в актах социального взаимодействия, и ошибочно думать об них имплицитности.

Важнейшей особенностью дискурсного подхода является признание факта, что психологические феномены обладают общественной и социальной реальностью. E. Burman и I. Parker [1993] подчеркивают, что когда человек включается в дискурсы, начинает обладать собственным влиянием в формировании способа переживания людьми, в том числе и психологами, окружающего мира и взаимодействия с ним. Именно язык включает в себя множество базовых категорий, используемых для понимания людьми окружающего мира, эмоционально влияя на действия мужчин и женщин и репродукцию и определение собственной культурной идентичности. Когда мы рассуждаем о каком-либо феномене, мы оперируем разделяемыми значениями и их интерпретацией. Эти реальные разделяемые значения представлены в сознании в форме словесных описаний, которые наделяются субъективно уникальными индивидуальным своеобразием и определяющим в конечном итоге характер интерпретации объектов. Если в сознании объекты представлены

в форме словесных описаний, то постижение смыслов, которыми оперирует человек в своем взаимодействии с миром, становится возможным только посредством выяснения особенностей их формирования. Отсюда ориентация представителей дискурсного подхода на анализ текстов. Представляющих эти описания и схватывания логики создания и развития данных текстов в рассуждениях с самим собой и другими людьми.

Традиционные психологические методы, по мнению представителей дискурсной психологии, не могут схватить семантические процессы, происходящие в языке реальной жизни и представленные не как статичные фиксации неизменных смыслов, а как творение этих взаимно разделяемых смыслов в постоянном взаимодействии и изменении. Именно схватывание языка как действия и составляет основную отличительную особенность дискурсной психологии. Это схватывание становится возможным лишь при условии допущения целесообразности рассмотрения проявлений социальной жизни как текстов, к которым могут быть применены инструменты дискурсного анализа.

J. Moir [1979] наглядно показал, как дискурс может оправдывать и опровергать одну и ту же мысль. Мысль об объекте является ситуативным срезом дискурса, но именно моментальным, в терминологии James, срезом, значение же мысли, ее содержание будет бесконечно меняться в последующих моментальностях, т.е. оно процессуально по своей природе. Его вывод состоит в том, что феномен личности является функцией дискурса и может меняться только в нем.

S. Widdicombe [1987] считает, что напрасно социальные психологи стараются найти социальные факторы или когнитивные схемы, которые «вызывают» возникновение чувства социальной идентичности, т.к. идентичность складывается и развивается в дискурсе.

Приоритетность дискурса обуславливает становление в качестве основного объекта исследования языка. Язык, по мнению представителей дискурсного подхода, организован в дискурсы (некоторые называют их репертуарами репрезентаций), направляющие поведение людей. Язык содержит основные категории, используемые людьми для самопонимания.

«Дискурс, – по утверждению I. Parker, – это система утверждений, которая конструирует объект» [1992]. Анализируя формирование дискурса, I. Parker пытается нарисовать целостную, последовательную систему постижения исследователем смыслопорождений объектов. Этот анализ включает семь условий, постижения дискурса, дополняя их еще тремя, связанными с влиянием социальных институтов, отношений власти и идеологии.

1. Дискурс реализован в тексте. Исследование объекта есть исследование текстов, которые подлежат описанию и материализации в словах,

статусе исследование мыслей, значений, которые порождают тексты с помощью свободных ассоциаций. В этом случае становится возможным более общее определение дискурса — как лингвистического утверждения более высокого уровня по сравнению с предложением, которое актуализируется и при помощи текстов. Дискурсы определяются не грамматикой, социальными отношениями, которые они в себе содержат, мнением, которое зарождается внутри них и т.д. Дискурсный анализ, таким образом, совершение двух первых предварительных шагов:

I. Обращение с исследуемым объектом как с текстом, представленным в словах.

II. Изучение коннотаций при посредстве свободных ассоциаций, что также совершать вместе с другими людьми.

2. **Дискурс всегда связан с объектами.** Он содержит в себе объект, и кроме того, дискурсный анализ это исследование дискурса как объекта. Анализ с необходимостью включает некоторую степень объективации, причем в дискурсном анализе представлены два его слоя. К первому слою относится анализируемая дискурсом реальность. Дискурсы являются собой ряд значений, конституирующих объект и, в то же время, они являются практикой репрезентирования. Таким образом, дискурс конструирует репрезентацию мира.

Второй пласт реальности представляет дискурс сам по себе, представляющий ряд утверждений об этой реальности. Таким образом, являясь дискурсом об объекте, дискурс становится объектом дискурса. Говоря об объекте, мы пытаемся описать его и говоря об описании нами объекта, мы его осуществляем дискурс. Изложенное обуславливает совершение третьего и четвертого шагов анализа:

III. Определение объектов и их описание.

IV. Рассуждения о рассуждениях, как объекте дискурса.

3. **Дискурс содержит субъекты.** Объект, к которому относится дискурс, может иметь независимую реальность за пределами дискурса, но приобретает новую реальность в дискурсе. Это относится и к субъекту, который говорит, пишет, слышит или читает дискурсы. Поэтому следующий этап дискурсного анализа предполагает совершение пятого и шестого шагов:

V. Определение специфики или типологии людей, о которых говорится в дискурсе — некоторые из которых могут быть идентифицированы как субъекты.

VI. Рассуждая о том, что может быть представлено в дискурсе, можно попытаться полностью идентификацией с людьми, осуществляющими дискурс.

4. **Дискурс представляет связанную систему значений.** Метафоры, образы и типологии, изображенные в дискурсе о реальности должны

быть сконцентрированы в утверждении о реальности. Только в этом случае можно говорить о дискурсе, как "любой регулируемой системе утверждений" [Parker, 1992]. В логике рассуждений М. Foucault, утверждения в дискурсе могут быть сгруппированы в определенной последовательности по степени их отношения к определенной теме. Мы используем доступное в нашей культуре понимание того, что представляет собой данная тема или вопрос, понимая, что существуют различные культуры, представляющие различные уклоны дискурса, ranging от способствующих, до противостоящих дискурсу. Все это делает неизбежным рассмотрение проблемы репертуара интерпретаций, понятия, введенного J. Potter и M. Wetherell [1987, с. 149]. Репертуар интерпретаций опровергает саму возможность существования однозначных трактовок объектов, что сразу же вызывает оппозицию со стороны поведенческой и экспериментальной психологии. Изложенное предполагает переход к седьмому и восьмому шагу анализа:

VII. Очерчивание образа мира, рисуемого дискурсом.

VIII. Работа над тем, как текст, не использующий данный дискурс, может преодолевать терминологические возражения.

5. Дискурс соотносится с другими дискурсами. Дискурсы проникают, вызывают и предполагают другие дискурсы, в той степени, в которой противоречия внутри дискурса приводят к формированию вопроса о возможности существования иных дискурсов. Сама возможность существования этих других дискурсов предполагает их множественную трактовку. Следовательно, анализ должен включать девятый и десятый шаги:

IX. Установление противоположных образов говорения, дискурсов друг относительно друга и рассмотрение различных объектов, составляемых ими.

X. Идентификация точек пересечения дискурсов различных объектов, т.е. выделение сходства их представленности в дискурсах.

6. Дискурс отражает свой собственный способ говорения. Не каждый текст отражает выбранные понятия и не каждый говорящий осознает, какой язык он использует. Тем не менее, условия, применяемые к каждому дискурсу, взятому как целое, предполагают возможность нахождения образцов комментирования выбранных терминов, предоставляющих возможность понимания дискурса как целого. С этого момента собственно и формируется дискурс, отражающий свой собственный способ говорения. Возможность рефлексии может быть представлена в самых незначительных и незаметных проявлениях. Что ставит вопрос об интуиции исследователя, позволяющей прочувствовать целостность дискурса. Нахождение точки схватывания дискурса и представляет основную задачу исследователя. С этого момента осуществляется переход к одиннадцатому и двенадцатому шагам дискурсного анализа:

XI. Ссылки на другие тексты для разработки того, как осуществляется процесс, часто имплицитно, и адресование его различным аудиториям.

XII. Отражение терминов, используемых для описания дискурса, вопросов, включающих моральный и политический выбор как часть процесса.

IX. Дискурс исторически локализован. Дискурс не является статичным, поэтому проследить, при каких обстоятельствах он возник. Для исторических аналитиков структура и силы отдельного дискурса могут быть выявлены посредством других примеров его проявления и объяснения их происхождения. Понимание дискурса становится возможным в наиболее полном виде только через прослеживание истории его развития. Это предполагает совершение тринадцатого и четырнадцатого шагов:

XIII. Рассмотрение того, как существует дискурс.

XIV. Описание того, как он изменяется, рассуждение о том, как осуществляется открытие происходящего.

Райс, в своем анализе специфики дискурса, добавляет еще несколько объектов:

X. Дискурс поддерживает определенные институты. Наиболее очевидными являются дискурсы, вплетенные некоторым образом в структуру институтов. Контекст институтов определяет переход к пятнадцатому и шестнадцатому шагам:

XV. Идентификация институтов, подкрепляющихся использованием определенного дискурса.

XVI. Идентификация институтов, подвергаемых нападкам со стороны определенных дискурсов.

II. Дискурс воспроизводит отношения власти. Институты сами по себе структурируются и репродуцируют отношения власти. Дискурс часто воспроизводит отношения власти, но это отнюдь не означает отождествление дискурса и власти. Последующие шаги анализа должны предполагать:

XVII. Рассмотрение того, в каких категориях личность находит и воспроизводит дискурс.

XVIII. Идентификация институтов, подвергаемых атакам и подрыву определенными дискурсами.

III. Дискурс обладает идеологическими эффектами. Любой дискурс является своего рода отражением той или иной идеологии. Более того, представление дискурса в системе представлений субъекта. Обуславливает его идеологичность. В то же время мы должны рассматривать идеологию как часть этих взаимоотношений и влияний, имеющих место в определенный исторический период. Если дискурсивный анализ содержит информацию об отношениях институтов, власти и идеологии, история дискурса становится объектом исследования. Заключительными шагами дискурсивного анализа будут:

XIX. Показ того, как дискурс связывается с другими дискурсами, санкционирующими подавление.

XX. Показ того, как дискурсы предоставляют возможность доминирующим группам формулировать свои нарративы о прошлом в порядке прояснения настоящего.

Основная задача дискурсного анализа — это анализ диалогов, выделение основных аналитических единиц, для того чтобы показать, как в процессе дискурса создается определенный объект или находится определенное решение.

Manenaghien [1992] с помощью дискурсного анализа провел исследование понятия природы и показал, как оно создается в процессе рассуждений. Дискурсный анализ проводился на основе материалов, полученных в ходе обсуждения решения вопроса о том, стоит ли производить разработку площадки на окраине города. Были собраны отрывки из газет, записи общественных собраний и представителей компании, которая планировала заняться строительством на этом месте. Вначале в тексте были выделены различные понятия или конструкции природы. То, что встречаются различные понимания находится в прямом противоречии с предположением существующих психологических исследований, что природа существует как единство, и в основном определяется как “что-то дикое”. Выделены следующие конструкции “природы”: природа это место, которого не коснулась рука человека; природа как пассивная зрительная гармония; природа как зрительная гармония деятельности (правильного использования человеком); природа как экологический баланс. Затем дается попытка показать, как эти конструкции используются как аргументативные стратегии. Одни стратегии направлены на понимание понятия “природа”, другие решают вопрос, можно ли рассматривать данный случай как пример определенного понимания природы.

Третья цель показать, как различные конструкции природы связаны с различными узаконенными реальностями. Здесь идея заключается в том, что язык продуцирует социальную реальность, также как и описывает ее. В этом анализе использование различных конструкций природы соотнесено с тем, что они узаконивают в терминах человеческих отношений и использования.

И, наконец, последней целью является рассмотрение отношений между аргументативными стратегиями и полученным результатом — окончательным выводом инспектора. Показано, что основным стало рассмотрение природы как пассивной, зрительной гармонии, но при этом сыграли свою роль и другие конструкции, что и привело к тому, что предложение о реконструкции участка было отклонено.

Критика дискурсного анализа исходит как из чисто теоретических и философских взглядов, так и практических возможностей. Естественно,

что в качестве критических выдвигались традиционные вопросы, касающиеся валидности, надежности, субъективности исследователя и т.д. I. Rabin [1992], исследуя возможное влияние схемы и индивидуальных особенностей исследователя, приходит к выводу, что дискурсивный анализ в конечном итоге может оказаться «исследовательскими идеями с примерами ничем большим».

Представленный достаточно схематический обзор классических и современных методов исследования, использующихся в социальной психологии и персонологии в контексте их возможностей и ограничений, показал необходимость поиска механизмов и методологических оснований их наиболее продуктивного сочетания. Это оптимальное сочетание методов исследования с необходимостью предполагает и нахождение гармоничного сочетания возможностей количественных и качественных измерений, анализ которых представлен в следующем разделе.

3.2.13. Феноменологическое интервью

Основное место среди методов психологического исследования занимает феноменологическое интервью, разработанное и покоящееся на теоретическом фундаменте экзистенциально-феноменологического подхода. Анализ философско-психологических оснований экзистенциально-феноменологического подхода был представлен выше (см., второй раздел четвертой главы), здесь же мы остановимся на представлении специфики методов исследований, применяемых в рамках данной традиции.

По мнению Н.Р. Pollio, Т.В. Henley и С.Д. Thompson, основной целью феноменологического интервью является «достижение точного и значимого описания мира повседневных переживаний в их максимальном приближении к тому, как они проживаются и описываются конкретным человеком привязанно к конкретной ситуации» [1997, с. 28]. С точки зрения этих авторов, психология более не может оставаться психологией третьего лица, как это принято в естественных науках, или психологией первого лица, как это было характерно для ранних интроспекционистов или представителей гештальт-психологии, а должна быть свободной в выборе методов второго лица, в которых характерно избрание диалога в качестве ведущего метода. Процедуры первого и третьего лица продолжают оставаться уместными при изучении некоторых вопросов и феноменов, процедуры второго лица более подходящими для задач описания человеческих жизненных переживаний. В отличие от процедуры третьего лица, принимающей психологию во внимание, процедуры психологии первого лица, подходящей к человеку как к субъекту, диалогические методы обогащают и себя и других (меня и тебя), проясняя значения друг для друга в процессе установившегося

диалога между ними. Диалог позволяет говорящему не только описывать свои жизненные переживания; он также требует от них прояснения значений вовлеченных других людей и, возможно, их реализации в процессе разговоров самих по себе. К своей выгоде, методы второго лица могут приводить к точной психологии, зависящей как от моей, так и от вашей удовлетворенности переживаниями некоторого события или феномена, выраженных в словах, понятных друг для друга" [там же, с. 29].

Так как целью феноменологического интервью является получение описаний первым лицом конкретной области жизненных переживаний, процесс интервьюирования начинается с вопросов, уточняющих обсуждаемую тему. Вопросы, утверждения и обобщения, используемые интервьюером, направлены на вызывание описаний, ориентированных не на подтверждение теоретической гипотезы, а фокусирование на получение максимально детализированных описаний жизненных переживаний. Интервьюер поддерживает диалог такими вопросами, как "На что это было похоже?" или "Что Вы чувствовали когда это произошло?", а также подключая вопросы самого информанта.

В феноменологическом интервью имеет место не исследование в традиционном академическом смысле, а со-исследование участвующих сторон. Задачей исследователя является экстернализация репрезентаций без каких-либо предубеждений и искажений. Как и в психоанализе, особое внимание уделяется снятию собственных проекций, направленное на максимально возможное взаимопонимание.

В контексте феноменологического интервью вопросы обладают описательной и вспомогательной функцией и ни в коей мере не направлены на оценку предсуществующих взглядов, аттитудов или знаний. Диалог выступает скорее в качестве аспекта разговоров, нежели задавания вопросов и получения ответов. В силу поточности и последовательности диалога, интервьюер делает паузы, задавая вопросы, казалось бы не вписывающиеся в обсуждаемую последовательность и тематику.

Одна из самых сложных задач, стоящих перед феноменологическим интервьюером является задача интерпретации огромных массивов информации, получаемой в процессе интервью. Спектр используемых средств анализа информации варьируется от контент-анализа до постпозитивистских герменевтических процедур толкования (Gadamer [1975]; Ricoeur [1976]; Wachterhauser [1986] и др.).

Для эвристических целей возможно описание интерпретируемых структур в понятиях следующих контрастных пар:

Категориальный	Герменевтический
Номотетический	Идиографический
Структурный	Эмпатический
Подтверждающий	Опровергающий

Данные дихотомии отражают контрастные аспекты оцениваемой информации, фиксируя внимание исследователя на повторяющемся и уникальном, субъективном и относительно объективном и т.п.

Как уже отмечалось выше, основной целью феноменолога является описание феномена в переживаемой, а не в абстрактно описательной форме. В основании интерпретации полученных жизнеописаний или текстов лежит ряд утверждений о человеческой сущности, отражающих специфику экзистенциально-феноменологического подхода. Именно тексты жизнеописаний и отражают жизненные переживания как таковые. Применительно к ним используются два типа интерпретационных процедур: «взятие в скобки» и «герменевтический цикл».

Взятие в скобки или «закавычивание» направлено на приостановку влияния предшествующих представлений, предположений и предубеждений. Оно предполагает освобождение понимания от влияния возможных предубеждений и тенденциозности.

Так как «взятие в скобки» не всегда удается и влияние предустановок может сохраняться и признаваться интерпретирующим, предусматривается три возможные процедуры их преодоления. Первая предусматривает анализ исследователем причинных оснований проведения им изучения данного вопроса. Вторая процедура направлена на предоставление исследователю возможности избегания навязывания личных значений на интерпретируемое содержание, достигаемое посредством использования языка информанта, а не абстрактного языка науки. Наконец, третья процедура предполагает интерпретацию интервью в условиях группового обсуждения. Групповое обсуждение предоставляет своеобразную групповую оценку соответствия интерпретации анализируемому тексту.

Герменевтический цикл представляет собой интерпретационную процедуру, предполагающую продолжительный процесс связывания частей текста в единую целостность. Герменевтический цикл позволяет преодолеть относительно линейную процедуру интерпретации посредством постоянного обращения к различным частям текста в попытке понимания взаимоотношений предшествующих текстов с постшествующими и т.п. Любой абзац текста неслучайно понимается в его взаимосвязи с целым (Kvale [1983]; Pollio, Henley, Nepperson [1997]). Логика герменевтического исследования реализуется преимущественно групповой интерпретацией, идиографической интерпретацией и феноменологической интерпретацией. Функцией групповой интерпретации является ориентации как исследователя, так и группы на природе данных. Идиографическая интерпретация предполагает выяснение индивидуальных особенностей конкретного случая, описанного в тексте конкретного интервью. Наконец, феноменологическая интерпретация предполагает анализ всех интервью в совокупности в контексте схватывания общего.

Наиболее уязвимым моментом феноменологического интервью является валидность в ее традиционном понимании. А. Giorgy предлагает следующее определение валидности феноменологического исследования: видение информантом того, что видит исследователь вне зависимости от того согласен или не согласен он с этим видением [1975]. Столь вольно трактуемое понятие валидности, тем не менее, вполне соотносимо с экологической валидностью, которая крайне трудно достижима при традиционном, классическом подходе. Некоторые исследователи считают, что валидность должна в конечном счете рассматриваться в понятиях беспристрастности, а не следования идеализируемой парадигме естествознания (Polkinghorne [1997]; Spence [1987]). Своеобразный компромисс представлен в следующей форме:

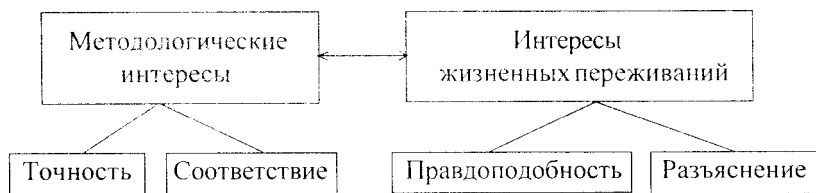

Рис. 5.16. Феноменологическая концепция валидности [Pollio, Henley, Thompson, 1997, с. 55].

Для того, чтобы считаться валидным феноменологическое исследование должно соответствовать всем четырем представленным выше критериям.

В целом, феноменологическое интервью представляет собой весьма специфический метод исследования, тем не менее, обладающий весьма высоким потенциалом продуктивности применительно к изучению жизненных переживаний человека в их реальных проявлениях.

5.3. Соотношение количественных и качественных методов в психологическом исследовании

Неотделимой от проблем выбора парадигмальных координат и способатеоретизирования является и проблема соотношения количественных и качественных методов психологического исследования. В 1980–90-е годы она начинает приобретать новое содержание. В наиболее рельефной форме эта проблема представляется при обсуждении необходимости “оживления” психологии, отказа от методов, разработанных для анализа неживой при-

роном, господствующих в естествознании, и перехода к методам, учитывающим специфику "живой сущности" человека.

Работы исследователей рассматривают количество и качество как фундаментальную дихотомию в исследовании социального бытия личности и ее окружения (Е.И. Доценко [1997]; J. Bell [1999]; H. Coolican [1998]; K.J. Gergen [1992]; P. Harre [1981; 1998]; R. Harre, L. Langenhove [1995]; N. Hayes [1993; 1998]; D. Fellenck, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; D. Levy [1997]; C. Robson [1998]; R. Sapsford, R. Dallos [1998] и др.). По отношению к этой дихотомии существует три полюса возможных решений: 1) признание количественных измерений единственно научными, т.к. только при их наличии возможно описывание "объективными" данными по аналогии с естественными науками (позитивизм); 2) количественные измерения не возможны по отношению к психологической феноменологии в принципе, т.к. психика не измерима, а измеряемы лишь ее косвенные проявления в виде поведенческих реакций (социальный конструктивизм); 3) возможно нахождение компромисса, позволяющего использовать продуктивные возможности как количественных, так и качественных данных (методологическая триангуляция).

По мнению многих исследователей, адекватное постижение человека в условиях его реальной социальной жизни невозможно без обращения к различным интерпретациям, который предполагает доминирование качественных способов получения психологического знания (Е.А. Климов [1999]; Е.И. Доценко [1997]; В.А. Янчук [1994; 1997; 1998]; R.P. Boyd, P. Gasper, I.D. Gross [1991]; N. Denzin, Y. Lincoln [1994]; N. Hayes [1998]; I. Jones [1997]; S. Kvale [1997]; N. Pidgeon, K. Mischel [1998]; R. Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell, R. Stevens [1998]; A.L. Strauss, J. Corbin [524]; T.A. Van Dike [1997] и др.).

Ряд авторов придерживается позиции о том, что конфронтация количественного и качественного подходов является искусственной, т.к. на самом деле, как отмечает D. Clark-Carter, они представляют собой всего лишь два подхода к изучению одних и тех же феноменов. Или что они представляют собой две стадии одного и того же процесса исследования, в котором качественный подход ставляет идеи, которые в последующем будут изучаться посредством количественного подхода" [1998, с. 3].

Напряжении длительного времени между двумя подходами имеют своего рода напряженные отношения. Один исследует явления в изоляции или при минимизации влияния посторонних факторов. Эта минимизация приводит к появлению возможности контроля над ситуацией со стороны исследователя. Варьируя один аспект в единицу времени и наблюдая за изменением, место изменения становится возможным установление взаимоотношений между факторами. В то же время, когда феномен изымается из

естественных условий его проявления, он изменяется. В результате выявленные закономерности становятся искусственными и не соотносимыми с реальным миром. Любая попытка лабораторного моделирования реального мира заранее обречена на неудачу в виду невозможности реконструирования контекста реальности в сознании субъекта, что порождает проблему экологической валидности. "Таким образом, чем больше исследователь пытается контролировать ситуацию, тем более искусственной она становится" (там же).

Эта искусственность и приводит, по выражению N. Hayes, к постепенному "снижению ценности количественных методов (а также, между прочим, высокоструктурированных теорий) по причине их ориентированности на идеализированную модель физического эксперимента, провозглашающего надежность, генерализуемость и переопределение валидности" [1998, с. 2].

Лежащая в основе использования количественных методов идея обеспечения "научности" и логической последовательности результатов психологического по аналогии с эталоном физики приводит к тому, что "природа социального мира становится менее проблематичной нежели природа естествознания – частично скрытая, в зависимости от обстоятельств, но принципиально раскрываемая посредством соответствующим образом организованного исследования. Что наиболее существенно с этой точки зрения: 1) чтобы мы были уверены в том, что мы измеряем и 2) чтобы организация исследования была такова, чтобы заключения исследователя и только заключения исследователя, логически следовали из очевидности" [Sankey, 1997, с. 147].

Настойчивое требование надежности исследовательских результатов сводит на нет изучение необычных или исключительных человеческих переживаний, в то время как поиск генерализуемых правил приводит к созданию нормативных методов, в свою очередь, сводящих на нет возможности изучения уникальных для данной личности человеческих переживаний. Валидность переопределяется самоустраивающим образом, делая акцент на сравнение новых методов с предустановленными критериями и, тем самым, снижая возможность соотнесения изучаемого поведения с его проявлениями в условиях реального бытия повседневной жизни. В результате формирование у научного сообщества скептического отношения к возможностям количественных методов.

Попытки привлечения возможностей компьютерного моделирования к исследованию психологической феноменологии опять-таки приводят к неудаче. Блестящая имитация все равно не желает походить на реальность. Как подчеркивает D.E. Polkinghorne: "Наша виртуальная реальность, создана биологической природой, культурой и языком, в которые мы вплетены.

Но существует машин, способных проверить валидность наших переживаний. На наши переживания нельзя полагаться как на репрезентирующие реальность, точно также как наши размышления не являются зеркалом мира и реальности. У нас нет надежных эпистемологических оснований для построения наших знаний. Наши переживания всегда фильтруются через интерпретативные схемы» [1997, с. 149]. Т.к. эта фильтрация неизбежна, то становится невозможным и получение точных количественных характеристик реальности как таковой в силу недоступности к ней соответствующими количественными методами.

Высказывание D.E. Polkinghorne не является гласом вопиющего в пустыню, не менее радикальные утверждения присутствуют у многих исследователей, серьезно занимающихся проблемой соотношения знаний, полученных в рамках академической науки позитивистского толка, с реальной практикой проблемного поля бытия личности в условиях социального окружения и запросами клинической практики (Е.Л. Доценко [1997]; С. Bandura [1988]; A. Bandura [191]; J. Bell [1999]; H. Coolican [1998]; B. Dancy [1992; 1996]; M.E. Duffy [1987]; K.J. Gergen [287; 288]; R. Harre [1991; 1991; 1993]; R. Harre, L. Langenhove [1995]; N. Hayes [1993; 1998]; S. Levenson, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; S. Kvale [1997]; D. Levy [1997]; S. Levenson [1998]; R. Sapsford с соавт. [1998]; J. Shotter [1997]; и др.).

Критическое отношение к количественным методам привело к росту интереса к методам качественным. Качественные подходы становятся все более популярными в современном психологическом сообществе. Эти тенденции особенно ощутимы на исследовательском уровне, свидетельством чего является возрастающее число публикаций и исследовательских проектов, использующих качественные методы исследования. «Возрастающий интерес к проблеме искусственности исследовательских данных, — отмечает N. Hayes, — вместе с увеличивающимся интересом к «экологическим» данным и исследованиям, релевантным проблемам общества привело к широкому распространению качественных методов исследования» [1993, с. 14].

Следует отметить при этом, что качественное исследование часто ассоциируется с субъективизацией, гуманитаризацией и тому подобной идеологией, в то время как количественное исследование — с «научно-объективной» правдой, в естественнонаучном контексте. При всем кажущемся различии терминов речь в каждом случае идет об одном и том же — о возможности смещения акцентов в исследованиях к постижению своей интерпретации человеком самого себя и окружающего его мира. В состоянии таких интерпретаций становится невозможным понимание основанных характеристик человека в происходящем и прогнозирование им своих действий в будущем.

Качественные исследования обычно рассматриваются в контексте их противопоставления количественным. В более широком плане они обсуждаются скорее в аспекте различных эпистемологических оснований или исследовательских парадигм, чем как методы исследования [Wertheimer, 1972]. В. Wiidemuth утверждает, что различие количественных и качественных методов, представляющих позитивистскую и интерпретативистскую парадигмы, заключается в том, что первая признает существование объективной реальности как независимой от исследователя, а вторая рассматривает реальность как субъективную и социально конструируемую. Тем не менее, она считает, что метод исследования детерминируется эпистемологическими основаниями, а не наоборот [1993]. J. Bradley отмечает в этой связи: "Это верно, что позитивистский подход с его направленностью на нахождение статистической регулярности поведения ориентирован на выявление и измерение изучаемого поведения. В противоположность этому, интерпретативный подход, с его направленностью на понимание социального мира с точки зрения действующего в нем, ориентирован на детальное описание познавательных и символических действий, точнее значений, ассоциируемых с наблюдаемым поведением" [1993, с. 431]. G. Morgan и L. Smircich [1980] доказывают, что решающими являются именно онтологические и эпистемологические основания, выделяя широкий спектр возможных позиций от объективистской, опирающейся на онтологические основания рассмотрения реальности как конкретных процессов и структур объективной реальности, до социально конструктивистской, опирающейся на представление о реальности как результате мыслительной активности субъекта. Уже представленный выше анализ онтолого-эпистемологических оснований многообразия парадигмальных координат в психологическом знании показал его привязанность к категориям "субъект" и "объект". В частности, Г.А. Ковалев [1987] рассматривает процесс эволюции психологических парадигм как переход от субъект-объектной парадигмы к субъект-субъектной, косвенно подтверждая необходимость смещения акцентов и в области превалирующих методов исследования от количественных к качественным, в силу избранной одномерной логики рассмотрения. N. Pidgeon, K. Henwood, работающие в трехмерной логике, говорят о двух полюсах — движении от объекта к субъекту в случае позитивизма и конструировании объекта субъектом — в случае социального конструктивизма [1998, с. 248].

Исследователи, работающие в объективистской логике, стремятся к обособлению субъекта от исследуемого объекта в целях постижения объективной законов реальности. Субъективистски ориентированные исследователи, наоборот, стремятся поместить субъекта в контекст ситуации для их более углубленного понимания. Таким образом, отношения между

то, что объектом становятся индикатором предпочитаемых онтологических и методических оснований.

Отражение различий в субъект-объектных отношениях находят свое отражение в теории. В субъективистски ориентированных исследованиях отражается в процессе исследования, в объективистски ориентированных исследованиях — формулирование гипотез предшествует эмпирическому исследованию. В объективистском исследовании истина объективна, как единственный и пути ее достижения. В субъективистском исследовании принимается возможность признания валидности ряда теорий, обоснованных на разных интерпретациях. G. Morgan и L. Smircich приводят следующее описание спектра имеющих место дискуссий по проблеме объективное — субъективное, представленное на рис. 5.17.

	◀Субъек- тивист- ские под- ходы	◀	◀▶	▶	Объекти- вистские подхо- ды▶
Онтологическое основание	Множес- твенные реально- сти	Реаль- ность как социально конструи- руемая	Реаль- ность как контек- стуальное поле ин- формации	Реальность как кон- кретный процесс	Реаль- ность как конкрет- ная структура
Методическое основание	Открытие осново- полагаю- щих вы- водов о нашей реально- сти	Понима- ние того, как кон- струиру- ется ре- альность	Изобра- жение контекста	Исследо- вание систем, процессов, изменений	Конст- руирова- ние пози- тивист- ской нау- ки

Рис. 5.17. Спектр оснований, характеризующих дебаты по проблеме объективности — субъективности в социальных науках [1998, с. 492].

Анализ при этом отношении объективистски ориентированных количественных и субъективистски ориентированных качественных методов, представленных парадигмы указывают на следующие моменты: во-первых, в объективистских количественных методах человек исследуется вне социального контекста, без всех присущих ему связей с другими людьми; во-вторых, социальное поведение отличается от естественного, так как действия человека строго ограничены и даже заранее обусловлены, и он не способен спонтанно и реализовывать поведение как это происходит в обыч-

ных условиях. Кроме того, моделируемые явления настолько узки, что вряд ли можно ожидать, что они встречаются в таком виде в реальной жизни.

Было бы большим преувеличением говорить о триумфе качественных методов в психологических исследованиях. Сама трансформация сознания психологов-профессионалов, социализированных на количественных методах, вооруженных инструментарием статистического анализа формирует естественные барьеры на пути переоценки ценностей. Тем не менее, изменения в психологической ментальности очевидны, как очевидна и перспектива ударения в другую крайность – игнорирование продуктивных возможностей количественных методов. На приведенном ниже рис. 5.18. представлен сопоставительный обзор возможностей и ограничений анализируемых методов.

Характеристики, ассоциируемые с подходом	Методы	
	Количественный	Качественный
1	2	3
Информация Характеризующие понятия	Объективная Экспериментальный; количественные данные; статистика	Субъективная Описательный; естественный; словесно-ориентированный
Ключевые понятия	Переменные; операционализация; надежность; гипотезы; валидность; статистическая значимость; повторяемость	Значение; понимание здравого смысла; процесс; социальное конструирование; темы; правдоподобность
Организация	Структурированные; преддетерминированные; формальные; специфические; детализированный план операций	Включенные; гибкие; общие; согласованные; чувствительные к продолжению
Примеры	Большие; многослойные; контрольные группы; строгие; контроль за побочными переменными	Небольшие; теоретические примеры; целевые примеры; предполагающие возмож- ность включения как можно большого числа контекстов

1	2	3
Методы исследования	Эксперимент; структурированное интервью; квази-эксперимент; структурированное наблюдение; ряды данных; тесты	Наблюдение; включенное наблюдение; изучение документов артефактов; неструктурированное интервью
Измерения	Количественные; операционализированные переменные; квантификаруемое кодирование; статистические; подсчитываемые	Описательные; обыденная речь; личные документы; полевые заметки; артефакты; официальные документы; аудио и видеозаписи; стенограммы
Инструменты исследования	Опросники; описания; шкалы; тестовые показатели; компьютеры; индексы	Аудио и видеопленки; воспроизводящие устройства записи; часто единственным инструментом является сам исследователь
Анализ данных	Дедуктивный; статистический; имеет место по завершении сбора данных	Индуктивный; продолжающийся; моделирование; тематический; понятийный; метод сравнительных констант
Инструментальная надежность	Высокая	Низкая
Экстернальность	Искусственные	Реалистические, естественные
Степень контроля	Структурированная	Неструктурированная
Надежность	Низкий	Высокий
Валидность	Низкая	Низкий
Надежность	Высокая	Низкая
Контроль других переменных	Контроль других переменных; заклонный характер	Временная затратность; нестандартизированность процедуры; надежность
Степень валидности	Высокая	Низкая

Степень объективности, характеристика специфики, возможностей
 исследования объективных и качественных методов

Представленный сравнительный анализ специфики, возможностей и ограничений количественных и качественных методов показывает, что как у первых, так и у вторых есть уязвимые места, ограничивающие возможности психологического исследования. Наиболее уязвимым местом количественных методов является ограниченность их возможностей по отношению к изучению феноменологии реальной жизни человека в его экзистенциальной феноменальности и пространственно-временной континуальности. Как отмечает D.S. Nau: "Различия между количественными и качественными исследованиями заключаются в том, что первые являются позитивистскими, ограничивающими, не способными схватывать перспективу субъекта, абстрактными и основанными на безжизненных описаниях. Качественные исследования, как утверждают критики, проявляют тенденцию к ненаучности и основываются на не строгой методологии. Приверженцы же утверждают, что они вводят постмодернистский и постпозитивистский взгляд, соответствующий преобладающим социальным установкам" [1997, с. 3].

Если брать за исходное основание тримодальную модель оснований человеческих действий R. Stevens, социальной активности, фиксирующую наличие биологической, символической и рефлексивной сущностей [1998, с. 75–83], то количественные методы наиболее продуктивны по отношению к изучению биологической природы человека, т.к. на этом уровне существует возможность точных измерений, в значительно меньшей степени они применимы к символической сущности и совсем не применимы по отношению к рефлексивной сущности.

Основной проблемой качественных методов является их субъективность. Эта проблема впервые была поставлена еще в конце XIX века Дильтеем, утверждавшим необходимость четкого разделения между науками о природе *Naturwissenschaften* и науками о морали или о человеке *Geisteswissenschaften*. По мнению Дильтея, первым соответствуют внешнее наблюдение и причинно-следственное объяснение, а вторым – постижение значений или понимания. Как отмечают N. Pidgeon и K. Henwood, "если исследователь стремится к пониманию участия человека в социальном мире, он обязан быть вовлеченным в теснейшую проверку того, как этот мир воспринимается глазами самого участника – с его феноменальной и социальной перспективой" [1998, с. 249].

В то же время подобное "окувание" в мир личных переживаний должно сопровождаться некоторой степенью остроты исследования от исследуемого, рефлексии собственной субъективности и проекций, связанных с воздействием собственного жизненного опыта. В наиболее разработанном виде эта проблема представлена в психоанализе, наиболее четко и честно констатирующем сложность преодоления субъективности во взаимоотношениях психоаналитик – клиент и давно работающего над

проблему с помощью средств ограничения влияния собственной субъективности на исследование. Столь же серьезное внимание проблеме субъективности уделяется и в герменевтике, занимающейся реконструкцией исторических смыслов и значений, представленных в текстах. И в феноменологической методологии акценты делаются на "очищение" от посторонних "примесей", то в названных традициях делается акцент на "очищение" от неизбежной субъективности интерпретации в контексте доступа к объективным данным, а в контексте феноменологии — от неполной их репрезентативности тем смыслам и значениям, которыми оперирует автор.

В феноменологическом социально-психологическом разрезе эта проблема приобретает вид аспекта соотношения внешней и внутренней перспектив. В феноменологических подходах утверждается, что "исследователь и исследуемое являются единым целым" и постижение субъекта становится возможным только с помощью взаимной генерации знаний, а не обеспечения "холодной" нейтральности и дистанцированности от изучаемого, предполагаемых позитивистской методологии" [1996, с. 251].

Одним из приоритетов качественным исследованиям, как наиболее соответствующим реалии социальной жизни субъекта во всей гамме ее нюансов и оттенков, N. Pidgeon и K. Henwood подчеркивают, что "исследователь, пытающийся на квантификацию для операционализации предположений и концептов в целях проверки ригидной теории, претендующей на позицию внешнего наблюдателя по отношению к переживаемому, не в состоянии решить поставленную задачу. Это происходит потому, что он фиксирует значения вместо их изучения через взаимодействие исследователя и исследуемого" [1998, стр. 252].

Различение количественной и качественной исследовательских парадигм по отношению к объекту исследования, что вполне естественно, не означает их взаимоисключения. В тоже время многими авторами они рассматриваются не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие друг друга. Квантификация (число) и качественная репрезентация (слово) могут рассматриваться как способы организации и упорядочивания структурированного материала и в этом смысле могут последовательно сочетаться с социальным конструктивизмом [Kvale, 1997, с. 98]. Однако достаточно очевидным, что феномен человека не может быть изолирован или быть изолированным в стерильном окружении, что происходит в экспериментальном исследовании. Исключительно методы исследователи, занимающиеся изучением социальности человека и его окружения, могут упускать многие нюансы, которые проявляются и могут быть поняты только в контексте жизни.

В то же время, исключая причинные взаимосвязи между переменными, устанавливаемые посредством количественных методов, а также квантификацию и анализ этих переменных для определения статистической вероятности мы можем столкнуться с отсутствием какого-либо осязаемого результата вообще. Более того, не полагаясь на количественную определенность, мы лишаемся возможности какого-либо общего сравнения, как исследуемых феноменов, так и изучаемых характеристик людей в рамках конкретного сообщества, так и человечества в целом. Другое дело проблема критериев и способов соотнесения различных культурных сообществ друг с другом, которая особенно остро ставится в рамках кросс-культурных исследований [Sim, Tanzer, 1999; Toates, 1996].

Таким образом, различия между количественными и качественными методами могут быть использованы для развития исследований и получения более глубоких представлений о сути изучаемых феноменов. В то время как количественная организация исследования стремится к преодолению субъективных предубеждений, для того чтобы факты могли быть поняты объективно, качественный подход стремится к пониманию сути феномена с позиции понимания переживаний человека, описываемых значимыми данными. Количественное исследование стремится к идентификации и обособлению определенных переменных в контексте исследования (поиск корреляций, взаимоотношений, причинности), в то время как качественные исследования фокусируются на холистическом взгляде на то, что должно исследоваться (через анализ документов, историю случая, наблюдение и интервью).

Количественные данные собираются в контролируемых условиях, следуя принципу вероятности того, что исследуемая переменная может описывать идентифицируемые взаимоотношения, в то время как качественные данные собираются в контексте естественных условий. Как качественные, так и количественные методы стремятся к достижению надежности и валидности полученных результатов. Постоянство или стабильность данных показывают способность исследователя повторно подтверждать полученные результаты в рамках количественного подхода, в качественных же исследованиях главным является репрезентативность данных по отношению к истинной или полной картине.

При внешней убедительности представленной логики сочетания возможностей количественных и качественных методов не раскрытым остается самый фундаментальный вопрос, связанный с разграничением их сферы компетенции. Выше уже обосновывалась продуктивность количественных методов по отношению к биологической природе человека, подлежащей измерению. Отмечалась и потенциальная возможность их использования по отношению к символической природе в аспекте нахождения номотетики

сравнения на ее основе систем сравнительных координат неизбежно становится как для психологического знания, так и для человечества, поставленного в ситуацию сравнительной оценки индивидов во многих сферах, требующих ориентировки.

Следует особо подчеркнуть, что создаваемые на данном основании системные сравнительные системы координат должны восприниматься как динамичные и требующие, во-первых, постоянного уточнения в связи с историческими процессами, во-вторых, адаптации к конкретной культуре и субкультуре, как обладающими собственной имикой и итикой, обуславливающей своеобразие мира смыслов и значений, определяющих отношение к миру и человеку.

Безоценочные методы, будучи практически не применимыми по отношению к биологическому аспекту человеческой тримодальной сущности, являются непродуктивными по отношению к аспекту символическому и неадекватными, к аспекту рефлексивному. Способность улавливания тончайших нюансов поточного мира человеческих экзистенциально-феноменальных переживаний является для них приоритетной, одновременно представляя собой проблему, связанных с соотнесением уникальных переживаний друг с другом в рамках одной личности и, тем более, в рамках различных личностей и их социальных окружений.

4.4 Решение проблемы оптимального сочетания возможностей количественных и качественных методов

Осознавание ограниченности попыток решения проблемы углубления количественных представлений в рамках одного из полюсов исследования — количественного — качественно стимулировало поиск новых методов решений, предпринимаемых в рамках психологии, социологии, антропологии, педагогики и т.п. При внешней простоте решения в виде простого механического объединения или эклектизации продуктивных возможностей данных двух групп методов оно сталкивается с рядом принципиальных сложностей. Во-первых, сложность нахождения механизмов интеграции качественных подходов. Во-вторых, сложность перевода эмоционально и экзистенциально окрашенных, холистичных процессов переживаний в “препарированный”, “сухой”, обобщенный и статизированный язык количественных данных. В-третьих, неудачные попытки решения обозначенных проблем с позиций формального и подхода с позиций обоснованной теории, на основании которых мы и остановимся ниже.

5.4.1. Многочертные-многometодные матрицы

Понимание ограниченности ресурсов отдельно взятых, пусть и высоконадежных, методов побудило D. Campbell и S.T. Fiske [1959] к разработке скрупулезной процедуры обеспечения конструктивной валидности исследований, предполагающих наличие ряда измерений. Наличие ряда измерений, как и привлечение к исследованию возможностей многих методов обусловлено все той же проблемой соотношения результатов исследования с самой реальной феноменологией. Сложность этого соотношения, как неоднократно подчеркивалось на протяжении всей работы, состоит в том, что не существует возможного опосредованного соприкосновения с объективной реальностью, тем более такой ее производной как психическая активность. Упор же на операционализируемую часть психической активности, представленной в наблюдаемом поведении человека или его реакциях на предлагаемый стимульный материал, опять-таки, предполагает выстраивание некоторых гипотетических представлений о том, какой характер носит изучаемая психическая активность и на каких психологических механизмах она основывается.

Понимание сложности проблемы стимулирует поиск возможностей ее решения к числу классических вариантов которого, построенного исключительно на посылах позитивистского подхода и относится метод многочертных-многometодных матриц, в последующем изложении обозначаемый аббревиатурой МММ, вызывающей сложные ассоциации у отечественного читателя.

Сам метод многомерной-многometодной матрицы (МММ) исходно был разработан в качестве практической методологии решения проблем, встающих перед исследователями, пытающимися решать сложные психологические задачи, но не имеющие определенных и строгих методологических и инструментальных решений.

Для реализации подхода МММ D. Campbell D. и S.T. Fiske ввели понятия конвергентной и дискриминантной валидности. Конвергентная валидность представляет степень, в которой теоретически взаимосвязанные конструкты взаимосвязаны друг с другом в реальности. В соответствии с принципом конвергентной валидности измерение теоретически сходных конструктов должно быть высоко взаимосвязанным.

Дискриминантная валидность представляет собой степень, в которой концепты, не взаимосвязанные теоретически, являются таковыми в реальности. В соответствии с принципом дискриминантной валидности теоретически различные конструкты не должны коррелировать друг с другом.

МММ позволяет оценить как конвергентную, так и дискриминантную валидность. В соответствии с подходом, для того чтобы доказать конструк-

исследования. Необходимо продемонстрировать как конвергентную, так и дивергентную валидность.

МММ представляет собой просто таблицу или матрицу корреляций, позволяющую интерпретировать оценку конструктивной валидности. В соответствии с подходом, исследователь должен оценивать каждый из изучаемых показателей каждым из используемых методов. По этой причине МММ относится к ряду очень ограничивающих исследователя методов, предполагающих общепонятную по затратам времени и средств работу – в идеале каждый из используемых концептов должен исследоваться каждым из используемых методов.

Представленные в матрице корреляции группируются по диагоналям, состоящим из блоков, отражающим результаты полученных измерений каждым из ряда методов. Комбинации установленных взаимосвязей занесены в матрицу соответственно методам их получения и затем подвергнуты корреляционному анализу.

Используются следующие значимые интеркорреляции: значимых

- Диагональ надежности (моночертная-мометодная) оценивает надежность каждого из измерений матрицы. Оценка надежности может проводиться рядом образцов (например, тест-ретест, внутреннее соответствие). Число корреляций должно соответствовать числу измерений.
- Диагональ валидности (моночертная-гетерометодная) представляет корреляции между измерениями одних и тех же черт разными методами. Так как МММ организована в блоки методов, то для каждого из них определяется одна валидность. Так как методы измеряют одну и ту же черту, предполагается, что корреляция будет строгой.
- Интервертный-гетерометодный треугольник представляет корреляции между измерениями, к которым применялся один и тот же метод. В данном случае речь идет о корреляции между методами, а не чертами. Если эта корреляция высока, то можно говорить о том, что существует выраженный фактор влияния метода на результаты исследования.
- Интервертный-гетерометодный треугольник представляет те корреляции, которые отличаются как по методу, так и по чертам. Так как они относятся к методам, ни к чертам предполагается, что они будут значимыми в матрице.
- Методические блоки включают все корреляции, которые относятся к определенному методу измерений.
- Интерметодические блоки состоят из корреляций, не относящихся к определенному методу.

После идентификации различных частей МММ начинается процесс интерпретации. В случае соблюдения принципов или правил МММ в полученных результатах исследования можно вести речь о конструктивной валидности. К числу этих принципов относятся:

- Коэффициенты диагонали надежности должны быть последовательно самыми высокими в матрице. Черты должны коррелировать максимально друг с другом и ни с чем больше.
- Коэффициенты диагонали валидности должны значимо отличаться от нулевого уровня и быть достаточно высокими для гарантии результативности дальнейших исследований. Это особенно важно для конвергентной валидности.
- Коэффициент валидности должен быть выше по сравнению с другими, представленными в его столбце и ниже по сравнению с гетерочертным-гетерометодным треугольником.
- Коэффициент валидности должен быть выше по сравнению со всеми другими коэффициентами в гетерочертном-монометодном треугольнике
- Во всех треугольниках должны присутствовать одни и те же паттерны взаимоотношений черт.

Основная идея МММ заключается в предоставлении операциональной методологии для оценки конструктивной валидности. В рамках одной матрицы присутствует возможность одновременной проверки и конвергентной и дискриминантной валидности. D. Campbell S T. Fiske акцентировали внимание на необходимости четкого определения влияния того как мы измеряем на то, что мы измеряем. И в этом смысле МММ представляет собой строгую структуру оценки конструктивной валидности.

Однако МММ не получил широкого распространения в исследовательской практике. Первое, и прежде всего, по причине того, что он требует полностью пересекающейся организации измерений — каждая черта должна измеряться каждым методом. Акценты делаются именно на возможности множественных повторений оценки одних и тех же черт различными методами. Это условие делает практически невозможным использование МММ по отношению к социальной феноменологии. Второе, основанность на принятии решений создает сложности для его распространения, особенно, для тех исследований, которые предполагают проверку конструктивной валидности посредством проверки отдельных или единственных статистических коэффициентов. Третье, эта же основанность на принятии решений может приводить к тому, что различные исследователи могут легитимно приходить к существенно отличающимся решениям. Четвертое, строгая структурированность и проверяемость взаимосвязанности и взаимозависимости используемых методов в их адекватности по отношению к изуча-

предполагает обязательную операционализируемость концептов, что порождает существенные сложности по отношению к классу явлений, описываемых феноменологией социального бытия личности ее окружения. Следовательно, предложенный подход является собой абсолютно идеальным способом обеспечения конструктивной валидности результатов исследования. Принципом, обладающую весьма существенным уязвимым аспектом. При этом приходится определяться в таких важных аспектах как повторяемость подопытных или выявленных закономерностей и характеристик, их свобода от влияния фактора метода, он не решает самого главного — доказательности или истинности соотносительности измеряемого с реальным (что и предполагается конструктивной валидностью), т.к. нет самой возможности измерить непосредственно их реальность наличными инструментами и средствами. Можно лишь говорить только о некоторой гипотетической соотносительности, да и то лишь в отношении сомнительную с точки зрения уместности аналогии с функционированием естественного познания, в частности, биологии. Человек же, являясь функционированием опосоциальным, вряд ли описываем при посредстве этой аналогии, так невозможно даже гипотетическое отчленение биологического от социального и наоборот.

4.4. Sensemaking

Термин Sensemaking дословно переводится как формирование смысла, смысла объекта. Исходно данное понятие предполагает наличие активности субъекта, создающего разумные, имеющие смысл события, которые структурируют неизвестное. Исследователя, изучающего формирование смысла интересуют следующие вопросы: Как люди конструируют то, что они конструируют, для чего и насколько эффективно.

Исследователи, изучающие sensemaking по разному определяют это понятие. Р.Л.М. Данбар (R.L.M. Dunbar [1981]; W.H. Starbuck и F. Milliken [1988]) определяют sensemaking как помещение стимулов в некую структуру. Помещение стимулов в имеющуюся структуру позволяет людям понимать, объяснять, атрибутировать, делать предположения и предсказания [Starbuck, Milliken, 1988]. К примеру, люди используют следующую структуру имеющую вид структуры, включающей поступление, производство, хранение, манипулирование и распространение информации таким образом, чтобы обеспечить формирование значения, цели и направления деятельности [Westly, 1990]. М. Луис [1980] считает, что sensemaking — это активный процесс, который с помощью размышлений о прошлом объясняет неизвестное.

Важным элементом можно рассматривать как повторяющийся цикл, охватывающий последовательность событий, происходящих в течение какого-

то периода времени. Этот цикл начинается с индивидуально сформированных осознанных и неосознанных предчувствий, антиципаций и предположений, которые выступают как предсказатели будущих событий. Далее индивид последовательно переживает некие события, которые не всегда соответствуют предсказаниям. Несоответствующие события или неожиданности вызывают потребность в их объяснении или постдикции и соответственно продуцируют процесс интерпретации неожиданностей. Интерпретация заключается в том, что неожиданностям приписываются значения. Необходимо отметить, что значение присваивается неизвестному в основном в результате процесса формирования смысла (Sensemaking), а не восприятия и определения различий. Поэтому понять особенности формирования смыслов означает одновременно понимание того, как люди справляются с возникающими перед ними при решении той или иной задачи препятствиями.

J. Thomas, S.M. Clark и D.A. Gioja [1993] описывают sensemaking как обоюдное взаимодействие потребности в информации, приписывания значения и действия, что предполагает включенность таких процедур как изучение окружающей реальности, интерпретацию и ассоциативные ответы. M.S. Sackman [1991] говорит о sensemaking как о механизмах, которые используются членами организации, чтобы приписывать значения событиям, механизмам, которые "включают стандарты и правила для восприятия, объяснения и действия, обычно используемые в данной культурной среде".

В то время как S.A. Thomas и S.A. Sackman упоминают "действия" в связи с процессом формирования смысла, M.S. Feldman (1989) настаивает на том, что часто sensemaking: "не заканчивается действием. Формирование смысла может закончиться пониманием того, что действие в данном случае невозможно, или, что необходимо лучшее понимание ситуации. Включиться в sensemaking, значит строить, ограничивать, создавать факты, переделывать субъективное в нечто более осязаемое.

B. Dervin определяет sensemaking как "ряд выводов и предположений, а также ряд методов, разработанных для изучения процесса формирования смыслов в повседневной жизни людей" [1992]. Прежде всего, и более всего, это ряд метатеоретических предположений о природе информации, природе ее использования человеком, природе межличностной коммуникации. Некоторые из этих предположений принимаются как аксиомы, другие выводятся дедуктивно. К числу этих выводов и предположений относятся: положение о пространственно-временной континуальности между реальностью и органами чувств человека; между человеком и культурой, между человеком и социальными институтами; между институтами; между народами и т.п.

В рамках подхода осуществляется попытка изучения того, как концептуализируется информация. При этом информация не рассматривается как нечто находящееся вне человека и существующее независимо от него.

то есть то, что в каждый момент времени человек не обладает исчерпывающей информацией, констатируется наличие информационных пробелов, наличие которых и изучается в рамках sensemaking.

Формирование смысла подразумевает реальность, обретающую форму в результате ретроспективного формирования смысла ситуаций, в которых люди постоянно обнаруживают. Это процесс характеризуется сильным субъективным качеством. Люди формируют смысл вещей, наблюдая мир, в который таким кажется, они уже погружены. Люди обнаруживают свои собственные приобретения, которые объясняют, почему sensemaking понимается как приобретение, и интерпретация понимается как открытие.

Можно выделить семь основных характеристик, которыми процесс формирования смысла отличается от других интерпретационных процессов: понимание, интерпретация, атрибутирование.

Понимание понимается как процесс:

основанный на конструировании идентичности;

ретроспективный;

прототипический в ответном окружении;

субъективный;

простолющенный;

фокусирующийся на и посредством вычлененных сигналов;

адекватный в основном правдоподобностью, а не точностью [Porac с

1990: 1999]

Эти характеристики как чаще всего упоминаемые в литературе. Каждая характеристика содержит в себе ряд исследовательских вопросов, касающихся самости и непосредственно связана с процессом формирования смысла. Каждая характеристика объединяет различные аспекты, которые являются ключевыми аспектами процесса формирования смысла. Все семь характеристик вместе можно представить как целостность: люди соприкасаются со своей идентичностью, чтобы то, как другие связывают последующие события, из которых они выводят ориентиры и ретроспективно формируют разумный смысл, что в конечном итоге приводит более или менее в порядок текущие события. Эти характеристики помогают изучить процесс осмысления, так как они позволяют понять, что такое формирование смысла, как этот процесс развивается, и с какой стороны. Эти характеристики выделены для того, чтобы описать феномен sensemaking. Ниже приводится обзор этих характеристик.

Приведенный подход применимо к анализу социальной идентичности, начиная с 1970-х годов В. Dervin. Она представляет собой альтернативный подход для изучения того, каким образом люди получают информацию и информационные системы в

своем постижении окружающего. Теория формирования смысла изучает потребности, образы и удовлетворение пользователей информационных и коммуникационных систем, или короче — что пользователь хочет получить от системы, что он получает, и что он об этом думает. Этот подход имеет широкое практическое применение, поскольку формирование смысла — основа любой коммуникационной ситуации (внутриличностной, межличностной, массовой, кросс-культурной, общественной или межнациональной).

В самом общем смысле можно сказать, что смыслообразование представляет собой активность (одновременно, и внутреннюю и внешнюю), позволяющую индивиду планировать и осуществлять свои действия в пространстве и времени. Это форма коммуникативного поведения, т. к. в основе sensemaking, как и в основе коммуникации — поиск и использование информации, общая схема которого представлена на рис. 5.19.

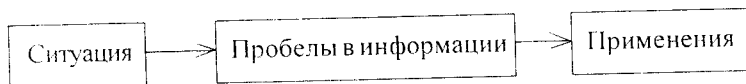

Рис 5.19. Схема смыслообразования.

Где: ситуации — это пространственно-временные контексты, в которых конструируется смысл; пробелы — потребности в информации или вопросы, возникающие у людей, конструирующих смысл идвигающихся в пространстве и времени; применения — то, как индивид использует вновь созданный смысл, во многих исследованиях трактуемый как информационная помощь и вред.

Ситуации включены в эту модель, поскольку формирование смысла ситуационно. Пробелы — поскольку теория sensemaking по сути дела их и изучает. Применение включено на том основании, что формирование смысла сфокусировано на их создании и не предполагает механической связи между информацией и применением. Каждое из этих трех измерений отождествляется с категорией переменных.

Sensemaking как метод исследования является одновременно и количественным и качественным. Более того, он не рассматривает ни один из них как обладающий преимуществами над другим. Важным является то, что они дополняют друг друга, схватывая противоположностей. Будучи ориентированным на схватывание информационных пробелов и процессе их заполнения, данный метод предполагает и вертикальные и горизонтальные срезы сформировавшегося поля значений в максимальном приближении к их точности. Посредством глубинного интервьюирования осуществляется попытка схватывания смыслов, затем они фиксируются при

символического кодирования, периодически осуществляется возвращение к этим этапам.

При разработке теории формирования смысла было важно создать альтернативные средства интервьюирования респондентов. В рамках данной теории составлен и разработан ряд техник. В процессе работы их можно варьировать и изменять в зависимости от целей исследования.

1. Микро-моментное временное интервью (Micro-Moment Time-Line Interview). Это основная техника теории формирования смысла. Она представляет собой опрос респондента с уточнением того, что пошагово происходило в изучаемой ситуации), что происходило первым, вторым и т. д. Затем по отношению к каждому шагу (называемому Time-Line), мы спрашиваем испытуемого, какие вопросы у него возникли, что ему непонятно, что нужно прочесть, изучить, понять, распутать или осмыслить. Эти вопросы составляют ядро. Глубина анализа каждого вопроса определяет глубину исследования. Особенность данного метода состоит в том, что данные не привязаны к конкретному микро-моменту, специфическому ситуационному моменту в пространстве и времени.

2. Сцепление. Вредящее сцепление. В фокусе внимания данного исследования испытуемый конструирует связь между информацией и своей деятельностью. Испытуемого просят привязать свои ответы к следующему вопросу: Как (по телефону, книга, база данных, статья и т. п.) помогают Вам? Испытуемому предлагается находить повторяющихся ответов на вопросы: "А как это помогло Вам?" до тех пор, пока испытуемый не почувствует, что ответ, в котором помощь выражено в наиболее личностных терминах.

3. Укрепляющее сцепление варианта сцепления:

а) укрепляющее сцепление: интервьюер спрашивает респондента: "А как это помогло Вам?" и "А как это повредило?" о каждом конкретном случае.

б) укрепляющее сцепление: Респондента предупреждают, что информация может быть использована как к помощи, так и к вреду, а те, в свою очередь, пытаются получить двойственный результат (помощь / вред).

4. Структурированное интервью. Испытуемого изначально спрашивают о конкретной жизненной ситуации. Далее проделывают работу с Time-Line, а затем испытуемый должен сосредоточиться на конкретном шаге. Это один из возможных вариантов. Можно предложить испытуемому предлагается ряд параметров, по которым ему нужно ответить на вопросы (например, выберите ситуацию, которая произошла с Вами в то время, когда Вы столкнулись с каким-то препятствием, и опишите, что Вы сделали, чтобы преодолеть это препятствие и осуществили очень ценную для себя деятельность). После того, как испытуемый сосредоточился на конкретной ситуации, его обычно просят кратко описать ситуацию и

рассказать, почему он выбрал именно ее, как она соотносится с критериями. Этот шаг позволяет сверить, насколько респондент и интервьюер одинаково понимают критерии. Далее респондента просят по семи бальной шкале оценить специфичность его ситуации, насколько необычные вопросы у него возникли и насколько специфичная помощь ему потребовалась.

4. Проверка сообщений. Эта методика работает с печатными сообщениями. Испытуемого просят при чтении какого-то сообщения останавливаться в тех местах, где у него возникает какой-либо вопрос (т.е. он хочет что-то выучить, понять, прояснить, вскрыть, найти этому объяснение и т. п.). Места остановки в тексте помечаются определенным значком. Далее проводится глубинный анализ возникших вопросов. Обычно исследователь оценивает, насколько вопросы связаны с жизненной ситуацией опрашиваемого, оценивает важность вопроса, выясняет, есть ли в тексте ответ на вопрос, оценивает полноту ответа, и насколько ожидания респондента о возможной помощи и вреде совпадают с реальностью.

Подход с позиции методологии *sensemaking* имеет хорошие перспективы и может служить в качестве образца для подражания т.к. он обладает способностью: схватывать динамику смыслообразования в ее относительно широкой пространственно-временной континуальности; сочетания продуктивного потенциала количественных и качественных методов; включения в процесс исследования рефлексирования и осуществления нового поиска в соответствии с возникшими инсайтами.

Идея циклического чередования глубинных интервью, направленных на схватывание особенностей заполнения информационных пробелов с последующим отслеживанием их динамики, представляется достаточно перспективной. Точно также как обладает определенной перспективой идея гармоничного сочетания возможностей количественных и качественных методов при разграничении их веса в случае ориентированности либо на номотетику, либо на идиографию.

Правда, как и любой инновационный подход (впрочем, и классический), *sensemaking* обладает и рядом ограничений. Во-первых, процедура его проведения предполагает огромные временные затраты. Во-вторых, прослеживание динамики смыслообразования с неизбежностью порождает схематизмы и шаблоны в их контроле. Наконец, в-третьих, он не дает исчерпывающих решений. К тому же уязвим по ряду процедурных и технологических моментов.

63

5.4.3. Подход с позиций обоснованной теории

Подход с позиций обоснованной теории формируется в 1960-е годы как следствие развернувшихся дебатов по проблеме количественных и

на исследование методов. Как специальное понятие термин был введен социологами В. Глэзер и А. Strauss [1967]. Они избрали термин "обоснованная теория" ввиду расхождения с теорией, основанной на проверке качественных данных по статистикам в конкретных условиях, например, не структурированный качественный материал, включенного наблюдения и архивных исследований. В. Глэзер и К. Henwood подчеркивают: "подход представляет собой попытку использовать в противовес позитивизму, ориентированному на опровержение предсуществующих теорий, имеющих слабое отношение к исследовательской области и к описаниям реальности, воспринимаемой ее членами участниками исследования" [1998, с. 253 – 254].

Собственно понятие "обоснованная теория" используется в широком спектре исследований, в частности, по отношению к исследовательской методологии В. Глэзер и А. Strauss системного анализа неструктурированных качественных данных. По своей сущности подход является скорее исследовательской и предполагает некоторые элементы количественной обработки данных. Принадлежность к качественному подходу проявляется в его приверженности представлениям локальной контекстуальной теории, целостного значения во всей их комплексности и контекстах и заинтересованности в рефлексии конструкций мира участников исследования" [Глэзер В. 1994].

Направление познаний обоснованной теории направлен, прежде всего, на преодоление доминирующего и искажающего влияния предсуществующих теорий, установивших схемы проведения исследований, сбора и интерпретации данных, тем самым, отдаляющих исследователя от той реальности, которую, соответственно говоря, присутствует в действительности. Предсуществование теории как бы направляет поиск не на выявление особенностей феномена, а на подтверждение или не подтверждение теоретически обоснованной гипотезы, что в конечном итоге, и приводит к различного рода искажениям.

Понятие обоснованной теории реализуется в рамках метафоры "открытия" в противовес метафоре "существования", используемой в классическом позитивном исследовании и представляет собой результат постоянного взаимодействия между данными и исследовательскими концептуализациями, связанными с жизнью и жизненным опытом исследователя.

Как отмечают В. Риджон и К. Henwood, "ценность подхода обоснованной теории заключается в том, что он предлагает ряд процедур, способствующих осознанию субъективности (и особенно творчеством и интерпретацией исследователя) в процессе анализа качественных данных. Ученые с этой точки зрения подхода с позиций обоснованной теории признают, что на рис. 5.10

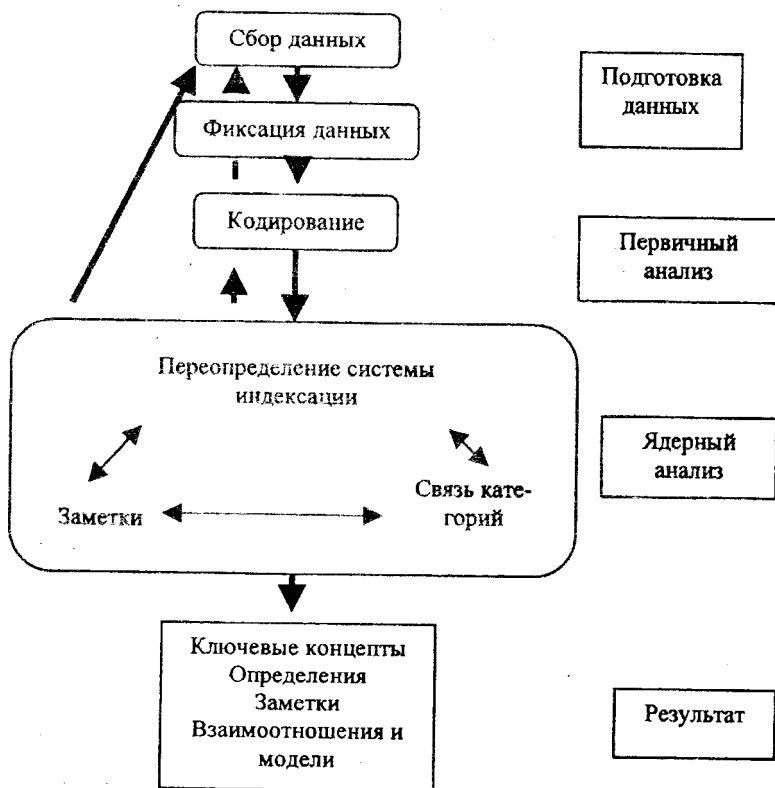

Рис. 5.20. Этапы обоснованного подхода [Pidgeon, Henwood, 1998, с. 257].

В связи с вышеизложенным важно отметить, что введение процедур оперирования субъективностью не должно пониматься как наличие стандартных процедур и правил достижения истины. Скорее они представляют собой пути внедрения в практику требования необходимости активного вовлечения в детализированный анализ собственного исследовательского материала в целях стимулирования и организации исследуемых материалов” [Pidgeon, Henwood, 1998, с. 255].

Основной целью реализации обоснованного подхода является продвижение от неструктурированных данных к ряду теоретических кодов, концептов и интерпретаций.

N.R. Pandit [1996] предлагает подробное описание процесса пяти аналитических фаз (не обязательно последовательных) построения обоснованной теории: организация исследования; сбор данных, упорядочивание

1	2	3
Шаг 4. Вход в область.	Пересечение сбора и анализа данных. Гибкие и альтернативные методы сбора данных.	Ускоряет анализ и привносит полезные регулятивы в сбор данных. Позволяет исследователю принимать преимущества определенных тем и характеристики уникальных случаев.
Фаза упорядочивания данных		
Шаг 5. Упорядочивание данных.	Хронологическое размещение событий.	Способствует более легкому анализу данных. Позволяет контролировать процесс.
Фаза анализа данных		
Шаг 6. Анализ данных в отношении первого случая	Использование открытого кодирования. Использование осевого кодирования. Использование избирательного кодирования.	Создает концепты, категории и свойства. Создает связи между категориями и подкатегориями. Интегрирует категории в теоретические построения. Все формы кодирования способствуют внутренней валидности.
Шаг 7. Теоретическая выборка.	Литературное и теоретическое подтверждение через все изучаемые случаи (возвращение ко второму шагу до момента насыщения теории).	Подтверждает, расширяет и уточняет теоретические построения.
Шаг 8. Сопособствование завершению.	Теоретическое насыщение при наличии возможностей	Приводит к завершению теории при минимальном количестве крайних случаев.
Фаза сопоставления с литературными данными		
Шаг 9. Сравнение построенной теории с данными профильной литературы	Сопоставление с альтернативными подходами. Сопоставление со сходными подходами.	Улучшает определенность конструкторов и на этой основе внутренней валидности. Также повышает внешнюю валидность посредством установления областей, на которые могут быть генерализованы результаты исследования.

Рис. 5.21. Процесс построения обоснованной теории [Pandit, 1996, с. 3-4].

И то же время реализация подхода на практике сопряжена с рядом особенностей, отмечаемых N.R. Pandit: временная затратность; долгие периоды неопределенности; неполнота данных; экономическая дороговизна [1996, с. 13]. Тот же автор отмечает, что успешная реализация подхода связана с наличием определенных исследовательских качеств и навыков.

Обобщенности компетентности, творческой, и жизненного опыта (как и процессу жизни исследований, так и исследуемом контексте)" [там же].

Особого внимания заслуживает обсуждение вопроса оценки подхода к обоснованной теории. Традиционно в качестве критериев оценки теоретических знаний был представлен в третьей главе) выдвигаются валидность, надежность, экономичность, эмпирические подтверждения, внутренняя согласованность и генерализуемость. Тем не менее ряд авторов придерживается мнения, что по отношению к обоснованной теории "не существуют методологических критериев, гарантирующих абсолютную точность исследований (как количественных, так и качественных)" [Pidgeon, Henwood, 1993, с. 269]. По мнению этих авторов, речь скорее должна идти о некоторых практических рекомендациях, способствующих прогрессу в исследуемой области. Среди этих критериев определяются: близость к эмпирике; интегрированность теории на различных уровнях абстракции; рефлексивность; документирование; анализ теоретической выборки и конкретных случаев; чувствительность к реальности участников исследования (респонсивная валидность); прозрачность; убедительность.

Проведенный обзор трех исследовательских методологий, представляющих попытку решения проблемы адекватности психологического изучения реальности феноменологии социального бытия личности и ее культурной сущности, конечно же, не исчерпывает всего проблемного поля. Попытки поиска ответов скорее имеют место в рамках дихотомии – лучше ли первый или второй, не менее фундаментальный аспект – применимость той или иной исследовательской методологии к качественным характеристикам изучаемой реальности или природы человека (биологической, символической, рефлексивной). Попытка решения этой проблемы интеграцией в дальнейшем подходе интегративной эклектики путем триангуляции, о которой говорится в следующем разделе.

2.2 Методологический подход интегративной эклектики путем триангуляции

Проблема соотношения количественных и качественных методов исследования была предметом возможных решений, представленных в работах многих известных исследователей, список которых с каждым годом постоянно увеличивается [C.B. Bavelas [1995]; B.J. Breitmayer [1993]; A.A. Bryman

[1988]; V. Caracelli, J. Greene [1993; 1997]; H. Coolican [1998]; J. Corner [1990]; N. Denzin, Y. Lincoln [1994]; B. Dervin [1992]; D. Dooley [1995]; U. Flick [1998]; J. Greene, V. Caracelli [1997]; P. Hinds, K. Young [1987]; I. Jones [1997]; J.T. Lamiell [1998]; D. Mady [1982]; E. Mitchell [1986]; J. Morse [1991]; D.S. Nau [1995]; M. Patton [1990]; C. Robson [1998]; G. Rosenwald [1988]; J. Shotter [1997]; R. Sutton; T. Tripp-Reimer [1985]; G. Tsourvakas [1982]; B.M. Wildemuth [1993] и др.).

Несмотря на существующее многообразие возможных способов комбинирования количественных и качественных методов, направленное на продуктивное использование их потенциала, можно говорить о пяти возможных их сочетаниях:

1. Триангуляция – предполагающая проверку согласованности данных, полученных посредством различных вариаций качественных и количественных методов.
2. Взаимодополнение – предполагающее прояснение и иллюстрацию результатов, полученных методами одного класса, методами другого класса.
3. Развитие – результатов, полученных методами одного класса, методами другого класса.
4. Инициация – новых исследовательских вопросов или изменение результатов, полученных методами одного класса, методами другого класса.
5. Экспансия – предоставляющая обогащение и детализацию исследуемого явления использованием специфических качеств методов разных классов [Greene, Caracelli, 1997].

Одной из наиболее распространенных разновидностей подобного комбинирования, поддерживаемой большинством исследователей, является методологическая триангуляция (B.J. Breitmayer [1993]; M.E. Duffy [1987]; U. Flick [1998]; P. Hinds, K.A. Young [1987]; E. Mitchell [1986]; J. Morse [1991]). Под триангуляцией подразумевают термин, используемый в навигации и геодезии, описывающий технику построения третьей точки на основе двух известных, “один из методов, определения геодезических пунктов, служащих исходными ориентирами при топографической съемке и других геодезических работах” [Словарь иностранных слов, с. 506].

Впервые по отношению к методологии психологического исследования данный термин был использован D.T. Campbell [1959]. В современной психологии под триангуляцией понимается “использование данных из различных источников, различными методами сбора данных и различными исследователями, по возможности всеми триангуляционными техниками, обладающими необходимой надежностью” [Robson, 1998, с. 404]. Это наиболее широкое определение, по нашему мнению, и позволяет схватить

и в итоге оформление авторских версий и смыслов, вкладываемых различными исследователями в данный подход, его ограничения и возможности.

По мнению ряда авторов, комбинирование качественных и количественных методов, получившее название третьего пути, приводит к соединению преимуществ обеих методологий, и как следствие — получению более целостных данных. Минимизируется неадекватность отдельных методологий, что приводит к достижению высокой внутренней надежности. Bradley подчеркивает в этой связи, “это возможно и крайне желательно в интересах методологического плюрализма, исследовать основополагающие исследования в контексте их полезности для понимания конкретной исследовательской проблемы. Активное обсуждение того, что мы знаем в свете того, как создается наше знание, может только расширить наше понимание” [Bradley, 1993, с. 448].

Выбор третьего пути, предполагающего максимально продуктивное использование возможностей качественных и количественных методов, получило название и было конституировано как методологическая триангуляция. Наиболее известной разновидностью является “совместная триангуляция, представляющая одновременное использование количественных и качественных методов” [Morse, 1991, с. 122].

По мнению В. J. Breitmayer, “триангуляция комбинирует независимые и взаимодополняющие методы для:

- улучшения описания исследуемых процессов или процесса;
- идентификации хронологии событий;
- предоставления оснований для очевидности внутренней валидности;
- подтверждения или валидации результатов исследования” [212, с. 131].
- в конечном счете для понимания и контекстуальной репрезентации результатов исследования феномена” [Breitmayer, 1993, с. 195].

При относительно независимом друг от друга сборе и оперировании данными они сопоставляются друг с другом в завершении каждого исследовательского цикла для возможного формулирования новых гипотез, проверки полученных выводов и их возможной коррекции [Caracelli, Morse, 1991, с. 120].

А методологическая триангуляция может быть классифицирована как одновременная или последовательная. Одновременная триангуляция предполагает параллельное использование и количественных, и качественных методов. В данном случае между двумя используемыми альтернативными методологическими подходами существует мало взаимодействия. Последовательная триангуляция предполагает, если “полученные при посредстве одной методологии данные применяются в качестве основания для последующей проверки с помощью альтернативной методологии” [Morse, 1991, с. 120].

Первым шагом применения качественно-количественной триангуляции является детерминация специфической исследовательской проблемы. Подобное имеет место в случае перехода от индуктивно построенной теоретической конструкции к эмпирически подтверждаемой дедуктивной конструкции. Е. Mitchell [1986] утверждает, что триангуляция предоставляет возможность подвижности и глубинности, которой лишены отдельные методы. Для обеспечения эффективности триангуляции по Е. Mitchell следует соблюдать следующие требования:

- Четкое определение исследуемого вопроса.
- Компенсация сильных и слабых сторон каждого из методов продуктивными возможностями друг друга.
- Пригодность избранных методов для исследуемого феномена.
- Продолжающаяся, циклическая оценка продуктивности и валидности используемого подхода [там же].

Продуктивность методологической триангуляции была подтверждена в ряде исследований. М. Duffy приводит ряд преимуществ использования методологической триангуляции:

- Используемая концептуальная структура, предоставляющая теоретическую базу исследования, может целиком или частично основываться на результатах качественных исследований.
- В областях, в которых были получены пересекающиеся результаты, отдельные качественные данные могут быть верифицированы посредством количественных данных.
- Качественные данные, полученные в процессе интервью или наблюдения, могут быть использованы в качестве основания для отбора единиц или индикаторов при последующем создании исследовательских инструментов, ориентированных на получение количественных данных.
- Внешняя валидность эмпирически генерированных конструкторов может быть достигнута в результате использования интервью или наблюдения: там, где имеют место возможные рассогласования могут быть применены пилотажные исследования, создающие основания для выявления слабостей и неадекватных интерпретаций тестируемых индивидов.
- Уточнение неопределенных и провокационных ответов опрашиваемых может быть достигнуто посредством перепроверки в полевых условиях.
- Количественные данные могут предоставлять информацию об исходных неточностях в концептуальных построениях исследователя, не предусмотренных им ранее.
- Использование обзорных количественных данных по всем предусмотренным аспектам исследования может способствовать корректи-

решение возможных проблем качественного исследования, проводимого на избранной репрезентативной группе испытуемых.

- Использование количественных оценок может корректировать "холистические ошибки" (представления исследователя о полной конгруэнтности всех аспектов данной ситуации, притом, что сами представления исследователя могут оказаться следствием сформировавшегося оппоретного взгляда). Одновременно, использование количественных инструментов может помочь верификации наблюдений, полученных в процессе неформального полевого наблюдения [1987].

Несмотря на то, что триангуляция способствует решению многих проблемных вопросов, связанных с повышением приближения результатов исследования к максимальному уровню репрезентативности специфичных феноменальных переживаний субъекта, она приводит к снижению внутренней валидности. К числу основных проблемных вопросов исследования, непосредственного на методологии триангуляции, можно отнести следующие:

- Как комбинировать цифровые, лингвистические и составные данные?
- Как интерпретировать дивергентные результаты цифровых и лингвистических данных?
- Что делать с пересекающимися концептами, присутствующими в данных, сложно отделяемыми друг от друга?
- Как и как оценивать вес полученных данных?
- При каких условиях различные используемые методы могут рассматриваться как одинаково чувствительные и равновесные?

Таким образом, методологическая триангуляция не рассматривается как универсальное средство для всех социальных исследований. Тем не менее, многими авторами она рассматривается как компромиссное решение, позволяющее максимизировать сильные стороны и минимизировать слабости каждого отдельного подхода, способствуя углублению исследования и всестороннему пониманию феномена. Методологическая триангуляция обладает и стратегическим потенциалом, возрастающим при циклическом чередовании количественных и качественных методов и наоборот, приводя к углублению понимания на каждом последующем витке спирали [Блумберг, 1993]. К тому же триангуляция может приводить и к интерпретационным парадоксам и противоречиям, как теоретических построений, так и эмпирических выводов, полученных в рамках традиционного количественного подхода к исследованию психологической феноменологии. А. А. Шауман [1988] называет ее технической версией количественно-качественных дискуссий, указывая, что количество и качество не представляют собой симметричных парадигм вообще, а всего лишь методы, избираемые по принципу наибольшей пригодности к изучению определенного феномена.

Методологическая триангуляция не является единственным способом решения проблемы соотношения в исследовании количественных и качественных методов. Авторские разработки в данной области проводятся по ряду направлений: повышению продуктивности как количественных, так и качественных методов по отдельности, а также нахождению их оптимального сочетания друг с другом в целях получения более глубинной информации об изучаемом явлении. Выход, как и в предшествующих случаях, находится в попытках объединения возможностей количественных и качественных методов посредством нахождения механизмов их наиболее эффективного сопряжения и взаимодействия.

Преимущества использования смешанной методологии исследования вполне убедительно показаны в ряде прикладных исследований (N. Hayes [1993]; D. Miell, M. Wetherell [1998]; D.S. Nau [1995]; C. Robson [1998]; G. Tsourvakas [1997]; и др.). G. Tsourvakas выделяет следующие из них:

- Качественные методы, особенно наблюдение или неструктурированное интервью, позволяют исследователю разработать целостный "портрет" исследуемого субъекта. Это особенно важно для начальной стадии исследования.
- Количественный анализ более пригоден для изучения поведенческих или описательных компонентов.
- Описательный анализ может способствовать выделению репрезентативных примеров для последующего качественного исследования.
- Использование качественных методов позволяет исследовать непредвиденное развитие событий.
- Количественный анализ может дополнять результаты качественных открытий, показывая степень их распространения.
- Количественный анализ может подтверждать или опровергать кажущуюся или реальную значимость полученных результатов.
- Количественные методы имеют значительно более низкую объяснительную ценность, в то время как качественные методы в состоянии предоставлять необходимые основания для глубокого объяснения изучаемого феномена [1997].

Как отмечает C. Robson: "Не существует правила, предопределяющего использование одного метода в исследовании. Использование более чем одного метода в исследовании может давать существенные преимущества и в то же время с неизбежностью увеличивает время исследования... Т.к. нам никогда не удастся получить результатов, на которые не оказывал бы влияния метод их получения, то единственной возможной стратегией является использование многообразия методов" [1998, с. 290].

Это же исследователь очерчивает ряд возможных плоскостей продуктивного использования методологической триангуляции. "Вместо того, что

они сосредотачиваться на отдельном исследовательском вопросе, они являются типичными методами – ВЯ) могут быть использованы для адресования различным, но взаимодополняющим вопросам” (там же). Они могут быть использованы взаимодополняющим образом для усиления взаимодополнительности. Наконец, функция взаимодополнения может быть реализована и для целей доступа к достоверности угроз валидности результатов первичных исследований. Эта тактика особенно часто применяется в случае квази-экспериментальных исследований.

К числу наиболее известных разработок, в рамках которых реализованы сформулированные рекомендации по оптимизации использования представленных возможностей количественной и качественной методологии относятся представленные в предшествующем разделе подход с позиций обоснованной теории (grounded theory) [Glaser, Strauss, 1967] и sensemaking [Dervin, 1992; 1996].

В подходе обоснованной теории, так и sensemaking, общим является представление исследовательской спирали, предполагающей постоянное уточнение значений (смыслов), которыми оперирует информант, с последующим их уточнением и уточнением самим исследователем в форме диалога. Начиная диалогическое взаимодействие, направленное на формирование взаимного поля значений между исследователем и исследуемым.

Несмотря на перспективности названных методологических подходов к изучению представлений о социальной сущности человека и природе его деятельности, данные исследовательские методологии также обладают рядом общими существенными ограничениями:

- Ограничения объемами информации, подлежащей анализу.
- Неопределенностью вопроса о том, сколько срезов и в какой последовательности необходимо для схватывания смыслов.
- Нежеланием формированием определенной структуры межличностных взаимоотношений между участниками исследования, повышающую возможность субъективной интерпретации.

Представленный перечень ограничений не является исчерпывающим, но он достаточно, демонстрирует обостренность проблемы исследования предубежденности или субъективности и путей снижения ее негативного влияния и в рамках данного значительно более гумантарно ориентированного подхода. Вместе с тем, и это качественное продвижение в развитии исследовательской методологии не преодолевает всех проблем изучения социальной феноменологии бытия личности и ее окружения в их феноменальной феноменальности и пространственно-временной континуальности. Не решается она и в находимых исследовательских компромиссах между количественной и качественной методологиями.

Некоторые исследователи идут еще дальше, убедительно показывая, что проблема заключается не в нахождении методов сопряжения количественных и качественных методологий исследования. Они объявляют подобную постановку не верной в принципе [А.А. Bryman]. По мнению G. Morgan и L. Smircich, "проблема находится в плоскости нахождения механизмов сопряжения разных парадигмальных координат и сопутствующих им методологических эпистемологических и онтологических оснований" [1980, с. 494]. Причем проблема значительно более глубока, чем может показаться при первом рассмотрении. Как отмечает N.W. Blaikie, один из самых жестких критиков подхода методологической триангуляции, "комбинирование методов, основанных на различных теоретических основаниях невозможно в принципе" [1991, с. 134]. В данной логике, мы должны избирать методы, кардинально отличающиеся друг от друга для получения лучшей оценки полученных ответов. При внешне кажущемся радикализме представленного суждения, в нем присутствует крайне важный контекст обсуждения проблемы соотношения или сопряжения, во-первых, методов, адресованных разным типам реальности, и, во-вторых, самих этих реальностей в их проявлении исследователю и наблюдателю.

В контексте уже анализировавшейся ранее тримодальной модели оснований человеческой активности, ее автор – R. Stevens, подчеркивает: "надо иметь в виду очень различающиеся оценочные критерии, требуемые этими отличными эпистемологиями и, соответственно, социально-психологическими традициями, которые с ними связаны. В номотетическом измерении, используемом для исследования биологических оснований действий, критическим вопросом является "проверка истинности". Хороши ли предсказания теории? Является ли понимание, сформированное теорией, валидным? Когда мы перемещаемся к герменевтическим стратегиям, вовлеченным в символическую, второсигнальную область, мы нуждаемся в прояснении любого анализа или прикосновений, которые мы делаем: оценки того, насколько эффективно они репрезентируют систему значений (представлений, чувств и т.д.), на которой они фокусируются. Мы нуждаемся в познании того, что наше описание "схватывает смысл" того, что делает информант, что он чувствует и думает, а также в формировании некоего осмысления самих себя в аспекте его сходства с описаниями, которые может давать своим переживаниям сам информант. Критерии определения валидности в этом случае, тем не менее, не будут столь внушающими доверие или откровенными; они будут скорее включать оценки правдоподобности и соответствия, и будут освобождены от необходимости выводов о природе и основаниях человеческих переживаний и действий. По отношению к трансформационной эпистемологии, соответствующей третичному уровню – рефлексивности, мы сами становимся

с точки зрения "проверки истинности", сопровождая ее еще более сложными вопросами, связанными с осознанием того, что часто мы говорим не то, что хотим, а что способны делать то-то, а что они способны быть такими и способны делать это; таким образом, призывы к реальности могут оказаться парадоксальными. То, что поставлено на карту на третичном уровне не может быть абсолютно точным, а скорее возможным или желательным" [1998, с. 82].

Объединение трех модальных типов оснований человеческих действий в единстве их качественного различия и целесообразности использования является признаком качественно отличных исследовательских методологий не только в вопросе об их сосуществовании и сопряженности друг с другом и как следствие, нахождения новой методологической триангуляции, строгости не в принципе многомерности.

Основание предлагает интегративная эклектика, предполагающая многомерность, многомерный, разновекторный анализ, создающий многомерность качественно иного инсайтирования, предполагающего включение в плоскость рассмотрения аспектов множественности, диалогичности, многозначности феномена.

В качестве такой, временно привязанной методологии, предлагается многомерный подход интегративной эклектики путем триангуляции.

Наличие единых сопрягающих оснований по измерению системообразующих: низкотомный количественное – качественное и идиографическое – номотетическое, биологическое – символическое – рефлексивное, интуитивное – прежде всего, тем, что при всем понимании ограниченности, и даже системнообъективной неадекватности количественного подхода к описанию феномена живой, пульсирующей плоти социального бытия личности и ее окружения, тем не менее, необходимо наличие систем, пусть и относительных – трудных, сравнительного соотнесения людей друг с другом, т.е. номотетическая и итики. Эти сопоставительно-сравнительные системы формаций должны быть разноуровневыми, варьирующимися от уровня индивидуальной культуры с доминированием идиографии и имики, до уровня общечеловеческой культуры с доминированием номотетики и итики.

Представляются следующие уровни сопоставительно-сравнительных систем формаций:

- Уровень индивидуальной культуры.
- Уровень субкультуры.
- Уровень национальной культуры.
- Уровень межнациональных обществ.
- Общечеловеческий уровень.

Противоположность от уровня индивидуальной культуры, характеризующуюся доминированием идиографии и имики, к последующим уровням, характеризующимся доминированием номотетики и итики, сопровождается снижением веса идиографии

и этики и повышением веса номотетики и этики. Соответственно, уровень индивидуальной культуры предполагает доминирование качественных методов исследования, сопровождаемое ростом веса количественных исследований, при переходе на более высоко обобщенные уровни.

По измерению биологическое - символическое - рефлексивное также присутствует движение от доминирования номотетики и, соответственно, предпочтительности и большей информативности количественных методов, к доминированию идиографии и качественных методов на уровне рефлексивной модальности.

Общая схема методологического подхода интегративной эклектики путем триангуляции представлена на рис. 5.22, 5.23

В своей практической конкретизации методологический подход интегративной эклектики путем триангуляции предполагает использование позитивистски ориентированных методов на уровне выявления номотетических и этических особенностей, герменевтически ориентированных методов - на уровне идиографических и имических особенностей, наконец, рефлексивных практик и критического рефлексивного позиционирования на уровне острого анализа субъективности и предубежденности.

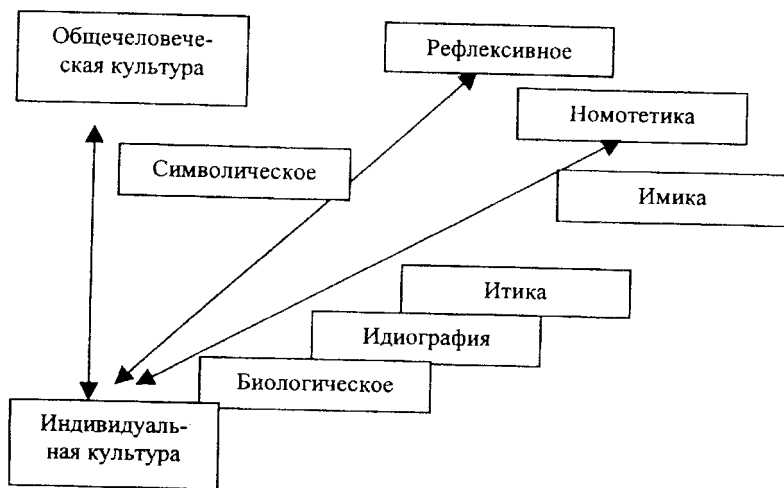

Рис. 5.22. Схема методологического подхода интегративной эклектики путем триангуляции

Соответственно, на уровне биологической номотетики существенна роль внутренней и конструктивной валидности, на уровне же символической идиографии - экологической валидности, наконец, на уровне рефлексив-

ной идиографии и номотетики – критической рефлексии, достигаемой посредством рефлексивных практик и критического рефлексивного позиционирования.

Уровни	Идиография	Имика
Индивидуальная культура	$K_q M$	$K_q M$
Семейная культура	$K_q M; K_q M$	$K_q M; K_q M$
Национальная культура	$K_d M$	$K_d M$
Межнациональная культура	$K_d M$	$K_d M$
Глобальное сообщество		
Общечеловеческая культура	$K_d M$	$K_d M$
	Номотетика	Итика

Рис. 5.11. Схема соотношения количественных и качественных методов в зависимости от уровня исследуемой культуры.

Где: $K_d M$ – количественные методы;
 $K_q M$ – качественные методы

Формально стандартизированные схемы экспериментального типа, наиболее широко представленные в комбинации, известной под названием многочерт-ной многометодной матрицы [Campbell, Fiske, 1959], позволяют схватить необходимость функционирования человека как представителя биологического вида. Особая сложность в этом случае связана с обеспечением "необходимости" исследования от "наносных влияний" культуры, проявляющейся в символической и рефлексивной природе человека.

Наиболее полное постижение идиографии символической и рефлексивной природы человека в ее экзистенциальной феноменальности достигается методами типа sensemaking и подхода обоснованной теории, ориентированного на схватывание динамики значений (B. Dervin [1992; 1996]; B. Dervin, A. Mearns [1967]; N. Pidgeon, K. Henwood [1982]; N.R.. Pandit [1990] и др.). Такие большими возможностями в схватывании глубинных смыслов и переживаний человека обладают техники, наработанные в рамках феноменологии [D. Westin, 1990] и феноменологии [Howard, Henley, Thompson, 1997], ориентированных на скрупулезное постижение поля переживания человека.

Рефлексивный уровень постижения сущности бытия продуктивно достигается средствами рефлексивных практик [Деркач, Семенов, Степанов, 1998; Harte, Langenhove, 1998; Hawes, 1998] и критического рефлексивного позиционирования [Янчук, 1999].

В целом, методологический подход интегративной эклектики путем триангуляции, как и интегративно-эклектический подход, как его методологическое основание, предполагает определение в системе исследовательских координат по измерениям идиографическое – номотетическое, итическое – имическое, биологическое – символическое – рефлексивное. Это исследовательское самоопределение, во-первых, очерчивает круг исследовательских интересов и, соответственно, возможностей и ограничений предполагаемых результатов; во-вторых, позволяет определиться в приоритетных методах исследования (количественные – качественные) и их возможных комбинациях, определяемых исследовательскими приоритетами и претензиями; в-третьих, образовать зону согласия и ближайшего развития в рамках межуровневого, межапарадигмального диалога.

Выводы по главе 5

1. В систематизированном виде противоречия подхода к исследованию социально-психологической феноменологии с позитивистских оснований сводятся к следующим основным моментам: изолированность от социального контекста; дистанцированность; недооценка собственного влияния и активной роли исследователя в процессе исследования; получение только поверхностной информации; ограничение способностей нормального субъекта планировать, реагировать и проявлять соответствующее социальное поведение в контексте изучаемого вопроса; фальсификация контекста и результатов; преддетерминация природы результирующей информации высокоструктурированными методами; рассогласование с идиографией индивида; абсолютизация возможностей статистического подтверждения гипотез и математического моделирования и др.

2. В рамках гуманитарной парадигмы сформированы следующие требования к исследованию: необходимость концентрации на значении действий в их социальном контексте; акцентирование их взаимодействия в максимально широкой системе непосредственно и опосредованно контактирующих людей и связанных с ними обстоятельствах; максимальное приближение к естественным условиям жизни субъекта при гармоническом сочетании количественных и качественных методов; повышение роли собственных интерпретаций своей жизни информантами; рассмотрение феноменологии в ее экзистенциальной и пространственно-временной континуальности; включение контекста индивидуальной и коллективных культур в стремлении нахождения гармонического сочетания номотетики и идиографии, имики и итики; тесное сотрудничество исследуемого и исследователя; наличие исследовательского цикла; интегративная эклектика исследовательского потенциала количественных и качественных методов.

1. Методологический подход интегративной эклектики путем триангуляции предполагает использование продуктивных возможностей количественных и качественных методов в привязке их к своеобразию и специфике проблематики в исследовании приоритетов на соответствующие уровни системных соотносящихся оснований по измерениям системообразующих диалектических оппозиций: индивидуальное – общечеловеческое, идиографическое – номотетическое, итическое – имическое, биологическое – символическое – рефлексивное. Создает дополнительные возможности для более глубокого познания и понимания социально-психологической и персоналистской феноменологии в ее экзистенциальной феноменальности и пространственно-временной континуальности.

2. Методологический подход интегративной эклектики путем триангуляции, как и интегративно-эклектический подход, как его методологическое содержание предполагает определение в системе исследовательских измерений по измерениям идиографическое – номотетическое, итическое – имическое, биологическое – символическое – рефлексивное. Это исследование самоопределение, во-первых, очерчивает круг исследовательских измерений, соответственно, возможностей и ограничений предполагаемых диалогов; во-вторых, позволяет определиться в приоритетных методах исследования (количественные – качественные) и их возможных комбинациях, определяемых исследовательскими приоритетами и претензиями; в-третьих, образовать зону согласия и ближайшего развития в рамках междисциплинарного, междипаригмального диалога.

ГЛАВА 6. ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

6.1. Детерминанты авторской тенденциозности в исследовании и интерпретации его результатов

Еще одной фундаментальной проблемной областью, ставшей объектом пристального рассмотрения исследователей, работающих в области социальных наук, стала проблема субъективности или тенденциозности (предубежденности) самого исследователя. Начиная 1980-х годов в отечественной и мировой антропологической, психологической, социологической и философской научной литературе начали появляться десятки работ, в которых подвергается переосмыслению и переоценке проблема роли личности исследователя в исследованиях социальной феноменологии бытия личности и ее окружения (Аллахвердян с соавт. [1998]; Б.С. Братусь [1997]; М. Вартофский [1988]; Е.Л. Доценко [1997]; Л. Лаудан [1996]; М.К. Мамардашвили [1989]; В.Л. Меркулов [1971]; А.А. Митькин [1999]; В.Н. Порус [1990]; В.А. Рабинович [1990]; В.С. Степин [1989]; В.Г. Федотова [1990]; А.В. Юревич [1992]; A. Brannigan [1981]; E.G. Freedman [1996]; G.N. Gilbert, M. Mulkay [1984]; M.E. Gorman [1986]; R. A. Griggs, S. E. Randsell [1986]; B. La-tour [1985]; B. Latour, S. Woolgar [1986]; M.J. Mahoney [1976; 1977]; M. J. Mahoney, B. G. De Monbruen [1978]; E.L. McDonagh [1976]; A. McKinlay, J. Potter [1987]; A.G. Miller [1989] и др.).

На протяжении очень длительного времени в науке и самой наукой перед сообществом рядовых граждан довольно искусно поддерживается миф о полной беспристрастности и объективности ученого, обладающего инструментами постижения объективной реальности. Эта защитная реакция во многом оправдана по-человечески. В противном случае в общественном сознании не было бы соответствующего уважительного отношения к научному сообществу и, как следствие, ему пришлось бы прилагать значительно большие усилия для продвижения собственных идей.

Миф о нахождении ученого над обыденным здравым смыслом и обладание им соответствующими личностными и профессиональными качествами, а также средствами остранения от мирской обыденности, стал для многих ученых частью их социальной идентичности и привел к тому, что многие из них искренне верят в то, что обладают возможностями для полного отрешения от собственной субъективности. Этот миф часто поддерживается при посредстве ряда строгих процедур, предъявляемых к проведению научного исследования, обеспечения валидности и надежности его результатов, особенно, в рамках позитивистской парадигмы. Тезис о том, что следование наработанным научным сообществом метаправилам обеспечения научности полностью снимает проблему субъективности, господствует и поныне, при

в отношении игнорирования наивного вопроса о судьях, т.е. самих ученых, стоящих не на научном Олимпе, а в прозялке обыденного бытия с его страстями и предубеждениями, радостями и горестями, а также той же проблемой и посетители "ненаучного" здравого смысла.

Стоит ли, однако, эта проблема начинает приобретать особую значимость по ряду причин:

Новое поколение неизбежные устои позитивистских оснований, долгое время поддерживавшие миф о возможности построения "образцового" научного знания, открывающего доступ к открытию универсальных закономерностей и человекознания.

Неразрешенное осознание ограниченности позитивизма в применении к проблеме социальной сущности человека и его социальной активности, в том числе и ресурсного обеспечения объективности ученого.

Большая продуктивность исследований, основывающихся на эмпирической методологии, но, одновременно, осознается необходимость преодоления возрастающей роли субъективности в получении и интерпретации получаемых при ее посредстве данных.

С увеличением количеством социальных ученых осознается необходимость серьезнейшего исследования проблемы роли исследователя в исследовании и тщательной проработки вопросов динамики знания, его исторической и личностной обусловленности (А.Г. Аллахвердян с соавт. [1998]; В.С. Библер [1991]; М. Вартофский [1988]; Л.С. Мамардашвили [1983]; Х.-Г. Гадамер [1991]; М. Коул [54]; М.К. Мамардашвили [9]; Н. Рикер [107]; Й. Хейзинга [1992]; А. Braniggan [1981]; G.N. Gilbert, M. Mulkay [1984]; M.E. Gorman [1986]; R.A. Griggs, S.E. Randsell [1986]; M.J. Mahoney, L. Langenhove [1995]; Mahoney [1976; 1977; 1978]; R.L. Abelson [1976]; C. R. Mynatt, M. E. Doherty, R. D. Tweney [1977]; A. Gelman, W. R. Shadish, E. G. Freedman, A. Houts, B. Gholson [1989]).

Безусловительно показано в ряде работ, как на процесс исследования, так и на интерпретацию его результатов, существенное влияние оказывают исторический и бытовой контекст, обыденное сознание и здравый смысл, а также идеологизированные парадигмальные координаты, способствующие формированию научных приоритетов и авторитетов, а также предпочтительности тех или иных исследований (А.Г. Аллахвердян с соавт. [1998]; A. Braniggan [1981]; G.N. Gilbert, M. Mulkay [1984]; M.E. Gorman [1986]; M.J. Mahoney [1976; 1977; 1978] и др.).

Первая и очевидная проблема – соотношение научного знания и общественного опыта. При часто выражаемом учеными скептическом отношении к общественному опыту как к малоценному для научного познания, в то же время авторами подчеркивается как раз его наиболее существенная роль (В.А. Лекторский, В.С. Степин, В.П. Филатов, А.В. Фомин, В.П. Филатов, А.С. Миллер, D. Gentner, M.J. Mahoney и др.). "Став

ученым, — отмечает В.А. Лекторский, — человек не перестает быть субъектом обычного донаучного опыта и связанной с ним практической деятельности. Поэтому система смыслов, обслуживающих эту деятельность и включенных в механизм обычного восприятия, принципиально не может быть вытеснена предметными смыслами, определяемыми на уровне научного познания” [1980, с. 189].

Рождаясь человеком, социализируясь как личность, ученый впитывает в себя огромное количество схем, эвристик, прототипов, эмоциональных отношений, наконец, аналогий и ассоциаций, которые во многом и задают и определяют его творческий поиск и характер интерпретации исследуемой феноменологии.

В.А. Юревич отмечает: “Уникальный жизненный опыт ученого, приобретенный им за пределами научной деятельности, *направляет* эту деятельность, делает его предрасположенным к построению определенных видов знания. Эта направляющая роль вненаучного личностного опыта наиболее заметна в науках о человеке, где ученые часто превращают в объект профессионального изучения те проблемы, с которыми сталкиваются в личной жизни, переживают как свои собственные” [1998, с. 49–50]. И далее, “ни в одной другой системе научного знания в такой степени не отражают личностно-психологические особенности, как в психологии” [там же, с. 51]. Справедливость приведенного утверждения становится особенно наглядной при знакомстве с биографиями целого ряда известнейших психологов (А. Адлер, Дж. Салливан, З. Фрейд и многие другие). Точно также очевидно и влияние социокультурного контекста, в котором творили те или иные исследователи, те открытия и общественно-исторические события, свидетелями которых они были — обсуждение проблемы энергии стимулировало создание соответствующих психологических моделей (З. Фрейд), появление компьютера заложило основания целой психологической традиции — когнитивной.

В контексте вышеизложенного особенно интересен парадокс, имеющий место в естествознании. До момента достижения известности в научном сообществе исследователи (нобелевские лауреаты), как правило, не обращаются к проблеме возможной субъективности ученого, достигнув же ее, начинают достаточно серьезно обсуждать. М.Л. Mahoney обнаружил поучительную связь между мерой осознания “человеческого” происхождения основных свойств научного мышления и его продуктивностью: “Чем крупнее ученый, тем лучше он осознает, что ... открываемые им факты, описания и дефиниции являются продуктом его собственного ума” [1977, с. 168].

Эта констатация имеет под собой достаточно прочные основания, коренившиеся в человеческой природе самого ученого, живущего вне работы как простой человек и часто черпающего прототипы и аналогии для

наши открытия в прозаике обыденной жизни. Несмотря на амбициозность нашей стремление выдать себя за самодостаточную систему познания, возвышающуюся над другими подобными системами, научное сообщество во все времена широко и охотно использовало продукты общественного познания. "Наша привычная интуиция, — по мнению А.Г. Miller, — заставляет нас приписывать электронам тот же тип реальности, которым отличаются объекты окружающего нас социального мира, хотя это явно ошибочно" [1989, с. 333]. Да и вообще "физики накладывают семантику квантового мира, в котором живут, на синтаксис научной теории" [там же, с. 330]. Наиболее полно процесс взаимодействия научного знания и здравого смысла описан U. Flick в рамках подхода с позиций теории социальных репрезентаций, общая логика которого представлена на приведенном рис. 6.1 [1998, с. 56].

Представленная схема наглядно демонстрирует зависимость исследовательской позиции от науки, и от идеологии, и от прозаики обыденной жизни.

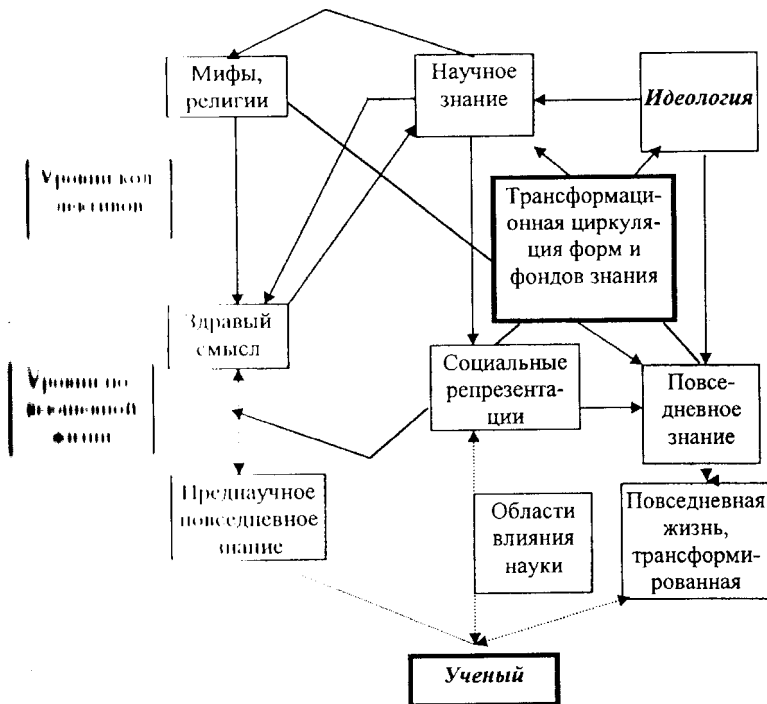

Рис. 6.1. Аддитивная схема трансформационной циркуляции форм и фондов знания и ее влияния на интерпретационный фрейм повести дня ученого.

Столь же существенно и влияние на интерпретацию и парадигмальных координат, способов теоретизирования, научных приоритетов и авторитетов, а также предпочитаемых методов исследования. Вполне понятно, что сформировавшиеся в процессе научной социализации ученого схемы, прототипы и эвристики не дают ему полной свободы в научном осмыслении изучаемой феноменологии. В частности, изучение реальных стратегий проверки гипотез, которыми руководствуются как субъекты обыденного опыта, так и профессиональные ученые, продемонстрировало, что и те и другие отдают явное предпочтение логически ошибочной – верифицирующей – стратегии. Исследования показывают, что ученые рассматривают в качестве валидной информацию, подтверждающую их исходные предположения, в 4 раза чаще, чем опровергающую [Mahoney, 1976, с. 160].

Вполне понятно, что сформировавшиеся в процессе научной социализации ученого схемы, прототипы и эвристики не дают ему полной свободы в научном осмыслении изучаемой феноменологии. В частности, изучение реальных стратегий проверки гипотез, которыми руководствуются как субъекты обыденного опыта, так и профессиональные ученые, продемонстрировало, что и те и другие отдают явное предпочтение логически ошибочной – верифицирующей – стратегии.

А.Н. Лук описал ряд ошибок научного мышления: “1) игнорирование законов математической статистики, неправильную оценку случайностей, восприятие случайных последовательностей явлений как закономерных связей, 2) пренебрежение размерами выборки, выдвижение гипотез и формулирование выводов на основе недостаточного количества наблюдений, 3) недооценку принципиальной непредсказуемости некоторых явлений, склонность проявлять большую категоричность, нежели позволяют знания и факты, 4) установление мнимых корреляций – суждение о связи событий по их совпадению в памяти ученого, 5) завышение вероятности конъюнктивных событий, перенесение вероятности простых событий на вероятность их конъюнкции” [Приводится по: Аллахвердян с соавт., 1998, с. 56–57].

Более того, и приборная вооруженность исследователя не дает абсолютных гарантий в объективности получаемых результатов. Прибор часто становится своеобразной эго-протяженностью личности, во-первых, исходя конструируясь на основе соответствующей теоретической концепции, и, во-вторых, предоставляет возможность обращения внимания на одни аспекты, пропустив другие. Исследователь смотрит на приборы, а видит эмпирические данные, подставляющие собой перевод показаний приборов в другую смысловую систему. Эта система выстроена в мышлении наблюдателя и несет на себе отпечаток его личностных особенностей. Показания приборов, по словам Р.А. Heelan, “обретают смысл только в рамках “жизненного мира” наблюдателя” [1972, с. 263]. Этот “мир”

связано с определенной языковой культурой, социально-психологическими характеристиками личности, ее прошлым опытом, особенностями взаимодействия с социальным окружением и т.п.

Так подчеркивает В.А. Юревич, "Результаты наблюдения приобретают статус *фактов*. В то же время факты не идентичны результатам наблюдения — они получают их определенные *интерпретации*. Научный факт не сводится к факту таковой — в виде "чистых" данных, он всегда включен в широкую интерпретативную структуру" [1998, с. 43]. "Наука вообще не состоит из фактов, а те "факты", которые включены в наше познание, сформированы определенным образом, а следовательно, они существенно социализированы" [Фейерабенд, 1986, с. 149]. В результате факты не имеют раз и навсегда данного значения, которое изменяется с изменением способа их видения: "сегодняшние факты — это вчерашние факты и завтрашние мифы" [Mahoney 1976, с. 18]. Хотя, конечно, факты не всегда изменяют свое значение со временем. Каждый ученый интерпретирует факты собственной интерпретативной структурой, зависимой от принадлежности к определенной традиции, представления об изучаемой реальности, психологических особенностей и т.д. Интерпретация фактов всегда встроена в эту субъективно обусловленную структуру и поэтому в значительной мере субъективна. Примеры подобного рода субъективности можно приводить достаточно долго, но лучшее знакомство с этим феноменом представлено в коллективной монографии "Психология науки" [Ушаковская с соавт., 1998].

Таким образом субъективность связана с теоретическими, методологическими приоритетами исследователя, типичными объяснительными моделями и парадигмами, общими социальными репрезентациями, направленными на этот научный поиск, так и сам процесс интерпретации полученных научных результатов. Субъективность показывает себя в формах мышления, в языках (распоряжениях) размышления, выбор фактов и интерпретации, в способах приоров, особенности интерпретаций случая, инструментальных средствах проверки правильности результата и проверки, и т.д. (Формирование истинности результатов исследования исходными ожиданиями, в основном определяется характеристиками самого процесса исследования — истинности познательностью, константностью и т.п. Рядом с В.А. Юревичем, описываются проявления в научном процессе феномена *дизингишинга*, суть которого заключается в том, что люди воспринимают реальность от своих ожиданий, если эти отклонения выходят за пределы приемлемых масштабов. Реальность видится в соответствии с ожиданиями, что приводит, во-первых, к неразличению истинных и ложных деталей, и, во-вторых, достраиванию образа до привычного, идеальной структуры, т.е. ассимиляции.

В современной науке соотношение между результатами наблюдений и интерпретациями, трансформирующими их в "научные факты", все более усложняются. В частности, и современная физика и математика, и космология давно оперируют скорее мысленными абстракциями, нежели реальными измерениями. В силу опосредованности взаимодействия с изучаемым объектом приборами, исчезает возможность соприкосновения с объектом и, как следствие, возрастает возможность достраивания объекта до характеристик, предписываемых соответствующей теорией. Поэтому эмпирическая проверка такого рода теории, как правило, ничего не дает, т.к. ее результаты уже запрограммированы логикой самой теории и проведение решающих экспериментов выступает в роли средства очистки совести исследователя. Более того, эти результаты обычно и интерпретируются на основе проверяемой теории и она, в большинстве случаев подтверждается. "В результате, вопреки мрачной сентенции Т. Хаксли — "великая трагедия науки состоит в том, что гадкий факт может убить прекрасную теорию", факты ни "убить" теорию, ни серьезно повредить ей не могут" [Приводится по: Аллахвердян с соавт., 1998, с. 259].

Еще более серьезной данная проблема становится в отношении социальной феноменологии, которая качественно отличается от объектов неживой природы. В ее случае само понятие факта становится еще большей абстракцией, т.к. нет никакой возможности ни его операционализации, ни верификации. Последнее утверждение может вызвать встречные возражения со стороны оппонентов поведенческой и экспериментальной традиций, которые казалось бы этими самими фактами оперируют и в рамках которых исследователь воспринимается как "объективный, т.е. (а) не предубежденный, (б) свободный от предубеждений и (с) обладающий возможностью проведения исследования без вторжения в природу изучаемой субстанции или феномена" [Sapsford с соавт., 1998, с. 150]. Но любое привлечение человека к исследованию уже само по себе представляет вторжение в его естественные условия бытия и утверждения о том, что в строго контролируемом эксперименте удастся снять влияние побочных переменных и четко выделить переменную зависимую является скорее выдаванием желаемого за действительное. К тому же в этом случае как бы опускается еще более важный вопрос — что изучается в социально-психологическом исследовании: феноменология реального социального бытия или поведение человека в условиях эксперимента. Если изучается последнее, то, во-первых, какова его ценность для понимания социальной сущности человека, и, во-вторых, на каком основании осуществляется генерализация выявленных закономерностей на поведение человека в реальных обстоятельствах.

Отсутствие возможности соотнесения самого феномена во всей его экзистенциально-феноменальной и пространственно-временной контину-

своего с его снимком или слепком, представленным в результатах исследования, со всей остротой ставит вопросы о конструктивной и внешней валидности. При этом валидность опять-таки определяется не в результате проведения измерения или соотнесения, а часто с результатами уже конституированного в данном знании методов. В этом случае они принимаются как постулативные или аксиоматические и якобы гарантирующие валидность. Но при такой постановке встает вопрос о доказательстве валидности измерительной системы постулативов. В традиционном же исследовании он игнорируется. В результате, в классической науке все большее значение приобретает соответствие установленным нормативам знания, которое устанавливается и поддерживается научным сообществом. Но где есть установленная людьми норма, там есть и возможность субъективизма в ее изменении, так и в интерпретации. В результате, как отмечает И. Филлерс, «теория, выдвигаемая учеными, зависит не только от фактов, находящихся в его распоряжении, но и от традиции, представителем которой он является, от математического аппарата, которым случайно владеет, от стереотипов, его эстетических взглядов, от мнения его друзей и других элементов, которые существуют не в фактах, а в мышлении. Интерпретация следовательно, носят субъективный характер» [1986, с. 54].

Исследователи позитивистски ориентированных исследователей, социологи и социологи-психологи утверждают, что «быть свободным от предубеждений невозможно, т.к. мы живем в символическом мире, который формируется исторически предоставляемыми дискурсами и идеологией, и наша свобода восприятия как данных ограничена. Далее, наши исследования происходят в символическом мире и для людей, которых мы изучаем, исследование становится частью того, что их мир значит, таким образом, в действиях исследователя мы с необходимостью изменяем при этом то, что мы изучаем... Исследование не является нейтральным. И это особенно верно для социальных исследований, что они не открывают «объективной реальности» [Sapsford с соавт., 1998, с. 150–151]. В рекомендательном казании подчеркивается именно относительный, рекомендательный, а не императивный характер результатов психологического исследования. Только такой же рекомендательной, ориентирующей должна быть и психологическая норма.

Именно поэтому, как следствие, субъективность научной нормы не является препятствием для ее принятия большинством членов научного сообщества. С течением времени наработанная система нормативов постепенно приобретает свою самостоятельную жизнь, энергично сопротивляясь попыткам ее изменения. И если на этапе конституирования научной нормы предпринимаются попытки ее обоснования, то в последующем, когда она становится консерваторов от науки концентрируются на ее

сохранении и ограждении от посягательств. Начиная свою самостоятельную от исходной материнской феноменологии жизнь, система нормативно стремится к балансировке, последовательной системности и т.д., всячески игнорируя факты, не вписывающиеся в сформировавшуюся стройную систему регулятивов. Стремление к формальному совершенству приводит к выстраиванию столь далеких от реальности эталонов, нахождение которых в реальной действительности становится просто нереальным. Яркой иллюстрацией сказанному является карикатурный образ *Homo Scientus*, красочно нарисованный М. Mahoney:

- “высокий интеллект, часто отождествляемый с высоким уровнем одаренности;
- полная уверенность во всеилии логического мышления и умение его осуществлять;
- совершенные навыки экспериментирования, обеспечивающие оптимальный отбор надежных данных;
- объективность и эмоциональная нейтральность, лояльность только по отношению к истине;
- гибкость, заключающаяся в постоянной готовности изменить свое мнение под давлением фактов;
- скромность и личная незаинтересованность в славе и признании;
- коллективизм, проявляющийся в готовности делиться знанием и вступать в кооперативные отношения с коллегами;
- отсутствие категоричных суждений в тех случаях, когда факты недостаточны или неоднозначны” [405, с. 4].

Представленный идеализированный и лакированный образ вызывает уважение и, возможно, стремление к подражанию. У него есть лишь одна осязаемая слабость — нет аналогов в прозаической реальности.

И все же основная причина субъективности личности исследователя в исследовании и интерпретации его результатов заключается в ее принадлежности к человеческому роду со всеми его сильными сторонами и слабостями. Т.к. в процессе социализации ученый формируется сначала “как человек и лишь затем как ученый, сначала овладевает обыденными формами познания, а потом — на этой основе — познавательным инструментарием науки. Научное познание, таким образом, и в “филогенетической”, и в “онтогенетической” перспективах надстраивается над обыденным и испытывает зависимость от него” [Аллахвердян с соавт., 1998, с. 46]. Отсюда и объективные основания для субъективизма и научной предвзятости, отсюда и постоянные усилия по их снижению, что и обуславливает поступательное движение научного знания в постижении феноменологии социального бытия.

6.3. Интерпретационный фрейм повестки дня

Известная проблема роли личности исследователя в исследовании и интерпретации его результатов, показавший наличие естественных предпосылок субъективности, зафиксировал существенную роль интерпретативных фреймов, которые настраивают ученого "на определенное "чтение" фактов. Именно поэтому, — пишет В.А. Юревич, — интерпретации фактов чаще всего сознательным образом "опережают" сами факты" [Аллахвердян с др., 1992, с. 253].

Несмотря на психологическую предубежденности, изучение ее проявлений и механизмов привлекают в последние годы внимание многих исследователей, работающих в разных исследовательских традициях как в психологии, так и в социологии (В. Куайн [1996]; В.Н. Порус [1990]; В.А. Рабинович [1991]; В.А. Юревич [1992; 1998]; В.Г. Федотова [1990]; П. Фейерабенд [1991]; П.И. Мронцевский [1983]; J. Bell [1999]; D. Brinberg, J.E. McGrath [1991]; J. Smith [1986]; P.K. Feyerabend [1986]; E.G. Freedman [1996]; G.N. Gilbert, M.L. Mulkay [1984]; M.E. Gorman [1986]; R.A. Griggs, S.E. Randsell [1991]; J. Hawes [1998]; W. Hollway [1989]; L. H. Kern, H. L. Mirels, V. G. Wimbush [1984]; J.H. Korn [1997]; D. Levy [1997]; L. Lovlie [1997]; M.J. Mahoney [1976]; M.J. Mahoney, B.G. De Monbruen [1978]; J. Masling [1966]; M. Medawar, J. Potter [1987]; P.B. Medawar [1986]; C. R. Mynatt, M. E. Tweney [1977]; R. Nisbett, L. Ross [1980]; K. Stanovich [1998]; T. S. Toulmin [1982]; S.J. Weber, T.D. Cook [1972]).

Несмотря на субъективность не является чем-либо неожиданным для научного сообщества. Она имеет под собой вполне очевидные основания, которые, тем не менее, парадоксально, с самой человеческой сущностью человека. Именно так, как это было показано в предыдущем разделе, научное мышление формируется на фундаменте знания обыденного, а следовательно, и мышление определяется им. Тем не менее, для последующего научного мышления важна не констатация этой субъективности самой по себе, а выявление ее механизмов и возможных путей снижения, при полном понимании возможности ее полного преодоления в принципе.

Задача научного анализа данной проблемы в рамках какой-либо конкретной научной и исследовательской исследовательско-объяснительной традиции сводится, прежде всего, с социальной детерминированностью мышления (см. А. Blanningham [1981]; G.N. Gilbert, M.L. Mulkay [1984]; J. Smith [1986]; J. E. M. Donagh [1976]; и др.).

Его задача сводится к очевидной невозможности нахождения приемлемых решений в рамках какой-либо одной или единой научно-исследовательской традиции, а следовательно и необходимость интеграции совместных усилий исследователей, придерживающихся различных методологий, а следова-

тельно, как отмечает А. Nickles, и различных эпистемологий [1989]. I.I. Mitroff и R.H. Kilmann утверждают, что для постижения природы научного знания необходим мультидисциплинарный подход и избрание плюралистической перспективы [1977]. Такой же позиции придерживается и E.G. Freedman, обосновывающий необходимость признания и принятия несовместимых психологических перспектив [1996]. Более того, им отмечается, что такой подход полезен в отношении любого научного феномена, т.к. "каждая дисциплина может привносить свое видение", а это приводит к более быстрому обнаружению "некорректных гипотез" [там же, с. 311].

Мультидисциплинарный и мультипарадигмальный подход к проблеме научного знания позволил определить в качестве наиболее перспективных областей анализа познавательную активность исследователей в контексте ее обусловленности социальным контекстом. В качестве предмета исследования все чаще выдвигается научный дискурс, рассматриваемый многими авторами как позволяющий использовать возможности количественных и качественных методов исследования, что, как это было показано выше, расширяет продуктивный потенциал исследования.

E.G. Freedman определяет ряд возможных направлений изучения научного мышления: (1) фокусирование на описании актуального поведения ученого, а не на установлении необходимых норм; (2) анализ как позитивных, так и негативных аспектов научного мышления; преодоление атомистического подхода в исследованиях сосредотачивающихся на изучении отдельных аспектов или фрагментов и концентрация на выяснении их взаимосвязи друг с другом; (4) изучение своеобразия стратегий научного и ненаучного мышления и их взаимоотношений друг с другом; (5) использование возможностей компьютерного моделирования [там же, с. 2-3].

В вопросе относительно методологии исследования научного мышления также обосновывается продуктивность сочетания количественных (экспериментальных) и качественных методов, при рассмотрении последних как альтернативных. В частности, особенно отмечается продуктивность таких качественных методов, как анализ протоколов.

В качестве единиц анализа предлагаются когнитивные и социальные репрезентации, многообразие видов активности, исполняемой учеными инструментами, методы, стиль письма и т.п. Исследователями, работающим в рамках когнитивной традиции, в качестве единиц анализа были выделены схемы, скрипты, фреймы, нейронные сети, умственные модели и т.п. [Freedman, 1992, с. 313]. Представители подхода теории социальных репрезентаций акцентируя внимание на процессе формирования научных репрезентаций в их связи с социальными репрезентациями больше сосредотачиваются на механизмах последних – объектификации и якорении. Здесь же более глубоко рассматривается проблема социокультурной

терминации научного знания [Freeman, 2000]. Свои модели предлагаются исследователями, работающими в социально-конструктивистской или интерпретативной традиции (G.N. Gilbert, M. Mulkay [1984]; A. McKinlay, J. Potter [1994]; J. Potter [1992]; J. Potter, M. Wetherell [1987]; T.A. Van Dijk [1997]).

Исследованиями показано, что научное мышление является зависимым от контекста, т.к. оно зависимо от конкретного предшествующего знания, определяющего соответствующую мыслительную стратегию (P.W. Hare, E. J. Pollock [1986]). Флексибельность научного мышления может быть обусловлена тем фактом, что в распоряжении исследователя, в зависимости от случаев, имеется ряд стратегий, каждая из которых может применяться в различных контекстах в процессах формулирования и интерпретации, обозначения новых областей знания и т.п. (M.E. Gorman [1990]; P.A. Gibbs, S. E. Randsell [1986]; L. Darden [1986]; D. Gentner [1991]) и др. R. Boyd показал, что в силу того, что часто в научном мышлении феноменологии, исследователь полагается на наличное ассоциативное или метафорическое поле, в существенной степени определяемое социальными контекстами, возможность поливариантного интерпретирования неизбежна [1979; 1991].

Социологические описания научного дискурса подчеркивают его зависимость от процессов социального согласования (G.N. Gilbert, M. Mulkay [1984]). В свою очередь, эти процессы согласования также определяются спецификой социокультурного контекста, который преломляется через индивидуальные особенности личности исследователя. Понимание дискурса является продолжающимся процессом, оперирующим, по мнению J. C. Freedman, "на локальном или микроструктурном и на глобальном или макроструктурном уровнях. На микроструктурном уровне дискурс анализируется и кодируется в памяти. Макроструктурные процессы оперируют с серией выражений в целях формирования дискурсивных репрезентаций, посредством формулирования обобщений в рамках расширенного дискурса" [281, с. 4].

Формирование научного дискурса предполагает и включение механизмов внутреннего и внешнего диалога (М.Г. Кучинский [1983; 1988]; Прохоровский [1983]; R. Harre, L. Langenhove [1995]).

Как показали исследования Г. Bohme, умственные репрезентации оказывают существенное влияние на структуру науки [1975]. Н.М. Mullins утверждает, что небольшие когнитивные изменения могут оказать существенное влияние на социальные сети ученого [1987]. N.C. Mullins, в свою очередь, J. C. Freedman, утверждает, что "по мере развития теории изменяется и сама структура теории" [1996, с. 5]. G.N. Gilbert и M. Mulkay приходят к еще более радикальным выводам о том, что социальные контексты по отношению к научному мышлению играют даже более су-

шественную роль, чем факторы когнитивные [1984]. E.G. Freedman пишет: "Концептуальные вариации между членами конкретной научной дисциплины играют значительную роль в научном дискурсе, т.к. выбор научной теории всегда осуществляется в присутствии конкурирующих умственных репрезентаций. Эти концептуальные вариации вводятся в научное сообщество через производство дискурса" [1996, с. 5].

Обсуждение проблематики специфики научного дискурса в современной социальной психологии и персонологии сопровождается все большим осознанием необходимости объединения ресурсов как разных психологических школ и традиций, так и необходимостью полидисциплинарного подхода. Как отмечает в этой связи L. Darden, "сотрудничество между представителями различных дисциплин способствует установлению междисциплинарных связей" [1986, с. 30].

Приведенный обзор исследований специфики научного дискурса показывает необходимость введения более фундаментальных категорий, позволяющих как целостно рассматривать процесс научной интерпретации, так и анализировать своеобразие его механизмов, а также более углубленно исследовать личностные детерминанты научной субъективности. В качестве такой категории нами было предложено понятие "интерпретационного фрейма повестки дня" (ИФПД) [1999].

Понятие "фрейм" в психологии используется по отношению "к ряду фиксированных элементов, определяющих ситуацию" [Reber, 1995, с. 298]. В социальной психологии этот термин используется в сходном значении, но более конкретно: "Любая ситуация может быть "определена" в соответствии с основополагающими принципами, воздействующими и контролирующими пути вовлечения людьми самих себя в ситуации и их переживание. Эти "определения" и представляют фреймы" (там же). Понятие "повестка дня" получило широкое распространение в социологии и обозначает своеобразную заданность средствами массовой коммуникации общественного сознания на обсуждение вопросов, навязываемых ему ими и вынесение соответствующих оценок. В совокупности эти два понятия и характеризуют феномен исследовательской субъективности, выражающийся в тенденциозной интерпретации и подборе фактов.

Исследовательская субъективность, по нашему мнению, связана с функционированием ИФПД, выявленного при изучении культурных, идеологических и научных приоритетов различий, детерминирующих своеобразие интерпретаций обсуждаемых явлений. Мы определяем *ИФПД как детерминированную индивидуальными различиями, сформировавшуюся в процессе социализации, жизненного и образовательного опыта, определяемую существующими ядерными социальными репрезентациями и стилем атрибутирования, устойчивую тенденцию к субъек-*

тотного направляется к поиску и интерпретации типичных особенностей и проявлений исследуемого феномена или явления, основанную на типичных объяснительных и каузальных схемах, обстоятельстве анализа фактов, событий, и их последующую тенденциозную интерпретацию и верификацию.

Феномен ИФПД был вычленен в процессе наблюдения и анализа типичных риторических дебатов, характеризовавшихся столкновением противоположных позиций и подходов, сопровождавшихся противоположными интерпретациями обсуждавшихся явлений. Факты, очевидные для противоположных наблюдателей становились предметом разногласий для противоположностей. Одни и те же факты и феномены интерпретировались с противоположных позиций при попытках обеих сторон предложить противоположные аргументы в пользу собственного подхода, демонстрируя противоположность. Место ИФПД в структуре научного познания представлено на приведенном ниже рис. 6.2.

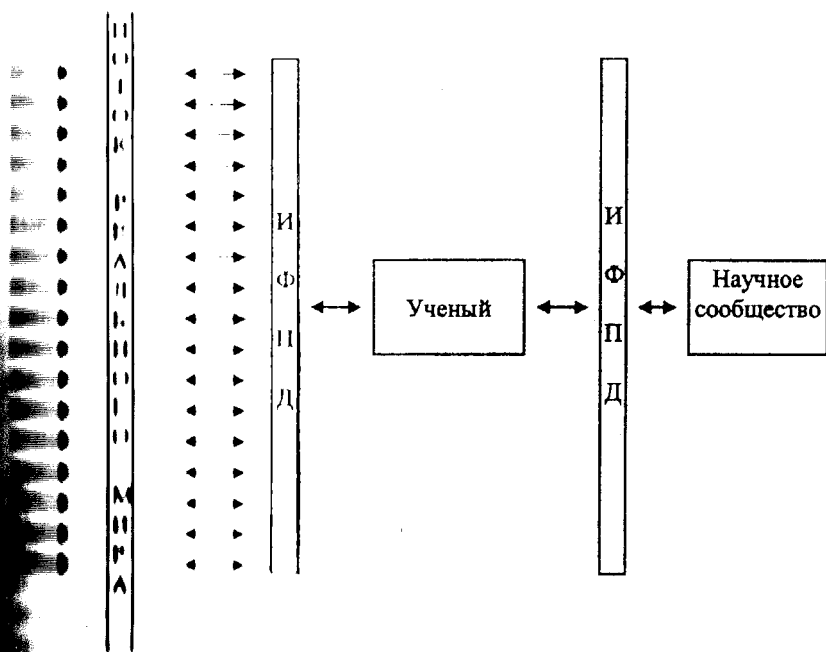

Рис. 6.2. Структура научного познания и взаимодействия ученого с потоком реального мира и научным сообществом

Как явствует из приведенной схемы, ученый становится своеобразной жертвой двух господ – потока реального бытия, опосредованного влиянием обыденного сознания как члена социальной субкультуры, и стереотипов научного сообщества, задающего общие правила игры.

По отношению к социально-психологической проблематике феномен ИФПД был исследован на примере “загадочного треугольника”. Понятие “загадочного треугольника” было введено нами на основе анализа исследований по социально-психологической и персоналистской проблематике, показавших концентрацию на трех базовых категориях – “личность”, “ситуация” и “активность” (поведение, деятельность) (Г.М. Андреева [1994]; А.Н. Сухов [1998]; И.Н. Шихирев [1999]; A. Bandura [1986]; R.F. Baumeister, D.M. Tice [1996]; G.Z. Bedny [196]; D. Kenrick, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; K. Lewin [1936; 1955]; M. Michael [1997]; W. Mishel [1993]; и др.). Общая схема соотношения трех данных категорий приводится на рис. 6.3.

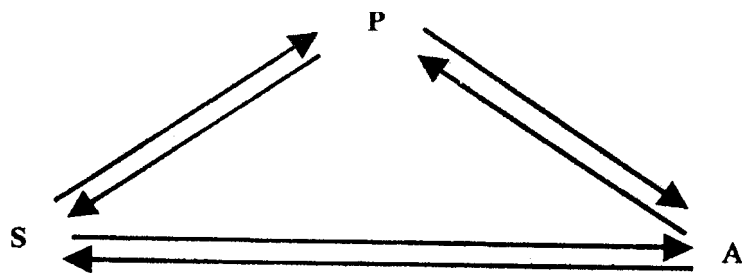

Рис. 6.3. Схема “загадочный треугольник”.

Где: S – ситуационно-центрированные подходы;
P – личностно-центрированные подходы;
A – подходы, центрированные на активности.

На основании результатов исследования своеобразия интерпретации предлагаемых психологических фактов представителями различных традиций и подходов был выявлен ряд типов общенаучной ориентации и интерпретации: вульгарно-эклектический, ригидно-консервативный, последовательно-консервативный, гибкисильно-творческий и интегративно-эклектический [580, с. 240]. Характеристики этих типов общенаучной ориентации и интерпретации представлены на рис. 6.4.

Сравнительный анализ типов общенаучной ориентации и интерпретации показал их существенное различие в характере и направленности, как объяснения, так и интерпретации одних и тех же психологических феноме-

и в особых случаях проявляющихся в диаметрально противоположных формах. Результаты данных исследований находятся в соответствии с концепцией М. Von Cranach [1998] концепцией рассмотрения знания как сложной системы, а также анализом места научного знания в системе общественного знания, проведенным U. Flick [1998].

Типы научной ориентации	Характеристики своеобразия
Интерпретационно-эклетический	Несистематизированные, спонтанные, непоследовательные объяснения и интерпретации.
Рационально-консервативный	Консервативные, ригидные отрицания любых отступлений от классических объяснительных и интерпретационных схем.
Полностью консервативный	Настороженность по отношению к новым альтернативным объяснительным схемам, стремление к их скрупулезной и критической проверке
Интерпретационно-творческий	Предрасположенность к инновационным объяснительным схемам, способность к быстрой адаптации и идентификации с ними.
Интерпретационно-эклетический	Способность к многомерному, поливариантному объяснению, к сопоставлению и интегративно-эклетическому осмыслению

и с типологией научной ориентации и интерпретации [Yanchuk, 1999].

Представленное в предыдущем разделе схематическое описание подлинно научного знания, иллюстрирует основные детерминанты его формирования: взаимовлияние научного и обыденного знания и направленность самого процесса объяснения и интерпретации. Исследования показали возможность аналогии ИФПД как социальное устройство устанавливаемого фильтра, обуславливающего процесс объяснения, якорения и объективизации. Исследования показали зависимость ИФПД от возраста, уровня образования, пола, профессии и предпочтений, политических взглядов и т.п. [1999]. Исследования также выявили характер доминирующих репрезентаций, которые, в свою очередь, определяют тип мировоззрения, выбор ядерных интерпретаций

и непротиворечивое вписывание новых представлений в существующую систему знания. Это вписывание предполагает, первое, трансляцию феномена на уровень понятного языка, сопровождаемую процессами объективизации и последующего якорения, второе, самосоответствующую конфигурацию, и, третье, направленную верификацию и валидизацию.

Обладая относительно устойчивой структурой, ИФПД направляет исследовательский поиск и характер научных объяснений и интерпретаций, наглядно демонстрируя наличие выраженных различий в научных социальных репрезентациях. В контексте исследований социальных репрезентаций ИФПД могут рассматриваться как "паттерны, упорядочивающие вокруг себя ряд научных теорий и объясняемых феноменов, описываемых и коммуницируемых научным сообществом" [Moscovici, 1998, с. 243-244]. С динамической точки зрения ИФПД, как механизм регулирования научных социальных репрезентаций, может рассматриваться как "сеть идей, метафор или образов, более или менее близко стоящих друг к другу" (там же). Связывая ИФПД с социальной сущностью ученого, следует подчеркнуть, отсутствие однозначных и универсальных критериев объективности результатов исследования по причине отсутствия непосредственного доступа к реальности в конечном счете и создает основания для многообразия научных интерпретаций. Однако теоретическая интерпретация предполагает необходимость наличия унифицированных правил аргументации или правил игры. Эти правила предоставляются научным сообществом, создающим и принимающим определенные системы парадигмальных координат. Так как социальная наука с неизбежностью связана с самим социумом должна быть и соответствующая координация или соответствие между научным знанием и фундаментами социального знания, осуществляемая через механизмы социальных репрезентаций. В нормальных обстоятельствах, как отмечает S. Moscovici, "научные репрезентации повседневно и "спонтанно" становятся здравым смыслом, в то время как репрезентации здравого смысла трансформируются в научные и автономные репрезентации" [там же, с. 235]. Но в реальности сформировавшиеся системы парадигмальных координат обретают тенденцию к инерции, проявляющуюся в неспособности быстрой адаптации к здравому смыслу или обыденным репрезентациям, чье своеобразие они должны объяснять. Отсюда и постоянные упреки в адрес науки в ее неспособности схватить и объяснить экзистенциальную поточность социального бытия. Поддержание научным знанием собственного реноме осуществляется посредством ряда стратегий: обоснованием принципиальной возможности доступа к объективной реальности и, соответственно, возможностью открытия универсальных законов для всего живого; избирательной верификацией устраивающих открытий и фактов; игнорированием неприемлемых фактов; тенденциозной интерпретацией и объяснением и т.п.

Сатиризовавшийся М. J. Mahoney дает ряд полезных советов тому, кто не желает отказываться от любимой теории под давлением противоречивых фактов:

1. Отрицайте валидность фактов (вследствие артефактов, невоспроизводимости и плохого измерения, методологических недостатков, сомнений в профессионализме экспериментатора).

2. Признайте эти факты, но отрицайте, что они способны повлиять на теорию, с которой вы связываете теорию (т. е. переинтерпретируйте их как преле-вационно-малозначительные и т. д.).

3. Совершите «схатологический шаг» — признайте и факты, и то, что они представляют из себя для вашей теории, но утверждайте, что «в конце концов», вы все равно собираете все релевантные данные, достоверность этой теории не подвергается [1976, с. 159].

Противосущественным моментом анализируемой проблемной области является распространение и циркуляция фондов научного знания. А. Schutz, в тиражировании G. H. Hick, утверждает, что отличия между мирами различных культур обусловлены тем, что "не только то, что индивид знает отличает его от того, что знает его сверстник, но также и в том как они узнают одни от других" [1986, с. 44]. Эти различия между "что" и "как" как раз и являются основой формирования ИФПД. Пытаясь достичь понимания и донести его до других, ученый должен не только коммуницировать свои идеи при помощи лекций и обсуждений, а предпринимая усилия для понимания ИФПД, включающего уникальные социальные репрезентации, ценности, ценности, поисковые средства, процедуры верификации и валидации, схемы принятия решений, эвристики, поведенческие стратегии, ценности, авторитеты и приоритеты, общее мировоззрение и т.п.

Понимание другого становится невозможным без идентификации и идентификации с ним, рефлексии. Вброшенность поток жизни, взаимодействие с существующими социальными репрезентациями здорового человека, культуры и религий, политикой, различными типами научного знания и т.д. не могут не учитываться при стремлении к пониманию ИФПД. Иными словами, которыми оперирует другой. Этот бесконечный поток ИФПД, включающий социальные репрезентации, повседневного и научного знания, культуры и метафор, взаимопересечений и взаимовлияний ИФПД, является основой для взаимобогащения новыми знаниями, инсайтами, новыми открытиями, заноренностью, тенденциозностью, иллюзиями, фантазиями и т.д. с другой.

Итак, рассматривая в контексте ИФПД проблема роли личности исследователя в исследовании и интерпретации его результатов, показывая, что роль личности в трактовке психологических фактов столь велика, что любая интерпретация, основанная на нестро-

гих исходных онтолого-эпистемологических основаниях. Так как нахождение этих строгих оснований становится невозможным, по крайней мере, в обозримой временной перспективе, проблема сводится, во-первых, к интегрированию ресурсов различных традиций и методов исследования на интегративно-эклетическом основании, и, во-вторых, к разработке путей и средств снижения авторской тенденциозности и предвзятости, при осознании ограниченности имеющихся для этой цели возможностей. В качестве одного из таких ресурсов снижения авторской субъективности и предвзятости предлагается критическое рефлексивное позиционирование.

6.3. Критическое рефлексивное позиционирование как способ снижения авторской тенденциозности

Проблема осознания роли личности исследователя в исследовании и интерпретации его результатов в контексте субъективности, предубежденности и невозможности преодоления влияния сформировавшегося научного мировоззрения и собственной личностной обыденности ставилась и анализировалась многими авторами (В.Л. Меркулов [1971]; В.Н. Порус [1990]; П. Фейерабенд [1986]; А.В. Юревич [3; 151]; М.Г. Ярошевский [1983]; J. Bell [1999]; S.D. Brookfield [1991]; T.D. Cook [1985]; P.K. Feyerabend [1988]; D. Kenrick, S. Neuberg, R. Cialdini [1999]; D. Levy [1997]; J. McClure [1991]; K. Stanovich [1998]).

В психологической и социологической литературе представлены также описания возможных путей вырывания из оппонентного круга или психологической децентрации разработанных в рамках различных традиций (А.А. Деркач, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов [1998]; В.А. Юревич [1998]; S.E. Hawes [1998]; R. Sapsford с соавт. [1998]; R. Stevens [1998]). Например, в психоанализе скрупулезно рассматривается процедура преодоления собственных проекций, в герменевтике предлагается ряд процедур, помогающих остраненно отнестись к исследуемому феномену, разрабатывается данная проблематика и в дискурсивной психологии.

Двоичная субъективизированность научного познания напрямую ставит вопрос о поисках путей ее максимально возможного снижения. Причем, возможность остраненного взгляда на исследуемый феномен осложняется необходимостью выхода из поля собственной субъективности и замкнутости, поддерживающих иллюзию объективности. Как отмечает П. Фейерабенд, "теория, выдвигаемая ученым, зависит не только от фактов, имеющихся в его распоряжении, но и от *традиции*, представителем которой он является, от математического аппарата, которым случайно владеет, от его вкусов, его эстетических взглядов, от мнения его друзей и других элементов, которые существуют не в фактах, а в мышлении

сортити и, следовательно, носят субъективный характер" [1986, с. 54]. Тем не менее, если ученый принял некоторую теорию, ему очень трудно ее отвергнуть, он как бы срастается с ней. Во многом потому, что теория, которая создает имидж ее автору, становится частью его самого, а ее отвержение означало бы для него самоубийство.

Учредив значения этой референтной для ученого части научного сообщества М. Л. Яроневский ввел понятие "оппонентный круг", который существует в мышлении ученого как мысленный адресат его идей. Ориентация ученого к научному сообществу, обезличенное по форме, по сути является обращением к конкретным "Другим", формирующим "оппонентный круг" [1983]. Именно вырывание из "оппонентного круга" — отращивание взгляда на него и себя в нем и представляет основную функцию деятельности исследователя. Так как он постоянно сверяет сформированные им представления на анализируемое явление не с его объективно представленными характеристиками и свойствами, а с теми индикаторами объективности, которые признаются данным "оппонентным кругом".

Так отвечает В.С. Степин, субъект познания "рассматривается уже не как изолированный от изучаемого мира, а как находящийся внутри него, детерминированный им. Возникает понимание того обстоятельства, что истинные природные законы определяются не только устройством природы, но и способом нашей постановки вопросов, который зависит от исторического развития средств и методов познавательной деятельности. На этой основе выросло новое понимание категорий истины, объективности, факта, теории, объяснения и т.п." [1989, с. 14]. Как подчеркивает В.А. Яворский, "в соответствии с тенденцией нарастания роли субъекта познающего процесса, в методологии науки грядет и уже утверждается новая парадигма. Ее суть состоит в признании важной роли не только познающего субъекта, но и осуществляемого им рефлексивного процесса в формировании составной части научного познания" [1998, с. 291–292].

Именно таким образом ведущим понятием построения теории и практики является понятие рефлексивности. S.E. Hawes в этой связи пишет: "Таким образом, мы настаиваем на том, что все знание дискурсивно существует в социальных отношениях и, в расширительном смысле, что оно является сложным и многообразным, оно обязано обратить внимание на самое себя, как на средство оценки контекстов, которые определяют и ограничивают свою область значений" [1990, с. 99]. Понимание рефлексивных процессов H.G. Gadamer [1975], инспировало понимание рефлексивности. Его утверждение о предубеждениях и "пред-структурах" понимания, устанавливает, что все познание является "укорененными, контекстуальными и историческими" и требует постоянной критической и рефлексивной проверки в целях

определения в своих горизонтах [Некман, 1990]. Критическое мышление по Н.С. Gadamer, или способность различать между "легитимизированными и нелегитимизированными предубеждениями" (более близкое может рассматриваться как "истинное") включает исследователя в продолжающуюся самокритичную активность, которая выходит за рамки собственного Я включая исторический, социальный и моральный контексты, представляющие горизонты потенциального понимания индивида [1975]. Гениальное понимание всегда включает новое понимание, являющее собой знание, которое приходит из размывания горизонтов. "встречу контекстуального понимания интерпретатора с тем, что интерпретируется" [Hawes, 1990, с. 100].

Роль рефлексии, как и анализ ее своеобразия и возможностей показана в работах Г.П. Щедровицкого [1995]. Рассматривая рефлексию в контексте деятельности и с точки зрения средств деятельности, Г.П. Щедровицкий акцентирует внимание на двух наиболее важных аспектах: "1) изображении рефлексии как процесса и особой структуры в деятельности и 2) определении рефлексии как принципа развертывания схем деятельности" [там же, с. 487]. Философский аспект рефлексии "связывает ее, во-первых, с процессами производства новых смыслов, во-вторых, с процессами объективации смыслов в виде знаний, предметов и объектов деятельности и, наконец, в-третьих, со специфическим функционированием этих знаний, предметов изучения и объектов "практической деятельности" [там же, с. 488]. Пытаясь привязать рефлексию к решению прагматических задач, связанных с объяснением и практическим использованием всех проявлений рефлексии, Г.П. Щедровицкий вводит категорию "рефлексивного выхода", предполагающего возможность выхода из прежней позиции и перехода в новую: "внешнюю как по отношению к прежним уже выполненным деятельности, так и по отношению к будущей" [там же, с. 490].

В то же время рефлексия сама по себе, особенно в том виде, в котором она представлена как в ССМ и СМД методологиях, не дает полного решения проблемы преодоления авторской субъективности в силу, во-первых, ориентированности на существование возможности вырывания из рамок рефлектируемой деятельности средствами деятельности рефлектирующей, контекстуально предполагающей саму возможность существования универсальных технических средств обретения абсолютной отрешенности, во-вторых, косвенно присутствующей веры в принципиальную возможность доступа к трансценденциям посредством универсальных техник, и, в-третьих, не предусмотренности механизмов рефлексии результатов рефлексивного выхода, рассматриваемых как абсолютные. По существу в подходах, ориентированных на абсолютизацию возможностей рефлексии присутствуют попытки замены одной универсалистски ориентированной методологии на другую, не менее универсалистского толка. Это же противоречит самой сути рефлексии — острастному отражению самого себя.

Р. Bondieu [1992] отмечает, что сущность рефлексивного анализа состоит в рамке личности в порядке раскрытия "социального и интеллектуального бессознательного, вплетенного в аналитические средства и операции", принимая во внимание возможные интеллектуальные установки исследователя, задаваемые его академическим полем.

Повышающее движение в плоскости привлечения возможностей рефлексии к снижению исследовательской субъективности связано с критическим рефлексией. Основным вопросом, стоящим перед критическим рефлексивным исследователем, является вопрос — действительно ли это так? Ответ на этот вопрос осуществляется средствами критического мышления. Критическая ориентация, начиная с 1960-х годов, сформировала новую традицию, представленную в различных областях знания — философии, социологии, педагогике и т.д. (J. Bell [1999]; S.D. Brookfield [1994]; H. Elmchloe, P.L. McLaren [1994]; D. Levy [1997]; J. McClure [1994]; J. Parker [1992]; R.S. Rogers, P. Stenner, K. Gleeson, W.S. Rogers [1994]; H. Siegel [1989]; R. Sutton [1992]; M. Weinstein [1993]; и др.).

Критическое рефлексирование также предполагает формирование способности самоотстранения. Однако на пути этого самоотстранения в процессе индивидуального сознания стоят два ограничения: 1) ограниченность находящихся в распоряжении информационных ресурсов и 2) их субъективная оценка. Тем не менее, в любом случае критическая рефлексия позволяет фиксировать существование проблемы, создает возможность и осознания возможности существования альтернативных решений и на этой основе для переоценки исходной позиции. По крайней мере, в рамках критического подхода в психологии накоплен огромный материал, составляющий основания для пересмотра многих классических утверждений.

М. Weinstein в своем обзоре критериев критического мышления, подчеркивает, что для нахождения нового знания "мы нуждаемся в расширении нашего знания, которой мы обладаем, а также добавлении возрастающего переизбытка. Такое положение дел требует критического мышления, которое через понимание основополагающих структур информации, позволяет разработать возможное расширение того, что мы знаем. Кроме того, исходя из взаимозависимости систем разного рода, представленных различными областями знания, различными точками зрения, а также множественности обособленных областей фактов и методов. Различные точки зрения, представляющие различные дисциплинарные системы, а различные системы ценностей отражают дивергентные аспекты проблем или их поминаний. И поэтому мы нуждаемся в критическом мышлении, — способности синтезировать глубоко отличные перспективы, рассуждая в поле различных перспектив и взвешивать разные

ценности" [1993, с. 2]. Существующее в современном мире многообразие отражает "различия в перспективах и все перспективы должны рассматриваться как потенциально уместные для будущего, т.к. это будущее ожидает всех нас" [там же].

Роль критической рефлексии подчеркивается и по отношению к психологической практике. Анализ этой практики показывает, что во многих случаях положительный результат достигается именно через рефлексирование осуществленной практики, по выражению Т. Маранхо, "рефлексии-в-действии" [1991, с. 136–137]. Он понимает способность к рефлексии-в-действии как двойное видение, не требующее остановки и осмысления. Это способность озарения, множественности взглядов на ситуацию. В дополнение к рефлексии-в-действии вводится рефлексия-на-действия, представляющая осмысление анализируемого в контексте возможностей использования различных подходов к нему. Посредством использования рефлексии-на-действия, практик производит критическое позиционирование по отношению к совершенным действиям, осуществляя остранный анализ произошедшего и конструируя на этой основе новых смыслов ситуации и ее уникальности. "Рефлексия-на-действия представляет собой эксперимент, в котором паттерны, ранее использовавшиеся для понимания ситуации открываются и отбрасываются до момента нахождения паттерна, наиболее полно отражающего комплексность ситуации" [1999, с. 137]. В ней имеет место переход от метапознавательной осведомленности к конкретным когнитивным паттернам. На уровне метапознаний происходит фокусирование на том, что ситуация может и не объясняться любым из известных паттернов и для ее понимания требуется разрушение сформировавшихся шаблонов, нахождение принципиально новых, не представленных в практике.

В рамках феминистской традиции супервизии, рефлексивность достигает своего качественно нового уровня – диалогической рефлексивности. "Диалогическая рефлексивность определяется здесь как процесс эксплицитного обращения внимания на самого себя, а также на свои профессиональные, исторические и культурные дискурсы, которые укрепляют и сковывают способности мыслить и действовать в контексте взаимоотношений" [Hawes, с. 105 – 106].

Рефлексивная супервизия включает следующие процессы:

1. Включение максимально возможного количества дискурсов в плоскость рассмотрения, обеспечивая и поддерживая таким образом множественность перспектив.

2. Всякое истинное утверждение должно быть контекстуализировано по отношению к социальному окружению и проверено с точки зрения его

своего полного влияния или потенциала подавления или ограничения, освобождения или устранения.

3. Так супервизор так и супервизируемые должны быть вовлечены в процесс подвергаящий ревизии их собственные выводы и открытый для внешних оценок.

4. Открытые и скрытые властные отношения и различия должны быть открыто преодолены, прокритикованы и проанализированы причины их появления (там же).

Вовлечение в критические рефлексивные диалог должно продвигать нас за горизонты собственной дисциплины. Приглашение к множеству множественных изменений дискурсивных контекстов, легитимизирующих чью-либо область авторитетов должна быть преодолена, порождая разрушения границ между областями знания и практики.

Следующий шаг в развитии способности критического рефлексирования связан с включением элементов позиционирования. Разработка критического рефлексивного позиционирования связана с работами R. Harter и T. Langenhove, авторами теории позиционирования [1999]. Позиционирование рассматривается как альтернатива ролевому подходу в психологии исходя из посылки, что в своем реальном бытии человек не только идентифицируется с ролью, подчиняясь ролевым нормативам, но и позиционирует себя по отношению к происходящему. По мнению R. Harter и T. Langenhove именно позиционирование, а точнее его специфика в критическом смысле и определяет своеобразие поведения человека, осознание социального [1999]. “Позиционирование” или “субъектное позиционирование” требуют от нас размышлять о себе самих как субъектах выбора, локализуя себя в рассуждения в соответствии с теми формами интеракции, с которыми мы знакомы и которые представлены в нашей собственной жизненной истории, через которую мы научались метафорам, директивам и фабулам” [там же, с. 8].

Дополнение категории критической рефлексии категорией позиционирования обусловлено, прежде всего, тем, что без адекватного позиционирования невозможно, во-первых, идентификация с альтернативной позицией, во-вторых, признание этой позиции, как имеющей право на существование и обладающей определенными основаниями, и, в-третьих, критический анализ собственной исходной позиции, основанный на осознание того, что она не является единственно верной.

Принадлежность к критическому рефлексивному позиционированию означает необходимость прохождения альтернативного или критического позиционного круга для понимания ограниченности каждой позиции и мобилизации ресурсов на отстранение от них и идентификацию с новой, множественными, мультипозиции. В традиционной клинической прак-

тике эта ситуация возникает в оказании помощи клиенту в преодолении субъективной завершенности через предоставление возможности критического острого взгляда на себя со стороны, способствующего преодолению сформировавшихся эмоциональных блокировок посредством идентификации с позициями значимых других.

Основной задачей прохождения критического позиционного круга является децентрация, которая помогает ученому "частично абстрагироваться от перцептивной позиции наблюдателя, заменив ее той перспективой, которая свойственна субъекту" [Аллахвердян с соавт., 1998, с. 62]. Децентрация становится возможной лишь при максимальной идентификации с другим, позволяющей глубже и полнее понять оценку им ситуации, войти в его смыслы и интерпретации и, что особенно важно, — разорвать собственную центрированность, выражающуюся в оперировании только одной перспективой. Такого рода децентрация позволяет включить в плоскость рефлексии несколько перспектив и пережив их, прийти к новому осмыслению собственной исходной перспективы. В идеале наряду с механизмом идентификации должен включаться и механизм эмпатии, т.к. любое оценочное суждение не может не включать эмоционального отношения к нему. Без этого эмоционального сопереживания альтернативной позиции становится невозможным схватывание глубинных смыслов, которыми оперирует другой, а следовательно, как его понимание, так и принятие.

Естественно, что «децентрироваться» никогда невозможно в полной мере, поскольку ученый, как и всякий человек, не способен выйти за пределы своей собственной культуры и своего времени, которые глубоко укоренены в нем, являются частью его самого. Кроме того, исследователь не должен полностью жертвовать позицией наблюдателя, ведь это означало бы растворение в изучаемой культуре и утрату собственно исследовательской позиции. От него требуется специфическое соединение позиций субъекта и наблюдателя, что предполагает понимание их исходного различия, способность своевременно занимать и преодолевать каждую из них" [там же, с. 63].

Наряду с обсуждением возможностей преодоления исследовательской субъективности средствами критической рефлексии, начиная с 1970-х годов в психологической литературе активно представляется технологическое ее сопровождение [А.А. Деркач, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов [1998]; М.Г. Ярошевский [1983]; J. Bell [1999]; D. Levy [1997]; K. Stanovich [1998]; и др.]. Ведется интенсивная разработка средств критического анализа, позволяющих снизить степень предвзятости в оценке полученной информации, концепций и т.п.

J. Bell, в своем анализе возможных путей снижения тенденциозности в оценке информации, предлагает использование четырех-шаговой страте-

ство [1999]. Первый шаг предполагает идентификацию источника, включающую описание его своеобразия, особенностей, претензий и т.п. Второй шаг предполагает понимание сути источника, посредством анализа его основной идеи. Третий шаг предполагает оценку доказательности и обоснованности представленных решений и выводов. Четвертый шаг предполагает оценку соответствия выдвинутых претензий итоговым результатам, а также степень их генерализуемости.

В Третьей концентрируется на развитии способностей критического мышления на основе применения принципов метамышления, включающих ряд социальных стратегий, методов и техник, пригодных для любого вида исследований и проблем, в том числе и психологических [1997]. Акцент мышления ориентировано, прежде всего, на рассмотрение проблемных областей с разных позиций, подходов и решений, в том числе и альтернативных. С точки зрения автора, такой многомерный взгляд позволяет существенно углубиться в проблемную область и прийти к новым выводам. Одной из существенных предпосылок такого многомерного мышления рассматривается информированность в возможных проявлениях рассуждений, в частности, представленных ограничениями языка, возможными формами многозначного описания, парадоксом сходства-уникальности, соотношением, двумерной каузацией, ограничениями статистических подтверждений и т.д.

Проблема снижения субъективности нами рассматривается в контексте возможностей управления процессом функционирования ИФПД. В качестве возможного пути преодоления сформировавшегося в рамках ИФПД мышления системы парадигмальных координат "опponentного круга" или ИФПД была разработана техника критического рефлексивного позиционирования, предполагающая снижение тенденциозности посредством циклической рефлексивной идентификации с альтернативными парадигмальными позициями и обретения на этой основе возможности острого и объективного представления. Результаты применения техники критического рефлексивного позиционирования показывают существенное повышение способности ученых к обретению новых видений неследуемой области, как следствие, инсайтов [Yanchuk, 1999]. Сопутствующим к критическому рефлексивному позиционированию взаимобообогащению и приращению, оварение создает предпосылки для неантагонистического приращения с уверенности альтернативной перспективы, что, в свою очередь, приводит к смещению акцентов с критического анализа, направленного на выявление слабостей и несовершенств, на более продуктивное выявление дополнительных аспектов и оснований для совершенствования существующей перспективы или признания и принятия ее слабос-

Процедура критического рефлексивного позиционирования предполагает ряд технологических этапов:

Ознакомление с проявлениями исследовательской субъективности и тенденциозности в избрании методологических координат, исследовательского инструментария и аппарата анализа данных, а также интерпретации результатов исследования. В качестве первоисточников такого рода информирования предлагаются работы А.Г. Аллахвердяна с соавт. [3], D. Levy [1997] и K. Stanovich [1998].

Мотивация на конструктивный анализ и непредвзятое ознакомление с альтернативными подходами по проблеме, сопровождаемое ознакомлением и овладением техниками снижения тенденциозности [Bell, 1999] и принципами метамышления [Levy, 1997].

Развитие способности к метамышлению, достигаемое посредством техник развития рефлексивной культуры [Деркач с соавт., 1998] и метамышления [Levy, 1997].

Развитие способности понимания сути источника, посредством анализа его основной идеи [Bell, 1999].

Формирование навыков оценки доказательности и обоснованности предлагаемых решений и выводов и соответствия выдвинутых претензий итоговым результатам [Bell, 1999].

Прохождение критического рефлексивного круга альтернативного позиционирования.

Анализ исходной исследовательской перспективы, сопровождаемый оценкой доказательности и обоснованности предлагаемых решений и выводов и соответствия выдвинутых претензий итоговым результатам [Bell, 1999].

Как показали результаты исследований, пошаговое предъявление альтернативных позиций при мотивации на некритическую идентификацию с ними, сопровождаемое соответствующим технико-технологическим обеспечением, создает дополнительные возможности для нового взгляда на собственную исходную позицию [Yanchuk, 1999]. Подобный результат проявляется и в эмпирии обыденного бытия, когда для преодоления собственной эмоциональной негативной предубежденности в отношении другого человека достаточно идентифицировать в его образе хоть какие-то положительные черты. Если это удастся сделать – отношение к человеку начинает постепенно меняться в лучшую сторону, если нет – эмоциональная негативная блокировка усугубляется.

Приведенный анализ показывает возможности преодоления авторской тенденциозности посредством развития рефлексивности. По мнению В.А. Юревич, рефлексивный пласт науки должен стать "необходимой составной частью научного познания" [Аллахвердян с соавт., 1998, с.292]. Познание мира становится невозможным без рефлексии о том, как этот мир

основывается опора на то знание, которое создается самоанализом познающего субъекта. "Саморефлексия ученого (и научного сообщества) превращается в научный метод, который столь же необходим, сколь и предмету науки. Это означает, что ученых и не только психологов, но и физиков или химиков следует обучать саморефлексии, как их объектам специальным методам их наук, а также снабжать теми знаниями, которые обеспечивают науковедение — организованная саморефлексия науки" [там же, с. 292, 293].

Продуктивность рефлексии и саморефлексии как дополнительного ресурса развития научного знания и познания очевидны. В.А. Юревич подчеркивает в этой связи: "Углубление саморефлексии научного сообщества — сообществе ученых науковедческих знаний о науке и, соответственно, разрушение традиционных мифов о ней могут повысить продуктивность труда. А психология науки может сыграть терапевтическую роль, применяемую ролью психоаналитика, возвращающего человека к полноценной жизни путем углубления его саморефлексии и разрушения неверных представлений о самом себе" [там же, с. 293]. Тем самым обеспечивается прагматический эффект психологического знания в аспекте повышения продуктивности научной активности исследователя за счет более рационального использования его личности.

Прагматический эффект психологического знания в период постнеклассической рациональности неизбежно соотносится "не только со средними, но и с высшими — целевыми структурами деятельности" [Степин, 1990, с. 18]. Трансформация ученого как острого наблюдателя в субъекта познания, являющегося таким же носителем здравого смысла, как и окружающие, с особой остротой ставит вопрос о продуктивности переоценки традиционной логики и методологии науки, в частности — соотношения и соотнесения с миром жизненных переживаний. Проблема прослеживается и на процесс научного познания. По этой проблеме постановка вопросов, связанных с выявлением влияния жизненных переживаний, опыта познающего субъекта на процесс познания и его продуктивность, особенно актуальным. Хотя искусственное ограничение может давать результат по отношению к исследованию живой, но не обладающей сознанием природы. По отношению к природе — наделенной сознанием, оперирующей наряду с физической, а также символической, а также рефлексивной реальностью, — методология иной методологии, иной перспективы и соответствующего технологического обеспечения.

Именно ограничение истинности знания, объективности, факта, теории, метода и т.д. требует еще и их оживления, наделения человеческой личностью, исследование которой и представляет будущую пер-

спективу развития психологической науки и практики. Без обращения к духовности, одушевленности, чувственности становится невозможным схватывание подлинной человечности во всем многообразии ее проявлений и особенностей. Следовательно невыполненной остается основная функция психологического знания – описательно-объяснительно-помогающая. Без адекватного описания и объяснения сути социального бытия личности и ее окружения, максимально приближенного к условиям реального бытия становится невозможным оказание действенной помощи человеку в решении его проблем, связанных с бытием в социуме.

Выводы по главе 6

1. Обсуждение проблемы методологических оснований, парадигмальных координат, способа теоретизирования и метода исследования должно сопровождаться обсуждением проблемы роли личности исследователя в проведении исследования и интерпретации его результатов.

2. Интерпретационный фрейм повестки дня (ИФПД), характеризующий зависимость исследования и интерпретации его результатов от социокультурного контекста, индивидуальных различий, жизненного и образовательного опыта, “ядерных” социальных репрезентаций и сформировавшегося стиля атрибутирования исследователя, и выражающийся в устойчивой тенденции к субъективно направляемому поиску и интерпретации типичных особенностей и проявлений изучаемого феномена или явления, основывающемся на типичных объяснительных и каузальных схемах, обстоятельствах сбора и анализа фактов, событий и их последующей тенденциозной верификации и интерпретации, создает объяснительные основания для изучения личностного фактора в научном исследовании.

3. Техника критического рефлексивного позиционирования (КРП), предполагающая снижение авторской тенденциозности посредством циклической критической рефлексивной позиционной идентификации с альтернативными парадигмальными позициями и обретения на этой основе более остротенной оценки исходных воззрений, обладает потенциалом снижения авторской субъективности и тенденциозности.

ЭПИЛОГ

Философско-психологическая подоплека существующего онтологического, методологического и теоретического многообразия, методологической проблематики и путей преодоления субъективности, представленная мною в монографии, не исчерпывает всего проблемного поля, стоящего перед современной психологической наукой. Сегодня достаточно очевидно — необходимо выработать общепринятые решения по таким фундаментальным методологическим вопросам, как: апостериорность — априорность знания; критерии истинности знания; что есть истинное знание; какое правильное соотношение знания и практики; какова постигаемая реальность и т. д. и т. д., а соответственно, различные подходы и методы должны сохраняться, точно также как они будут сохраняться при дальнейшем развитии подхода к проблеме метода, субъективности, а также проблемы человеческого природы.

Противопоставление сфер приложения психологического в соответствии с качественно отличающимися человеческими сущностями (биологическая, символическая и рефлексивная) предоставляет возможности феноменологической методологии к биологической форме, потенциально бесконечной и измеряемой, и показав ее ограниченности в отношении двух других форм — символической и рефлексивной. Точно так же применима возможность применения феноменологического, психологического и герменевтического инструментария к исследованию природы человека, при их несомненной продуктивности в исследовании символической.

Феноменологическое схватывание мира значений субъекта, его переживания, бытия и бытия других людей, предполагает свободу исследовательской ментальности, более свободную, творческую и раскрепощенную. Именно современный феноменология и герменевтика пытаются найти пути интерпретации человеческих действий и связать их с основополагающими формирующими их. Но эти методологии исходно ориентированы не на феноменологию, не на рационально-универсальное, а на уникальное. Интерпретации в принципе не могут быть объективными, как в схеме эксперимента, их тип валидности эколо-

гический. Рефлексивная осведомленность требует эпистемологии от феноменологии. Здесь мы оперируем не с актуальным, а с возможным, которые могут быть. Как номотетический, феноменологический подход в конечном счете опирается на детерминированность действия, действия детерминированы биологическими

процессами; на вторичном — ассимилированными значениями). На уровне рефлексивной осведомленности, тем не менее, действия не детерминированы, а творятся автономными личностями, благодаря обладанию способностью рефлексировать самих себя в реальные и гипотетические события.

Разные типы реальностей, многообразие подходов и методологий сформировавшихся к началу третьего тысячелетия, показывает общую тенденцию к нахождению точек соприкосновения, путей взаимообогащения и нового инсайтирования. Причем, это взаимообогащение становится продуктивным не в случае нахождения очередного одномерного метарешения с монопольным правом на истину в последней инстанции, а в сохранении суверенности при налаживании продуктивного диалога друг с другом посредством признания существования поливариантности истины, онтологического плюрализма, диалогики и диатропики.

Психология третьего тысячелетия это наука диалогическая и диатропическая, признающая уникальность личности и стремящаяся к созданию возможностей для ее самоактуализации. Это наука понимающая и сопереживающая, проповедующая активность каждого человека в своем самосовершенствовании и определении собственного пути развития. Это наука не назидательная, а просвещающая и помогающая, способная решать самые сложные задачи в самом непосредственном контакте с полем реальных житейских проблем. Это наука и в высшей степени теоретическая, способная оперировать самым высоким уровнем обобщений, но одновременно это и наука практическая, способная не только ставить вопросы и давать советы, но и помогать решать проблемы. Лишь совершенствуя и развивая психологическую культуру, активно внедряя ее в сознание человечества, психология может смело и честно смотреть в перспективу развития человеческой цивилизации осознавать свою ответственность и гуманные возможности.

Литература:

1. Абрамзон С.А., Славская К.А. Стратегия жизни. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
2. Абрамзон С.А. Количество измерений личности: 16, 5 или 32? Критерии психоэкономической парадигмы. // Иностранная психология, т. 1, № 2, 1993, с. 9—23.
3. Абрамзон С.А., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. Учебное пособие. — М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 1998. — 312 с.
4. Андреева Е.М. Социальная психология. — М.: МГУ, 1994. — 415 с.
5. Андреева Е.М. К истории становления социальной психологии в России. Вестник Моск. Ун-та, 1997, № 4, с. 6—16.
6. Андреева Е.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. — М.: Ж. Изд-во МГУ, 1978. — 270 с.
7. Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности. Проблемы и перспективы исследований // Вопросы психологии, 1996, № 1, с. 28—40.
8. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. — М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «Монолит», 1996. — 728 с.
9. Асмолов А.Г. XXI век: психология в век психологии. // Вопросы психологии, 1999, № 1, с. 3—12.
10. Белик В.В. Принцип многомерности как фактор развития теории исторической индивидуальности // Психологический журнал, 1999, т. 20, № 6, с. 97—103.
11. Белик В.В. От наукоучения — к логике культуры: два философских введения в пятнадцатый век. — М.: Политиздат, 1991. — 413 с.
12. Богомолова Н.Н., Стефаненко Н.Г. Контент-анализ. — М.: МГУ, 1992. — 40 с.
13. Брусилов А.А. Восприятие и понимание человека человеком. — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. — 200 с.
14. Брусилов А.А. Чуждость и общение: Избранные труды. — М.: Педагогика, 1983. — 272 с.
15. Буякович А.Ф. Социальная психотерапия личности (психосемантический подход). — Киев: КГПИИЯ, 1991. — 189 с.
16. Бурин В.Г. История интроспекции // История психологии (10-е—30-е годы. Период открытого кризиса): Тексты. — М.: МГУ, 1992, с. 20—46.
17. Бурин В.Г. Человек в психологии // Вопросы психологии, 1997, № 3, с. 3—19.
18. Брусилов А.А. Философия и психология: С.Л. Рубинштейн и В.Г. Фрунзе. Психологический журнал, 1999, т. 20, № 6, с. 6—12.

19. Бурлачук А.Ф., Коржова Е.Ю. К построению теории "измеренной индивидуальности" в психодиагностике // Вопросы психологии, 1994, № 5, с. 5–11
20. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике. – Киев: Наук. Думка. – 197 с.
21. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание: Пер. с англ. / Общ. ред. И.Б. Новика, В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.
22. Василюк Ф.Е. К проблеме единства общепсихологической теории / Вопросы философии, 1986, № 10, с. 76–87
23. Введение в практическую социальную психологию. Учебное пособие для высших учебных заведений. / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. – 2-е исправленное изд. – М.: Смысл, 1996. – 373 с.
24. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.
25. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного: Пер. с англ. / Под ред. В.С. Малахова. – М. Искусство, 1991. – 367 с
26. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.; Прогресс, 1988. – 704 с.
27. Гальперин П.Я. Письмо А.Н. Леонтьеву // Вестник Моск. Ун-та, 1997, № 3, с. 3–7.
28. Гордеева О.В. О некоторых ограничениях разработки проблемы сознания в марксистской психологии // Вестник Моск. Ун-та, 1997, № 3, с. 12–21.
29. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента: Уч. пос. Пер. с англ. – М.: МГУ, 1982. – 464 с.
30. Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1993. – 497 с.
31. Гуссерль Э. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология // Логос, 1993, № 3, с. 62–81
32. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии, 1992, № 7, с. 136–176.
33. Гуссерль Э. Пятая картезианская медитация // От Я к Другому: Сб. переводов. – Минск: Менск, 1997, с. 28–44.
34. Деркач А.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. – М.: РАГС, 1998. – 250 с.
35. Джемс В. Научные основы психологии. – С.-Петербургская Электропечатня. 1902. – 370 с.
36. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М: Новая школа, 1996. – 352 с.

- 1 Баранский Ю. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, 1997. – 344 с.
- 10 Тарасенко М. И., Кандыбович Л. А. Психология высшей школы. – Минск: БГПУ, 1993. – 368 с.
- 10 Тарасенко М. И., Кандыбович Л. А. Краткий психологический словарь. – Белост.: Образование. Самообразование. Профессия. – Минск: Нар. асвета, 1996. – 399 с.
- 40 Тарасенко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода философии // Вопросы философии, 1977, №7, с. 109–125.
- 41 Баранский Ю. П. Психология развития: часть первая. – Минск: БГПУ, 1997. – 240 с.
- 41 Баранский Ю. П. Психология развития: часть вторая: общая теория детства. – Минск: БГПУ, 1997. – 224 с.
- 40 Касанов Н. П. О дескриптивном понимании истины // Философские науки, №3, 1990, с. 64–74.
- 40 Киреев С. Заключительное ненаучное послесловие // От Я к Другому. Сб. переводов. – Минск: Менск, 1997, с. 7–28.
- 40 Коваленко С. Правильное руководство по конструированию тестов: введение в психоэвристику и проектирование. – Киев: ПАН ЛТД., 1994. – 283 с.
- Ковалев Г. А. О соотношении некоторых отраслей психологии и философии «пограничных спорах». // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 1999, № 3, стр. 3–15.
- Ковалев Г. А. Триада мифов в психологии – три стратегии психологического познания. // Вопросы психологии. – 1987, № 3, – с. 41–49.
- Коваленко Н. Я. Психология детского коллектива: система личностных взаимоотношений. – Мн.: Нар. асвета, 1984. – 239 с.
- Коваленко Н. Я. П. Социальная психология школьного класса. – Минск: Ауксантия и воспитание, 1997. – 238 с.
- Коваленко Н. Я. П. Человек: психология. – Минск: Университетское, 1996. – 214 с.
- Коваленко Н. Я. П. Психическая и возрастная психология: Тексты лекций по предметному курсу для студентов педагогических специальностей. В 3 ч. Ч. I. – Гродно: ГрГУ, 1993 – 80 с.
- Коваленко Н. Я. П. Психическая и возрастная психология: Тексты лекций по предметному курсу для студентов педагогических специальностей. В 3 ч. Ч. II. – Гродно: ГрГУ, 1996 – 91 с.
- Коршиков Н. В. Эпистемологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1994. – 363 с.
- Коршиков Н. В. Историческая психология: наука будущего: Пер. с англ. – М.: ГрГУ, 1997. – 432 с.

55. Крипнер С., де Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии // Психологический журнал, 1993, Т. 2, с. 113–126.
56. Крон Г. Исследование сложных систем по частям: диакопика: Пер. с англ. / Под ред. А.В. Баранова. – М.: Наука, 1972. – 542 с.
57. Крымский С.Б. Истина и мнение // Философские науки, № 10, 1990, 73–77.
58. Куайн В. Онтологическая относительность. / В кн.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация “Логос”, 1999. с. 40–61.
59. Кудряшов А.Ф. Онтология. Методология. Неогеоцентризм. – СПб.: Петрополис, 1993. – 160 с.
60. Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: Тексты – М.: Международный институт Бизнеса и управления, 1996, с. 328–332.
61. Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты – М.: Международный институт Бизнеса и управления, 1996, с. 314–327.
62. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Под ред. С.Р. Микулинского, Л.А. Марковой. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
63. Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории. / В кн.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация “Логос”, 1996, с. 61–82.
64. Кучинский Г.М. Диалог и мышление. – Минск, БГУ, 1983. – 190 с.
65. Кучинский Г.М. Психология внутреннего диалога. – Минск: БГУ, 1988. – 206 с.
66. Лаак Я. Психодиагностика: проблемы содержания и методов. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 384 с.
67. Лаудан Л. Наука и ценности. / В кн.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация “Логос”, 1996, с. 295–342.
68. Левин К. Конфликт между Аристотелевским и Галилеевским способами мышления в современной психологии // История психологии (10-е – 30-е годы. Период открытого кризиса): Тексты. – М.: МГУ, 1992. – 364 с. – С. 47–78.
69. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980. – 280 с.
70. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

101. Бесситт Д. А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. 1992, № 2, с. 107–116.
102. Бейер В. А. От психофизики к моделированию души // Вопросы философии. 1990, № 7, с. 25–31.
103. Бейер В. А. Формула человека: контуры фундаментальной психологии. М.: Прогресс, 1991. — 107 с.
104. Бесситт Д. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. — 444 с.
105. Матиссон Д. Пазад к феноменам // Иностранная психология, 1994, Т. 1, № 1 (3), с. 5–11.
106. Бесситт Д. В. Сочинения: В 4 т. Т. I. М.: Мысль, 1982.
107. Матиссон Д. Пазад к феноменам // Иностранная психология. 1994, Т. 1, № 1 (3). — с. 5–11.
108. Матиссон А. С. Искусство открытия: методология и логика научного познания. М.: Ренпро., 1993. — 175 с.
109. Матиссон М. К. Проблема человека в философии // О человеке и о человеке. — М.: Политиздат, 1991, с. 8–21.
110. Матиссон М. К. Сознание и цивилизация // Человек в системе познания. М.: Наука, 1989, с. 317–331.
111. Марселл Л. Кратчайшей мудрости и за её пределы // Самосознание европейской культуры XX века. М.: Политиздат, 1991, с. 352–365.
112. Марселл Д. Социальная психология / Перев. с англ. — СПб.: Питер, 1996. — 681 с.
113. Марселл В. Л. Об объективных и субъективных факторах восприятия научного открытия // Научное открытие и его восприятие. — М.: Наука, 1971. — с. 236–246.
114. Матиссон В. Введение в теорию стратиграфии. — М.: Наука, 1989. — 280 с.
115. Матиссон Г. Интервализированные другие и самость // Американская социологическая мысль: Тексты — М.: Международный институт бизнеса и управления, 1996, с. 222–225.
116. Матиссон Г. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты — М.: Международный институт Бизнеса и управления, 1996, с. 213–221.
117. Митс М. Культура и мир детства: Пер. с англ. / Под ред. И.С. Кона. — М.: Наука, 1988. — 429 с.
118. Матиссон А. А. Путь к системной психологии развития // Психологический журнал. 1997, № 3, с. 3–12.
119. Матиссон А. А. О роли индивидуального и коллективного сознания в динамике психики // Психол. журн. 1999, Т. 20, № 5, с. 103–112.
120. Ниссен С. Мит В. Рациональность науки / В кн.: Современная философия: от знания, рациональности, ценности в трудах мыслителей. Антология философская хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство корпорации "Логос", 1996, с. 246–295.

91. Общая психодиагностика. Под ред. Бодалева А.А., Столина В.В. – М.: МГУ, 1987. – 304 с.
92. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. – М.: Мысль, 1971. – 348 с.
93. Патнем Х. Введение к книге “Реализм и разум”. / В кн.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация “Логос”, 1996, с. 209–220.
94. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т. 1. – Ростов-на-Дону: Изд-во “Феникс”, 1996. – 416 с.
95. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т. 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во “Феникс”, 1996. – 416 с.
96. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов-на-Дону: Изд-во “Феникс”, 1996. – 512 с.
97. Поппер К. Реализм и цель науки. / В кн.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация “Логос”, 1996, с. 92–106.
98. Портинов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX – XX веков. – Иваново, Изд-во ИвГУ, 1994. – 367 с.
99. Порус В.Н. Искусство и понимание: сотворение смысла / Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. – М.: Наука, 1990, с. 256–277.
100. Потемба А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
101. Похилько В.И., Федотова Е.О. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности. – Вопросы психологии, 1984, N3, с.151–158.
102. Практикум по психодиагностике. Дифференциальная психометрика. Под ред. Столина В.В., Шмелева А.Г. – М.: МГУ, 1984. – 224 с.
103. Прикладная социальная психология. / Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача – М.: Изд-во “Институт практической психологии”; Воронеж: Изд-во НПО “МОДЭК”, 1998. – 688 с.
104. Психология XXI века: пророчества и прогнозы (круглый стол) // Вопросы психологии, 2000. № 1, с. 3–35.
105. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Я. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
106. Рабинович В.А. Алхимический миф и химеры собора Парижской богоматери // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. – М.: Наука, 1990, с. 97–116.
107. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб: ЗАО “Изд-во “Питер””, 1999. – 416 с.

100. Готер Н. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. — М.: Политиздат, 1998. — 416 с.
101. Грош В.М. Проблема целостного изучения человека // О человеческом человеке. — М.: Политиздат, 1991, с. 80–99.
102. Грот Д., Писсонет Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. — Пер. с англ. В.В. Румынского под ред. У.Н. Емельянова И.С. Махуна. — М.: Аспект Пресс, 1999. — 429 с.
103. Рубинштейн С.И. Основы общей психологии: В 2 т. / Труды д. чл. и проф. псих. АПО СССР. Т. 1. — М.: Педагогика, 1989. — 488 с.
104. Рубинштейн С.И. Основы общей психологии: В 2 т. / Труды д. чл. и проф. псих. АПО СССР. Т. 2. — М.: Педагогика, 1989. — 328 с.
105. Саррер Л.П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки Богов. — М.: Политиздат, 1990, с. 319–344.
106. Селицкий Н. Психология активности. — Минск: Адукацыя і выхаванне, 1996. — 230 с.
107. Селицкий А.И. Интерпретация как предмет психологического исследования. — Психологический журнал, 1994, № 6, с. 78–88.
108. Селицкий А.И., Писев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для Вузов. — М.: Школа-Пресс, 1995. — 384 с.
109. Селицкий А.И., Писев Е.И. Антропологический принцип развития психологии. — Вопр. психол. — 1998. № 6. с. 3–17.
110. Словарь иностранных слов. — 10-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1983. — 608 с.
111. Смирнов Е.О. Становление межличностных отношений в раннем детстве. — Вопросы психологии, 1994, № 6, с. 5–15.
112. Смирнов Е.О. Русская социальная психология. Тексты. / Под ред. М. Анисимова, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984. — 256 с.
113. Смирнов Е.О. Философия науки: знание, рациональность, ценности в истории западной и восточной мысли. Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. — М.: Педагогическая корпорация "Логос", 1996. — 400 с.
114. Спилберг Л.Е. Простые методы исследования личности. — М.: Политиздат, 1980. — 171 с.
115. Спилберг Л.Е. Человеческое познание и ценности техногенной цивилизации. — Вопросы философии, 1989, № 10, с. 3–18.
116. Спилберг Л.Е. Человеческая рациональность в гуманистическом измерении. Человеческое и животное. — М.: Политиздат, 1991, с. 138–167.
117. Янчук В.А. Предмет, структура и задачи прикладной социальной психологии. В: Прикладная социальная психология. / Под ред. В.А. Янчука. — М.: Изд-во "Институт практической психологии". — Воронеж: Изд-во ИПО "МОДЭК", 1998. с. 10–80.

126. Фёдоров Ю.М. Сумма антропологии. Кн. I Расширяющаяся Вселенная Абсолюта. - Новосибирск: Наука. 1995. - 400 с.
127. Федотова В.Г. Истина и правда в повседневности // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. - М.: Наука, 1990, с. 175-209.
128. Фейерабенд П. Избранные труды по философии и методологии науки: Переводы с англ. и нем. - М.: Прогресс, 1986. - 542 с.
129. Философия, естествознание, современность: (итоги и перспективы исследований, 1970-1980 гг.) / Под общ. Ред. И.Т. Фролова и Л.И. Грекова. - М.: Мысль, 1981. - 351 с.
130. Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - 836 с.
131. Философский энциклопедический словарь. - М.: ИНФРА-М, 1997. - 576 с.
132. Франкл В. Человек в поисках смысла: Пер. с англ. / Под ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. - М.: Прогресс, 1990. - 368 с.
133. Франсесла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам. - М.: Прогресс, 1987. - 236 с.
134. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. В З. Фрейд "Психоаналитические этюды". - Мн.: Беларусь, 1991. - 606 с.
135. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке. - М.: Политиздат, 1991, с. 195-206.
136. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии // От Я другому: Сб. переводов. - Минск: Менск, 1997, с. 99-129.
137. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. - М.: Издательская группа "Прогресс", "Прогресс-Академия", 1992. - 464 с.
138. Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. - М.: КСП+, 1997. - 719 с.
139. Хрестоматия по истории психологии. Период открытого кризиса (начало 10-х годов - середина 30-х годов XX в.) / Под ред. П.А. Гальперина, А.Н. Ждан. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1980. - 296 с.
140. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). - СПб.: Питер Пресс, 1997. - 608 с.
141. Чайковский Ю.В. Наука о разнообразии. // Химия и жизнь, 1989, № 1, с. 64-77.
142. Чайковский Ю.В. Познавательные модели. // Знание-сила. 1993. № 1, с. 105-111.
143. Чайковский Ю.В. Разнообразие и случайность. // Методы научного познания и физика. - М.: Наука, 1986. - 280 с.
144. Чайковский Ю.В. Элементы эволюционной диатропики. - М.: Наука, 1990. - 272 с.

- 11 Шендерович Н.П. Социальная психология в образовании: Учеб. Пособие. Ч. I. Концептуальные и прикладные основы социальной психологии. — М.: ВНАДОС, 1995. — 544 с.
- 12 Шендерович Н.П. Современная социальная психология В Западной Европе. — М.: Наука, 1985. — 175 с.
- 13 Шендерович Н.П. Обсуждение книги М. Коула "Культурно-историческая психология" есть ли будущее у прошлого? // Психологический журнал. 1999. Том 20, № 5, с. 113–116.
- 14 Шендерович Н.П. Современная социальная психология. — М.: КСП+, 1999. — 100 с.
- 15 Шендерович А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику. — М.: АПН, 1983.
- 16 Шендерович Н.П. Избранные труды. — М.: Шк. Культ. Полит., 1995. — 100 с.
- 17 Шендерович А. Собрание научных трудов. Т. 4. — М.: Наука, 1967.
- 18 Шендерович А.В. Онтологический круг и структура психологического знания. Психол. журн. 1992. Т. 13, № 1, с. 17–29.
- 19 Шендерович А.В. Системный кризис в психологии // Вопр. психол. — 1999. № 5, с. 11–23.
- 20 Шендерович А.В. Цинченко Н.П. Функциональный кризис науки // Вопр. психол. 1998. № 1, с. 17–29.
- 21 Янчук В.А. Социальные нормы в структуре саморегуляции социального поведения личности. / Активизация личности в системе общественных отношений. Тезисы докладов к VII съезду психологов. М.: Р.К. 1989. с. 83–84.
- 22 Янчук В.А. Очерки о зоны саморегуляции социального поведения / Активизация личности в системе общественных отношений. Материалы Всесоюзной научной конференции. Пермь, 1989, с. 113–119.
- 23 Янчук В.А. Психологические предпосылки построения новой образовательной парадигмы. Образование, повышение квалификации и профессиональное развитие. Материалы междуна. конференции. 13–15 апреля 1994 г. — М.: НИИ, 1994. с.306–313.
- 24 Янчук В.А. Психологические основы диагностического процесса / Активизация личности в системе общественных, психолого-педагогических, управленческих аспектах. Под общ. ред. В.А. Янчука, С.А. Ковалева. М.: НИИ и ППРО, 1994, с. 4–20.
- 25 Янчук В.А. Психологические предпосылки построения новой диагностической парадигмы эффективности образовательного процесса. Активизация личности в системе общественных, психолого-педагогических, управленческих аспектах. Под общ. Ред. В.А. Янчука, С.А. Ковалева. М.: НИИ и ППРО, 1994, с. 4–11.

160. Янчук В.А. Социально-психологические предпосылки смены воспитательной парадигмы в условиях кризисного состояния общества // Адукацыя і выхаванне. 1994, № 9, с. 48–52.
161. Янчук В.А. (Ред.) Диагностика: методологические, психолого-педагогические, управленческие аспекты. – Минск: ИПК и П РРСО, 1994. – 160 с.
162. Янчук В.А. Психологические предпосылки построения образовательной парадигмы. // Адукацыя і выхаванне, 1995, № 2, с. 36–41.
163. Янчук В.А. Психологические ограничения интерпретационных возможностей компьютерных методов психодиагностики. // Материалы выставки – семинара. “Компьютерная психодиагностика” Минск, Беларусь, 1–2 октября 1997 г. – Мн.: Белорус. гос. ун-т. 1997, с. 9–13.
164. Янчук В.А. Экспертное заключение на проект “Рефлексивный анализ педагогических ситуаций” / В сб.: Экспертиза образовательных проектов: Материалы Международной научно-практической конференции “Повышение квалификации в развивающемся образовательном пространстве: инновационные модели учебного процесса” (Минск, 19–21 ноября 1996 г.) / М-во образования Республики Беларусь. АПО; Под ред. М.А. Гусаковского и Б.В. Пальчевского. – Мн., 1997, с. 62–64.
165. Янчук В.А. Формирование и управление впечатлением о личности другого человека. // Адукацыя і выхаванне, 1998, № 4, с. 45–56.
166. Янчук В.А. Межличностная аттракция и детерминирующие ее факторы. // Адукацыя і выхаванне, 1998, № 5, с. 45–52.
167. Янчук В.А. Проблема социального объяснения в современной зарубежной социальной психологии. Часть 1. // Адукацыя і выхаванне, 1998, № 9, с. 38–49.
168. Янчук В.А. Проблема социального объяснения в современной зарубежной социальной психологии. Часть 2. // Адукацыя і выхаванне, 1998, № 10, с. 24–31.
169. Янчук В.А. Социально-психологические детерминанты эффективности обучения языку взрослых. / Обучение взрослых иностранным языкам – традиции и перспективы: Материалы I междунар. науч. практич. конф. Минск, 20–21 мая 1999 г. / Отв. редактор Н.П. Баранова – Мн.: МГЛУ, 1999, с. 109–112.
170. Янчук В.А. Психология в поисках парадигм, способа теоретизирования и метода исследования. // Вышэйшая школа, 1999, №1, с. 3–10.
171. Янчук В.А. Психология на рубеже третьего тысячелетия - в поисках методологических оснований развития. // Адукацыя і выхаванне, 1999, № 3–4, с. 32–39;
172. Янчук В.А. Психология на рубеже третьего тысячелетия – поиски парадигмальных координат, способа теоретизирования и метода исследования. // Адукацыя і выхаванне, 1999, № 8. – с. 30–40.

110. Психологические детерминанты процесса переподготовки практиков психологии. / Под науч. рук. В.А. Янчука // «Инновационные формы повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов образования. Книга 1. – Мн.: АПО, 1997, с. 110–116. (На правах рукописи. № госрегистрации 199974377).
111. Янчук В.А. (Ред.) Курсы переподготовки по специальности "Практическая психология". / Под науч. рук. В.А. Янчука // «Инновационные формы повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов образования. Книга 2. – Мн.: АПО, 1997, с. 110–116. (На правах рукописи. № госрегистрации 199974377).
112. Янчук В.А. (Ред.) Выготский и актуальное проблемное поле современной психологии психологии и психологии. / В сб.: Актуальные проблемы теории и практики практической психологии (введение Л.С. Выготского): Материалы всесоюзной науч.-практ. конф. Минск, 14–15 дек. 1999 г.: в 2-х т. Т. 1. Минск: М. Танка, 1999. – Ч. 1, с. 16–21.
113. Янчук В.А. Введение / Психодиагностический практикум по прикладной психологии. Учебно-методическое пособие для практиков психологии системы образования. – Минск: АПО, 1999. – 69 с.
114. Янчук В.А. История психологии. – М.: Мысль, 1985. – 575 с.
115. Янчук В.А. Оппонентный круг и научное открытие // Вопросы философии. 1983. – № 10, с. 49–61.
116. Ashworth, P. Law and Explanation. New York: Oxford University Press, 1971. – 168 p.
117. Ashworth, P. The nature of explanation. – NY: Oxford University Press, 1971. – 168 p.
118. Ashworth, P. and Gill, P. A. Symbolic interactionism. / In Douglas, J.D. etc. Introduction to the Sociologies of Everyday Life. – Boston: Allyn Bacon, 1996. pp. 173–178.
119. Ashworth, P. Personality theories: Development, growth and diversity. 2nd Edition. Hingham, MA: Allyn and Bacon, 1997. – 540 p.
120. Ashworth, P. A. The Text Debate: A Critical Examination of the Individual Difference Paradigm in Communication Sciences. / In: Progress in Communication Sciences. Eds. B. Dervin and B.J. Voight. – Norwood, NJ: Ablex, 1996. pp. 74–98.
121. Anderson, J. P. The architecture of cognition. – Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1996. – 345 p.
122. Ansd. G. Ansd. G. everyday explanation: A casebook of methods. London: Sage, 1992. – 112 p.
123. Ansd. G. The concept of psychic reality and related problems. // Journal of the American Psychoanalytic Association, 1985, Vol. 33, pp. 521–535.

187. Ashmore R.D. Sex, gender and individual / In: L.A. Pervin (Ed.) Handbook of personality: Theory and research. – NY: Guilford Press, 1990. pp. 486 – 526.
188. Augustinos M., Walker I. Social cognition: An integrated introduction. – London: Sage Publication, 1996. – 346 p.
189. Averill J.R. Inner feelings, works of the flesh, the beast within, diseases of the mind, driving force, and putting on the show: six metaphors of emotions and their theoretical extensions / In: D.E. Leary (Ed.), Metaphors in the history of psychology. – NY: Cambridge University Press, 1992, pp. 104 – 132.
190. Bachman J.G., O'Malley P.M. Self-esteem in young men: A longitudinal analysis of the impact of educational attainment. // Journal of Personality and Social Psychology, 1977, Vol. 35, p.365 – 380.
191. Bandura A. Influence of models' reinforcement contingencies on the acquisition of imitative responses. // Journal of Personality and Social Psychology, 1965, 1, pp. 589–595.
192. Bandura A. Social Foundation of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986. 650 p.
193. Barnes, B. On the conventional character of knowledge and cognition. In K. D. Knorr-Cetina & M. Mulkay (Eds.), Science observed: Perspectives on the social study of science. – Beverly Hills: Sage, 1983. pp. 19–51.
194. Bavelas J.B. Quantitative versus qualitative? / In: W. Leeds-Hurwitz (Ed.), Social approaches to communication. – NY: Guilford Press, 1995. pp. 49–62.
195. Baumeister R.F., Tice D.M. Rethinking and reclaiming the interdisciplinary role of personality psychology: The science of human nature should be the center of the social sciences and humanities // Journal of Research in Personality, 1996, Vol. 30, pp. 363–373.
196. Bayer B.M. Between apparatuses and apparitions / In: B.M. Bayer, J. Shotter (Eds.), Reconstructing the psychological subject: bodies, practices and technologies. – London: Sage Publications, 1998. pp. 187 – 213.
197. Bayer B.M., J. Shotter (Eds.). Reconstructing the psychological subject: Bodies, practices and technologies. – London: Sage Publications, 1998. – 234 p.
198. Becker, H., Geer, B., Hughes, E. and Strauss, A. Boys in White: student culture in medical school. – New Brunswick, N.J. : Transaction Books, 1984. – 456 p.
199. Bedny G.Z. Individual features of personality in the former Soviet Union // Journal of Research in Personality, 1999, Vol. 33, pp. 546 – 563.
200. Bell J. Evaluating psychological information: Sharpening your critical thinking. – NY: Allyn & Bacon, 1999. – 64 p.
201. Bem S.L. Gender schema theory and the romantic tradition. / In: P. Shaver, C. Hendrick (Eds.), Review of personality and social psychology Vol. 7. Sex and gender. – Beverly Hills, CA: Sage, 1987. pp. 251 – 271.

- 900 Benedict R. Patterns of Culture. – Boston: Houghton Mifflin, 1934. – 290 p.
- 901 Berlowitz, E., Donnerstein, E. External validity is more than skin deep: Some answers to criticisms of laboratory experiments. // *American Psychologist*. 1982, 37, 245–257.
- 902 Bhaskar R. Reclaiming reality: A critical introduction to contemporary philosophy. – London: Verso, 1989. – 218 p.
- 903 Bullock M. Repopulating social psychology: a revised version of events / In: H.M. Bayer, J. Shotter (Eds.), *Reconstructing the psychological subject: bodies, practices and technologies*. – London: Sage Publications, 1998, pp. 136–152.
- 904 Burrell G. W. H. A critique of the use of triangulation in social research / *Quality and Quantity*, 1991, Vol. 25, pp. 115–136.
- 905 Burbules N. C. The Oxford Dictionary of Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1996. – 418 p.
- 906 Blumer M. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1969. – 208 p.
- 907 Bucher A. P. Perspectives on inquiry: representation, conversation and collection. – M. L. Knapp (Ed.), *Handbook of interpersonal communication*. Beverly Hills: Sage Publications, 1985, pp. 27–58.
- 908 Bulmer G. The social function of cognitive structures: A concept of the scientific theory within a theory of action. / In K. D. Knorr-Cetina, H. Klee (Eds.), *Determinants and control of scientific developments*. – Boston: Reidel Publishing, 1975, pp. 205–225.
- 909 Bounded P. The purpose of reflexive sociology (The Chicago workshop), Ch. P. Bounded, L. J. D. Wacquant, *An initiation of reflexive sociology*. – Chicago: University of Chicago Press, 1992, pp. 61–216.
- 910 Boyd B. Metaphor and theory change: What is «metaphor» a metaphor for? In A. Ortony (Ed.), *Metaphor and thought*. – NY: Cambridge University Press, 1979, pp. 356–408.
- 911 Boyd B., P. Gärdenfors J. D. Trout. (Eds.). *The philosophy of science*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1991. – 800 p.
- 912 Bradley J. Methodological issues and practices in qualitative research / *Library Quarterly*, 1993, Vol. 63, pp. 431–449.
- 913 Brandom R. A. The social basis of scientific discoveries. – New York, NY: Cambridge University Press, 1981. – 212 p.
- 914 Brannon E. Gender: Psychological perspectives. – NY: Allyn & Bacon, 1990. – 280 p.
- 915 Burrell G. W. H. Triangulation in Qualitative Research: Evaluation of Campbellton and Confirmation Purposes. // *IMAGE: Journal of Nursing Scholarship*, 1993, Vol. 25, no 3, p. 235–57.
- 916 Bullock M., F. E. S. S. Fein S. Social psychology. 4th ed. – Boston, MA: Houghton Mifflin, 1999. – 681 p.

219. Brennan, J.F. History and systems in psychology. 4 th ed. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1994. – 398 p.
220. Brinberg, D., McGrath, J.E. Validity and Research Process. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 1985. – 346 p.
221. Brody N., Ehrlichman H. Personality psychology: Science of individuality. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1998. – 640 p.
222. Brookfield, S.D. Developing critical thinkers: Challenging adults to explore alternative ways of thinking and acting. – San Francisco, CA: Jossey Bass Publishers, 1991. – 280 p.
223. Brown R.A. A first language: The early stages. – Cambridge, MA, Harvard University Press, 1973. – 180 p.
224. Brunner J., Feldman C.F. Metaphors of consciousness and cognition in the history of psychology / In: D.E. Leary (Ed.), Metaphors in the history of psychology. – NY: Cambridge University Press, 1992, pp. 230 – 238.
225. Brush, S.G. Should the History of Science be Rated X? // Science, 1974, Vol. 183, pp. 1164–1172.
226. Bryman, A.A. Quantity and quality in social research. – London: Unwin Hyman, 1988. – 440 p.
227. Bunnin, N. Tsui-James, E.P. The Blackwell companion to Philosophy. – Oxford: Blackwell Publishers. 1996. – 786 p.
228. Campbell, D.T., Fiske, D.W. Convergent and discriminant validation by the multi-trait-multi-method matrix. // Psychological Bulletin, 1959, Vol. 56, pp. 81–105.
229. Caracelli, V.J., Greene, J.C. Data Analysis Strategies for Mixed-Method Evaluation Designs. // Educational Evaluation and Policy Analysis, 1993, no 15(2). – pp 191–210.
230. Caracelli V.J., Green J.C. Crafting mixed-method evaluation design / In: J.S. Greene and V.J. Caracelli (Eds.) Advances in mixed-method evaluation: The challenges and benefits of integrating divers paradigms. // New directions for Program evaluation, no 74. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997, pp. 19–32.
231. Carver C.S. Emergent integration in contemporary psychology // Journal of Research in Personality, 1996, Vol. 30, pp. 319–334.
232. Cavan, S. Liqueur License: an ethnography of bar behavior. – Chicago: Aldine, 1966. – 246 p.
233. Chafetz, J.S. A Primer on the Construction and Testing of Theories in Social Psychology. – Itaksa, Ill.: F. E. Peacock Publishers, 1978. – 132 p.
234. Chaiklin S. From theory to practice and back again: What does postmodern philosophy contribute to psychological science? / In: Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997, pp. 194–208.

- Chomsky, A.F. Science and it's fabrication. – Milton: Open University Press, 1990. – 142 p.
- Chomsky, P. and Krawiec, T.S. Systems and Theories of Psychology. – Oxford: J.C. Holt, Rinehart & Winston, 1979. – 320 p.
- Chomsky, P. Qualitative research: Central tendencies and ranges. // *AI & Society*, 1992, Spring, pp. 43-44.
- Chomsky, P.W., Holyoak K.J. Pragmatic reasoning schemas // *Cognitive Psychology*, 1986, Vol. 17, pp. 391-416
- Csikszentmihalyi, M. Flow: The psychology of happiness. – London: Pinter Press, 1992. – 230 p.
- Csikszentmihalyi, M., Csikszentmihalyi I.S. (Eds.) Optimal experience: Psychological studies of flow in consciousness. – NY: Cambridge University Press, 1988. – 480 p.
- Coffin, L. Did Freud rely on the tally argument to meet the argument from mentalism? // *Behavioral and Brain Sciences*, 1986, Vol. 41, pp. 197-205.
- Cook-Greuter, D. Doing Quantitative research: From design to report. – Hove: Lawrence Erlbaum, Psychology Press, 1998. – 666 p.
- Cook-Greuter, P. The eclectic and integrative paradigm: between Scylla of eclecticism and the Charibdis of confusion. // R. Woolfe and W. Dryden (Eds.) *Handbook of counselling psychology*. – London: Sage Publications, 1998. – 380-383.
- Cook-Greuter, P. Analogy generation in scientific problem solving. *Proceedings of the 1991 Annual conference of the cognitive science society*. – Mahwah, NJ, 1991, pp. 137-140.
- Cook-Greuter, P. The one of personality: Understanding persons. – London: Routledge Hall, 1999. – 368 p.
- Cook-Greuter, P. Classic and contemporary readings in social psychology. – London: Prentice Hall, 1998. – 292 p.
- Cook-Greuter, P. Foundations of social theory. – Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1994. – 993 p.
- Cook-Greuter, P. H.M. Chomsky order: Replication and induction in scientific psychology. Beverly Hills: Sage, 1985. – 187 p.
- Cook-Greuter, P. Prospective critical multiplism / In R.L. Schotland and M.N. Cook-Greuter (Eds.) *Science and social policy*. – Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1990. – pp. 21-62.
- Cook-Greuter, P. Research methods and statistics in psychology. 7th ed. – London: Hodder & Stoughton, 1998. – 499 p.
- Cook-Greuter, P. In search of more compete answers to research questions. *Qualitative versus quantitative research methods: is there a way forward?* *Journal of Advanced Nursing*, 1990, no. 16, pp. 718-727.
- Cook-Greuter, P. and Cook-Greuter, P.E. Deductions from Axiomatic Theory // *Philosophical Anthropological Review* (December 1964), pp. 819-835.

253. Cranach M. The knowledge of social system / In U. Elick (Ed.), 'The psychology of the social'. -- Cambridge: Cambridge University Press. 1998, pp. 15-40.
254. Crick N.R., Dodge K. A. A review and reformulation of social information processing mechanisms in children's social adjustment. // Psychological Bulletin. 1994, Vol. 115, no 1, pp.72-84.
255. Dallos R. Creating relationships / Miell D. Dallos R. [Eds.] Social interaction and personal relationships. -- London: Sage Publications. 1996, pp. 102-156.
256. Dallos R. Change and transformations of relationships / Miell D. Dallos R. [Eds.] Social interaction and personal relationships. -- London: Sage Publications. 1996, pp. 214-266.
257. Danziger K. Generative metaphor and the history of psychological discourse / In: D.E. Leary (Ed.), Metaphors in the history of psychology. -- NY: Cambridge University Press. 1992, pp. 331 - 356.
258. Darden, L. Reasoning to new theories: Analogies, interfiled connections and abstract theory types. In D. M. De Luca (Ed.), Essays on creativity and science. -- Honolulu, HA: Hawaii Council of Teachers of English, 1986, pp. 25 - 30.
259. De Mey, M. The cognitive paradigm : an integrated understanding of scientific development. -- Chicago : University of Chicago Press, 1992. -- 314 p.
260. De Mey, M. The cognitive paradigm: cognitive science, a newly explored approach to the study of cognition applied in an analysis of science and scientific knowledge. -- Boston: Reidel Publishing, 1982. -- 314 p.
261. Deaux K., Dane F., Wrightsman L.S., and Sigelman C. Social psychology in the 90s. -- Pacific Grove, California: Brooks/Cole Publishing Company 1996. -- 497 p.
262. Denzin, N., Lincoln Y. (Eds.) The handbook of qualitative research. Newbury Park, CA: Sage, 1994. -- 460 p.
263. Denzin N.K., Lincoln Y.S. Introduction: Entering the field of qualitative research. / In: Denzin, N. And Y. Lincoln (Eds.) The handbook of qualitative research. -- Newbury Park, CA: Sage, 1994, pp. 1-17.
264. Dervin, B. From the mind's eye of the user: The sense-making qualitative quantitative methodology. / In J.D. Glazier and R.R. Powell, Qualitative Research in Information Management. -- Englewood, CO: Libraries Unlimited, 1992, pp. 61-84.
265. Dervin, B. Users as research inventions: How research categories perpetuate inequities. // Journal of Communication, Vol. 39, pp. 216-232.
266. Devalle D. Forms of life: science and social psychology / In: Sapsford R., Still A., Wetherell M. Miell D., and Stevens R. (Eds.) Theory and social psychology. -- London: Sage Publications, 1998, pp. 115-140.

1. Deaux W., Mugny G., Perez J. -L.. In U. Flick (Ed.), "The psychology of the social". - Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 77-90.
 2. Donaldson M. Human minds: An exploration. - Harmondsworth: Allen Lane, 1992. - 231 p.
 3. Dooly D. Social research methods. - London: Prentice Hall, 1995. - 448 p.
 4. Dooly D. C. Meaningful Relationships: Talking, sense, and relating. - London: Sage Publications, 1994. - 208 p.
 5. Dooly D. C. Methodological Triangulation: A Vehicle for Merging Quantitative and Qualitative Research Methods. // IMAGE: Journal of Nursing Scholarship. - 1987, no 19(3). - pp. 130-133.
 6. Dooly D. C. Capturing the dynamic nature of personality // Journal of Research in Personality, 1996, Vol. 30, pp. 348-362.
 7. Dupin G. Hooves, Insteps: Some hypothesis on three types of evolution. - In Lebeck, Th. Eco, U. (Eds.), The Sign of three: Dupin, Crime and Poire. - Bloomington, 1983, pp. 65-89.
 8. Ellis R. D. Truth and objectivity. - Oxford: Blackwell, 1990. - 314 p.
 9. Ellis R. D. Recommendations of the future development of personality psychology // Journal of Research in Personality, 1996, Vol. 30, pp. 113-116.
 10. Emerson E. A. & Simon, H. A Protocol analysis: Verbal reports as data. - Cambridge, MA: MIT Press, 1993. - 443 p.
 11. Eysenck H. Biological dimension of personality / In: L.A. Pervin (Ed.) Handbook of personality: Theory and research. - NY: Guilford Press, 1991, pp. 211-238.
 12. Eysenck H. Social psychology. - London: Prentice Hall, 1998. - 618 p.
 13. Fiedler E., Fiedler H.W., Schachter S. When Prophecy Fails. - Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. - 256 p.
 14. Frankfurt T. Against Method. - London: Verso, 1988. - 296 p.
 15. Gellatly J. E. Social cognition. - NY: Academic Press, 1991. - 311 p.
 16. Gellatly J. E. The psychology of the social. - Cambridge: Cambridge University Press, 1998. - 285 p.
 17. Gellatly J. E. Everyday Knowledge in social psychology. / In U. Flick (Ed.), "The psychology of the social". - Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 11-29.
 18. Gellatly J. E. Triangulation revisited: strategy of validation or alternative? // Journal for the theory of Social Behavior, 1998, Vol. 22, no. 2, pp. 157-197.
 19. Gellatly J. E. Systematic Pluralism: Introduction to Issue.// The Monist, 1994, pp. 111-119.
 20. Gellatly J. E. The birth of the clinic: an archaeology of medical perception. - Translated from the French by A. M. Sheridan Smith. [1st American ed.] - Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1995. - 215 p.

287. Fraenkel P. Commentary: The nomothetic-ideographic debate in family therapy // *Family Process*, 1995, Vol. 34, no 2, pp. 113-121.
288. Frager R., Fadiman J. *Personality and personal growth*. - London: Prentice Hall, 1998. - 576 p.
289. Franklin, C.W. *Theoretical perspectives in social psychology*. - Boston: Little, Brown and Company, 1982. - 366 p.
290. Freedman E.G. Understanding scientific discourse: A strong programme for the cognitive psychology of science // *Theory and Review in Psychology*, 1996, Vol.1, pp. 1-10.
291. Freedman, E. G. Understanding scientific controversies from a computational perspective: The case of latent learning. / In R. Giere (Ed.), *Cognitive Models of Science: Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. (Volume XV) Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1992, pp. 310-337.
292. Freedman, E. G., Smith, L. D. The role of theory and data in covariation assessment: Implications for the theory-leadenness of observation. // *Journal of Mind and Behavior*, 1996, Vol. 17, 321-343.
293. Freedman H., Schustack M. *Personality: Classic theories and modern research*. - NY: Allyn & Bacon, 1999. - 566 p.
294. Freeman M. *Theory beyond theory* // *Theory & Psychology*, 2000, Vol. 10, N 1, pp. 71-78.
295. Freese, L. And Roeach, M. On the Use of Alternative Interpretation in Contemporary Social Psychology. // *Social Psychology Quarterly*, 1979, Vol. 42, no. 3, pp. 195-201.
296. Friedman H., Schustack M. *Personality: Classic theories and modern research*. - NY: Allyn & Bacon, 1999. - 566 p.
297. Friedrich L.K., Stein A.H. Aggressive and prosocial television programs and the natural behaviour of pre-school children. // *Monograph of the Society for Research in Child Development*, 1973, no 51, pp.34-38.
298. Gentner, D., Stevens, A. (Eds.). *Mental Models*. - Hillside, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1983. - 348 p.
299. Gentner, D. Are scientific analogies metaphors? / In D. S. Mial (Ed.), *Metaphor: Problems and Perspective*. - Brighton, England: Harvester Press Ltd, 1982, pp. 106-132.
300. Gentner, D. Structure mapping: A theoretical framework for analogy. *Cognitive Science*, 1983, Vol. 7, 155-170.
301. Gergen, K.J. The Social Constructionist Movement in Modern Psychology // *American Psychologist*, 1980, Vol. 40, pp. 266-275.
302. Gergen K.J. Metaphor, metatheory, and social world / In: D.E. Leach (Ed.), *Metaphors in the history of psychology*. - NY: Cambridge University Press, 1992, pp. 267 - 299.

- Gergen, E. E. Toward a postmodern psychology. / In: Kvale, S. (Ed) *Psychology and postmodernism*. – London: Sage Publications, 1997. pp. 1–30.
- Gergen, E. E. *Toward Transformation in Social Knowledge*. – London: Sage Publications, 1994. – 260 p.
- Gergen, E. E. [Ed.]. *Refiguring self and psychology*. – Aldershot: Dartmouth, 1993. – 267 p.
- Gergen, E. E. The ordinary, the original, and the believable in psychology's construction of person / In: B.M. Bayer, J. Shotter (Eds.), *Reconstructing the psychological subject: bodies, practices and technologies*. – London: Sage Publications, 1998. pp. 11 – 125.
- Gergen, E. E., Gergen, M. M. Explaining Human Conduct: Form and function. // In *Explaining Human Behaviour: Consciousness, Human Action, and Social Structure*, T.L.P.F. Secord. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 1987. pp. 177–184.
- Gergen, E. E., Gergen M.M. Narrative form and the construction of psychological science / In: T.R. Sarbin (Ed.) *Narrative psychology: The situated nature of human conduct*. – NY: Praeger, 1986. pp. 22–44.
- Gergen, E. E., Gergen M.M. *Historical social psychology*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1984. – 109 p.
- Gergen M.M. [Ed.] *Feminist thought and the structure of knowledge*. – NY: New York University Press, 1988. – 200 p.
- Gergen M.M., Davis, S.N. (Eds.) *Toward a new psychology of gender*. NY: Doubleday, 1997. – 626 p.
- Holmes, C.E., Mollay M. *Opening Pandora's box: A sociological analysis of scientists' discourse*. NY: Cambridge University Press, 1984. – 202 p.
- Holzer, B. Coherence vs. forcing: basics of grounded theory analysis. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1992. – 129 p.
- Holzer, B., Strauss, A. L. *The discovery of grounded theory: Strategies for qualitative research*. NY: Aldine De Gruyter, 1967. – 271 p.
- Holzer, B., Strauss, A. L. Grounded theory research: Procedures, canons, evaluative criteria. *Qualitative sociology*, 1990, No. 13, pp. 3–21.
- Holman M. E. How the possibility of error affects falsification on a task. *Models in the problem solving* // *British Journal of Psychology*, Vol. 77, pp. 83–96.
- Holman M. E., Stratford, A. Disconfirmation and dual hypotheses on a difficult version of Watson [1913]'s 2–4–6 task. // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 1987, Vol. 39a, pp. 1–28.
- Holmes, A. C., Gergen, E. E. *Structures and procedures of implicit knowledge*. Concord, IL: Ablex Publishing, 1985. – 326 p.
- Holmes, E. E., Gergen, E. E. (Eds.) *Historical dimensions of psychological science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 284 p.

320. Graumann C.F. Introduction to history of social psychology. // In Hewstone M., Stroebe W., Stephenson G.M. [Eds.] Introduction to social psychology. 2nd ed. – London: Blackwell Publishers, 1996, pp.3–23.
321. Greene, J.C., Caracelli, V.J. Defining and describing the paradigm issue in mixed-method evaluation / In: J.S. Greene and V.J. Caracelli (Eds.) Advances in mixed-method evaluation: The challenges and benefits of integrating divers paradigms. New directions for Program evaluation, no 74. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997, pp. 5–18.
322. Greenwood J.D. Explanation and experiment in social psychological science: Realism and the social constitution of action. – NY: Springer-Verlag, 1989. – 260 p.
323. Griggs R. A., Randsell S. E. Scientists and the selection task. // *Social Studies of Science*, 1986,16, 319–330.
324. Grunbaum A. Precis of The foundation of psychoanalysis: A philosophical critique. // *Behavioral and Brain sciences*, 1986, Vol. 9, pp. 217–284.
325. Grunbaum A. The foundation of psychoanalysis: A philosophical critique. – Berkeley: University of California Press, 1984. – 230 p.
326. Guba E. The paradigm dialog. – Beverly-Hills, CA: Sage Publications, 1990. – 424 p.
327. Guerriere D. “Physis, Sophia, Psyche”, In J. Sallis and K. Maly (eds.), *Heraclitean Fragments: A Companion Volume to the Heidegger / Fink Seminar on Heraclitus*. – Alabama, CA: University of Alabama Press, 1980, pp. 78–102.
328. Guidano, V.F. Complexity of the Self: a Developmental Approach to Psychopathology and Therapy. – NY.: Guilford, 1987- 27 p.*
329. Guidano V.F., Liotti G.A. Cognitive Processes and Emotional Disorders. – N.Y.: Guilford, 1983. – 320 p.
330. Habermas J. Knowledge and Human Interests. – Boston: Beacon Press, 1971. – 356 p.
331. Hall, C., S., Lindsey, G. Theories of Personality. – NY: Wiley & Sons, 1998. – 740 p.
332. Halliday S. & Leslie J.C. A longitudinal semi-cross-sectional study of the development of mother-child interaction. // *British Journal of Developmental Psychology*, 1986, Vol. 4, no 3, pp. 221–32.
333. Harre R. Personal Being. – Cambridge, MA; Harvard University Press, 1984. – 299 p.
334. Harre R. Physical Being. – Oxford: Basil Blackwell, 1991. – 265 p.
335. Harre R. Social being, 2nd ed. – Oxford, UK: Blackwell, 1993. – 288 p.
336. Harre R. The philosophies of science. 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 1985. – 203 p.
337. Harre R. An introduction to the logic of the sciences. – 2nd ed. London : Macmillan, 1983. – 182 p.

- 110 Hare P. The principles of scientific thinking. – London, Macmillan, 1970. – 214 p.
- 110 Hare P. A method of Realism. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 214 p.
- 110 Hare P. The positivist-empiricist approach and its alternative. // Bacon P. and Rowan, J. (Eds.) Human inquiry: A sourcebook of new paradigm research. – Chichester: Wiley, 1981, pp. 20–48.
- 111 Hare P. The epidemiology of social representations / In U. Flick (Ed.), The psychology of the social. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. pp. 119–137.
- 111 Hare P. An outline of the main methods for social psychology / In: Hare P. (Ed.) Doing qualitative analysis in psychology. 2nd ed. – Hove, Lawrence Erlbaum Psychology Press, 1998, pp. 17–38.
- 111 Hare P. The dramatic mind. – Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1991. – 191 p.
- 111 Hare P. An introduction to the logic of the science. – NY: St. Martin's Press, 1953. – 187 p.
- 111 Hare P. Laws of nature. – London: Duckworth, 1993. – 128 p.
- 111 Hare P. The method of science. – London: Wykeham, 1970. – 123 p.
- 111 Hare P. A method of theorizing and the project of psychology // Theory & Psychology, 2000, Vol. 10, N 1, pp. 57–62.
- 111 Hare P., Landy R. (Eds.) The Encyclopedic dictionary of psychology. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983. – 718 p.
- 111 Hare P., Landenhove L. Rethinking methods in psychology. – London: Sage Publications, 1995. – 214 p.
- 111 Hare P., Landenhove L. Rethinking psychology. – London: Sage Publications, 1995. – 246 p.
- 111 Hare P., Landenhove L. Positioning theory. – London: Blackwell Publishers, 1999. – 246 p.
- 111 Hare P., Secord P. The explanation of social behavior. – Oxford, Blackwell, 1972. – 327 p.
- 111 Hare P., Secord P. Discursive psychology in practice. – London: Sage Publications, 1995. – 221 p.
- 111 Hatfield E., Walker G.W. A New Look at Love. – Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1981. – 126 p.
- 111 Hawes L. Positioning a dialogic reflexivity in the practice of feminist supervision. // In: B.M. Bayer, J. Shotter (Eds.), Reconstructing the psychological subject: Bodies, practices and technologies. – London: Sage Publications, 1998. 91–110.
- 111 Hare P. (Ed.) Doing qualitative analysis in psychology. 2nd ed. – Hove, Lawrence Erlbaum Psychology Press, 1998. – 295 p.
- 111 Hare P. Principles of social psychology. – Hove: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. – 168 p.

358. Heath A.W. The proposal in qualitative research // The Qualitative Report [On-line serial]. 1997, Vol. 3, N 1. Available: <http://www.nova.edu/ssw/QR/QR3-1/heath.html>.
359. Heather N. Radical Perspectives in Psychology. – London: Methuen, 1976. – 206 p.
360. Heelan P. A. Towards a hermeneutics of natural science // The journal of British Society for phenomenology. – 1972, Vol. 3, pp. 252–285.
361. Hekman S.J. Gender and knowledge: Elements of postmodern feminism. – Boston: Northeastern University press, 1999. – 240 p.
362. Hermans H.J.M. Value crises: Affective organization of personal meanings // Journal of Research in Personality, 1996, Vol. 30, pp. 457–482.
363. Heider F. The psychology of interpersonal relations. – NY: Wiley, 1958. – 420 p.
364. Hesse. M. B. Models and analogies in science. – Notre Dame, IN.: University of Notre Dame Press, 1966. – 184 p.
365. Hewstone M., Stroebe W., Stephenson G.M. [Eds.] Introduction to social psychology. 2nd ed. – London: Blackwell Publishers, 1996. – 698 p.
366. Hinds, P., Young, K. A Triangulation of Methods and Paradigms to Study Nurse-Given Wellness Care. // Nursing Research, 1987, Vol. 36, no 3, pp. 184–202.
367. Hoffman R.R., Cochran E.L., Nead J.M. Cognitive metaphors in experimental psychology / In: D.E. Leary (Ed.), Metaphors in the history of psychology. – NY: Cambridge University Press, 1992, pp. 173 – 229.
368. Hogg M.A., Vaughan G.M. Social psychology: An introduction. – London: Prentice Hall, 1995. – 663 p.
369. Hollis, M. Philosophy of Social Science. / In N. Bunnin and E.P. Tsui-James. The Blackwell Companion to Philosophy. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996, pp. 359–387.
370. Hollway W. Subjectivity and method in social psychology: gender, meaning, and science. – London: Sage Publications, 1989. – 150 p.
371. Holt, R.R. The current status of psychoanalytic theory. // Psychoanalytic Psychology, 1985, Vol. 2, pp. 289–315.
372. Holzman, P. Psychoanalysis: Is the therapy destroying science? // Journal of the American Psychoanalytic Association, 1985, Vol. 33, pp. 725–770.
373. Hoover K.R. The Elements of Social Scientific Thinking. 2nd ed. – NY: St. Martin's, 1980. – 164 p.
374. House, J.S. The Three Faces of Social Psychology, // Sociometry, 1977, Vol. 40, no. 2, pp. 161–177.
375. Hothersall D. History of psychology. – NY: McGraw-Hill, 1995. – 610 p.
376. Hyman I.E.Jr. Multiple approaches to remembering. // The Psychological Review, 1992, Vol. 5, no 10 (October), pp. 38–53.

177. Johnson-Laird, P. N. Mental models. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. – 220 p.
178. Jones, E. Mixing Qualitative and Quantitative Methods in Sports and Coaching. // The Qualitative Report, 1997. Vol. 3, no 4. – December. <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR3-4/jones.html>.
179. Kaplan, A. The Conduct of Inquiry: Methodology for behavioral science. – New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1998. – 428 p.
180. Leifer, H.H. Attribution Theory in Social Psychology. / In: D. Levine (Ed.). Nebraska Symposium on motivation, Vol. 15. – Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1967, pp. 192–238.
181. Kendler H.H. Historical foundations of modern psychology. – Pacific Grove, Calif.: Brooks-Cole, 1987. – 477 p.
182. Kendler, D., Heineberg, S. and Cialdini, R. Social psychology: Unraveling the mystery. – NY: Allyn & Bacon, 1999. – 648 p.
183. Kern, E. H., Murek, H. L., and Hinshaw, V. G. Scientists' understanding of propositional logic: An experimental investigation. // Social Studies of Science, 1983. Vol. 13, pp. 131–146.
184. Kitchin, H., McLaren P.L. Re-thinking critical theory and qualitative research. In Denzin and Lincoln "The Handbook of qualitative research", London: Sage Publications, 1994, pp. 138–157.
185. King, A. The Life, Masculinity and the new consumption of football. // Sociology, 1997. Vol. 31, no. 2, pp. 329–346.
186. Kuhn, P. Kuhnbaum's philosophical critique of psychoanalysis: Or what I can know and knowlege. Behavioral and Brain Sciences, 1986, Vol. 9, pp. 11–16.
187. Kuhlmann, H. [Ed.]. Phenomenological psychology: The Dutch school. Dordrecht: Delfhoff, 1987. – 255 p.
188. Kohlberg, L. The philosophy of moral development: moral stages and the concept of justice. Ed. ed. – San Francisco: Harper & Row, 1981. – 441 p.
189. Kohlberg, L. The psychology of moral development: the nature and validity of moral stages. 1st ed. – San Francisco: Harper & Row, c1984. 280 p.
190. Loftus, E.F. Illusions of reality: A history of deception in social psychology. State University of New York Press, 1997. – 256 p.
191. Meeus, D. Personality and social psychology: Toward synthesis. Sage Publications, 1992. – 278 p.
192. Miller, E. S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: University of Chicago Press, 1970. – 210 p.
193. Miller, E. Second Thought Paradigms. / In: Suppe, F. (Ed.), The Structure of Scientific Theories. – London: University of Illinois Press, 1974. pp. 119–137.

394. Kvale. S. (Ed) *Psychology and postmodernism*. -- London: Sage Publications, 1997. -- 230 p.
395. Kvale S. Introduction: From the archeology of the psyche to the architecture of cultural landscapes / In: Kvale. S. (Ed) *Psychology and postmodernism*. -- London: Sage Publications, 1997. pp. 1-16.
396. Kvale S. Postmodern psychology: A contradictions in terms? / In: Kvale. S. (Ed) *Psychology and postmodernism*. -- London: Sage Publications, 1997, pp. 31-57.
397. Lakatos, I. *The methodology of scientific research programs*. -- NY: Cambridge University Press, 1978. --250 p.
398. Laljee M. The interpreting self: an experimentalist perspective / In: Stevens R. (Ed.) *Understanding the self*. -- London: Sage Publication, 1996, pp. 89-146.
399. Lamiell J.T. 'Nomothetic' and 'idiographic': Contrasting Windelband's understanding with contemporary usage // *Theory & Psychology Journal*, 1998, Vol. 8, N 1, pp. 23-38.
400. Lather P. Postmodernism and human sciences / In: Kvale, S. (Ed) *Psychology and postmodernism*. -- London: Sage Publications, 1997, pp. 88-118.
401. Latour, B. *Science in action: How to follow scientists and engineers through society*. -- Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. -- 220 p.
402. Latour B., Woolgar S. *Laboratory life: The construction of scientific facts* -- Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986 -- 146 p.
403. Laudan, L. *Progress and its problems: Towards a theory of scientific growth*. -- Los Angeles: University of California Press, 1996. -- 277 p.
404. Lazarus, A.A. Different types of eclecticism and integration: Let's be aware of the dangers. // *Journal of Personality integration*, 1995, Vol. 5, no 1, pp. 27-39.
405. Leahey, T.H. *A history of modern psychology*. 2th ed. -- Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1994. -- 389 p.
406. Leary D. Psyche's muse: the role of metaphor in the history of psychology / In: D.E. Leary (Ed.), *Metaphors in the history of psychology*. -- NY: Cambridge University Press, 1992, pp. 1 - 78.
407. Leary D. Metaphor. Theory. and practice in the history of psychology / In: D.E. Leary (Ed.), *Metaphors in the history of psychology*. -- NY: Cambridge University Press, 1992, pp. 357 - 368.
408. Leary D. (Ed.) *Metaphors in the history of psychology*. -- Cambridge: Cambridge University Press, 1992. -- 383.
409. Levy D. *Tools of critical thinking: Metathoughts for psychology*. NY: Allyn & Bacon, 1997. -- 224 p.

- 100 Levin L. Field Theory in Social Science. -- NY: Harper & Brothers, 1936. -- 346 p.
- 411 Levin L. Principles of Topological Psychology. -- NY: McGraw-Hill, 1936. -- 331 p.
- 412 Levin L.P., B. Dardenne. Basic concepts and approaches in social cognition. In: M. Hewstone, W. Stroebe, and G.M. Stephenson (Eds.). Introduction to social psychology. -- London: Blackwell Publishers, 1996. pp. 109-134.
- 413 Lincoln Y. S., Guba, E. G. Naturalistic inquiry. -- Beverly Hills, CA: Sage, 1985. -- 186 p.
- 414 Lipman M. Thinking and education. -- Cambridge: Cambridge University Press, 1993. -- 346 p.
- 415 Littlejohn S.W. Theories of communication. 4th edition. -- Belmont, Calif.: Wadsworth Publishing Company, 1994. -- 417 p.
- 416 Locke L. Postmodern and subjectivity / In: Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. -- London: Sage Publications, 1997, pp. 119-134.
- 417 Luntz M. Contemporary Philosophy of Thought: Truth, World, and Content. -- Oxford: Blackwell Publishers, 1999. -- 398 p.
- 418 Lyotard J. F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. -- Manchester: Manchester University Press, 1984. -- 110 p.
- 419 Ma H. The Chinese perspective on moral judgment. // International Journal of Psychology, 1988, Vol. 23, 201-27.
- 420 Markova L. The individual and society in psychological theory // Theory of Psychology, 2000, Vol. 10, no 1, pp. 107-116.
- 421 Madison G.W. The hermeneutics of postmodernity: Figures and themes. -- Bloomington: Indiana University press, 1990. -- 206 p.
- 422 Mail, D. Benefits of Qualitative and Quantitative methods in program evaluation with illustrations. // Educational Evaluation and Policy Analysis, 1999, Vol. 4, pp. 223-236.
- 423 Magnusson D. Personality development from interactional perspective: The need to integrate perspectives and approaches in psychology / In: Pervin L. A. (Ed.) Handbook of personality theory and research. -- NY: Guilford Press, 1990, pp. 195-223.
- 424 Maloney M. E. Publication prejudices: An experimental study of the confirmation bias in the peer review system. // Cognitive Therapy and Research, 1977, Vol. 1, no 2, pp. 161-175.
- 425 Maloney M. E. Scientist as Subject: The psychological imperative. -- Cambridge, MA: Ballinger Publishers, 1976. -- 249 p.
- 426 Maloney M. E., De Monbruen, B. G. Psychology of the scientist: An analysis of problem solving bias. // Cognitive Therapy and Research, 1978, Vol. 2, no 3, pp. 229-238.

427. Manstead, A.S.R and Hewstone, M. (Eds.). *The Blackwell Encyclopedia of Social Psychology*. – London: Blackwell, 1999. – 694 p.
428. Maranhoe T. Reflection, dialogue, and the subject / In: F. Steier (Ed.), *Research and reflexivity*. – London: Sage Publication, 1991, pp. 235–249.
429. Markowsky, B. Evolution and nebulousness in theories. // *Current research in psychology*, 1997, Volume 2, Number 3, pp. 23 – 34.
430. Markowsky, B. Theory, science, and “micro-macro” bridges in structural social psychology. // *Current research in social psychology*, 1996, Vol. 1, no 4, pp. 30 – 42.
431. Maruyama, M. Beyond post-modernism: trends since 1000 years. // *Cybernetica*, 1997, Vol. XL, № 3, pp. 171 – 178.
432. Masling J. Role-related behaviour of the subject and psychologist and its effect upon psychological data. In: Levine D. (ed.) *Nebraska Symposium on Motivation*. – Lincoln, Neb.: University of Nebraska Press, 1966, pp. 234–268.
433. May R. *The discovery of being: Writings in existential psychology*. – NY: Norton, 1983. – 192 p.
434. Mayer, F.S., Sutton, K. *Personality: An integrative approach*. – London: Prentice-Hall, 1996. – 620 p.
435. McAdams D.P. *The person: An introduction to personality*. – NY: Harcourt, 1994. – 798 p.
436. McAdams D.P. Alternative futures for the study of human individuality // *Journal of Research in Personality*, 1996, Vol. 30, pp. 374 – 388.
437. McClelland D.C. Does the field of personality have a future? // *Journal of Research in Personality*, 1996, Vol. 30, pp. 429 – 434.
438. McClure, J. *Explanations, accounts, and illusions: A critical analysis*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 188 p.
439. McCormac, E.R. Metaphor and Pluralism // *The Monist*, 1990, p. 412 – 432.
440. McDonagh, E. L. Attitude change and paradigm shifts: Social psychological foundations of the Kuhnian thesis. // *Social Studies of Science*, 1976, Vol. 6, 51–76.
441. McKinlay A., Potter J. Model discourse: Interpretative repertoires in scientists’ conference talk // *Social Studies Of Science*, 1987, Vol. 17, pp. 443 – 463.
442. McReynolds P. Motives and metaphors: a study in scientific creativity / In: D.E. Leary (Ed.), *Metaphors in the history of psychology*. – NY: Cambridge University Press, 1992, pp. 133 – 172.
443. Mead, G.H. *Mind, Self and Society*. – Chicago: University of Chicago Press, 1974. – 401 p.
444. Medawar, P.B. *The Limits of Science*. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 108 p.

- Michael I. M. Postmodern subjects: Towards a transgressive social psychology. In: Kvale, S. (Ed) *Psychology and postmodernism*. — London: Sage Publications, 1997, pp. 74 – 87.
- Michael I. M. Rethinking psychology and rethinking 'new-ness' // *Theory and Psychology Journal*, 1998, Vol. 8, N 3, pp. 423 – 434.
- Michael I. Dutton, R. [Eds.] *Social interaction and personal relationships*. — London: Sage Publications, 1996. — 380 p.
- Michael I. Dutton, R. Introduction: exploring interactions and relationships
- Michael I. Dutton, R. [Eds.] *Social interaction and personal relationships*. — London: Sage Publications, 1996, pp. 1 – 23.
- Michael I. Dutton, R. Examining the wider context of social relationships
- Michael I. Dutton, R. [Eds.] *Social interaction and personal relationships*. — London: Sage Publications, 1996, pp. 214–266.
- Michael I. Dutton, R. Wetherell, M. *Doing social psychology*. — London: Sage Publications, 1998. — 330 p.
- Miller, A. G. Imagery, metaphor, and physical reality. // *Psychology of science: Contributions to metascience*. — Cambridge, 1989, p. 326–341.
- Miller, J. G., Bersoff, D.M., Harwood R.L. Perception of social responsibility in India and the United States: Moral imperative or personal decision? // *Journal of personality and Social Psychology*, 1990, Vol. 58, 33–42.
- Miller, A. G. *Imagery in scientific thought*. — Boston, MA: MIT Press, 1991. — 100 p.
- Michael, S. A. *Relational concepts in psychoanalysis: integration*. — Cambridge: Harvard University Press, 1988. — 420 p.
- Michael W. Introduction to personality. — NY: Harcourt, 1993. — 627.
- Mitchell, T. Multiple Triangulation: A methodology for nursing science. // *Advances in Nursing Science*, 1986, Vol. 8, pp. 18–26.
- Mittelman, J. E., Edmann, R. H. Systematic knowledge: Toward an integrated theory of science. // *Theory and Society*, 1977, Vol. 4, pp. 101–109.
- Murawski, J. C. Just one more "other" psychology // *Theory & Psychology*, 1991, Vol. 10, no 1, pp. 63–70.
- Nunan, C., Smurchik, J. The case for qualitative research. // *Academy of Management review*, 1980, Vol. 5, pp. 491–500.
- Organ, H. Thoma, K. A psychodynamic perspective on group processes
- Organ, H. M. Identities, groups, and social issues. — London: Sage Publications, 1996. pp. 63–118.
- Patton, J. Approaches to Qualitative-Quantitative Methodological Manipulation. // *Thuring Research*, 1991, Vol. 40, no 1, pp. 120–128.

462. Morse N.C., Reimer E. The experimental change of a major organizational variable. // *Journal of abnormal social psychology*. 1956, Vol. 52, pp. 120–129.
463. Moscovici S. The phenomenon of social representation. / In R.M. Farr and S. Moscovici (Eds.), *Social Representations*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984, pp. 14–43.
464. Moscovici S. The history and actuality of social representations / In U. Flick (Ed.). *'The psychology of the social'*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 209–247.
465. Moustakas C. *Phenomenological research methods*. – Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1994. – 192 p.
466. Mynatt, C. R., Doherty, M. E., and Tweney, R. D. Confirmation biases in a simulated environment: An experimental study of scientific inference // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 1977, Vol. 29, pp. 85–95.
467. Nau D.S. Can bimodal research be a viable post-positivist tool? // *The qualitative Report*, 1995, Vol. 2, no 3, [On-line serial], 1997, Vol. 3, no 3, Available: <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR2-3/heath.html>.
468. Neimeyer, R. A., Shadish, W. R., Freedman, E. G., Houts, A., & Gholson, B. A preliminary research agenda for the psychology of science. / In B. Gholson, W. R. Shadish, R. A. Neimeyer, & A. C. Houts. (Eds.), *Psychology of Science: Contributions to Metascience*. – NY: Cambridge University Press, 1989, pp. 429–448.
469. Nickles A. Integrating the science studies disciplines. / In S. Fuller, M. De Mey, T. Shinn, & S. Woolgar, (Eds.), *The cognitive turn: Sociological and psychological perspectives on science*. – Boston: Kluwer, 1989, pp. 225–256.
470. Nisbet R. Ethnocentrism and comparative method. // In A. Desai (ed.) *Essays on modernization of underdeveloped societies* – Bombay: Thacker, 1971, Vol. 1, pp. 95 –114.
471. Nisbett R., Ross L. *Human inference: Strategies and shortcomings*. — New Jersey, 1980. – 334.
472. Norcross, J.C., and Grencavage, L.M. Eclecticism and integration in counselling and psychotherapy: major themes and obstacles / In: W. Dryden and J.C. Norcross (Eds.), *Eclecticism and Integration in Counselling and Psychotherapy*. – Loughton, Essex: Gale Centre, 1990, pp. 1–33.
473. Orne M.T. On the social psychology of the psychological experiment: with particular reference to demand characteristics and their implications. *American Psychologist*, 1962, Vol. 17, pp.776–783.
474. Ortony, A. (Ed.) *Metaphor and thought*. –Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 346 p.

- Crabtree, C. E. The representational model and relevant research methods. // *Trends in content analysis*. - Urbana, 1959, pp.33-88.
- Campbell, Schultz W. *Applied social psychology*. - London: Prentice Hall, 1993. - 150 p.
- Casson, W. F. Metaphor, recursive systems, and paradox in science and developmental theory / In P.V. Geert and L.P. Mos (Eds.), *Annals of theoretical psychology*, 1991, Vol. 7. - NY: Plenum press, pp. 261-277.
- Chaitin, G. R. The creation of theory: A recent application of the grounded theory method. // *The qualitative report*, 1996, Vol. 2, no 4. [Online serial] 1996, Vol. 2, no 4. Available: <http://www.nova.edu/ssw/Chaitin/Chaitin.html>.
- Patton, M. *De course dynamics: Critical analysis for social and individual psychology*. - London: Routledge, 1992. - 380 p.
- Patton, M., Shotton, J. *Deconstructing social psychology*. - London: Routledge, 1990. - 249 p.
- Patton, M. *Qualitative Evaluation and Research Methods*. - Newbury Park, Calif. Publications, 1990. - 464 p.
- Peplau, A., Taylor S.E. *Sociocultural perspectives in social psychology: Current evidence*. - London: Prentice Hall, 1997. - 411 p.
- Pervin, L. A. (Ed) *Goal concepts in personality and social psychology*. - Hillsdale, N. J. L. Erlbaum Associates, 1989. - 509 p.
- Pervin, L. A. (Ed) *Handbook of personality: Theory and research*. - NY: Guilford Press, 1990. - 738 p.;
- Pervin, L. A. *Science of personality*. - NY: John Wiley & Sons, 1996. - 480 p.
- Pervin, L. A. *Personality: A view of the future based on a look of the past* // *Journal of Research in Personality*, 1996, Vol. 30, pp. 300-318.
- Pervin, L. A. *Personality theories*. - NY: Guilford Press, 1998. - 678 p.
- Polgar, G., Henwood K. Using grounded theory in psychological research. In: Hayes, N. *Doing qualitative analysis in psychology*. - Hove, East Sussex: Psychology Press, 1998, pp. 245-274.
- Plomin, R., Chipuer H.M., Loehlin J.C. Behavioral genetics and personality // In L. A. Pervin (Ed) *Handbook of personality: Theory and research*. - Guilford Press, 1990, pp. 225-243.
- Plomin, R. *Genetic science* // *Encounter*, 1972, Vol. 20, no 65, pp. 201-211.
- Postmodernism D.E. Postmodern epistemology of practice / In.: S. Bialek (Ed) *Psychology and postmodernism*. - London: Sage Publications, 1996, pp. 116-163.
- Pollock, P., Hodge, T.B., Thompson C.J. *The phenomenology of everyday*. - Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997. - 400 p.
- Postmodernism D.E. Social representations and discursive psychology / In: *Postmodernism D.E. Identities, groups, and social issues*. - London: Sage Publications, 1996, pp. 119-174.

494. Potter, J. Wetherell M. Discourse and social psychology. – Beverly Hills, CA: Sage, 1987. – 216 p.
495. Potter, J. Wetherell M. Social representations, discourse analysis, and racism / In: U. Flick (Ed.). 'The psychology of the social'. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. pp. 129–137.
496. Pribram K.H. From metaphors to models: the use of analogy in neuropsychology / In: D.E. Leary (Ed.), Metaphors in the history of psychology. – NY: Cambridge University Press, 1992. pp. 79–103.
497. Purkhard C.S. Transforming social representations: A social psychology of common sense and science. – London: Routledge, 1994. – 207 p.
498. Putnam H. Reason, truth and history. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 222 p.
499. Rahilly D.A. A phenomenological analysis of authentic experience // Journal of Humanistic Psychology, 1993, Vol. 33, no. 2, pp. 49–71.
500. Reason P., Rowan J. Human inquiry: A sourcebook of new paradigm research. – Chichester: John Wiley, 1981. – 228 p.
501. Reber, A.S. The Penguin dictionary of psychology. – London: Penguin Books, 1995. – 880 p.
502. Reck A.J. An Historical Sketch of Pluralism. // The Monist, 1990, 73, 367–387.
503. Richer P. An introduction to deconstructionist psychology / In: Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997. pp. 110–118.
504. Ricouer, P. Freud and philosophy: An essay on interpretation. New Haven, CT: Yale University Press, 1971. – 164 p.
505. Ricouer P. The rule of metaphor. – Toronto: University of Toronto Press, 1977. – 320 p.
506. Ricouer P. Hermeneutics and the human sciences. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 346 p.
507. Ricouer P. On interpretation / In: Montefiore A. [Ed.], Philosophy in France today. – Cambridge Eng.: Cambridge University Press, 1983. – 320.
508. Robinson D.N. Paradigms and 'the myth framework': How science progress // Theory & Psychology, 2000, Vol. 10, no 1, pp. 39–48.
509. Robson, C. Real world research: A resource for social scientists and practitioner-researchers. 8th ed. – Oxford: Blackwell, 1998. – 510 p.
510. Rogers C.R. Client-centred therapy: its current practice, implications and theory. – Boston: Houghton Mifflin, 1951. – 560 p.
511. Rogers C.R. A theory of therapy, personality, and interpersonal relationships, as developed in the client-centred framework / In: Koch (Ed.), Psychology: A study of science, Vol. III. Formulations of person and the social context. – NY: McGraw-hill, 1959. pp. 146–210.

- 410 Deegan C.R. On becoming a person. - Boston: Houghton Mifflin, 1961. - 300 p.
- 411 Deegan C.R., Stenner P., Gleeson K., Rogers W.S. Social psychology: A critical agenda. - Cambridge, UK: Polity Press, 1995. - 306 p.
- 412 Deekenberg M.J. The conditions and consequences of evaluation apprehension. - In: R. Rosenthal and R.L. Rosnow (eds.), *Artefacts in behavioural research*. - N.Y.: Academic Press, 1969, pp. 143-168.
- 413 Deenital R. Experimental effects in behavioural research. - N.Y.: Hoxmoton, 1976. - 230 p.
- 414 Deenital R., Rosnow R.L. The volunteer subject. - N.Y.: Wiley, 1975. - 111 p.
- 415 Deenwald G. A theory of multiple case researches. // *Journal of Personality*. 1988, Vol. 56, pp. 239-264.
- 416 Deenman G.B., Wilson B.L. Numbers and words revised: Being 'shamelessly selective'. - *Quality and Quantity*, 1994, Vol. 28, pp. 315-327.
- 417 Deenham M., Taylor M. Category labels and social reality: do we view social categories as natural kinds? / In: G.M. Semin and K. Fiedler (Eds.), *Language, interaction and social cognition*. - London: Sage Publications, 1997. - 11-36.
- 418 Deenham E.E. Life as embodied art: The second stage - beyond constructionism / In: B.M. Bayer, J. Shotter (Eds.), *Reconstructing the psychological subject: bodies, practices and technologies*. - London: Sage Publications, 1998, pp. 21-32.
- 419 Deenke H. Rationality, relativism and incommensurability. - Ashgate: Aldershot, 1997. - 210 p.
- 420 Deenford R., Still A., Wetherell M., Miell D., and Stevens R. (Eds.) *Theory and social psychology*. - London: Sage Publications, 1998. - 215 p.
- 421 Deenford R., Dallos R. Resisting social psychology / In: Sapsford R., Still A., Wetherell M., Miell D., and Stevens R. (Eds.) *Theory and social psychology*. - London: Sage Publications, 1998, pp. 191-208.
- 422 Deenham E.E. Metaphors of unwanted conduct / In: D.E. Leary (Ed.), *Metaphor in the history of psychology*. - NY: Cambridge University Press, 1997. - pp. 300-330.
- 423 Deenham E. Elements of Theoretical Analysis in Sociology. In Liewellyn (Directed) *Sociological Theory: Inquiries and Paradigms*. - NY: Harper Row, 1967. - pp. 34-76.
- 424 Deenham W., O'Leary S. Social Psychology: An applied perspective. - London: Prentice Hall, 1997. - 224 p.
- 425 Deenham E.E., Smith E.E., and Sprenkle D.H. Integrating qualitative and quantitative research methods: A research model // *Family Process*, 1997, Vol. 36, no. 2, pp. 199-218.

528. Semin, G.R., Gergen, K.J. Everyday understanding: Social and scientific implications. – London: Sage, 1990. – 240 p.*
529. Shoda Y., Mischel W. Toward unified, intra-individual dynamic conception of personality // *Journal of Research in Personality*, 1996, Vol. 30, pp. 414–428.
530. Shotter J. "Getting in touch": The meta-methodology of a postmodern science of mental life / In: Kvale, S. (Ed) *Psychology and postmodernism*. – London: Sage Publications, 1997, pp. 58–72
531. Siegel, H. «Epistemology, Critical Thinking, and Critical Thinking Pedagogy» // *Argumentation*, Vol. 3, № 2, 1989, pp. 127–140.
532. Sim Q.E., Tanzer N.K. Cultural diversity and European integration: Abstracts of joint European conference of the International Association for Cross-Cultural Psychology (IACCP) and the International Test Commission (ITC). – Graz: Karl-Franzens-University of Graz Press, 1999. – 136 p.
533. Simpson J.A., Kenrick D.T. (Eds.) *Evolutionary social psychology*. – Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. – 424 p.
534. Smith L.D. Metaphors of knowledge and behavior in the behaviorist tradition / In: D.E. Leary (Ed.), *Metaphors in the history of psychology*. – NY: Cambridge University Press, 1992, pp. 239 – 266.
535. Smith, P.B., Bond, M.H. *Social psychology across cultures Analysis and perspectives*. – London: Harvester Wheatsheaf, 1998. – 401 p.
536. Spence, D.P. Narrative truth and historical truth: Meaning and interpretation in psychoanalysis. – NY: Norton, 1982. – 320 p.
537. Spence J.T. Janet Taylor Spence, 1923 / In: A.N. O'Connell, N.F. Russo (Eds.), *Models of achievement: reflections of eminent women in psychology*. Vol. 2. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988, pp. 189–204.
538. Sperber D., Premack D., Premack A.J. [Eds.]. *Causal cognition: a multi-disciplinary approach*. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – 670 p.
539. Spinelli, E. *Demystifying Therapy*. – London: Constable, 1994. – 420 p.
540. Spinelli, E. The Existential-Phenomenological Paradigm. / In: Woolfe, R., and Dryden, W. (Editors). *Handbook of Counseling Psychology*. London: Sage, 1996, pp. 180–200.
541. Spinelli, E. *The Interpreted World: an Introduction to Phenomenological Psychology*. – London: Sage, 1989. – 240 p.
542. Stam H.J., I. Lubek, H.L. Rodtke. Repopulating social psychology texts: disembodied "subjects" and embodied subjectivity / In: B.M. Bayer, J. Shotter (Eds.), *Reconstructing the psychological subject: bodies, practice and technologies*. – London: Sage Publications, 1998, pp. 153 – 186.
543. Stam H.J., T.B. Rogers, K.J. Gergen (Eds.) *The Analysis of psychological theory: metapsychological perspectives*. – Washington: Hemisphere Pub. Corp., 1987. – 318 p.

441. Gergen E. How to think straight about psychology. – NY: Allyn & Bacon, 1998. – 240 p.
442. Gergen E. (Ed.). Research and reflexivity. – London: Sage Publication, 1994. – 184 p.
443. Gergen E. (Ed.). Understanding the self. – London: Sage Publication, 1996. – 376 p.
444. Gergen E. Introduction: making sense of the person in a social world / In: Gergen R. (Ed.) Understanding the self. – London: Sage Publication, 1996. pp. 1–34.
445. Gergen E. Dimensions for distinguishing between theories in social psychology. In: Sapsford R., Still A., Wetherell M., Miell D., and Stevens R. (Eds.) Theory and social psychology. – London: Sage Publications, 1998. pp. 45–64.
446. Gergen E. The reflexive self: an experiential perspective / In: Stevens R. (Ed.) Understanding the self. – London: Sage Publication, 1996. pp. 147–218.
447. Gergen R., Wetherell M. The self in the modern world: drawing together the threads / In: Stevens R. (Ed.) Understanding the self. – London: Sage Publication, 1996. pp. 339–368.
448. Gergen E. Unimodal theory as a model for interrelating perspectives in psychology. In: Sapsford R., Still A., Wetherell M., Miell D. and Stevens R. (Eds.) Theory and social psychology. – London, Sage, 1998. pp. 75–83.
449. Gergen E. Introduction: making sense of the person in social world. / In: Gergen E. (Ed.) Understanding the self. London: Sage Publications, 1996. pp. 1–34.
450. Hill A. Historical origin of social psychology / In: Sapsford R., Still A., Wetherell M., Miell D., and Stevens R. (Eds.) Theory and social psychology. – London: Sage Publications, 1998. pp. 19–40.
451. Hill A. The once of meaning / In: Sapsford R., Still A., Wetherell M., Miell D. and Gergen R. (Eds.) Theory and social psychology. – London: Sage Publications, 1998. pp. 85–98.
452. Hirsch A.L., Corbin J. Basics of qualitative research. – Newbury Park, CA: Sage, 1990. – 270 p.
453. Kuhn T. Developments in “Two Social Psychologies”: Toward an Appreciation of Mutual Relevance, // Sociometry, 1977, Vol. 40, no 4, pp. 143–160.
454. Kuhn T. (Ed.) The Structure of Scientific Theories. – NY: University of Illinois Press, 1974. – 660 p.
455. Kuhn T. Exemplars? Theories and Disciplinary Matrices. / In: Suppe, F. (Ed.) The Structure of Scientific Theories. – London: University of Illinois Press, 1974. pp. 483–499.

559. Sutton R. «The Right Method?» // *Inquiry: Critical Thinking Across the Disciplines*. 1992. Vol. 11, no. 1, pp. 12–15.
560. Taylor, C. Interpretation and the sciences of man / In P. Rabinow & W. M. Sullivan (Eds.). *Interpretive social science: A second look*. – Berkeley: University of California Press, 1987, pp. 33–38.
561. Tesser A. *Advanced social psychology*. – NY: McGraw-Hill, 1995. – 530 p.
562. Thomas K. The defensive self: a psychodynamic perspective / In Stevens R. (Ed.) *Understanding the self*. – London: Sage Publication, 1996, pp. 281–338.
563. Thomas K. The psychodynamics of relating / Miell D, Dallos R. [Eds.] *Social interaction and personal relationships*. – London: Sage Publications, 1996, pp. 157–212.
564. Thompson, L. A new look at social cognition in groups. – NY: Erlbaum, 1998. – 104 p.
565. Toates F. The embodied self: a biological perspective / In Stevens R. (Ed.) *Understanding the self*. – London: Sage Publication, 1996, pp. 35–88.
566. Toulmin S. The construal of reality: criticism in modern and postmodern science. // *Critical inquire*, 1982, Vol. 6, pp. 1–16.
567. Triandis H.C. *Culture and social behavior*. – NY: McGraw-Hill, 1994. – 330 p.
568. Tripp-Reimer T. Combining qualitative and quantitative methodologies / In: M.M. Leininger (Ed.), *Qualitative research methods in nursing*. – Orlando, FL: Grune & Stratton, 1985, pp. 179 – 194.
569. Tracy K. *Analyzing context*. – NY: Erlbaum, 1998. – 155 p.
570. Trochim, W. *Designing Designs for Research. The Researcher*, 1(1) 1989, pp. 195–200.
571. Tsourvakas G. Multi-visual qualitative method: Observing social groups in mass media // *The Qualitative Report* [On-line serial], 1997, Vol. 3, no. 3, Available: <http://www.nova.edu/ssw/QR/QR3-3/heath.html>.
572. Tversky A., Kahneman D. Judgement under uncertainty: heuristics and biases // *Science*, 1974, Vol. 185, pp. 1124 – 1131.
573. Van Dijk T.A. (Ed.). *Discourse as social interaction: Discourse studies: a multidisciplinary introduction*. Vol. 2. – London: Sage Publications, 1997. – 324 p.
574. Van Dijk T.A. (Ed.). *Discourse as structure and process: Discourse studies: a multidisciplinary introduction*. Vol. 1. – London: Sage Publications, 1997. – 356 p.
575. Van Geert P, Mos L.P. (Eds.) *Annals of theoretical psychology*, Vol. 1. – London: Plenum Press, 1991. – 469 p.
576. Van Hezewijk R. The century of theoretical psychology // *Theory of Psychology*, 2000, Vol. 10, no 1, pp. 99 – 108.

- Van Manen, M. Researching lived experience. – London, Ontario: The Athlone Press, 1990. – 368 p.
- Varela, W. A History of Psychology: Ideas and Context. – Boston: Allyn and Bacon, 1991. – 489 p.
- Wallerstein, R.S. One psychoanalysis or many? // International Journal of Psychoanalysis, 1988, 69, 5–22.
- Watson [1913] J.B. Psychology as the behaviorist views it. // Psychological Review, 1913, Vol. 20, pp. 158 – 177.
- Watson, J.A., Ball P.J., Carr S.C. Social processes as dynamical processes. Qualitative dynamical systems theory in social psychology / Current Research in Social Psychology, 1996, Vol. 1, no 7, pp. 60 – 68.
- Webster, J., Cook T.D. Subject effects in laboratory research: an examination of subject roles, demand characteristics and valid inference. // Psychological Bulletin, 1972, Vol. 77, pp. 273 – 95.
- Webster, M. The methodology of the social sciences (E.A. Shills & H.A. Fischhoff, tr.). NY: Free Press, 1949. – 284 p.
- Webster, J. Sensemaking in organization. – London: Sage Publication, 1993. – 286 p.
- Weston, M. Critical thinking: The great debate // Educational Theory, 1991, Vol. 41, no 1, pp. 1 – 16.
- Weston, M. Informal logic and applied epistemology. / In R. Johnson and J. Blum (Eds.) New essays in informal logic. – Windsor: Informal Logic, 1994, pp. 117 – 146.
- Wertheimer, M. Fundamental Issues in Psychology. – NY: Holt, Rinehart and Winston, 1977. – 326 p.
- Wertheimer, M. Humanistic Psychology and the Humane but Tough-minded Psychologist. // American Psychologist, 1978, Vol. 33, pp. 739 – 743.
- Willmott, T. Qualitative research methods: a review of major stages, methods, techniques, and quality controls. // Library and Information Science Research, 1994, Vol. 16, pp. 241 – 254.
- Witten, D. Psychoanalytic Approach to Personality. / In A. Pervin (ed.), Handbook of Personality: Theory and Research. – NY: Guilford Press, 1990, pp. 21 – 63.
- Wetherell, M. Identities, groups, and social issues. – London: Sage Publications, 1996. – 368 p.
- Wetherell, D., Maybin, L. The distributed self: a social constructionist perspective. In Maybin, R. (Ed.) Understanding the self. – London: Sage Publications, 1996, pp. 219 – 280.
- Wetherell, M., Hall, A. Pream and relativism / In: Sapsford R., Still A., Wetherell, M., Maybin, L. and Stevens R. (Eds.) Theory and social psychology. – London: Sage Publications, 1998, pp. 99 – 114.

594. Wildemuth, B.M. Post-positivist research: two examples of methodological pluralism. // *Library quarterly*. 1993, Vol. 63, pp. 450 – 468.
595. Wilson, T.D. Strangers to ourselves: The origins and accuracy of beliefs about one's own mental states. / In J.H. Harvey and G. Weary (eds.). *Attribution: basic issues and applications*. – Orlando: Academic Press, 1985, pp. 236 – 284.
596. Winter D. *Personality: Analysis and interpretation of lives*. – NY: McGraw-Hill, 1996. – 678 p.
597. Wiseman, J.P. *Stations of lost: The treatment of skid row alcoholics*. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1970. – 346 p.
598. Wolfinger N.H. The different voices of gender: Social recognition // *Current research in Social Psychology*. 1997, Vol. 2, no 6, pp. 50 – 65.
599. Woolfe, R., Dryden, W. (Eds.). *Handbook of Counseling Psychology*. – London: Sage, 1996. – 662 p.
600. Word C.H., Zanna M.P. & Cooper J. The non-verbal mediation of self-fulfilling prophecies in interracial interaction // *Journal of Experimental Social Psychology*, 1974, Vol. 10, pp. 109 – 20.
601. Wright G., Fowler C. *Investigative design and statistics*. – Penguin Books, England, 1986. – 273 p.
602. Wright, S. *Crowds and riots: a study in social organization*. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 1978. – 207 p.
603. Wyer R.S., Srull T. (Eds.) *Handbook of cognition*. Vol. 1. *Basic processes*. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1994. – 466 p.
604. Wyer R.S. [Ed.]. *Perspectives on behavioral self-regulation*. – NY: Erlbaum, 1999. – 250 p.
605. Yanchuk, V.A. Vigotsky and the problem of western and eastern psychology integration / *Abstracts of The 1996 annual Conference of the British Psychological Society*, 11–14 April. – Brighton, 1996, p. 31.
606. Yanchuk V.A. *Cross-cultural diversity: an integrative-eclectical approach*. Course reader. – University of Humberside Press, 1996. – 17 p.
607. Yanchuk V.A. *Social psychology: an integrative-eclectical approach*. Course Programme for social science specialization. – University of Humberside Press, 1996. – 17 p.
608. Yanchuk, V.A. *An integrative-eclectical approach to analyzing social psychological phenomena across cultures*. / *Extended abstracts of the XIV International Congress of the International Association for Cross-cultural Psychology*, august 3-8, 1998, Western Washington. – Western Washington: Western Washington University Press, 1998, – p. 131.
609. Yanchuk, V.A. *An integrative-eclectical approach to social representation analysis*. *Extended abstracts of the Fourth International Conference on Social Representation*, Mexico City, August 25–28, 1998.

- 010 Янчук, В. Methodological triangularity approach to cross-cultural phenomenon's analysis. / In: Sim, Q.E., Tanzer N.K. (Eds.), *Cultural diversity and European integration, Abstracts of Joint European Conference of International Association for Cross-Cultural Psychology and the International Test Commission, University of Graz, Austria, June 29 – July 1, 1999*. – Karl-Franzes Universität Press, 1999, pp. 134 – 135.
- 011 Янчук, В. Methodological triangularity approach to cross-cultural phenomenon's analysis. / In: Sim, Q.E., Tanzer N.K. (Eds.), *Cultural diversity and European integration*. – Graz: Karl-Franzes Universität Press, 1999, pp. 174–187.
- 012 Янчук, В.А. Agenda-setting interpretative frame in the structure of social thinking. In: *La pensee sociale: questions vives*. 29-30 avril et 1er mai 1999. – Montreal: Montreal: UQAM University Press, 1999, pp. 234–251.
- 013 Янчук, В.А. An integrative-eclectical approach to social psychological phenomenon's analysis across cultures. / In: W. Lonner (Ed.), *Psychology across cultures*. – Bellingham: Western Washington University Press, 1999, pp. 233 – 241.
- 014 Янчук, В.А. Agenda-setting interpretative frame in the structure of social thinking. In: *La pensee sociale: questions vives*. 29-30 avril et 1er mai 1999. – Montreal. Abstracts. – Montreal: UQAM University Press, 1999, p. 113.

Именной указатель

A

Achinstein · 24
 Adler · 113
 Allen · 50, 130, 204, 205,
 207
 Allport · 239
 Alpert · 188
 Andersen · 14, 35, 153, 208, 220
 Anderson · 152, 153, 226
 Antaki · 26, 45, 55, 98, 224, 226
 299
 Arlow · 14, 98, 135, 168
 Asch · 5, 135
 Ashmore · 94, 197, 207
 Augustinos · 10, 26, 50, 54
 Austin · 155
 Averill · 38, 41

B

Bachman · 250
 Bales · 253
 Baltes · 137
 Bandura · 19, 48, 50, 117,
 122, 133, 136, 137, 159,
 163, 164, 167, 209, 245,
 248, 253, 299
 Bauman · 199
 Baumeister · 9, 10, 11, 52,
 348
 Bavelas · 12, 229, 321, 348
 Becker · 113
 Bedny · 343, 348
 Bell · 9, 13, 30, 130, 144, 220,
 229, 297, 299, 343, 348,
 352, 358, 360
 Bem · 207
 Benedict · 283

Berkowitz · 14, 95
 Bhaskar · 30, 76, 220, 229
 Billig · 197, 199
 Binder · 244
 Bion · 175, 176
 Black · 39, 40
 Blackburn · 24, 56, 71, 139
 Blaikie · 328
 Blumer · 112, 113, 117, 118, 122,
 123, 224, 226
 Bochner · 16, 17, 47, 98, 104,
 145
 Bohm · 41
 Bohme · 94, 208, 345
 Bond · 20, 185, 216, 282, 283,
 285
 Bourdieu · 355
 Boyd · 24, 38, 39, 40, 94, 297, 345
 Bradley · 12, 300, 323
 Branigan · 13, 51, 334
 Brannigan · 24, 343
 Breitmayer · 229, 321, 322, 323
 Brennan · 15, 24, 30, 40, 44, 52,
 77, 207, 213
 Brinberg · 220, 343
 Bronfenbrenner · 355
 Brookfield · 9, 30, 137, 220, 352, 353
 Brown · 163, 255
 Bruner · 155
 Brunner · 38, 39
 Bryman · 325, 328
 Burman · 197, 287

C

Campbell · 15, 226, 237, 331
 308, 310, 322

Carruthers · 13, 50, 54, 59,
111, 126, 231, 322, 323

Carruthers · 19

Carruthers · 9, 10, 11, 54, 59

Carruthers · 11, 38

Carruthers · 113

Carruthers · 96, 125, 127

Carruthers · 11, 91, 95

Carruthers · 160, 161

Carruthers · 11

Carruthers · 11

Carruthers · 106

Carruthers · 11, 110

Carruthers · 11, 125, 126, 144,

107, 108, 229, 297,

100, 111, 339

Carruthers · 111, 112

Carruthers · 107

Carruthers · 10, 16, 34, 56,

107

Carruthers · 130, 101, 207,

100, 111, 229

Carruthers · 11

Carruthers · 10, 19, 10, 11

Carruthers · 101, 103

Carruthers · 104

Carruthers · 117

Carruthers · 115, 117

Carruthers · 10, 10, 117, 111,

111

Carruthers · 11, 10, 11, 111,

111, 111, 110, 150,

111, 111, 111

Carruthers · 107

Carruthers · 107

Carruthers · 110, 111

Carruthers · 110

Crouter · 137

Csikszentmihalyi · 87, 88, 93,
135, 136, 185, 186

D

Dallos · 24, 49, 297

Danziger · 38, 40, 43

Darden · 94, 98, 345, 346

Dardenne · 153, 154, 155, 156,
157

Davis · 207

De Mey · 10, 15, 54, 208

De Monbruen · 343

De Rosa · 134

Deaux · 100

Denzin · 226, 229, 297, 322

Dervin · 12, 19, 136, 224, 226,
229, 299, 313, 322, 327, 331

Dilthey · 224

Dodge · 149, 150

Doherty · 13, 51, 343

Dois · 20

Donaldson · 135, 136, 186, 187

Donnerstein · 14, 95

Dooley · 55, 224, 322

Dreyfus · 91

Dryden · 113, 179, 180, 182

Duck · 20, 39, 50

Duffy · 12, 299, 322, 324

Dunbar · 311

Dweck · 229

E

Ebbinghaus · 243

Eco · 106, 111

Edwards · 197

Epstein · 9

Ericsson · 258

Eron · 280
Eysenck · 206

F

Fadiman · 131, 207
Feldman · 38, 39
Feyerabend · 22, 100, 108,
152, 154, 226, 343,
352
Fiske · 15, 154, 156, 308, 310,
331, 349
Flick · 20, 229, 322, 337, 349,
351
Ford · 24, 34, 60
Foucault · 69, 290
Fraenkel · 232
Frager · 131, 207
Franklin · 15, 24, 44, 50, 51,
87, 94, 95, 96, 97, 98, 103,
104, 105, 106, 107, 112, 114,
117, 121, 123, 126, 130, 204,
205, 206, 207, 232
Fransella · 193
Fraser · 247
Freedman · 124, 247, 343
Freedman E.G. · 13, 40, 51,
94, 95, 124, 208, 334,
345, 346, 355
Freedman H. · 15, 344
Freeman · 9, 94, 95, 108, 345
Freese · 104
Freud · 171
Friedman · 206, 207, 209, 247,
345
Fromm · 28

G

Gadamer · 294, 353, 354
Gentner · 38, 40, 105, 106, 208
Gergen · 9, 44, 59, 65, 98,
225, 345
Gergen K.J. · 9, 11, 12, 18, 24,
26, 32, 43, 44, 45, 48, 49,
50, 52, 59, 82, 94, 98, 121,
125, 205, 297
Gergen M. M. · 50, 121, 192,
195, 207
Gergen M. M. · 9
Gergen M.M. · 12, 45, 136,
297, 299
Gholson · 13, 51, 355
Gilbert · 13, 40, 51, 124, 127, 220,
334, 343, 345
Glaser · 317, 327, 331, 337
Gleeson · 9, 213, 355
Godnow · 155
Gorman · 13, 51, 124, 334, 345
Graesser · 124
Graumann · 40, 44, 52, 77, 78, 213,
220
Green · 224
Greene · 48, 50, 54, 59, 231, 322, 323
Greenwood · 9, 26, 50
Grencavage · 10, 54, 56, 57, 59
Griggs · 13, 51, 334, 343, 345
Grunbaum · 171
Guba · 60
Guerriere · 16
Guidano · 192, 195, 196
Guttman · 273

H

Habermas · 65
Hall · 78, 230

J

Jahoda · 171
 James · 93, 135
 Jones · 12, 297, 322

K

Kahneman · 157
 Kaplan · 15, 95
 Kashima · 285
 Kauffmann · 137
 Kelley · 120
 Kelly · 108, 193, 194, 195, 277,
 278
 Kemper · 39
 Kendler · 40, 44, 52, 77
 Kenrick · 11, 18, 126, 144, 204, 208,
 207, 227, 229, 297, 299, 348,
 352
 Kern · 15, 98, 343
 Kilmann · 50, 59, 344
 Kincheloe · 9, 30, 50, 117, 220, 229,
 355
 Kline · 171
 Kockelmans · 23
 Korn · 24, 49, 51, 77, 133
 Krahe · 9, 78, 207
 Krawiec · 24
 Kuhn · 22, 95, 99, 100, 104, 139,
 140
 Kuo · 28
 Kvale · 9, 10, 12, 19, 20, 32, 50, 59,
 77, 78, 91, 98, 112, 130, 194,
 224, 226, 229, 295, 297,
 299

L

Lakatos · 117, 124

Laljee · 98
 Lamiell · 12, 20, 322
 Langenhove · 9, 11, 32, 52, 62,
 106, 224, 226, 297, 299,
 331, 345
 Lather · 32
 Latour · 49, 50, 334
 Lawler · 39
 Lazarus · 10, 54, 56, 57, 59
 Leahey · 15, 40, 44, 52, 77,
 213
 Leary · 40, 77, 188
 Lemer · 137
 Leslie · 280
 Levin · 39
 Levy · 30, 126, 136, 144, 152, 158,
 205, 220, 230, 297, 299,
 343, 348, 352, 359
 Lewin · 16, 93, 98, 152, 230
 Leyens · 154, 155, 156, 157
 Likert · 271, 272
 Lincoln · 226, 229, 297,
 322
 Linville · 156
 Liotti · 295
 Lipman · 220, 221
 Lispitt · 137
 Littlejohn · 9, 24, 26, 32,
 36, 50, 64, 65, 94,
 97, 100, 102, 124,
 129, 130, 205, 207
 Litwin · 188
 Loehlin · 206
 Louis · 311
 Lovlie · 32, 343
 Luckman · 84
 Luntley · 26, 52, 60
 Lyotard · 40, 69

M

Mady · 12, 322
 Magnusson · 9, 59, 137, 207
 Mahoney · 13, 51, 334, 336, 338,
 339, 342, 343, 351
 Mancnaghten · 292
 Manstead · 133, 134, 157, 213
 Maranhoe · 60, 350, 381
 Markowsky · 50, 94, 117
 Maruyama · 15, 50, 203
 Masling · 244, 343
 Maslow · 188
 May · 135, 209
 Maybin · 192, 209
 Mayer · 59, 101, 133
 McAdams · 50, 78, 125, 131, 133, 204,
 206, 208, 209
 McClelland · 9
 McClure · 9, 11, 15, 17, 20, 21, 22, 23,
 26, 50, 134, 143, 202, 204, 220,
 355
 McConnell · 244
 McCormac · 34, 39, 40, 72
 McDonagh · 13, 51, 334, 343
 McGrath · 229, 343
 McKiethen · 156
 McKinlay · 334, 343, 345
 McLaren · 9, 30, 50, 220, 355
 McPhee · 75, 146
 McReynolds · 38, 41
 Mead · 88, 93, 113, 117, 207, 254,
 283
 Metzner · 188
 Michael · 9, 11, 32, 52, 54, 106,
 165, 172, 189, 204, 297, 348
 Miell · 20, 49, 52, 59, 94, 120, 125,
 126, 133, 136, 188, 205, 252,
 297, 326
 Milgram · 247, 252

Klein · 3, 10, 334, 337
 Kline · 3, 11
 Klein · 1, 93, 343
 Kleinknecht · 10, 12, 19, 20, 49, 50,
 61, 72, 133, 143, 159, 164,
 165, 166, 167, 172, 185,
 200, 206, 208, 209, 229,
 292, 342

Mitchell · 1, 12, 126, 131, 136,
 143, 144, 203, 209

Mitchell · 342, 344

Mitchell · 10, 20, 39, 117,
 344

Mitchell · 344

Mitchell · 344

Mitchell · 344, 345, 300, 301

Mitchell · 1, 9, 20, 229, 322, 323,
 344, 345

Mitchell · 1, 13, 158,
 345

Mitchell · 24, 33, 224, 226,
 345

Mitchell · 345

Mitchell · 1, 10, 34, 124, 220,
 345, 346, 347

Mitchell · 347

Mitchell · 347

Mitchell · 1, 34, 344

Mitchell · 344

Mitchell · 344, 345, 346

Mitchell · 346, 347, 348

Mitchell · 348

Mitchell · 348

Mitchell · 1, 12, 126, 141,
 203, 204, 229

Mitchell · 203, 204, 229

Mitchell · 203, 204, 229

Mitchell · 203, 204, 229

Mitchell · 203, 204, 229

Mitchell · 203, 204, 229

Mitchell · 203, 204, 229

Nisbett · 20, 154, 343

Norcross · 10, 54, 56, 57, 59

O

O'Malley · 250

Orne · 244

Ortony · 38, 39, 40

Osgood · 152, 258, 273, 274, 279

Oskamp · 17, 125, 133

Overton · 11, 18, 24

Ozick · 40

P

Pandit · 50, 94, 224, 318, 320, 321,
 331

Park · 156

Parker · 9, 24, 31, 45, 60, 196, 197,
 198, 199, 201, 287, 288, 290,
 293, 355

Patton · 35, 254, 322

Peplau · 40

Perez · 20

Perls · 188

Peronne · 260

Pervin · 9, 10, 12, 20, 21, 35, 36, 50, 52,
 61, 78, 130, 131, 133, 134, 137,
 204, 205, 277

Phares · 160, 161

Pidgeon · 19, 20, 50, 112, 126, 143,
 205, 229, 297, 300, 304, 305,
 317

Pierce · 9

Plomin · 206

Polanyi · 17, 22, 32

Polkinghorne · 21, 26, 52, 67, 90, 92,
 128, 216, 296, 298, 299

Pollio · 41, 293, 296

Poole · 75, 146

Popper · 100, 171, 183
 Porac · 313
 Potter · 9, 17, 45, 62, 196, 197,
 198, 220, 286, 287, 343,
 345
 Premack A.J. · 9, 50
 Premack D. · 9, 50
 Pribram · 38, 41
 Psathas · 198
 Purkhard · 17
 Putnam · 60

R

Rahilly · 209
 Randsell · 13, 51, 334, 343,
 345
 Rassel · 31
 Reber · 38, 94, 129, 133, 139,
 346
 Reck · 34, 60
 Reese · 137
 Richer · 32
 Ricoeur · 169
 Ricouer · 38, 39, 294
 Robinson · 9
 Robson · 50, 51, 142, 224,
 226, 229, 231, 250, 252,
 297, 299, 322, 326
 Roceach · 104, 194
 Rogers K. · 22, 23
 Rogers R.S. · 9, 31, 170, 213,
 355
 Rogers T.B. · 52, 94
 Rogers W.S. · 9, 125, 213
 Rosch · 155
 Rosenberg · 229, 244
 Rosenthal · 238, 244

Rosenwald · 172, 322
 Rosnow · 238
 Ross · 20, 154, 343
 Rossman · 15, 56
 Rothbart · 155, 156
 Rotter · 159, 160, 161, 162, 163, 167,
 209
 Runyan · 172

S

Sackman · 312
 Sankey · 71, 73, 298
 Sapsford · 9, 12, 17, 20, 24, 48, 50,
 52, 59, 78, 82, 85, 86, 93, 94,
 119, 126, 136, 144, 204, 205,
 297, 299, 340, 341
 Sarason · 9
 Sarbin · 38
 Sartre · 184
 Schrag · 94, 95, 105, 106, 110
 Schrull · 208
 Schultz · 17, 125, 133, 151
 Schustack · 15, 206, 207, 209
 Schutz · 188, 351
 Secord · 23
 Sells · 12, 59, 229
 Shadish · 13, 51
 Shimada · 185, 285
 Shotter · 24, 45, 46, 47, 48, 52, 76, 77,
 192, 299, 322
 Siegel · 9, 26, 31, 52, 220, 355
 Sigelman · 135
 Sim · 216, 282, 306
 Simon · 258
 Simpson · 227, 247
 Sjöholm · 244

Amosch · 231, 300, 301
 Amoth · 33, 42
 Amoth I · 10 · 94, 95, 124
 Amoth P · 125
 Amoth P · 216, 282, 283,
 312
 Amoth P · 20
 Amoth I · 12, 59, 229
 Amosch · 40
 Amos · 60, 168, 169, 207,
 296
 Amos · 9, 50
 Amos · 133, 183, 184
 Amos · 59, 229
 Amos · 136
 Amos · 9, 12, 91, 352
 Amosch · 13, 144, 343
 Amosch · 311
 Amos · 236
 Amos · 9, 13, 355
 Amosch · 133, 157
 Amos · 9, 12, 20, 50, 52, 59,
 76, 20, 81, 83, 84, 94,
 106, 127, 128, 129, 130,
 167, 192, 193, 205, 206,
 209, 209, 207
 Amos · 12, 19, 50, 59, 94,
 95, 133, 136, 205,
 213, 207
 Amos · 211, 216, 297, 317,
 322, 331, 207
 Amos · 133, 137
 Amos · 131
 Amos · 110
 Amos · 9, 11, 20, 73, 101, 133,
 141, 190, 312, 355

T

Tailor · 154, 155, 156
 Tannenbaum · 152
 Tanzer · 216, 282, 306
 Taylor · 40, 133, 156, 163, 343
 Tesser · 50
 Thomas · 81, 173, 175, 208,
 312
 Thompson · 293, 295, 296, 331
 Thurstone · 271, 272
 Tice · 9, 11, 52, 348
 Toates · 206, 306
 Toulmin · 31, 76, 227, 343
 Tracy · 40
 Triandis · 20, 216, 217, 282, 283,
 284, 285
 Triplet · 239
 Tripp-Reimer · 12, 322
 Trout · 24, 297
 Tsourvakas · 322, 326
 Tversky · 157
 Tweney · 13, 51, 343

V

Valle · 179, 181
 Van Deurzen-Smith · 184
 Van Dijk · 9, 50, 200, 220, 229,
 286, 297, 345
 Van Geert · 105
 Van Hezewijk · 94, 105, 106
 Van Manen · 229
 Villarreal · 285
 Viney · 26, 34, 40, 44, 52, 72, 77, 78,
 133, 213
 Von Cranach · 349

W

- Walker · 10, 26, 50, 54
 Wallerstein · 172
 Watson · 15, 29, 151,
 162
 Weber · 171, 229, 244,
 343
 Weinstein · 9, 26, 31, 52,
 220, 221
 Wertheimer · 24, 27, 33,
 300
 Westbrook · 50, 51, 231
 Westen · 168, 170, 171, 173, 177,
 208, 331, 355
 Westly · 311
 Wetherell · 9, 12, 19, 20, 45, 50,
 59, 78, 79, 127, 130, 192,
 193, 196, 199, 205, 206,
 209, 231, 287, 297, 326,
 345
 Widdicombe · 288
 Wildemuth · 50, 60, 229, 231,
 300, 322
 Wilson · 56, 144
 Winter · 195, 196, 207,
 208
 Woolfe · 113, 133, 179, 180,
 182
 Woolgar · 334
 Word · 264
 Wright · 113
 Wyer · 208

Y

- Yanchuk · 10, 13, 48, 50, 54, 58,
 59, 149, 349, 359, 360
 Young · 226, 322

A

- Абульханова-Славская · 19, 50
 Адлер · 78, 336
 Адорно · 44
 Айзенк · 14, 140, 141
 Аллахвердян с соавт. · 123, 136, 205
 Аллахвердян с соавт. · 9, 11, 12, 13,
 19, 20, 21, 50, 55, 59, 98, 330,
 334, 335, 338, 340, 342, 343,
 355
 Андреева · 44, 52, 53, 133, 157, 205,
 348
 Асмолов · 210

Б

- Баннистер · 55, 229, 232, 277
 Баннистера · 226
 Басов · 53
 Бехтерев · 53, 239
 Библиер · 9, 19, 50, 52, 59, 72, 202,
 205, 335
 Блонский · 53
 Богомолова · 53
 Бодалев · 133, 135, 252, 265
 Боринг · 9
 Братусь · 334, 335
 Брунер · 339
 Брушлинский · 11
 Бурлачук · 14, 55, 226, 265

В

- Вартофский · 11, 13, 17, 26, 51, 355
 Вундта · 23, 151
 Выготский · 21, 53, 89, 93, 122
 Выготским · 93, 117

Г

Гастер · 13, 16, 17, 22, 26, 27,
28, 141, 229
Гастерин · 210
Гастерин · 210
Гастерин · 17, 22

Д

Давидов · 16, 144
Давидов · 229, 265, 331,
332, 338, 360
Давидов · 17, 136
Давидов · 22, 304
Давидов · 9, 11, 12, 13, 16, 19,
20, 21, 22, 47, 50, 59, 75,
100, 103, 144, 146, 214, 215,
216, 216, 297, 299, 334
Давидов · 11, 133

И

Иванов · 12, 19, 50, 52, 59, 78,
79, 144, 144, 203, 204, 206,
207, 207, 209
Иванов · 13, 226

К

Кави · 19, 20, 26, 50, 202, 226

Л

Лавин · 11, 133
Лавин · 11
Лавин · 60, 70
Лавин · 17, 22

Клайн · 15
Климов · 9, 10, 11, 16, 50, 55, 98,
224, 229, 297
Ковалев · 9, 50, 147, 202
Коломинский · 133, 274, 300
Копнин · 26
Коржова · 56, 265
Крипнер · 16, 47, 144, 226, 229
Кромби · 148
Куайн · 13, 17, 72, 75, 123, 343
Кудряшов · 11, 26
Кули · 207
Кун · 13, 17, 22, 123, 124
Кучинский · 60, 345

Л

Лаак · 55, 133, 265
Лаудан · 11, 17, 61, 334
Левин · 16, 89, 90
Лекторский · 336
Леонтьев · 53, 210
Лефевр · 17, 229
Линдсей · 12, 19, 50, 51, 52, 59, 78,
125, 131, 204, 206, 207, 208
Лук · 338
Лурья · 53

М

Магнуссон · 229
Майданов · 11, 26
Майерс · 125
Мамардашвили · 11, 13, 17, 26, 51,
226, 334
Маслоу · 207
Мейен · 74

Меркулов · 13, 17, 208, 334
 352, 355
 Мид · 207, 235
 Митькин · 12, 13, 19, 50, 59,
 334, 335
 Морозов · 14, 55, 226, 265
 Мошкова · 9

Н

Нисбетт · 11, 13, 37, 154
 Ньютон-Смит · 17

О

Ольвинская · 267

П

Патнем · 11
 Петровская · 53
 Петровский А.В. · 15, 210
 Петровский В.А. · 210
 Поппер · 44
 Портнов · 17
 Порус · 13, 17, 111, 334, 343, 352

Р

Рабинович · 13, 334, 343
 Реан · 21
 Рикёр · 13, 17, 47, 229
 Роджерс · 207
 Розенцвейг · 269
 Росс · 11, 13, 37, 154
 Рубинштейн · 53

С

Сартр · 23
 Сёкун · 14
 Семенов · 331, 352, 358

Славская · 47, 98
 Слободчиков · 19, 20, 26, 202,
 226
 Смирнова · 15
 Соколова · 55, 226, 267
 Степанов · 331, 352, 358
 Степин · 9, 11, 44, 123, 344, 361
 Столин · 55, 133, 252, 265
 Сухов · 55, 133, 210, 213, 265,
 348

Ф

Федоров · 144
 Фёдоров · 16
 Федотова · 334, 343
 Фејерабенд · 9, 13, 17, 44, 72, 73, 74,
 75, 78, 100, 140, 339, 341, 343,
 352,
 Франкл · 17, 229
 Франселла · 55, 226, 232, 277
 Фрейд · 26, 81, 168, 208, 268,
 336

Х

Хабермас · 44
 Хаксли · 340
 Хёйзинга · 16, 21, 144, 229
 Холл · 12, 19, 50, 52, 59, 78, 125, 131,
 204, 206, 207, 208
 Хоркхаймер · 44
 Хьелл · 12, 19, 50, 52, 59, 78, 79, 123,
 124, 131, 203, 204, 206, 207,
 208, 209, 226

Ч

Чайковский · 61, 74

Шевальерин - 55, 133, 226

Шенарев - 53, 348

Шенарев - 55, 226, 265, 274

Ш

Шевальерин - 354

Ш

Шенарев - 72

Шенарев - 78

Ш

Шенарев - 9, 12, 19, 20, 21, 50,

54, 55, 58, 59, 136, 202, 204,

226, 267, 297, 331

Шенарев - 9, 13, 14, 15, 52, 53,

62, 133, 204, 205, 206, 208, 267,

343, 345, 352, 358

Я

Янчук - 2, 9, 10, 12, 16, 19, 21, 50, 51,

54, 55, 58, 59, 136, 202, 204,

226, 267, 297, 331

Ярошевский - 9, 13, 14, 15, 52, 53,

62, 133, 204, 205, 206, 208, 267,

343, 345, 352, 358

1950 9-15 7

Научное издание

Янчук Владимир Александрович

МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОД
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ И ПЕРСОНОЛОГИИ:
ИНТЕГРАТИВНО-ЭКЛЕКТИЧЕСКИЙ
ПОДХОД

Монография

Компьютерный набор – В.А.Янчук
Верстка – В.В.Кофанов
Редактор – И.В.Николаева
Ответственный за выпуск – С.Л.Жукова

Подписано в печать 12.04.2000 г. Формат 60х84 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.изд.л. 24,88. Усл.п.л. 24,18.
Заказ 70 Тираж 500

2 0807
ПК ООО "Бестпринт". Лицензия ЛВ № 260 от 29.03.2000 г.

Отпечатано в типографии ПК ООО "Бестпринт"
220007, г.Минск, ул. Фабрициуса, д.5, к.1.